

ISSN: 3080-129X

eISSN: 3080-6860

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3>

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің

GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY

**L.N. Gumilyov
Eurasian National University**

**Евразийский национальный
университет имени Л.Н. Гумилева**

2026 T.156. No.3.

2025 жылдан бастап шығады

Founded in 2025

Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

Астана, 2026

Astana, 2026

Редакция алқасы

Бас редактор:

Альбина Жанбосинова, т.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Бас редактордың орынбасары – ғылыми редактор:

Ұлан Үмітқалиев – т.ғ.к., қ. профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес

Ерлан Сыдыков, т.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Дэйв Бхавна – PhD., профессор, Лондон университетінің Шығыс және Африка зерттеулер мектебі, Лондон, Ұлыбритания

Изабель Охайон – PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция

Петр Дашковский – д.и.н., профессор, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей

Саулеш Есенова – PhD., қ. проф., Калгари университеті, Калгари, Канада

Цзинчэн Ли – PhD, қ. профессор, Шэньчжэнь университета, Шэньчжэнь, Китай

Анатолий Наглер – PhD., профессор, Германия археологиялық институты, Берлин, Германия

Йовита Раду – PhD., профессор, Нью-Йорк университеті, Нью-Йорк, АҚШ

Редакциялық алқа:

Динара Гагарина – PhD., Эрланген Университеті, Нюрнберг, Германия

Роза Жаркынбаева – т.ғ.д., профессор, КазНУ им.аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Иванов – т.ғ.к., қ. профессор, Баласағынның Қырғыз ұлттық университеті, Бишкек, Кыргызстан

Роберт Киндлер – PhD., профессор, Шығыс Еуропа еркін университеті институты Берлин, Германия

Садакатсу Кунитакэ – PhD., профессор, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты, Нара, Жапония

Крейг Кэмпбелл – PhD, қ. профессор, антропология факультеті, Университет, Техас, Остин, США

Юлия Лысенко – т.ғ.д., профессор, Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул, Ресей

Жанна Мажитова – т.ғ.д., профессор, "Астана медицина университеті", Астана, Қазақстан

Халил Маслов – PhD, "Алаш" ғылыми-зерттеу институтының жетекші ғылыми қызметкері, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Ларюэль Марлен – PhD., профессор, Джордж Вашингтон университеті, Вашингтон, АҚШ

Лори Манчестер – PhD., қ. профессор Аризона Мемлекеттік Университеті, Темпе, АҚШ

Вячеслав Меньковский – т.ғ.д., профессор, Беларусь мемлекеттік университеті

Николо Пианчиола – PhD, профессор, Падуа университеті, Падуан, Италия

Жакен Таймагамбетов – т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі, Астана, Қазақстан

Томохико Уяма – д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Техникалық хатшы: Халил Маслов

Құрылтайшы және баспагер: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті КеАҚ
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 1995 жылы құрылған. Журналдың арнайы сайты: <https://jhistory.enu.kz>
Редакцияның мекен жайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қ. Сәтпаев к-сі, 2. E-mail: gj.history@enu.kz.

Қайта атау тарихы: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы.

Тарих ғылымдары. Философия. Дінтану – 1995-2024 жж.

Gumilyov Journal of History – 2025 ж.

Мерзімді баспа басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті қайта есепке алу туралы куәлік
№KZ41VPY00111229 2025 жылғы 31 қаңтарда ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің
Ақпарат комитеті тарапынан берілген

Editorial Board

Editor-in-Chief:

Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan

Deputy Editor-in-Chief – Scientific editor:

Ulan Umitkaliev – Candidate of Historical Sc., L.N. Gumilyov ENU, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:

Yerlan Sydykov, Doctor of Historical Sc., Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Davé Bhavna – Doctor of Philosophy, Professor, School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, United Kingdom

Isabelle Ohayon – Centre d'Etudes Russes, Caucasiennes, Est-Européennes et Centrasiatiques (CERCEC), Paris, France

Petr Dashkovskiy – Doctor of Historical Sc., Professor, Altai State University, Barnaul, Russia

Saulesh Yessenova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada

Jingcheng Li – PhD, Associate Professor, Shenzhen University, Shenzhen, China

Anatoli Nagler – Doctor of Philosophy, Professor Deutsches Archäologisches Institut Berlin, Germany

Ioviță Radu – PhD, Associate Professor, New York University, New York, United States

Editorial Board:

Dinara Gagarina – Doctor of Philosophy, University of Erlangen–Nuremberg, Germany

Roza Zharkynbayeva – Doctor of Historical Sc., Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergey Ivanov – Candidate of Historical Sc., Associate Professor, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Robert Kindler – Doctor of Philosophy, Professor, East European history at Freie Universität Berlin, Germany

Sadakatsu Kunitake – PhD, Associate Professor, Nara National Institute for Cultural Properties, Nara City, Japan

Craig Campbell – PhD, Ass. Professor, Department of Anthropology, The University of Texas at Austin, USA

Yuliya Lysenko – Doctor of Historical Sc., Professor, Altai State University, Barnaul, Russia

Zhanna Mazhitova – Doctor of Historical Sc., Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan

Khalil Maslov, PhD, Leading Researcher, Alash Research Institute, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Laruelle Marlene – PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA

Laurie Manchester – PhD, Associate Professor, Arizona State University, Tempe, USA

Viachaslau Menkovsky – Doctor of Historical Sc., Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Niccolò Pianciola – PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy

Zhaken Taimagambetov – Doctor of Historical Sc., Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Uyama Tomohiko – Doctor of Philosophy, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Khalil Maslov

Founder and publisher: Non-profit joint-stock company L.N. Gumilyov Eurasian National University

Frequency: 4 times a year. Founded in 1995. Official website of the journal: <https://jhistory.enu.kz>

Address of the editorial office: 010008, Kazakhstan, Astana, K. Satpayev str., 2. E-mail: gj.history@enu.kz.

The history of renaming: Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences.
Philosophy. Religious Studies – 1995-2024 rr.
Gumilyov Journal of History – since 2025.

Certificate of re-registration for Periodical Print Publication and/or News Agency No. KZ41VPY00111229,
issued on January 31, 2025, by the Information Committee of the Ministry of Culture and Information
of the Republic of Kazakhstan.

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан,

Заместитель главного редактора – научный редактор:

Улан Умиткалиев – к.ист.н., асс. профессор, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан,

Международный консультативный совет:

Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Дэйв Бхавна – PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания

Изабель Охайон – PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция

Петр Дашковский – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Саулеш Есенова – PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада

Цзинчэн Ли – PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь

Анатолий Наглер – PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия

Йовита Радуга – PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Редакционная коллегия:

Динара Гагарина – PhD., Университет Эрлангена, Нюрнберг, Германия

Роза Жаркынбаева – д.и.н., профессор, КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Иванов – к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек

Роберт Киндлер – PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин

Садакатсу Кунитакэ – PhD., профессор, Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей Нара, Япония

Крейг Кэмпбелл – PhD, асс. профессор, факультет антропологии, Университет Техас, Остин, США

Юлия Лысенко – д.и.н., профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Жанна Мажитова – д.и.н., профессор, Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан

Халил Маслов – PhD, ведущий научный сотрудник НИИ "Алаш", ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Лори Манчестер – PhD., асс. профессор Аризонского Государственного Университета, Темпе, США

Вячеслав Меньковский – д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Марлен Ларюэль – PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США

Николо Пианчиола – PhD, профессор, Падуанский университет, Падуан, Италия

Жакен Таймагамбетов – д.и.н., профессор, академик НАН РК, Астана, Казахстан

Томохико Уяма – д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь Халил Маслов

Учредитель и издатель: НАО Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Периодичность: 4 раза в год. Год основания 1995. Официальный сайт журнала: <https://jhistory.enu.kz>

Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2. E-mail: gj.history@enu.kz

История переименований: Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева.

Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение – 1995-2024 гг.

Gumilyov Journal of History – с 2025 года.

Свидетельство о постановке переучета периодического печатного издания и (или) информационного агентства № KZ41VPY00111229 от 31.01.2025 г. выдано Комитетом информации Министерства культуры и информации РК.

CONTENT

ARCHEOLOGY

K. Akhmetzhan (Astana, Kazakhstan)

Ancient Turkic Battle Banner "Urungu" (in Russian)..... 7

L. Turganbayeva (Astana, Kazakhstan)

To the study of artistic metal of the Kimaks (in Russian)..... 34

WORLD HISTORY

B. Alimdzhанov (Tashkent, Uzbekistan)

History of the Main Operations of the Verny Branch of the Russo-Asiatic Commercial Bank (in English)..... 52

A. Kylychev, T. Abdyrakhmanov, J. Omurova (Bishkek, Kyrgyzstan)

The historical development of the Organization of Turkic States: stages of integration, problems, and prospects (in English)..... 66

Yu. Shabaev (Syktyvkar, Russia)

Russian regionalism in XXI century: Siberian and Pomor cases (in English)..... 81

DOMESTIC HISTORY

E. Abil, A. Kuzembayuly (Astana, Kazakhstan)

Stadial and Local Variants of the Great Steppe Civilization (in Russian)..... 96

Z. Ilyassova, N. Atygayev (Almaty, Kazakhstan)

Some sources of Kurbangali Khalidi's work "Tawarikh-i khamsa-i sharqi" (in Kazakh)..... 115

A. Kamalov (Almaty, Kazakhstan), S. Kozhirova (Astana, Kazakhstan)

Chinese sources on early medieval history of Kazakhstan: repertoire and traits of information (in Russian)..... 139

O. Mukhatova (Almaty, Kazakhstan)

Modern domestic historiography of the history of foreign policy of the Kazakh khanate in the XVII-XVIII centuries (in Kazakh)..... 161

S. Sabyr (Almaty, Kazakhstan)

Construction of the Image of a Muslim Woman on the Pages of the Newspaper "Terjiman" (1883-1890) (in Russian)..... 179

P. Shablei (Kostanai, Kazakhstan), Zh. Nurbayev (Astana, Kazakhstan)

The Tatar magazine "Gasr al-Jadid" and the Muslims of the Steppe region at the beginning of 20th century (in Russian)..... 202

REVIEW

G. Zhumatay, A. Yskak (Almaty, Kazakhstan)

Nomads and the Rise of Eurasian Empires and Civilizations (a review of the monograph by Kenneth W. Harl. Empires of the Steppes: The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation. London: Bloomsbury Publishing, 2023) (in English)..... 223

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

К. Ахметжан (Астана, Қазақстан) Древнетюркское боевое знамя "урунгу"	7
Л. Турганбаева (Астана, Қазақстан) К изучению художественного металла кимаков	34

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В. Alimdzhанov (Tashkent, Uzbekistan) History of the Main Operations of the Verny Branch of the Russo-Asiatic Commercial Bank.....	52
А. Kylychev, Т. Abdyrakhmanov, J. Omurova (Bishkek, Kyrgyzstan) The historical development of the Organization of Turkic States: stages of integration, problems, and prospects.....	66
Ю. Шабает (Syktyvkar, Russia) Russian regionalism in XXI century: Siberian and Pomor cases.....	81

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Е. Абиь, А. Кузембайулы (Астана, Қазақстан) Стадиальные и локальные варианты Цивилизации Великой Степи.....	96
З. Ильясова, Н. Атыгаев (Алматы, Қазақстан) Құрбанғали Халидидің “Тауарих-и хамса-и шарқи” еңбегінің кейбір дереккөздері.....	115
А. Камалов (Алматы, Қазақстан), С. Кожирова (Астана, Қазақстан) Китайские источники по раннесредневековой истории Казахстана: репертуар и особенности информации.....	139
О. Мұхатова (Алматы, Қазақстан) XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының заманауи отандық тарихнамасы.....	161
С. Сабыр (Алматы, Қазақстан) Конструирование образа мусульманской женщины на страницах газеты “Терджиман” 1883-1890гг.....	179
П. Шаблей (Кустанай, Қазақстан), Ж. Нурбаев (Астана, Қазақстан) Татарский журнал “Гаср ал-Джадид” и мусульмане Степного края в начале XX века.....	202

СЫН-ПІКІР – РЕЦЕНЗИЯ

G. Zhumatay, A. Yskak (Almaty, Kazakhstan) Nomads and the Rise of Eurasian Empires and Civilizations (a review of the monograph by Kenneth W. Harl. Empires of the Steppes: The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation. London: Bloomsbury Publishing, 2023)	223
--	-----

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.20.00, 03.81.27

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-1>

Ancient Turkic Battle Banner "Urungu"

K. Akhmetzhan✉^{ORCID}

Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan

✉kaliolla1@yahoo.com

Abstract. This article explores the ancient Turkic banner "urungu" ("khorugv" or "gonfalon" type of banner) as a distinct form of military insignia among Turkic-Mongol peoples. On this type of military banner, the fly is attached to a horizontal crossbar, which hangs from the flagshaft. Depictions of such banners are often found on ancient Turkic monuments of art. The features of this type of military attribute in ancient Turkic culture have not yet been comprehensively examined in academic research, making this topic particularly relevant for the study of military insignia among medieval nomads. This study aims to investigate the use of this form of military banner during the ancient Turkic period. The subject of the research is the specific types and structural features of the urungu standard. Unfortunately, no physical examples of urungu banners from the ancient Turkic period have survived. Written sources on this type of military insignia among the Turks are also very limited. Therefore, the primary sources for this study are visual materials – foremost among them, artistic monuments created by the Turks and other Turkic-speaking tribes, as well as images of similar battle and religious banners from other Eastern and Western cultures. These include rock carvings, wall graffiti, images on numismatic and heraldic materials, as well as mural paintings of various kinds. Additional sources included written accounts, archaeological evidence, and material artifacts. The study also draws on previous research and publications related to petroglyphs of medieval nomads, which depict this type of banner. To determine the function, specific forms, and methods of use of this symbolic object, comparative data from analogous military insignia of other peoples were also employed. The research applies both general scientific and specialized methods from the fields of history and art history. Through comparison and correlation with similar materials and sources, the study identifies shared features, distinctive traits, and unique aspects of this particular form of ancient Turkic military insignia. The classification of urungu images into distinct types based on visual similarity follows a typological methodology. As a result of this comprehensive analysis, the study reconstructs various forms and types of this nomadic military symbol, examines their geographic distribution, and traces the history of their application. The findings contribute to a deeper understanding of the system of military symbolism among nomads and shed light on the functional specifics of these banners.

Keywords: military attributes; battle banner; standard; "urungu" banner; system of military insignia; military standard

For citation: Akhmetzhan K. Ancient Turkic Battle Banner "Urungu". *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.7-33. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-1>

Funding. The article was prepared within the framework of the fundamental scientific research program "Archaeological Science of Kazakhstan: analysis of the current state, problems and development prospects" of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2026-2028 (IRN: BR31714853).

Көне түркілердің әскери туы "урунгу"

Қ. Ахметжан

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада ежелгі түркілердің әскери рәміздерінің ерекше түрі ретінде "урунгу" туы (хоругвь) зерттеледі. Әскери тудың бұл нұсқасында оның желегі сабына көлденең таяқша арқылы горизонталь бекітілген. Мұндай тулардың әртүрлі бейнелерін көне түркі өнер ескерткіштерінде жиі кездестіруге болады. Ежелгі түріктердің әскери атрибутикасының осы түрінің ерекшеліктері осы уақытқа дейін ғылыми еңбектерде мүлде қарастырылмай келді, бұл орта ғасырдағы көшпелілердің әскери рәміздері жүйесін зерделеу үшін осы тақырыптың өзектілігін көрсетеді. Сондықтан көне түркі кезеңінде әскери тудың осы түрінің қолданылуын саралау зерттеудің мақсаты ретінде алынды. Зерттеу нысаны ретінде түрлі кезеңдерде көшпелі түркі-моңғол халықтары пайдаланған "урунгу" туының нақты түрлері мен пішіндері қарастырылған. Өкінішке орай, түркі кезеңіндегі "урунгу" туының бізге жеткен заттық нұсқалары жоқ. Жазба деректердің мәліметтері де өте аз. Сол себепті бұл тақырыпты зерттеу үшін пайдаланылған дереккөздердің негізі – бейнелік материалдар, ең алдымен түріктердің өздерінің және басқа түркі тілдес тайпалардың өнер ескерткіштері, сондай-ақ басқа шығыс және батыс халықтарының осыған ұқсас әскери және діни туларының бейнелері. Бейнелік материалдардың қолданылған түрлері: тастағы суреттер; тамдар қабырғаларындағы графиттилер; геральдика, нумизматика материалдары және архитектуралық ғимараттардағы әртүрлі сипаттағы қабырға нақыштары. Қосымша дереккөздер ретінде жазба ескерткіштердің мәліметтері, түрлі археологиялық және заттық артефактілер қолданылды. Жұмыс барысында әртүрлі авторлардың ортағасырлық көшпелілердің осы тудың бейнелері бар тастағы суреттеріне арналған ғылыми зерттеулері мен түрлі ғылыми басылымдарда жарияланған еңбектері де пайдаланылды. Әскери символиканың осы түрінің қызметін, нақтылы формаларын мен конструкцияларын анықтау үшін, басқа халықтардың осындай әскери белгілеріне қатысты мәліметтерге де сүйендік. Зерттеуге тарих және өнертану ғылымының жалпы және арнаулы әдістемелері негіз болды. Ұқсас үлгілермен, аналогтық деректік материалдармен салыстыра және салғастыра зерттеу көне түркілік әскери символиканың қарастырылып отырған түрінің басқа рәміздермен ортақ сипаттарын, олардан айырмашылықтарын және өзіндік ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. "Урунгу" туының бейнелерін сыртқы белгілерінің ортақтығы негізінде жекелеген типтерге реттеу және талдау процедурасына типологиялық жіктеу әдісі арқау болды. Әртүрлі дереккөздерден алынған барлық мәліметтерді осылайша тереңдеп талдау барысында зерттеуде көшпелілердің әскери символикасының осы түрінің бірнеше типтері мен формалары қалпына келтіріліп, оның таралу аймақтары мен қолданылу тарихы қарастырылады. Бұл әскери рәміз түрлі қызмет атқарды: билеушінің жеке штандарты, киелі әскери ту, қағанның тарапынан әскербасыларға жауынгерлік қызметі үшін берілетін ерекше айыру белгісі және осындай әскери жетекшілердің лауазымдық белгісі ретінде қолданылды. Зерттеу нәтижелері көшпелілердің әскери рәміздер жүйесі туралы түсінігімізді кеңейтіп, оның қолдану ерекшелігін тануға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: әскери атрибутика; жауынгерлік ту; хоругвь; "урунгу" туы; әскери рәміздер жүйесі; әскери штандарт

Древнетюркское боевое знамя "урунгу"

К. Ахметжан

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье исследуется знамя "урунгу" (хоругвь) как особый вид древнетюркской воинской символики. На этом виде военного знамени полотнище крепилось к древку горизонтально, через поперечную перекладину. Изображения подобных знамен часто встречаются на древнетюркских памятниках искусства. Особенности данного вида военной атрибутики древних тюрков до сих пор не рассматривались в научных исследованиях, что определяет актуальность данной темы для изучения системы воинских символов средневековых кочевников. Поэтому целью данного исследования стало изучение использования в древнетюркский период этого вида военного знамени. Предметом исследования являются конкретные типы и формы знамени "урунгу", их конструктивные особенности. К сожалению, реальные образцы знамен "урунгу" древнетюркского периода до нас не дошли. Сведения письменных источников о таком виде военного знамени тюрков также весьма скудны. Поэтому для изучения этой темы как источники использовались изобразительные материалы, в первую очередь, памятники искусства самих тюрков и других тюркоязычных племен, а также изображения боевого и религиозного знамени аналогичного вида других восточных и западных народов. Это и наскальные рисунки, граффити на стенах, изображения на материалах нумизматики, геральдики и настенные росписи различного характера. Дополнительными источниками служили сведения из письменных источников, археологические и вещественные артефакты. Для работы использовались исследования и публикации различных авторов по наскальным изображениям средневековых кочевников, где были рисунки этого вида знамени. Для определения назначения этого вида военной символики, уточнения конкретных форм, способов их применения, использовались также сведения по аналогичным военным значкам различных народов. Исследование опиралось на общенаучные и специальные методики исторической и искусствоведческой науки. На основе сопоставления, сравнения со сходными примерами, с аналогичными источниковыми материалами удалось установить общие черты, различия и единичные особенности рассматриваемого вида древнетюркской военной символики. Процедура анализа и упорядочения изображений знамени "урунгу" по определенным типам на основе общности внешних признаков основывалось на методе типологической классификации. На основе такого комплексного анализа всех данных, полученных из разных источников, в исследовании реконструируются различные типы и формы этого вида кочевой военной атрибутики, рассматриваются ареалы его распространения и история его применения. Он выполнял разнообразные функции: служил царским штандартом; священным боевым знаменем; особым знаком отличия, вручаемым каганом военным предводителям за их воинские заслуги; а также должностным знаком таких предводителей. Результаты, полученные в ходе исследования, расширяют наши представления о системе воинской символики кочевников и позволяют лучше понять особенности его функционирования.

Ключевые слова: военная атрибутика; боевое знамя; хоругвь; знамя "урунгу"; система военных символов; военный штандарт

Для цитирования: Ахметжан К. Древнетюркское боевое знамя "урунгу". *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, №3, с.7-33. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-1>

Финансирование. Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований "Археологическая наука Казахстана: анализ состояния, проблемы и перспективы

развития" Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2026-2028 годы (IRN: BR31714853).

Введение

Военная символика древних тюрков как сложная система воинских атрибутов и символов включала разнообразные виды военных знамен, отличающиеся формой и способом их использования. Основным видом военных знаков у кочевых народов были знамена с прямоугольными полотнищами, закрепленные на древке вертикально (Окладников 1951: 148-149). Знамя такого вида на тюркском языке называется "туг/ту" и встречается в текстах древнетюркских памятников рунической письменности и часто изображается на наскальных рисунках и граффити, в мелкой пластике тюркского периода (Дмитриев 2002: 45; Ахметжан 2024: 67).

Видимо, у древних тюрков знамя такого вида с вертикальными полотнищами разной формы (с хвостами, косицами) также было символом военной власти каганов, правителей племен разного уровня, предводителей больших войск (Ахметжан 2024: 70). Как свидетельствуют письменные и устные источники, такие знамена также вручались правителями начальникам войсковых соединений, а также знатым воинам за выдающиеся воинские подвиги. Например, в тексте на древнетюркском памятнике Уйбат-I (VIII-IX вв.) говорится: "ердем учун туг бермиш", что переводится как "за воинскую доблесть вручил знамя" (Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері, II том 2005: 185). А также в надписи на древнетюркском памятнике "Тэвш уулын" упоминается некий Йагыз Чор (VII-VIII вв.), держатель знамени и трубы – "тугчы бургучи" (Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері, II том 2005: 154; Ахметжан 2024: 68-69). В связи с этим у древних тюрков существовали воинские титулы: *туглу/туглюк* – "обладатель знамени", *"тугши/тугчы"* держатель знамени (Дмитриев 2001: 92; 2002: 45).

Но особым видом военных знамен древних тюрков был боевое знамя, полотнище которого крепилось к древку горизонтально, через поперечную перекладину. Такие знамена часто изображаются на памятниках искусства древнетюркского времени. Исследователями данная военная символика до сих пор не рассматривалась как отдельный вид древнетюркских воинских знамен, поэтому в научных исследованиях она до сих пор не была описана и не изучена.

Целью данного исследования является изучение истории применения именно этого вида военной символики в древнетюркский период. В соответствии с этой целью предметом исследования стали конкретные типы и формы этого вида знамени, их конструктивные особенности. В данной работе мы попытаемся подобно рассмотреть эти вопросы, найти их решения и в какой-то мере заполнить существующий пробел в изучении этой научной проблемы.

Материалы и методы исследования

К сожалению, реальные образцы знамен "урунгу" древнетюркского периода до нас не дошли. Сведения письменных источников о таком виде военного знамени тюрков весьма скудны. Поэтому для реконструкции видов и форм этого рода воинской символики средневековых тюрков мы можем опираться, в основном, на изобразительные

источники. Как исторический материал для изучения этой темы нами использовались, в первую очередь, их различные изображения на памятниках искусства древних и средневековых кочевников, самих тюрков и других тюркоязычных племен, а также изображения аналогичных знамен боевого и религиозного характера других восточных и западных народов разного времени.

Это и наскальные рисунки, граффити на стенах, изображения на материалах нумизматики и настенные росписи различного характера. Для работы использовались исследования и публикации различных авторов по наскальным рисункам средневековых кочевников, где были изображения этого вида знамени (Окладников 1951; Окладников, Запорожская 1959; Медоев 1979; Максимова и др. 1985; Марьяшев, Рогожинский 1991; Маргулан 2003; Худяков 2005; Нефедкин 2011; Самашев 1992, 2012, 2013; Мухарева и др. 2018; Бобров-Сосновский 2019). Использовались также публикации по настенным росписям пещерных буддийских храмов предтюркского времени Восточного Туркестана (Le Coq 1925; Grünwedel 1920). Для определения назначения этого вида военной символики, уточнения конкретных форм, способов их применения использовались также сведения по аналогичным военным значкам различных народов (Иванов 1971; Winder 1989; Бейхайм 1995; Фоли 1997; Коннолли 2000; Шевяков 2002; Вейс 2006; Casamayor 2013; Бойцов 2013).

Дополнительными источниками послужили археологические и вещественные артефакты, а также сведения из письменной литературы, лингвистические материалы (Die Reliefs der Traianssäule 1896; Даль 1909; Меховский 1936; Руденко 1962; Кызласов 1965; Фасмер 1987; Istvánovits 2001; Кормушин 2008; Długosz 2009; Хохлов 2012; Древнетюркский словарь 2016).

Исследование опиралось на общенаучные и специальные методики исторической и искусствоведческой науки. На основе сопоставления, сравнения со сходными примерами, с аналогичными источниковыми материалами удалось установить общие черты, различия и единичные особенности рассматриваемого вида древнетюркской военной символики. А также понять закономерности, связанные с его формами, конструкциями и функциями. Процедура анализа и упорядочения изображений знамени "урунгу" по определенным типам на основе общности внешних признаков основывалась на методе типологической классификации. Основными принципами исследования были принципы историзма, объективности, системности. Всесторонний и углубленный анализ всех полученных данных из разных источников дал возможность определить различные типы и формы этого вида военной символики, установить регионы его распространения и историю его применения.

Литературный обзор

К настоящему времени ряд проблем, связанные с системой военной символики средневековых кочевников, разрабатывались в некоторых изданиях и публикациях (Окладников 1951; Окладников, Запорожская 1959; Дмитриев 2001; 2002; Советова, Мухарева 2005; Худяков 2005; Самашев 1992; 2013; и др.). Комплекс вопросов культового и ритуального значения знамени у тюрко-монгольских народов, его религиозном значении, использовании в погребальном обряде освещены в работах А.П. Окладникова. Он отмечает, что культ знамени связан с верой в обитающего в нем духа-покровителя племени, обеспечивающего существование племени. Монголы называли это *сүлдэ*. Знамя

также было символом и атрибутом власти вождя и достоинства его титула. Обладание знаменем был признаком общеплеменной власти и господства вождя (Окладников 1951: 150-154; Окладников, Запорожская 1959: 109-129). С.В. Дмитриев в своих работах рассматривает роль знамени в военно-политической культуре кочевников Центральной Азии, его значение в системе оформления власти, обозначение военно-политических отношений. Он исследует некоторые вопросы терминологии и морфологии знаменного комплекса, изменение их форм, анализирует значение названия "туг" и "бунчук" (Дмитриев 2001). Статья О.Советовой и А.Мухаревой посвящена вопросам использования знамен в системе военной коммуникации в военном деле средневековых кочевников, применению знамен для организации действия армий, для обозначения частей войска и боевого порядка (Советова, Мухарева 2005: 96, 102-103). Знамя как вместилище духа-покровителя племени, как символ единства народа, роль знамени в погребально-культовой практике, цвето-символика знамени и др. вопросы рассмотрены также и З. Самашевым (Самашев 1992: 206-211). На основе анализа наскальных изображений З. Самашев в своей книге выделяет несколько видов военной символики тюркского периода: военные значки с прямоугольным полотнищем, прикрепленным к шесту, относит к знамени туг, воинские значки с прямоугольными полотнищами с косицами и откосами считает флагами. Подвешенные к шесту рамчатые фигуры называет штандартами, служившими сакральными символами воинских подразделений или знаками полководческого ранга. Четвертым видом воинской символики тюркского времени считает бунчуки - пучки конского волоса на древке (Самашев 1992: 174-177). Ю. Худяков в своей статье, также анализируя петроглифы тюрков и кыргызов, разделяет такую классификацию тюркской военной символики З. Самашева. Он также относит к числу штандартов значки с полотнищами, имеющие две или три косицы, и не крепившиеся непосредственно к древку, а соединенные с ним с помощью шнура. Ю. Худяков предполагает, что у таких штандартов была поперечная перекладина, на которой подвешивалось полотнище (Худяков 2005: 360,361).

Но с таким определением значения термина "штандарт" трудно согласиться. В исследованиях штандартом называются разные виды воинской символики: военные значки без полотнищ, только с металлическими навершиями; даже само навершие знаменного комплекса (Советова, Мухарева 2005: 92); и знамена с матерчатым полотнищем разной формы и разным способом крепления. Значение термина "штандарт" указывает не на форму военной символики, а на его назначение и применение. Поэтому мы считаем, что тюркский военный значок с полотнищем разного типа, подвешенным к древку через поперечную перекладину, названные вышеуказанными авторами штандартом, является хоругвием "урунгу", который служил и военным, и религиозным знаменем, и также персональным знаком власти правителя или полководца. Однако вопросам изучения конкретных типов и форм этого вида тюркской символики, их типологическому и морфологическому анализу в научных работах по военной символике тюрков почти не было уделено достаточного внимания.

Исследованию системы военной символики древних тюрков была посвящена также и наша статья "Военная символика древних тюрков (по изобразительным источникам)" (Ахметжан 2024). Но и в этой работе древнетюркское знамя "урунгу" также не рассматривалось, оно было оставлено нами как тема отдельной статьи. Поэтому данное исследование является продолжением темы этой предыдущей статьи о системе военной символики древних тюрков. Изображения знамени, полотнище которого крепился к древку поперек, горизонтально, свободно висящим на поперечной рейке, встречается

немало на тюркских петроглифах, что свидетельствует о широком его распространении. Средневековые тюркские племена использовали такие знамена с полотнищами разной формы и разного типа. Военный знак подобного рода был, вероятно, особо сакральным военным атрибутом. Такое знамя на русском языке назывался "хоругвь", что означало "знамя", "стяг". В русском языке словом хоругвь обозначалось военное и религиозное знамя с горизонтальным креплением полотнища к древку через поперечную перекладину. Такой вид знамени использовался и у других народов.

Этимология и происхождение слова "хоругвь" до сих пор вызывает споры и окончательно не решена. Выдвигаются различные идеи о происхождении этой заимствованной лексики. Многие известные ученые-филологи, лингвисты считали его тюрко-монгольским заимствованием. На тюрко-монгольском языке это слово звучало как "хоронгу", "оронгу" (horongy, orongo, orunga, калм. ornga) и означало "военный знак", "боевое знамя" (Даль т. 4, 1909: 1224; Ramstedt 1935: 289; Фасмер т. 4, 1987: 268-269; Словарь тюркизмов в русском языке 1976: 367). М. Фасмер считал, что (судя по наличию х-) древнее *хорогу*, *хорогъве* было заимствовано через тюркский из монгольского *orungo*, *orunga* (калмыцкое *orŋge*) означающее "знак, знамя" (Фасмер т.4, 1987: 268-269). Г. Рамстедт также переводит калмыцкое *orŋge* на русский как знак, знамя и как хоругвь (Ramstedt 1935: 289). По мнению П.М. Мелиоранского, первоначальной формой этого слова был "*chorongy*" и прототипом его является монгольское "*orongo*" (знамя), которое диалектически на древнемонгольском произносилось "*horongo*", с придыханием *h* (Мелиоранский 1902: 23). Н. Поппе-младший пишет, что слово хоругвь является алтайским (тюркским) заимствованием, в конечном счете, монгольского происхождения, и что это название встречается не только в "Слове о полку Игореве", но и в "Задонщине" (Поппе-младший 2004: 160). По предположению К. Менгеса, это слово было заимствовано в середине VI в., и покоренным славянам его могли принести монголоязычные авары. В некоторых древнемонгольских диалектах существовало начальное *h*-, которое в XIII-XIV вв. полностью исчезло. В праславянском же древнемонгольское *h*- было замещено на *х*- (Менгес 1979: 157-166). Существовавшие в старинном русском языке варианты слово "хоругвь" как "хорунка", "хоругу", "корогва", "корогвь", возможно, являются использованием их в первоначальном, заимствованном варианте от "*horongo*". В древнерусский язык это слово, видимо, перешло с самим воинским атрибутом, которое оно обозначает.

Но другие исследователи придерживаются мнения о западном происхождении слова хоругвь. А. Гаврилов, отрицая монгольскую версию, считает, что русская, в целом восточнославянская лексема хоругвь (*хороугы*, *хороугъвь*, *хороуговъ*, *хорюговъ*, *хороугва*, *хорюгва*, *хероугва*, *херюгва*, *корогва*) (Даль) имеет германское происхождение, от прагерманского **khrungo* со значением "жезл, шест" или от готского *hrugga*, означающее "посох, палка" (Гаврилов 2020: 5). Хотя в свое время М. Фасмер сомневался в произведении хоругвь из готского *hrugga*, балканско-германское *hrunga* (Фасмер т. 4, 1987: 269).

Оставляя окончательное решение этого вопроса специалистам в области лингвистики, мы придерживаемся мнения, что слова "орунгу/урунгу", по созвучию и по смыслу послужившим прототипом русскому слову хоругвь, является названием тюркского знамени с прямоугольным полотнищем, горизонтально подвешанным на древке через поперечную перекладину, аналогично хоругвию.

На древнетюркских рунических письменных памятниках это название встречается в варианте "орунгу/урунгу (*огиѣи/иѣиѣи*)", обозначая знамя/штандарт (Древнетюркский словарь 2016: 395, 653). В значении военного штандарта и титула его обладателя, "урунгу" упоминается в текстах енисейских рунических памятников, найденных в долине р. Элегест.

Исследователи относят эти памятники к "древнекыргызскому" периоду. В тексте енисейского рунического памятника E10 (Элегест 1) говорится:

(5) körtlä qan al uruŋu altunlïy kăš ägnin jütim bāldā banīm toquz sākizon jašim

(6) uruŋu külig toq bogū tärkän-ä qaŋim bāg ärdäm üčün birlä bardï

(5) От Кертле-хана вручен (мне) алый штандарт *урунгу* и повязан на поясе украшенный золотом колчан. Мой возраст – семьдесят девять лет.

(6) Мой отец-бек, который был *урунгу*, славным, обильным и мудрым правителем области, тоже покинул (этот мир) из-за доблести. (Кызласов 1965: 105; Кормушин 2008: 100-102, 303-305).

В этих текстах слово "*урунгу*" обозначает особый знак отличия, получаемый от кагана за воинские заслуги, а также используется как звание, титул, должность знатного военного предводителя (штандартоносца). Например, *урунгу* как дополнительный титул начальник округа *чигши* встречается также в тексте енисейского рунического памятника E-70 (Элегест IV или Памятник Ир-Холь, Тува):

(1) külig čigši uruŋu čigši ilimkä...

(1) [Я-] знаменитый *чигши*, *урунгу-чигши*, ради моего государства... (Кызласов 1965: 105; Кормушин 1997: 177,179; 2008: 155).

Упоминание в этих текстах алого цвета *урунгу* свидетельствует, что это было знамя, вручаемое каганом в виде знака отличия и должностного знака. Получивший этот знак получал титул *урунгу* или *урунгучи* – держатель штандарта (подобно *тугчи* – держателю знамени *туг*). В тексте памятника древнетюркской рунической письменности E-32 (Уйбат III) *урунгучи* обозначает должность носителя *урунгу*:

(12) uruŋusï ärtim inanču ärtim

(12) Я был у него штандарто(носцем), я был доверенным (советником) (Кормушин 1997: 111, 113-116).

Таким образом *урунгу* был особым видом военного знамени, вручаемый каганом за воинские заслуги, и должностным знаком военного предводителя, носителя этого знака. Какой была форма и конструкция этого воинского знака, мы можем понять, изучая *хоругви* других народов, аналогичные знамена предтюркских кочевых племен и его изображения на древнетюркских памятниках искусства.

В Древней Руси *хоругвь* вначале являлся боевым знаменем, но со временем стал использоваться только как церковное, религиозное знамя, которое выносилось на крестных шествиях. Полотнище его крепилось на поперечной рейке и привязывалось к длинному древку, увенчанном крестом, в нижней кромке полотнища имелись две или три полосы прямоугольной или треугольной формы (косицы) (Рис. 2, 5). На полотнище церковной *хоругви* изображались (вышивались или писались красками) христианские святые лики.

На Востоке военное знамя с горизонтальным креплением полотнища начинает использоваться уже в VII век до н.э. Одной из ранних форм такого рода военной символики является знамя династии древнеперсидских царей – Деравш Кавиани. Его иногда называют также "*штандарт Джамшида*", "*штандарт Феридуна*" или "*царский штандарт*". Этот древний штандарт использовался древними персидскими правителями, включая Сасанидов (224-651). По мифологическому преданию это было знамя из кожаного фартука кузнеца Кавэ. По легенде царь Феридун украсил его драгоценными камнями. Видимо древние персидские *хоругви* делались из разных материалов (кожи, металла), иногда с украшениями из серебра, золота и эмали. Изображение этого типа древнего персидского штандарта мы можем видеть на древних монетах II века до н. э.,

правителя Персиды Багадата I (Байдада) (Рис. 6, 5, 6) ([Арийский символ и знамя 2024](#)). В тибетской буддийской культуре XVIII-XIX века знамя с горизонтальным креплением полотнища также использовалось как религиозное знамя и называлось "*rgyan tshogs*" (*ргьян-цхога*). На этих буддийских хоругвиях красками расписывались религиозные сюжеты, их края украшались бахромой, кистью. В нижней части этот восточный хоругвь также имеет хвосты в виде четырех полосок (Рис. 2, 7) ([Winder 1989: 94-95, banners no. 34](#)).

Военным знаменем такой формы в Западном мире был римский *вексиллум* (лат. *vexillum*, военный штандарт, знамя древнеримской манипулы или отряда конницы (турмы), введенный в 105 г. до н.э. консулом Марием для римских когорт) ([Фоли 1997: 185](#)). Вексиллум представлял собой прямоугольное (квадратное) тканевое полотнище, подвешенное на горизонтальной планке, закреплённой на древке закреплённой на древке копья. В нижней кромке вексиллум имел бахрому. На некоторых вексиллумах по бокам свисали узкие ленты или кисти (Рис. 5, 14). Позже подобной формы был *лабарум* – священная хоругвь, военный штандарт особого вида, царское знамя византийских императоров (Рис. 5, 15) ([Бойцов 2013: 28](#)).

В средневековой Европе такой вид военного знамени (хоругвь) назывался "*гонфалон/гонфалон*" (от др. франкского *gundfano*, где *gund* – война, а *fano* – знамя). Оно вначале также являлось особой формой боевого знамени, которое принадлежало некоторым рыцарско-монашеским военным организациям – Орденам. Гонфалон использовался в военных, церемониальных и религиозных целях. Военные и церемониальные гонфалоны – боевые значки и геральдические флаги украшались гербом или орнаментом, а религиозные священные хоругви – изображением святых ([Casamayor 2013: 115, 141, fig 26](#)). Полотнище гонфалона также было прямоугольной формы, в нижней части заканчивался тремя широкими прямоугольными полосами в виде ленты (Рис. 2, 8, 9). Таким образом, у многих народов хоругви – военное знамя с горизонтальным креплением полотнища был очень распространенной формой знамени в древности и в средневековье. Форма любого предмета, любой вещи обычно обусловлено его функцией. Военное и религиозное назначение, символика знамени хоругвь, видимо, определило его широкое распространение у многих народов мира, а сакральность и каноничность его формы способствовали сохранению у них традиции применения такого вида воинской и религиозной символики до современности.

Результаты и обсуждение

Древнетюркское знамя урунгу, оронгу (хоругвь). Судя по археологическим находкам и изобразительным данным, у кочевых племен военный штандарт с поперечной подвеской полотнища впервые появляется у хуннов и сарматов в III вв. до н.э.

Аммиан Марцеллин в своем труде упоминает об использовании сарматами военного значка типа римского штандарта вексиллума. Вексиллум (*vexillum*), представлял собой тканевое полотнище, подвешенное на горизонтальной планке, закреплённой на древке копья, как поздние хоругвии (Рис. 5, 14). Аммиан Марцеллин пишет, что во время встречи сарматов с римским императором Констанцием II вдруг один из них издал боевой клич "марра, марра" и сарматы подняв кверху знамя (в оригинале *vexillum*) с воинскими криками бросились на императора ([Марцеллин Книга XIX, 11, 10, 2005: 185; Нефедкин 2011: 188, 190, 191](#)).

Иконографические данные также свидетельствуют, что, кроме волчьеголового боевого значка с трубчатым полотнищем, у сарматов использовались военные значки, прямо-

угольные полотнища которых крепились к древку горизонтально, через поперечную планку. Представление о сарматских военных значках такой формы можем иметь по их изображениям на памятниках римского искусства. Они представлены на рельефах колонны Траяна среди сарматских трофеев (Рис. 1, 6-7, 14, 15) (*Die Reliefs der Traianssäule* 1896: Taf. XX, LV; LVII). А также на рельефах арки императора Галерия (250-311), в Салониках, с изображением его гвардейцев – сарматов (Рис. 5, 10, 11) (*Istvánovits, Kulcsár* 2001: fig. 7, 5). Сарматские знамена хоругви изображены и на римских имперских монетах I–II вв., на сестерциях римских императоров Марка Аврелия и Луция Коммода, где показаны сарматские военные трофеи римлян (Рис. 5, 6) (*Нефедкин* 2011: 31,194). Изображение такого военного значка сарматов встречается и на росписях керченских (пантикапейских) катакомб. В одной из катакомб II-III в.в., открытой в 1872 году В.В. Стасовым и подробно исследованной им, можем видеть изображение сарматского воина с хоругвием-вексиллумом (Рис. 5, 12) (*Гайдукевич* 1949: 418, 420, рис. 77; *Материалы по истории русских одежд...* Т. VI, 1881: 26, лист II).

Судя по многочисленным изобразительным данным, у сарматов использовалось несколько разновидностей знамени типа хоругви-вексиллума: а) с простым прямоугольным тканевым полотнищем (Рис. 5, 6, 7, 10, 11); б) с прямоугольным полотном, украшенным бахромой по нижнему краю (Рис. 2, 8, 9, 12); в) с прямоугольным полотном, завершающимся в нижней части тремя треугольными косицами (Рис. 1, 6, 7); г) с прямоугольным полотнищем, завершающимся в нижней части двумя треугольными косицами (Рис. 1,14,15). Судя по изображениям, края полотнищ сарматских знамен таких форм имели каемку в виде полос из ткани, отличной по цвету от цвета основного полотнища.

Сравнивая с подобными сарматскими знаменами, а также с другими изобразительными и вещественными аналогами, можно предположить, что шелковые прямоугольные полотнища с пришитыми треугольными фестонами, а также подобное узкое удлиненное полотнище с двумя треугольными косицами в нижней части, найденные в ноин-улинском кургане 6, возможно, были полотнищами различных видов хуннской военной символики такого рода (Рис. 1, 12; рис. 5, 5) (*Руденко* 1962: табл. LII). Для таких флажков характерно наличие завязок не только у верхнего края, но и посередине (*Руденко* 1962: 92). Наличие такой тесьмы-ленты с кистями по бокам полотнища, в верхней и средней части было одной из особенностей большинства хоругвей (Рис. 1, 17; Рис. 2, 4; Рис. 3, 2; Рис. 4, 6; Рис. 5, 14, 16, 18).

Изображения предтюркских штандартов такой формы, использовавшиеся на Востоке, представлены и на пещерных росписях Восточного Туркестана, которые соотносятся с тохарами (III-VIII вв.) (Рис. 1, 8, 9). У тохаров этот вид знамени, видимо, появился в процессе контактов с хунно-сяньбийскими, юэчжийскими кочевыми племенами.

Упоминание хоругвей в "Слово о полку Игореве" среди трофеев, взятых у половцев во время сражения с русским князем Игорем Святославичем, возможно, свидетельствует, что знамя *хоругви/урунгу* использовалось и у средневековых кипчаков, хотя их изображений мы не имеем.

А в тюркское время боевое знамя с горизонтальным креплением полотнища становится одним из основных видов воинской символики тюрков. Изображение такого боевого знамени часто встречается на древнетюркских петроглифах. При использовании этих петроглифов в виде источника для данной статьи мы не ставили задачу их подробной атрибуции, считая, что это должно быть темой отдельного

исследования, и основывались на выводах ученых, занимавшихся этими изображениями и определивших их древнетюркским периодом. На древнетюркских наскальных рисунках из-за материала и техники исполнения изображения знамен переданы очень условно, но сравнение их с аналогичными изображениями на других памятниках искусств, с изобразительными и вещественными образцами более раннего времени, а также аналогами таких знамен у других народов, дает возможность реконструировать их типологические, конструктивные и формальные особенности, определить время появления знамени урунгу в кочевнической среде. Трудно сказать, связано ли появление такой формы военного и религиозного знамени у кочевников с преднеазиатским (иранским) влиянием, но можно одно уверенно утверждать, что это самая ранняя форма кочевнических знамен с прямоугольным тканевым полотнищем.

Анализ данных изобразительных материалов свидетельствует, что древнетюркское знамя *урунгу* было дальнейшим развитием знамени такой формы, применявшейся древними кочевниками и получившее широкое распространение у средневековых тюрков, кыргызов и др. У древних тюрков военный хоругвь – "*оронгу/урунгу*" также представлял собой горизонтально закрепленное к древку прямоугольное полотнище, с отходящими вниз тремя широкими, но недлинными, прямоугольными лентами (языками) или треугольными косицами, которые могут быть пришиты отдельно и иметь другой цвет или могли быть прямым продолжением каймы основного полотнища. У древних тюрков использовалось несколько типов и разновидностей такого рода знамен.

Первый тип знамени-урунгу имел прямоугольное полотнище с несколькими косицами – треугольными хвостами внизу (Рис. 1, 1а). Иконографические данные показывают, что у древних тюрков существовало две разновидности этого типа *урунгу*. На первой *разновидности* урунгу полотнище знамени внизу завершается тремя пришитыми косицами треугольной формы (Рис. 1, 1а, 2-5). С обеих сторон полотнища имелись кисти или тонкие ленты с кисточками (Рис. 1, 4). Такую форму имели и некоторые хоругви-вексиллумы сарматов. Изображения такой разновидности этого типа военного значка сарматов можем видеть на рельефах колонны Траяна среди сарматских трофеев (Рис. 1, 6-7) (*Die Reliefs der Traianssäule* 1896: Taf. XX, LV; LVII). Предтюркские урунги-хоругви с тремя косицами в нижней части изображены на пещерных настенных росписях Восточного Туркестана (*Grünwedel* 1920: tafel XLVI, XLVII). На этих изображениях основное полотнище знамени и его косицы имеют разные цвета (Рис. 1, 8, 9). Подобной формы были некоторые русские хоругви и европейские гонфалоны (Рис. 1, 10, 11) (*Хохлов* 2012: 16-18).

На *второй разновидности* такого типа тюркского знамени *урунгу* полотнище внизу завершалось двумя косицами треугольной формы. Узкое шелковое полотнище с треугольными фестонами и с двумя косицами в нижней части, найденное в хуннском кургане 6 из Ноин-Ула, возможно, является полотнищем таких знамен (Рис. 1, 12) (*Руденко* 1962: табл. LII). Такую форму имели и некоторые хоругви-вексиллумы сарматов, изображенные на памятниках римского искусства (Рис. 1, 14, 15).

На древнетюркских петроглифах полотнище знамени *урунгу* установлено на поперечной перекладине и закреплено на древке только одной завязкой и это является характерной особенностью тюркских знамен *урунгу*. На обеих разновидностях вышеописанного типа полотнища знамен по краям имеют кайму из ткани другого цвета, другого цвета могут быть и хвосты-косицы.

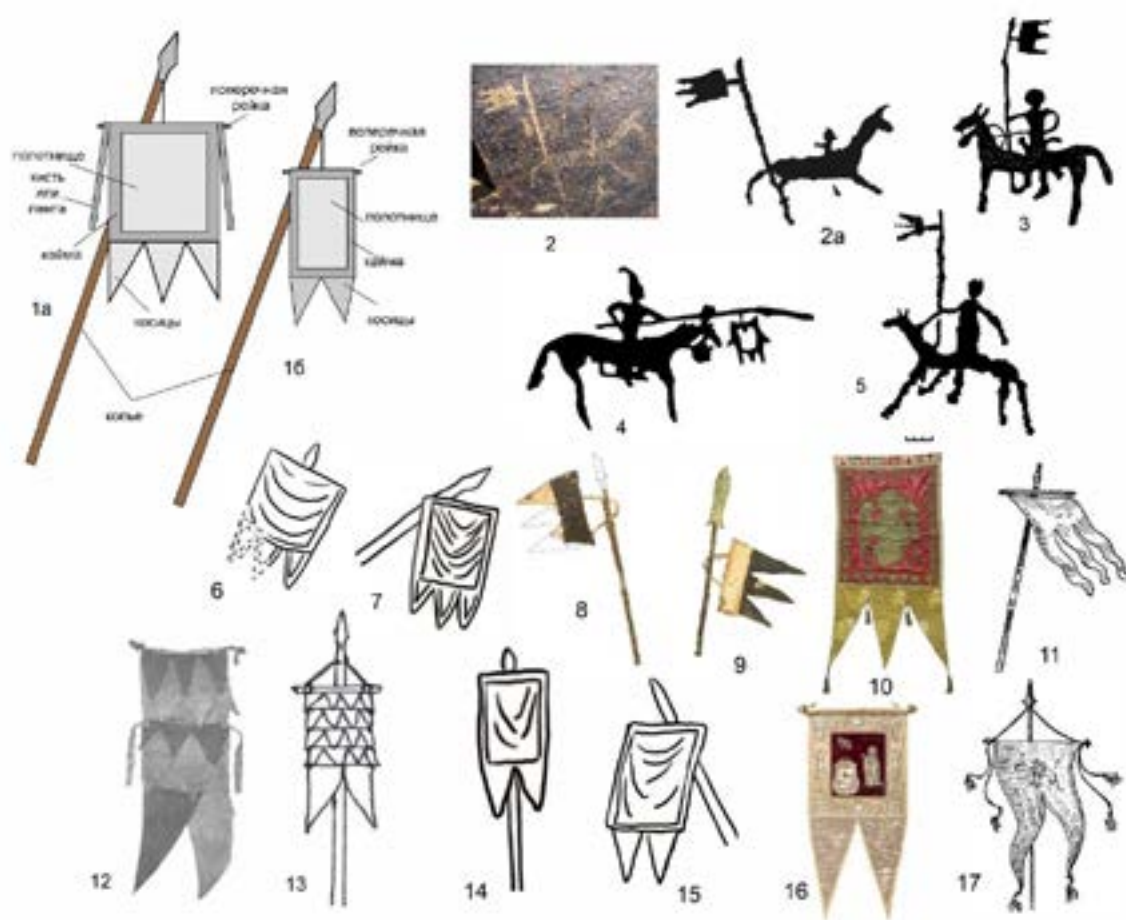

Рис. 1. Древнетюркское знамя урунгу с прямоугольным полотнищем и двумя или тремя треугольными косицами в нижней кромке, их изобразительные и вещественные аналоги:

1а-1б – формы и разновидности этого типа знамени. Реконструкция К.С. Ахметжан.

2-5 - изображения этого типа знамени урунгу на древнетюркских петроглифах (2,3 – Баянжурек. Жетысу. По Самашеву, 2012: 191, рис. 162; 2013: 200. рис. 156, 157;

4 – Тамгалы. По Максимовой, Ермолаевой, Марьяшеву, 1985: 107, рис. 82; 5 – Бозанбай.

Восточный Казахстан. По Самашеву, 2013: 84, рис. 61); 6,7 – сарматские вексиллумы-урунгу с тремя треугольными косицами в нижней части (прорисовка по изображениям на колонне Траяна). По *Die Reliefs der Traianssäule*, 1896: Tafel LVII; 8,9 – изображение предтюркских знамен-урунгу на пещерных росписях Восточного Туркестана. По Le Coq 1925: tafel 6; Grünwedel, 1920; tafel XLVI, XLVII; 10 – греческий хоругвь XVI века. Из коллекции Дейтротского института искусства. 11 – европейский гонфалон с тремя косицами в нижней части.

Старинный европейский рисунок. По сайту [Getty Images](https://www.gettyimages.com); 12 – полотнище хуннского урунгу с двумя косицами. Курган №6. Ноин-Ула. По С.И. Руденко, 1962: табл. LII; 13 – его графическая реконструкция. Автор К.С. Ахметжан; 14,15 – сарматские хоругви-вексиллумы с двумя треугольными косицами на нижней кромке. Прорисовка по изображениям на колонне Траяна. По *Die Reliefs der Traianssäule*, 1896: Tafel LVII; 16 – хоругвь Новгородского ополчения 1812 г.

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. По Хохлову, 2012: 16;

17 – европейский гонфалон с двумя косицами в нижней части. Старинный европейский рисунок. По сайту [Getty Images](https://www.gettyimages.com).

Fig. 1. Ancient Turkic urungu banner with a rectangular field and two or three triangular pendants at the lower edge; its pictorial and material analogues:

1a–1b – forms and varieties of this type of banner. Reconstructions by K.S. Akhmetzhan.
 2–5 – depictions of banners of the khorongu type on ancient Turkic petroglyphs (2,3 – Bayanzhurek, Zhetysu. After Samashev, 2012: 91, fig. 162; 2013:200, fig. 156, 157; 4 – Tamgaly. After Maksimova, Ermolayeva, Maryashev, 1985: 107, fig. 82; 5 – Bozanbai, East Kazakhstan. By Samashev, 2013: 84, fig. 61). 6,7 – Sarmatian vexillum-urungu with three triangular pendants (traced from images on Trajan's Column). After Die Reliefs der Traianssäule, 1896: Tafel LVII; 8,9 – Pre-Turkic urungu banners in cave paintings from Eastern Turkestan. After Le Coq, 1925: Tafel 6; Grünwedel, 1920: Tafeln XLVI, XLVII; 10 – 16th-century Greek banner from the Detroit Institute of Arts collection; 11 – European gonfalon with three pendants at the bottom. Old European drawing (Getty Images); 12 – Hunnic urungu with two pendants. Kurgan No. 6, Noin-Ula. After Rudenko, 1962: Tafel LII; 13 – The same urungu in graphic reconstruction by K.S. Akhmetzhan; 14,15 – Sarmatian vexillum banners with two triangular pendants (traced from Trajan's Column). After Die Reliefs der Traianssäule, 1896: Tafel LVII; 16 – Banner of the Novgorod militia, 1812. Novgorod State United Museum-Reserve. By Khokhlov, 2012: 16; 17 – European gonfalon with two pendants. Old European drawing (Getty Images).

Второй тип тюркского урунгу также имел прямоугольное полотнище с каймой, но внизу завершался тремя прямоугольными полосами в виде широкой ленты (Рис. 2, 1). Их изображения также видим на тюркских петроглифах из Баянжурек, Бозанбай, Тамгалы (Рис. 2, 2-4) (Самашев 2012; 2013; Максимова и др. 1985). Подобной формы были русские хоругви XIX века и армянские хоругви XV века (Рис. 2, 5, 6) (сайт [Culture and art](#)). Такими делались буддийские хоругви (Рис. 2, 7), а также европейские средневековые хоругви – *гонфалоны* (Рис. 2, 8, 9), что свидетельствует о каноничности такой формы на хоругвиях.

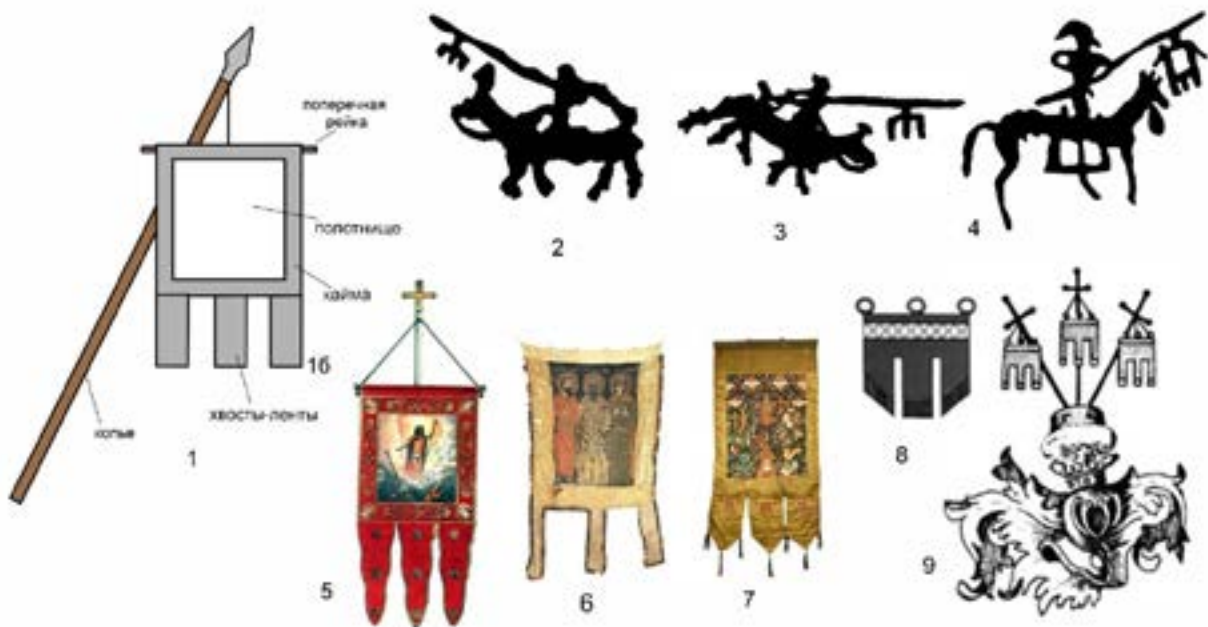

Рис. 2. Древнетюркское знамя урунгу с тремя хвостами-лентами на нижней кромке полотнища и их вещественные, изобразительные аналоги: 1 - форма этого вида знамени. Реконструкция К.С. Ахметжан. 2-4 - изображения такого типа знамени хоронгу на древнетюркских петроглифах (2,3 – Баянжурек, Жетысу. Бозанбай, Восточный Казахстан.

По [Самашеву](#), 2013: 144, рис. 108; 4 – Тамгалы. По [Максимовой](#) и др, 1985: 107, рис. 82).
 5 – Хоругвь Московского ополчения 1812 г. Раскрашенная литография Петровского по рисунку Губарева. Середина XIX в.; 6 – Хоругвь Григория Просветителя. 1448. Прикладное искусство Армении. По сайту Culture and art; 7 – буддийская религиозная хоругвь "ргьян-цхога". По Marianne Winder, 1989: 94; 8,9 – Изображения европейских хоругвиев – "гонфалонов".
 Рисунки из сайта Getty Images.

Fig. 2. Ancient Turkic urungu banner with three tail-like ribbons (streamers) on the lower edge and their analogues: 1 – Banner of this shape. Reconstruction by K.S. Akhmetzhan.

2–4 – depictions of this khorongu banner type on ancient Turkic petroglyphs (2,3 – Bayanzhurek, Zhetysu; Bozanbai, East Kazakhstan. After Samashev, 2013:144, fig. 108; 4 – Tamgaly. After Maksimova et al., 1985:107, fig. 82). 5 – Banner of the Moscow militia, 1812. Colored lithograph by Petrovsky after a drawing by Gubarev, mid-19th c.; 6 – Banner of Gregory the Illuminator ("Gregoriy Prosvetitel"), 1448. Armenian applied art (Culture and Art site); 7 – Buddhist religious banner rgyan-tshogs. After Marianne Winder, 1989: 94; 8,9 – Depictions of European banners – gonfalons (Getty Images).

На **третьем типе** тюркского знамени-урунгу полотнище прямоугольной формы по краям имеет темную кайму, а внизу завершается двумя прямоугольными полосами-лентами (Рис. 3, 1). Возможно, он является разновидностью второго типа урунгу. На тюркских петроглифах полотнище такого урунгу изображается светлым, а кайма и полоски-ленты темным, то есть они различаются цветом. Судя по изображениям, на самом полотнище было изображение каких-то священных символов (рис. 3, 2, 3).

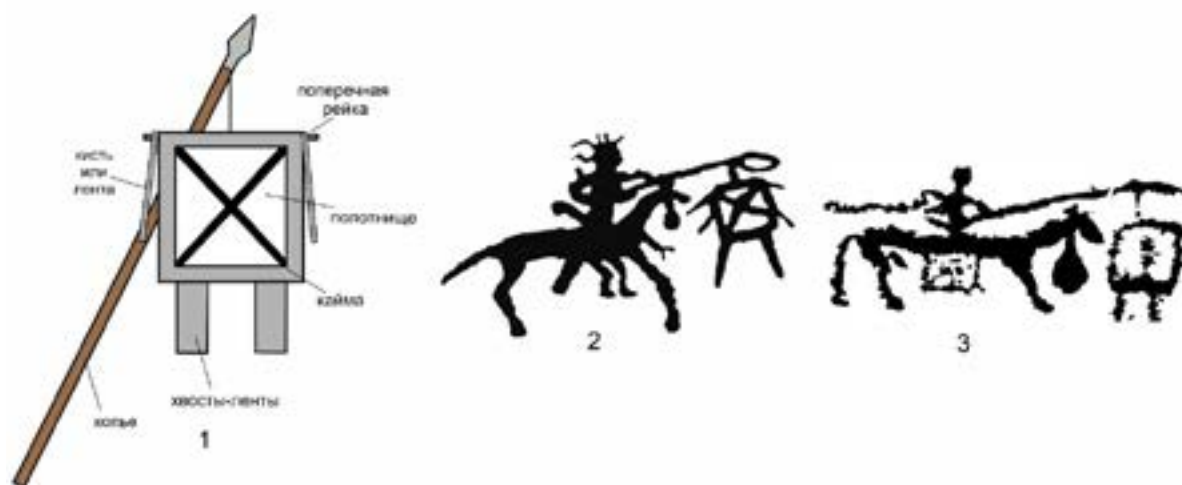

Рис. 3. Древнетюркский урунгу с двумя прямоугольными хвостами-лентами в нижней части полотнища: 1 - форма и конструкция знамени. Реконструкция К.С. Ахметжан. 2,3 - изображение знамени урунгу с двумя хвостами на тюркских петроглифах (2 – Баянжурек. Жетысу. По [Самашеву](#), 2012: 140, фото 115; 3 – Каракыр, Семиречье. По [Самашеву](#), 2013: 169, рис. 126).

Fig. 3. Ancient Turkic urungu with two rectangular tail-ribbons at the bottom edge:

1 – shape and design. Reconstruction by K.S. Akhmetzhan.
 2,3 – Petroglyph depictions of khorongu banners with two tails (2 – Bayanzhurek, Zhetysu. After Samashev, 2012: 140, photo 115; 3 – Karakyr, Semirechye. After Samashev, 2013: 169, fig. 126).

Четвертый тип знамени-урунгу древних тюрков имеет полотнище с треугольным откосом в нижней части – вырезом в виде ласточкиного хвоста (Рис. 4, 1). Тюркские знамена урунгу подобной формы изображены на петроглифах из Ешкиолмес (Рис. 4, 2-5). Иногда в середине этого выреза изображается кисть (Рис. 4, 2,5). Аналогичные хоругви существовали и у других народов. Такую форму имел "санджак" янычарского корпуса османских турков (Рис. 4, 6), который был символом военачальника. На его полотнище вышивались золотом религиозные изречения и символы веры: отдельные стихи 48-й суры Корана, сура победы, очертания руки мести халифа Али, его меча "Зул-Фикар" с двумя клинками (Бейхайм 1995: 370). Подобной формы были в XVIII-XIX веках некоторые Российские кавалерийские штандарты (Рис. 4, 7) (Шевяков 2002: 28). То есть такая форма также была традиционной для хоругвиев.

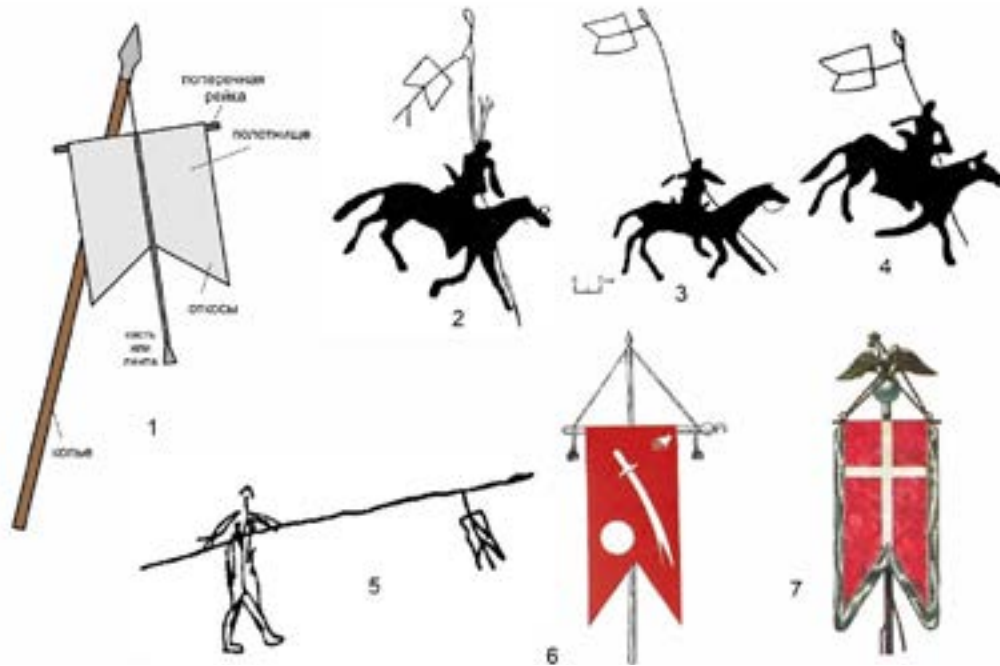

Рис. 4. Древнетюркский урунгу с откосом в нижней части полотнища и его вещественные аналоги: 1 - форма этого вида знамени. Реконструкция К.С. Ахметжан. 2-5 - изображения урунгу с откосом на тюркских петроглифах (2-4 – Ешкиолмес. По Маргулану, 2003: рис. 380; 5 – Ешкиолмес. По Самашеву, 2013: 114, рис. 81); 6 – санджак янычарского корпуса. Современная реконструкция по материалам Военного музея Стамбула; 7 - Российский кавалерийский штандарт типа хоругвия. Образец 1803 г. Рис. О. Пархаеву. По сайту "Вексиллография".

Fig. 4. Ancient Turkic urungu with a slant-cut lower edge and material analogues:

1 – Shape and design of this type of banners. Reconstruction by K.S. Akhmetzhan.

2-5 – depictions on Turkic petroglyphs (Eshkiolmes. After Margulan, 2003: fig. 380;

5 – Eshkiolmes. After Samashev, 2013: 114, fig. 81); 6 – Janissary corps sanjak. Modern reconstruction based on materials from the Istanbul Military Museum; 7 – Russian cavalry standard (type: khorugv'), model 1803. Drawing by O. Parkhaev. From the website "Veksillographia".

Очень редко, но, видимо, древнетюркскими племенами использовался **пятый тип** знамени урунгу, с просто прямоугольным полотнищем (Рис. 5, 1). По изобразительным и вещественным аналогиям мы можем представить, какой была эта разновидность знамени-хоругвия у тюрков. На древнетюркских петроглифах полотнище этого типа

урунгу прикреплено к поперечной рейке и с помощью одной завязки привязано к древку копья (Рис. 5, 2-4).

В дотюркское время такой тип знамени урунгу, видимо, появился еще у хуннов, в I веке до н.э. Шелковое прямоугольное полотнище с треугольными фестонами и завязками вверху и в середине, найденное в Ноин-Улинском кургане 6, возможно, было полотнищем такого вида хуннского знамени (Рис. 5, 5) (Руденко 1962: 92, табл. LII). Судя по изображениям, на памятниках римского искусства подобные знамена хоронги-вексиллумы применялись и у сарматов. Сарматские знамена такой формы изображены на римских памятниках искусства, на имперских монетах I-II вв., где показаны сарматские военные трофеи римлян, на рельефах колонны Траяна и арки Галерия (Рис. 5, 6-11) (Нефедкин 2011: 31, 194). Изображение этого типа военного значка сарматов встречаются и на настенной росписи керченских (пантикапейских) катакомб, где представлен сарматский воин с таким знаменем (Рис. 5, 12) (Гайдукевич 1949: 418, 420, рис. 77; Материалы по истории русских одежд... Т. VI, 1881: 26, лист II). Некоторые сарматские знамена-хоругви такого типа в нижней части полотнища имели бахрому (Рис. 5, 8, 9, 12).

В Западном мире таким знаменем был римский "вексиллум", введенный в 105 г. до н.э. консулом Марием для римских когорт (Рис. 5, 14) (Фоли 1997: 185). Окраска полотнищ вексиллума была разной, но одноцветной – пурпурная, красная, белая (Бойцов 2013: 23; Иванов 1971: 8). Позже подобной формы был "лабарум" Византийских императоров (Рис. 5, 15) (Бойцов 2013: 28). Хоругви подобной формы использовались и у китайцев (Рис. 5, 16). Такой же формы были в XVIII-XIX веках некоторые кавалерийские штандарты Российской империи (Рис. 5, 17, 18). Во всем мире такие знамена-хоругви были боевым знаменем конницы, кавалерии.

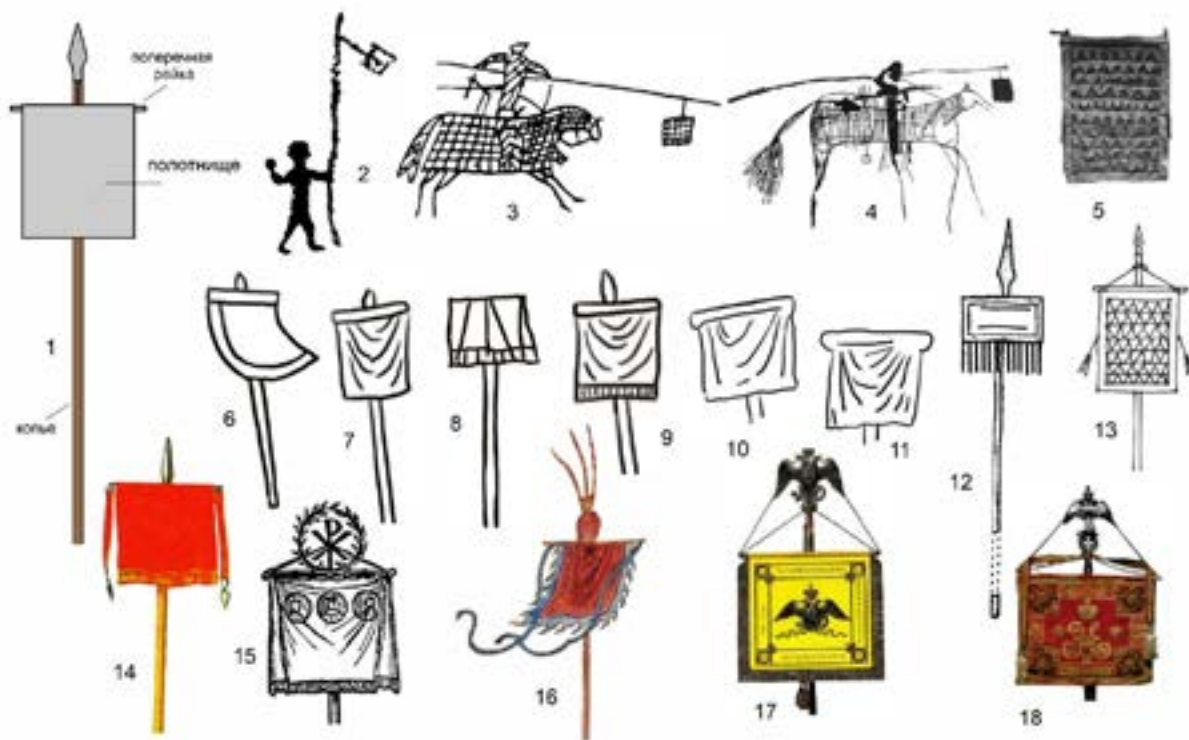

Рис. 5. Изображение древнетюркского знамени-урунгу с прямоугольным полотном и его изобразительные и предметные аналоги: 1 – форма этого типа знамени. Реконструкция

К.С. Ахметжан; 2-4 – изображения этого типа урунгу на петроглифах тюрков (2 - Дэрстийн хутул. Монголия. По Мухаревой и др, 2018: 74, Рис. 7; 3 – Жалгыз-тобе. Горный Алтай. По Самашеву, 2013: 78, рис. 57; 4 – Дэрстийн хутул. Монголия. По Мухаревой и др, 2018: 75, рис. 8, 6); 5 – полотнище хуннского знамени типа урунгу. По Руденко, 1962: табл. LII; 6-11 – сарматский вексиллум-хоругвь в виде прямоугольного полотна (6 – прорисовка по изображениям на монетах императора Марка Аврелия (176-177 гг.); 7-9 – изображения на рельефе арки императора Галерия в Фессалониках (ок. 298–305 гг.) По Istvánovits, Kulcsár 2001: fig. 7, 5; 10,11 – изображения на колонне Траяна. По Die Reliefs der Traianssäule, 1896: Tafel LV); 12 – сарматский вексиллум с бахромой. Изображение на фреске из керченской катакомбы III в. По Материалы по истории русских одежд..., Т. 1, 1881: 26, лист II; 13 – графическая реконструкция хуннского знамени-урунгу. Реконструкция К.С. Ахметжан; 14 – Римский вексиллум. По Конноли, 2000; 15 - Византийский лабарум. IV век. По Вейс, 2006: 25, рис. 22; 16 – китайское знамя типа хоругви. Фрагмент из китайского свитка "Церемония сдачи пленных во время усмирения западных регионов". XVIII в.; 17,18 – Российские кавалерийские штандарты XIX века. (17 – рисунок Георгиевского штандарта Кавалергардского полка. 1851 г. По Вилинбахов, 1997: 99; 18 – Штандарт кирасирского полка. По сайту Вексиллография).

Fig. 5. Depictions of the ancient Turkic khorongu banner with a rectangular field and its analogues: 1 – banner form. Reconstruction by K.S. Akhmetzhan; 2-4 – petroglyphs of this urungu type (2 – Dersteiin Khutul, Mongolia. After Mukhareva et al., 2018: 74, fig. 7; 3 – Zhalgyz-Tobe, Mountain Altai. After Samashev, 2013: 78, fig. 57; 4 – Dersteiin Khutul. After Mukhareva et al., 2018: 75, fig. 8, 6); 5 – Hunnic urungu banner field. After Rudenko, 1962: Tafel LII; 6-11 – Sarmatian vexillum-khorugv' with rectangular field (6 – traced from coins of Emperor Marcus Aurelius, 176–177 AD; 7-9 – reliefs on the Arch of Galerius in Thessaloniki, ca. 298-305 AD. After Istvánovits, Kulcsár 2001: fig. 7, 5; 10,11 – Trajan's Column. After Die Reliefs der Traianssäule, 1896: Tafel LV); 12 – Sarmatian vexillum with fringe. Fresco from the 3rd century Kertch Catacomb. After Materials on the History of Russian Clothing, Vol. 1, 1881: 26, plate II; 13 – graphic reconstruction of a Hunnic urungu. By K.S. Akhmetzhan; 14 – Roman vexillum. After Connolly, 2000; 15 – Byzantine labarum, 4th century. After Weiss, 2006: 25, fig. 22; 16 – Chinese khorugv'-type banner. Fragment from the scroll Ceremony of Captive Surrender in the Pacification of the Western Regions, 18th century; 17,18 – Russian cavalry standards of the 19th century (17 – St. George standard of the Life Guards Cavalry Regiment, 1851. After Vilinbakhov, 1997: 99; 18 – Standard of the Cuirassier Regiment. From "Veksillographia").

Символические изображения на полотнище знамени урунгу. Важным элементом знамени являются символические фигуры, изображенные на его полотнищах. Данных о таких изображениях на древнетюркском знамени урунгу мы не имеем. На тюркских петроглифах символические фигуры на полотнищах знамен почти не изображаются. Возможно, сама техника и технология высекания петроглифа на поверхности камня не позволяла подробно изображать такие элементы знаменного комплекса. Нам удалось найти только два случая изображения символических фигур на полотнищах знамени урунгу. Первое – это символ в виде диагонального креста, подобно букве X, изображен на полотнище знамени-урунгу на петроглифе тюркского времени из Баянжурек (рис. 6, 1) (Самашев 2012: 140, фото 115). Изображение такого символа на знамени урунгу, видимо, не случайно, оно встречается на многих восточных воинских штандартах древних времен – на эламском штандарте (2400-2200 гг. до н.э.), изображенном на цилиндрической печати (Рис. 6, 3); на бактрийских знаменах (Рис. 6, 4); на древнеперсидском знамени Деравш Кавиани (Рис. 6, 5,6); на византийском лабаруме (Рис. 6, 7).

По изобразительным и письменным данным, этот символ использовался и на военных знаменах древних и средневековых кочевников разного периода. Такой знак изображался и на сарматских хоругвиях-вексиллумах (Рис. 6, 8-10). По сообщениям польского историка, географа Матвея Меховского (1457-1523) и священника, историка XVII века Яноша Длугоша, символ, похожий на букву Х, был изображен на одном из знамен монголов при битве под Легницей, во время Западного похода Бату ([Меховский 1936: 53](#); [Dlugosz 2009: 24](#)). Возможно, это была родовая тамга средневековых киятов, из которого вышли предки Чингисхана. У казахских и крымских киятов до сих пор сохранилась родовая тамга в виде скошенного креста.

Золотая тамга в виде косо́го креста как знак Чингис хана был изображен также и на личном гербе казахского чингизида князя Чингиса (Губайдулла Джангерулы Чингисхан) (1840-1909) и родовом гербе его потомков (Рис. 6, 11,12) ([Дворянские роды Российской империи 1995: 223](#)). Таким образом, все эти иконографические и письменные данные свидетельствуют, что подобный символ в течение многих веков использовался на знаменах тюрко-монгольских народов.

Еще одна фигура в форме вертикальной палочки, также похожая на родовую тамгу, изображена на полотнище знамени-урунгу на древнетюркском петроглифе из Каракыр (Жетысу) (Рис. 6, 2). Но изображение нечеткое, поэтому трудно точно определить, какая это фигура.

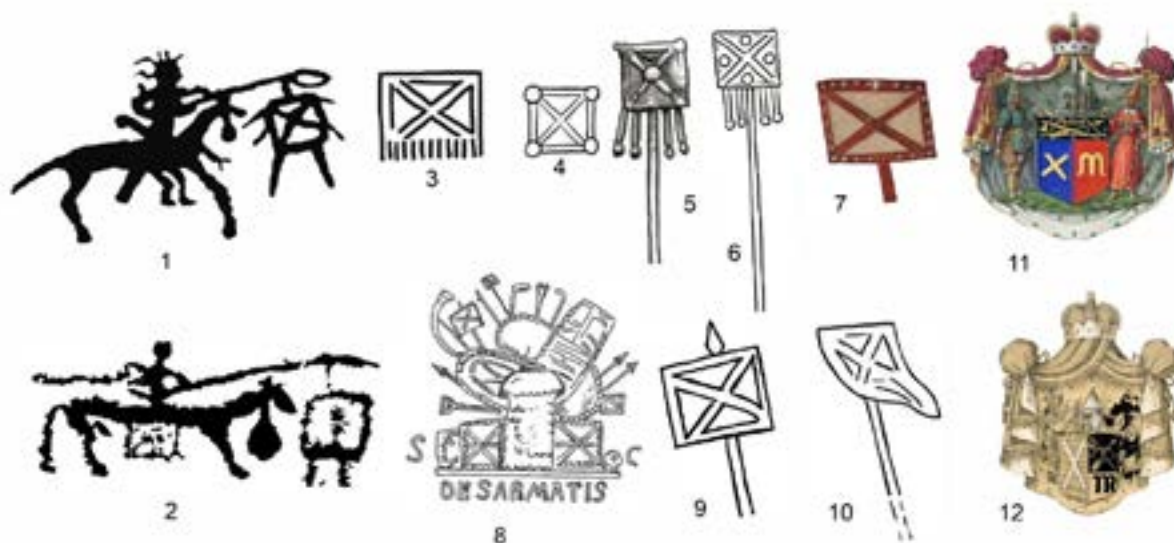

Рис. 6. Символы на полотнищах древнетюркских знамен урунгу и их изобразительные аналоги: 1,2 – изображения на тюркских петроглифах знамен урунгу с эмблемами на полотнищах (1 – изображение военного знамени с эмблемой косо́го креста на древнетюркском петроглифе из Баянжурек. Жетысу. По Самашеву, 2012: 140, фото 115; 2 – Каракыр. Жетысу.

По [Самашеву](#), 2013: 169, рис. 126); 3 – изображение вексиллума с косым крестом на цилиндрической печати из города Шуша в Эламе. 2400-2200 гг. до н.э. Из коллекции Мохсена Фруги. По [Mesbah](#), 2018: 46, фиг. 1; 4 – изображение вексиллума с косым крестом на монете греко-бактрийского правителя Гермей Сотера (75 до н.э. – 55 до н.э). По [Бобров-Сосновский](#), 2019; 5,6 – древнеперсидский царский штандарт Деравш Кавиани с эмблемой косо́го креста, изображение на монетах правителя Персиды Багадата I (Байадад). II в. до н.э. По [Арийский](#)

символ и знамя, 2024; 7 – изображение креста на византийском лабаруме (прорисовка по изображению на росписи церкви Панджарлык. X в. Каппадокия). По [Арийский](#) символ и знамя, 2024; 8 – изображение сарматского вексиллума с косым крестом среди сарматских военных трофеев на римских монетах. II в. По Нефедкин, 2011: 9,10 – сарматские вексиллумы с эмблемой креста. Прорисовка автора по изображениям на римских монетах I–II вв.; 11,12 – символ в виде креста на щите личного герба казахского князя Чингиса и родового герба его потомков. По [Дворянские](#) роды Российской империи, Т. 2, 1995: 223.

Fig. 6. Symbols on the cloths of urungu banners and their analogues:

1,2 – depictions on Turkic petroglyphs with emblems (1 – military banner with diagonal cross emblem, Bayanzhurek, Zhetysu. After Samashev, 2012: 140, photo 115; 2 – Karakyr, Zhetysu. After Samashev, 2013: 169, fig. 126); 3 – Vexillum with diagonal cross on a cylinder seal from Shusha (Elam), 2400–2200 BC. Collection of Mohsen Foroughi. After Bitā Mesbah, 2018: 46, fig. 1; 4 – coin of Greco-Bactrian ruler Hermaeus Soter (75–55 BC). After Bobrov-Sosnovsky, 2019; 5,6 – Derafsh Kaviani, Achaemenid royal standard with diagonal cross emblem, depicted on coins of Persis ruler Bagadates I, 2nd century BC. From Aryan Symbol and Banner, 2024; 7 – diagonal cross on a Byzantine labarum (author's drawing from the wall painting in the Church of Pandjarlyk, 10th c. Cappadocia). From Aryan Symbol and Banner, 2024; 8 – Sarmatian vexillum with diagonal cross among Roman trophies. 2nd century. After Nefedkin, 2011; 9,10 – Sarmatian vexillum with diagonal cross emblem. Author's drawing from Roman coins, 1st–2nd centuries; 11,12 – emblem of a diagonal cross on the coat of arms of Kazakh prince Chingis and his descendants. From Noble Families of the Russian Empire, Vol. 2, 1995: 223.

Цвет полотнища и форма навершия древнетюркских знамен урунгу. По петроглифам трудно судить, какого цвета были полотнища урунгу. В текстах рунического памятника E10 (Элегест 1) упоминается алый цвет штандарта урунгу ([Кормушин](#) 2008: 100–102). Во многих восточных и западных хоругвиях, аналогах тюркского урунгу, большинство полотнищ также алого, красного цвета, намного реже встречаются полотнища желтого, белого цветов. На некоторых тюркских урунгу, изображенных на петроглифах основное полотнище изображается незаполненным, то есть светлым, возможно, таким способом передается белый или желтый цвета. Кайма полотнищ изображается всегда темным, видимо, она красного или другого темного цвета.

На воинских знаменах цвет нес важную символическую нагрузку. Цвет знамени обозначал принадлежность к определенному племенному объединению, племени или роду ([Самашев](#) 1992: 211). Возникнув как знаки отличия родов, племен, знамена затем стали атрибутом власти и достоинства древних правителей и вождей, знатных воинов и полководцев. И цвет знамени правителя был его династийным или персональным (типа гербового) цветом ([Дмитриев](#) 2001: 94).

Превратившись спустя какое-то время в важнейшее средство визуальной коммуникации в военных сражениях, боевые знамена использовались в качестве опознавательных знаков или сигналов, по положению которых воины могли ориентироваться в ходе сражения ([Худяков](#) 2005: 355). Разные цвета воинских знамен стали выполнять тактическую функцию, обозначая своим определенным цветом различные части боевого порядка и тактические единицы войска. То есть каждое крупное формирование войска маркировались через цвета знамени ([Дмитриев](#) 2001: 94; [Советова](#), Мухарева 2005: 103).

Что касается навершия знамен урунгу, они на памятниках искусства представлены только с один видом навершия – в виде наконечника копья. С древних времен военные знаки как воинские священные символы крепились непосредственно на копье воина.

Поэтому иногда копье со знаменем урунгу использовались в бою тюркскими воинами как боевое оружие для нанесения колющего удара по противнику. Поэтому в некоторых древнеуйгурских текстах, например, в "Сутре Золотого Блеска" ("Алтын ярык") на древнеуйгурском языке, встречается косвенное использование слово урунгу и в значении оружия (копья, пики):

qaltı jämä arslan qanı kejikler baştını ärür tög iliginizda tutjuq siz oq ja qılıç
uruğu baltu vaçır çaqır ulatı oruq jämä birkärü ..körgäli säviglig körküniz ol

как красивы вы все, когда преследуете льва или же лань, держа в руках лук и стрелы, меч или *пику-урунгу*, топор, секиру или веревку (Кормушин 2008: 304).

И на некоторых тюркских петроглифах можно видеть, как тяжеловооруженный знатный воин копьем с урунгу-хоругвием наносит удар по противнику (Рис. 7).

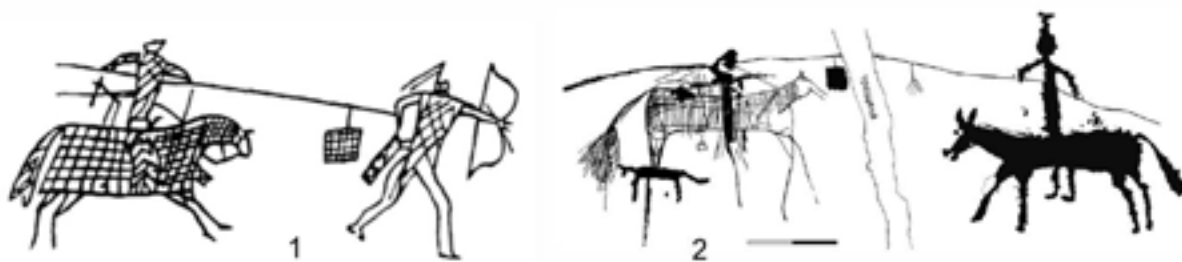

Рис. 7. Изображения на петроглифах применения урунгу как оружия для нанесения удара по противнику: 1 – Жалгыз-тобе. Горный Алтай. По Самашеву, 2013: 78, рис. 57;

2 – Дерестийн-хутул, Монголия. По Мухарева и др, 2018: 75, рис. 8, 6.

Fig. 7. Petroglyphs depicting the use of urungu as a striking weapon:

1 – Zhalgyz-Tobe, Mountain Altai. After Samashev, 2013: 78, fig. 57;

2 – Dersteiin Khutul, Mongolia. After Mukhareva et al., 2018: 75, fig. 8, 6.

Заключение

Результаты данного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) Особым видом военной символики древних тюрков было знамя "урунгу" (хоругвь), на котором полотнище подвешивалось к древку горизонтально, через свободно закрепленную перекладину. Военный знак такого вида был особо сакральным военным атрибутом. Он служил царским штандартом; священным боевым знаменем; особым знаком отличия, вручаемым каганом военным предводителям за их воинские заслуги; а также должностным знаком таких предводителей.

2) У древних тюрков применялись пять типов знамени "урунгу" с полотнищами разной формы и разнообразной конструкции. Первый тип знамени-урунгу имел прямоугольное полотнище с каймой или без каймы, с двумя или тремя косицами – треугольными хвостами внизу. Второй и третий типы тюркского урунгу также имели прямоугольное полотнище с каймой, но внизу завершалось двумя-тремя прямоугольными полосами в виде широкой ленты. Четвертый тип знамени-урунгу древних тюрков имел полотнище с треугольным откосом в нижней части – вырезом в виде ласточкиного хвоста. Пятый тип знамени урунгу имел простое прямоугольное полотнище.

3) Древком для этого вида воинского символа служило боевое копье. Поэтому иногда копье со знаменем урунгу использовались в бою тюркскими воинами как боевое оружие

для нанесения удара по противнику, что упоминается в рунических памятниках и изображается на петроглифах.

4) Полотнища урунгу были алого, красного, желтого и белого цветов. Вокруг полотнища имела кайма другого цвета, по бокам украшалось узкой лентой с кистью. В нижней кромке полотнища знамени имелись хвосты в виде прямоугольных лент или треугольных косиц. Цвет знамени урунгу обозначал принадлежность воинского подразделения к определенному племенному объединению, племени или роду. На знамени правителя или вождя цвет отражал его династийный или персональный цвет. Разные цвета воинских знамен выполняли также тактическую функцию, обозначая своим цветом различные части боевого порядка и тактические единицы войска.

5) На полотнищах урунгу иногда изображались сакральные символы. Одним из таких символических знаков был косой крест. Учитывая, что у древних тюрков гербовым знаком служили родовые и династийные тамги, можно предположить, что косой крест на знамени урунгу также был гербовой тамгой какого-нибудь правителя или военачальника.

Acknowledgments

I am grateful to the editorial board members and anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions on the content and text of my article. I would also like to express my gratitude to the editors of the journal for their support.

Алғыс

Автор редакция ұжымына және рецензенттерге мақаламыздың мазмұны мен мәтініне қатысты құнды пікірлері мен ұсыныстары үшін өз алғысын білдіреді. Сондай-ақ журнал редакторларына қолдаулары үшін алғыс айтамыз.

Благодарности

Автор выражает благодарность членам редакционной коллегии и рецензентам за их ценные замечания и предложения по содержанию и тексту нашей статьи. Автор также благодарен редакторам журнала за их поддержку

Список литературы

- Casamayor-Monreal M. Religious Vexillology. *Emblemata*. 2013. Vol.19, pp.111–164.
- Culture and art. <https://culture-art.ru/прикладное-искусство-армении/>. Дата обращения 01.02.2025.
- Die Reliefs of Trajan's Column. Edited and Historically Explained by Conrad Cichorius; Printed with the Support of the Royal Saxon Ministry of Culture and Public Education. First Plate Volume. Reliefs of the First Dacian War. Berlin: Verlag von Georg Reimer. 1896.
- Długosz J. *Annals or Chronicles of the Famous Kingdom of Poland*. Warsaw: Scientific Publishing House PWN. 2009. Ks.7–8. https://vk.com/wall-76284785_11399. Дата обращения 12.05.2024.
- Getty Images. <https://www.gettyimages.fr/photos/gonfalon>. Дата обращения 04.08.2024.
- Grünwedel A. *Alt-Kucha: Archaeological and Religious Studies of Tempera Paintings in Buddhist Cave Temples of the First Eight Centuries CE*. Berlin: Otto Elsner Verlagsgesellschaft. 1920. NII "Digital Silk Road". Toyo Bunko. <https://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/LFa-21/V-1/page-hr/0265.html.en>.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians through the eyes of strangers. The sarmatian warrior. *International connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st-5th centuries A.D. Proceedings*

- of the international conference held in 1999 in Aszód and Nyíregyháza. Aszód – Nyíregyháza. 2001. Pp.139-169.
- Mesbah B. Configuring the Roots of Zahak Myth according to the Elamites Cylinder Seals (3rd Millennium BC.). *Bagh-e-Nazar*. 2018. Vol.14, no.56, pp.41-52. <https://www.researchgate.net/profile/Bagh-E-Nazar/publication/325416900>. Дата обращения 01.05.2025.
- Ramštedt G. Kalmyk Dictionary' was published in German. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1935. 560 p.
- von. Le Coq A. *Atlas of Art and Cultural History of Central Asia*. Berlin. 1925. <https://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/VIII-5-B6-1/V-1/>. Дата обращения 04.08.2024.
- Winder M. *Catalogue of Tibetan manuscripts and xylographs, and catalogue of thankas, banners and other paintings and drawings in the Library of the Wellcome Institute for the History of Medicine*. London: The Wellcome Institute for the History of Medicine. 1989. Pp.112. 12 color plates.
- 无声史域：平定西域□□礼定卷 (Безмолвный эпос: Церемония сдачи пленных во время усмирения западных регионов – Bezmolvnyi epos: Tseremoniia sdachi plennykh vo vremia usmireniia zapadnykh regionov). <https://history.ifeng.com/c/861rbxZdySk>. Data obrashcheniia 21.02.2025. (in Chinese)
- Арийский символ и знамя. Государственный штандарт древнего Ирана. 2024. <https://maximus101.livejournal.com/207620.html>. Дата обращения 01.02.2025.
- Ахметжан К. Военная символика древних тюрков (по изобразительным источникам). *Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение*. 2024. Т.149, no.4, с.63-87. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-149-4-63-87>.
- Бейхайм В. *Энциклопедия оружия*. Санкт-Петербург: Изд-во: Санкт-Петербург оркестр. 1995. 576 с.
- Бобров-Сосновский Д. Цари Бактрии и Индо-Бактрии. Монеты Греции: от архаики до провинции. 2019. <https://www.coins.msk.ru/index.php/stati-i-materialy/monety-gretsii/59>. Дата обращения 04.08.2024.
- Бойцов М. *Вексиллологические традиции средневековой Европы*. Signum. Центр гербоведческих и генеалогических исследований. Институт всеобщей истории РАН. Москва: ИВИ РАН. 2013. Вып.7. С.14-75.
- Вейс Г. *История культуры народов мира. Расцвет Византии: Арабские завоевания*. Москва: Изд-во: Эксмо. 2006. 144 с.
- "Вексиллография". <https://www.vexillographia.ru/russia/empirar9.htm#a1800>. Дата обращения 04.08.2024.
- Гаврилов А. Хоругвь у славян и прагерманское "khrungo". *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020. No.7(32), с.1-6. <https://doi.org/10.34680/2411-7951>.
- Гайдукевич В. *Боспорское царство*. Академия наук СССР, Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1949. 624 с.
- Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка: (в 4 ч.)*. 3-е изд., испр. и знач. доп., под ред. (и с предисл.) проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург-Москва: Издание т-ва М.О. Вольф. 1909. Т.4 (С-V). 1619, XII с.
- Дворянские роды Российской империи. Т.2. Князья. Санкт-Петербург: Изд-во Вести. 1995. 264 с.
- Дмитриев С. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии). *Военно-исторический журнал "PARA BELLUM"*. Санкт-Петербург. 2002. No.14, с.47-66. http://www.parabellum.vzmakh.ru/n14_s4.shtml. Дата обращения 04.08.2024.

- Дмитриев С. Знамя в военно-политической культуре тюрко-монгольских кочевников. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Санкт-Петербург. 2001. Т.IV, no.4, с.89–102.
- Древнетюркский словарь*. Под ред. Насилова Д., Кормушина И. и др.; сост. Боровкова Т., Дмитриева Л., Зырин А., Кормушин И. и др. 2-е изд., пересмотр. Астана: Ғылым. 2016. 760 с.
- Знамена и штандарты полков, батальонов Российской армии*. Сайт "Вексиллография". <https://www.vexillographia.ru/russia/rarmy097.htm> Дата обращения 04.08.2024.
- Иванов К. *Флаги государств мира*. Москва: Транспорт. 1971. 229 с. ил.
- Коннолли П. Греция и Рим. *Энциклопедия военной истории*. Москва: Эксмо-Пресс. 2000. 320 с.
- Кормушин И. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования*. Москва: Наука. 1997. 303 с.
- Кормушин И. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология*. Отв. ред. Насилов Д. Институт языкознания РАН. Москва: Наука. 2008. 342 с.
- Кызласов Л. Новый памятник Енисейской письменности. *Советская этнография*. Москва: Наука. 1965. No.2, с.104–113.
- Қазақстан тарихы туралы түркі деректем, елері*. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы: Дайк-Пресс. 2005. Т.II. 252 с. + 144 с.
- Максимова А., Ермолаева А., Марьяшев А. *Наскальные изображения урочища Тамгалы*. Альбом. Алма-Ата: Өнер. 1985. 144 с.
- Маргулан А. *Сочинения в 14 т.* В: Т.3. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением вольчьего тотема. Т.4. Каменные изваяния Улытау. Алматы: Дайк-Пресс. 2003. 50 с. + вкл. 246 с.
- Марцеллин А. *Римская история*. Перевод с латинского Ю. Кулаковского, А. Сонни. Москва: АСТ; Ладомир. 2005. 631 с.
- Марьяшев А., Рогожинский А. *Наскальные изображения в горах Ешкиолмес*. Алма-Ата: Ғылым. 1991. 80 с. 2 л.ил.
- Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволению К. Прохоровым*. Санкт Петербург: Типография императорской Академии наук. 1881. Вып.I. 86 с. 72 л. ил.
- Медоев А. *Гравюры на скалах*. Сары-Арка. Мангышлак. Алма-Ата: Жалын. 1979. Ч.1. 174 с. ил.
- Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве". *Известия отделения русского языка и словесности* (ИОРЯС). Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. 1902. Т.7. Кн.2. С.273–302.
- Менгес К. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1979. 268 с.
- Меховский М. *Трактат о двух Сарматиях*. Введ., пер. и коммент. С. Аннинского. Предисл. Б. Грекова. Институт истории Академия наук СССР. Москва-Ленинград: Тип. им. Володарского. 1936. 288 с.
- Мухарева А., Мунхбаяр Ч., Сухбаатар Б. Наскальные изображения Дэрстиин хутул в Монголии. *Учёные записки музея-заповедника "Томская Писаница"*. Кемерово. 2018. Вып.8. С.67-76.
- Нефедкин А. *Военное дело сарматов и алан (по данным античных источников)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского ГУ. 2011. 304 с.
- Окладников А. Конь и знамя на ленских писаницах. *Тюркологический сборник*. I. Москва-Ленинград: Издательство академии наук СССР. 1951. С.143–155.
- Окладников А., Запорожская В. Ленские писаницы. *Наскальные рисунки у деревни Шишкино*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР. 1959. 200 с. с. табл.
- Поппе Н. О тюркских лексических заимствованиях в "Слове о полку Игореве" и "Задонщине". *Труды Отдела древнерусской литературы*. Санкт-Петербург. 2004. Т.LV. С.153-161.
- Руденко С. *Культура хуннов и Ноинулинские курганы*. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР. 1962. 206 с.
- Самашев З. *Көне түркі графикасы*. Астана: Prosper Print. 2013. 316 с.

- Самашев З. *Наскальные изображения Жетысу*. Баянжурек. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Маргулана в г. Астане. 2012. 240 с.
- Самашев З. *Наскальные изображения Верхнего Прииртышья*. Алма-Ата: Гылым. 1992. 288 с.
- Словарь тюркизмов в русском языке*. Составитель Шипова Е. Алма-Ата: Наука Каз ССР. 1976. 444 с.
- Советова О., Мухарева А. Об использовании знамён в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам). *Археология Южной Сибири*. Кемерово: изд-ва Кузбассвуз-издат. 2005. Вып.23. с.92–105.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Трубачева. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс. 1987. Т.4 (Т-ящур). 864 с.
- Фоли Д. *Энциклопедия знаков и символов*. Пер. с англ. 2-е изд. Москва: ВЕЧЕ; АСТ. 1997. 512 с.
- Хохлов И. Хоругвь Новгородского ополчения 1812. *Научный журнал "СОФИЯ"*. 2012. No.3, с.16-18
- Худяков Ю. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. *Тюркологический сборник 2003-2004* (Тюркские народы в древности и средневековье). Редколлегия: Кляшторный С. (председатель), Султанов Т., Трепавлов В. Москва: Восточная литература. 2005. С.350-365.
- Шевяков Т. *Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX-начала XX вв.* Москва: Изд-во АСТ; Изд-во Астрель. 2002. 48 с. 8 л. цв. ил.

References

- Casamayor-Monreal M. Religious Vexillology. *Emblemata*. 2013. Vol.19, pp.111–164. (in Spanish)
- Culture and art*. <https://culture-art.ru/прикладное-искусство-армении/>. Data obrashcheniia 01.02.2025. (in English)
- The Reliefs of Trajan's Column. Edited and Historically Explained by Conrad Cichorius*; Printed with the Support of the Royal Saxon Ministry of Culture and Public Education. First Plate Volume. Reliefs of the First Dacian War. Berlin: Published by Georg Reimer. 1896. (in German)
- Długosz J. *Annals or Chronicles of the Famous Kingdom of Poland*. Warsaw: Scientific Publishing House PWN. 2009. Ks. 7-8. https://vk.com/wall-76284785_11399 Data obrashcheniia 12.05.2024. (in Polish)
- Getty Images. <https://www.gettyimages.fr/photos/gonfalon>. Data obrashcheniia 04.08.2024. (in French)
- Grünwedel A. *Alt-Kucha: Archaeological and Religious Studies of Tempera Paintings in Buddhist Cave Temples of the First Eight Centuries CE*. Berlin: Otto Elsner Verlagsgesellschaft. 1920. NII "Digital Silk Road". Toyo Bunko. <https://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/LFa-21/V-1/page-hr/0265.html.en> (in German)
- Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians through the eyes of strangers. The sarmatian warrior. *International connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st-5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód and Nyíregyháza*. Aszód – Nyíregyháza. 2001. Pp.139-169. (in English)
- Mesbah B. Configuring the Roots of Zahak Myth according to the Elamites Cylinder Seals (3rd Millennium BC.). *Bagh-e-Nazar*. 2018. Vol.14, no.56, pp.41-52. <https://www.researchgate.net/profile/Bagh-E-Nazar/publication/325416900>. Data obrashcheniia 01.05.2025. (in English)
- G. Ramstedt's 'Kalmyk Dictionary' was published in German. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 935. 560 p. (in German)
- von. Le Coq A. *Atlas of Art and Cultural History of Central Asia*. Berlin. 1925. <https://dsr.nii.ac.jp/toyobunko/VIII-5-B6-1/V-1/> Data obrashcheniia 04.08.2024. (in German)
- Winder M. *Catalogue of Tibetan manuscripts and xylographs, and catalogue of thanks, banners and other paintings and drawings in the Library of the Wellcome Institute for the History of Medicine*. London: The Wellcome Institute for the History of Medicine. 1989. Pp.112. 12 color plates. (in English)
- 无声史域：平定西域□□礼定卷 (*Silent Epic: Scroll Painting of the Ceremony of Presenting Captives*)

- the Pacification of the Western Regions). <https://history.ifeng.com/c/861rbxZdySk>. Data obrashcheniia 21.02.2025. (in Chinese)
- Ariiskii simvol i znamya. Gosudarstvennyi shtandart drevnego Irana. 2024. <https://maximus101.livejournal.com/207620.html>. Data obrashcheniia 01.02.2025. (in Russian)
- Akhmetzhan K. Voennaia simbolika drevnikh tiurkov (po izobrazitel'nym istochnikam). *Bulletin of L. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 2024. V.149, no.4, pp.63-87. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2024-149-4-63-87> (in Russian)
- Beikhaim V. *Entsiklopediia oruzhiia*. SPb: Saint Petersburg Orchestra Publ. 1995. 576 p. (in Russian)
- Bobrov-Sosnovskii D. *Tsari Baktrii i Indo-Baktrii*. Monety Gretsii: ot arkhaiki do provintsii. 2019. <https://www.coins.msk.ru/index.php/stati-i-materialy/monety-gretsii/59>. Data obrashcheniia: 04.08.2024 (in Russian)
- Boitsov M. *Veksillologicheskie traditsii srednevekovoi Evropy*. Signum. Center for Heraldic and Genealogical Studies. Institute of World History. Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of World History RAS. 2013. Is.7. Pp.14-75. (in Russian)
- Weis G. *Istoriia kultury narodov mira. Rastsvet Vizantii: Arabskie zavoevaniia*. Moscow: Eksmo Publ. 2006. 144 p. (in Russian)
- Veksillologiia*. <https://www.vexillographia.ru/russia/empirar9.htm#a1800>. Data obrashcheniia 04.08.2024. (in Russian)
- Gavrilov A. Khorugv u slavian i pragermanskoe "khrungo". *Scholarly Notes of Yaroslav Mudry Novgorod State University*. 2020. No.7(32), pp.1-6. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7\(32\).7](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7(32).7). (in Russian)
- Gaidukevich V. *Bosporoskoe tsarstvo*. Academy of Sciences of the USSR, Institute for the History of Material Culture named after N.Ya. Marr. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1949. 624 p. (in Russian)
- Dal V. *Tolkovy slovar zhivogo velikorusskogo iazyka*: (v 4 ch.). 3rd ed., revised and significantly enlarged, ed. and intro. by Prof. I.A. Boduen-de-Kurtene. Saint-Petersburg-Moscow: M.O. Volf Partnership Publ. 1909. Vol.4 (C-V). 1619, XII p. (in Russian)
- Dvoryanskie rody Rossiiskoi imperii*. Vol.2. Princes. Saint Petersburg: Vesti Publ. 1995. 264 p. (in Russian)
- Dmitriev S. Znamennyi kompleks v voenno-politicheskoi kulture srednevekovykh kochevnikov Tsentralnoi (nekotorye voprosy terminologii i morfologii). *Military-Historical Journal "PARA. BELLUM"* SPb. 2002. No.14, pp.47-66. http://www.parabellum.vzmakh.ru/n14_s4.shtml. Data obrashcheniia 04.08.2024. (in Russian)
- Dmitriev S. Znamia v voenno-politicheskoi kulture tiurko-mongolskikh kochevnikov. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Saint Petersburg. 2001. Vol.IV, no.4, pp.89-102. (in Russian)
- Drevnetiurkskii slovar*. Ed. by Nasilov D., Kormushin I. et al.; comp. by Borovkova T., Dmitrieva L., Zyrin A., Kormushin I. et al. 2nd revised ed. Astana: Nauka Publ. 2016. 760 p. (in Russian)
- Znamena i shtandarty polkov, batalonov Rossiiskoi armii*. Website "Vexillography". <https://www.vexillographia.ru/russia/rarmy097.htm> Data obrashcheniia 04.08.2024. (in Russian)
- Ivanov K. *Flagi gosudarstv mira*. Moscow: Transport Publ. 1971. 229 p. ill. (in Russian)
- Connolly P. *Gretsii i Rim*. *Entsiklopediia voennoi istorii*. Moscow: Eksmo-Press Publ. 2000. 320 p. (in Russian)
- Kormushin I. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniia*. Moscow: Nauka Publ. 1997. 303 p. (in Russian)
- Kormushin I. *Tiurkskie eniseiskie epitafii: grammatika, tekstologiya*. Ed. by Nasilov D. Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ. 2008. 342 p. (in Russian)
- Kyzlasov L. Novyi pamiatnik Eniseiskoi pismennosti. *Soviet Ethnography*. Moscow: Science Publ. 1965. No.2, pp.104-113. (in Russian)
- Qazaqstan tarihy turaly turki derektem, eleri. Köne türk bıtıktastary men eskertkışterı* (Orkhon, Enisei, Talas). (Tiurkskie istochniki ob istorii Kazakhstana. Drevnetiurkskie nadpisi i pamiatniki (Orkhon, Enisei, Talas). Almaty: Daik-Press Publ. 2005. Vol.II. 252 p. + 144 p. (in Kazakh)

- Maksimova A., Ermolaeva A., Mariiashev A. *Naskalnye izobrazheniia urochishcha Tamgaly*. Album. Alma-Ata: Art Publ. 1985. 144 p. (in Russian)
- Margulan A. *Sochineniia v 14 t.* In: Vol.3. Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting the wolf totem. Vol.4. Stone statues of Ulytau. Almaty: Daik-Press Publ. 2003. 50 p. + incl. 246 p. (in Russian)
- Marcellin A. *Rimskaya istoriya*. Translated from Latin by Yu. Kulakovskiy, A. Sonni. Moscow: AST; Ladomir Publ. 2005. 631 p. (in Russian)
- Mariiashev A., Rogozhinskii A. *Naskalnye izobrazheniia v gorakh Eshkiolmes*. Alma-Ata: Nauka Publ. 1991. 80 p. 2 leaves of ill. (in Russian)
- Materialy po istorii russkikh odezhd i obstanovki zhizni narodnoi, izdavaemye po Vysochaishemu soizvoleniiu K. Prokhorovym*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1881. Is.I. 86 p. 72 pl. ill. (in Russian)
- Medoev A. *Graviury na skalakh. Sary-Arka. Mangyshlak*. P.1. Alma-Ata: Flame Publ. 1979. 174 p. ill. (in Russian)
- Melioranskii P. Turetskie elementy v iazyke "Slova o polku Igoreve". *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature*. Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1902. Vol.7. Book.2. Pp.273-302. (in Russian)
- Menges K. *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"*. Leningrad: Nauka Publ. Leningrad Branch. 1979. 268 p. (in Russian)
- Mekhovskii M. *Traktat o dvukh Sarmatiakh*. Introduction, translation and commentary by S.A. Anninskii. Preface by B. Grekov. Institute of History Academy of Sciences of the USSR. Moscow-Leningrad: Volodarsky Printing House. 1936. 288 p. (in Russian)
- Mukhareva A., Munkhbayar Ch., Sukhbaatar B. *Naskalnye izobrazheniia Derstiin Khutul v Mongolii*. *Proceedings of the "Tomsk Petroglyphs" Museum-Reserve*. Kemerovo. 2018. Is.8. Pp.67-76. (in Russian)
- Nefedkin A. *Voennoe delo sarmatov i alan (po dannym antichnykh istochnikov)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology Saint Petersburg State University. 2011. 304 p. (in Russian)
- Okladnikov A. Kon' i znamia na lenskikh pisanitsakh. *Turkological Collection. I.* Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1951. Pp.143-155. (in Russian)
- Okladnikov A., Zaporozhskaia V. *Lenskie pisanitsy. Naskalnye risunki u derevni Shishkino*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1959. 200 p. with tables. (in Russian)
- Poppe N. O tiurkskikh leksicheskikh zaimstvovaniakh v "Slove o polku Igoreve" i "Zadonschine". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Saint Petersburg. 2004. Vol.LV. Pp.153-161. (in Russian)
- Rudenko S. *Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1962. 206 p. (in Russian)
- Samashev Z. *Kone turki grafikasy. (Drevnetiurkskaia grafika)*. Astana: Prosper Print. 2013. 316 p. (in Kazakh)
- Samashev Z. *Naskalnye izobrazheniia Zhetysu. Baianzhurek*. Astana: Publishing Group of the Branch of the A. Margulan Institute of Archaeology in Astana. Astana. 2012. 240 p. (in Russian)
- Samashev Z. *Naskalnye izobrazheniia Verkhnego Priirtysh'ia*. Alma-Ata: Nauka Publ. 1992. 288 p. (in Russian)
- Slovar' tiurkizmov v russkom iazyke*. Compiled by E. Shipova. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR. 1976. 444 p. (in Russian)
- Sovetova O., Mukhareva A. Ob ispolzovanii znamion v voennom dele srednevekovykh kochevnikov (po izobrazitel'nym istochnikam). *Archaeology of Southern Siberia*. Kemerovo: Publishing House of Kuzbass Universities. 2005. Is.23. Pp.92-105. (in Russian)
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. Transl. from German and add. by O. Trubachev. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Progress Publ. 1987. Vol.4 (T-Iashchur). 864 p. (in Russian)
- Foli D. *Entsiklopediia znakov i simvolov*. Transl. from English. 2nd ed. Moscow: Veche; AST Publ. 1997. 512 p. (in Russian)

- Khokhlov I. Khorugv' Novgorodskogo opolcheniia 1812 g. *Scientific Journal "SOPHIA"*. 2012. No.3, pp.16-18. (in Russian)
- Khudiakov Iu. Znamena drevnikh tiurkov i kyrgyzov v Tsentral'noi Azii v epokhu rannego Srednevekov'ia. *Turkological Collection 2003–2004 (Turkic Peoples in Antiquity and the Middle Ages)*. Eds. Kliashtornyi S. (chair), Sultanov T., Trepavlov V. Moscow: Oriental Literature Publ. 2005. Pp.350-365. (in Russian)
- Sheviakov T. *Znamena i shtandarty Rossiiskoi imperatorskoi armii kontsa XIX – nachala XX vv.* Moscow: AST Publ; Astrel Publ. 2002. 48 p. 8 leaves of color ill. (in Russian)

Information about the author

Kaliolla Akhmetzhan – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Margulan Institute of Archeology, A. Ryskulbekov, 7/87, 010009, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0007-9404-4758>, kaliolla1@yahoo.com

Автор туралы мәлімет

Қалиолла Ахметжан – тарих ғылымдарының кандидаты, Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының жетекші ғылыми қызметкері, Рысқұлбеков к., 7/87, 010009, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0007-9404-4758>, kaliolla1@yahoo.com

Сведение об авторе

Калиолла Ахметжан – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Рыскулбекова 7/87, 010009, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0007-9404-4758>, kaliolla1@yahoo.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье.

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 25.11.2025

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 25.01.2026

Published online first / Алғы рет онлайн жарияланды / Опубликовано онлайн: дата публикации Online First 01.02.2026.

Published in issue / Нөмірде жариялаңған күні / Опубликовано в номере: дата публикации номера 10.09.2026

Научная статья / Research Article
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51>

To the study of artistic metal of the Kimaks

L. Turganbayeva✉

Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan

✉laila@safar.kz

Abstract. When solving the problems of the cultural and creative process of the early Middle Ages, out of the field of view of researchers remained material on toreutics, originating from the burials of Kimaks – one of the Turkic-speaking tribes, which occupied a vast territory from Tobol and Irtysh to the Caspian and Syr Darya, but after three centuries disappeared. Accordingly, the chronological framework of the work covers a period that includes the time of the emergence of the Kimak Kaganate at the end of the IX century and its decline in the middle of the XI century under pressure from the Mongol tribes of Central Asia. The circumstances and conditions for the discovery of metal objects, their description, general assessment, interpretation, and reconstruction options are given in a number of publications by F.Kh. Arslanova, who studied medieval mounds in Pavlodar and Upper Irtysh (late 1950–1970s). Another valuable source was a monograph on the results of work in the flood zone of the Shulba hydroelectric station, carried out in the 1980–1983 expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnography, Ch. C. Valikhanov Academy of Sciences of the Kazakh SSR. However, in these works, no attempts were made to analyze the art historical nature. At the same time, a relatively large collection of things identified in Kimak burials, including jewelry of belt and blasting sets, jewelry for the head and hands, cult affiliation, requires a holistic consideration, systematization, and analysis of technologies, decor, and visual range. In this article, we tried, relying on the most striking items in the collection, to touch on these issues and show the values that the Kimak people have enriched humanity with. For this, a more accurate drawing of products has been undertaken, which allows you to identify sufficiently significant details. A typological analysis of the belt and jet headset was carried out with the selection of three types of buckles (brushless, with a movable and fixed shield), with the systematization of blades (overhead, end, suspended), and with the selection of original forms. Visual analysis of the forms and design techniques of the warrior's accessories showed that they were inherited from the early nomads. Such clear contours are characteristic of the traditional nomadic technique of application. The decor of the products also traces the features characteristic of the style of art of the early medieval era as a whole – convention and schematism, plane-relief drawing, axial and central symmetry. Analysis of ornamentation on samples made it possible to distinguish two main groups: linear-geometric and floral ornament. And here continuity is traced, and preference is given to three universal motifs (trefoil, palmette, heart), on the basis of which many variations have been created. Among the identified Kimak ear ornaments, five types have been identified. On this basis, the structural, decorative, and evolutionary features of nomadic earrings are considered, and the hypothesis of their genesis is presented. An attempt was made to use ethnographic reality data to interpret cult objects from female burials of the Upper Irtysh region. It was revealed that the costume of the Kimak woman-shaman symbolized a bird, the role of feathers, legs, and claws of which was played by metal pendants depicting zoomorphic and anthropomorphic figures.

Keywords: East Kazakhstan; the early Middle Ages; Kimaks; art metal; decorations; stylization; ornament

For citation: Turganbayeva L. To the study of artistic metal of the Kimaks. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.34-51. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51>

Funding. The article was prepared within the framework of the research project "Toreutics of the Karluks: artistic traditions and technologies" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: AP19678689)

Қимақтардың көркем металын зерттеу бағытында

Л. Тұрғанбаева

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Ерте орта ғасырлардағы мәдени-шығармашылық үдеріс мәселелерін қозғаған кезде зерттеушілер Тобыл мен Ертістен Каспий мен Сырдарияға дейінгі ұлан-ғайыр аумақты алып жатқан, бірақ үш ғасырдан кейін жойылып кеткен түркі тілдес тайпалардың бірі қимақтардың жерлеулерінен бастау алған төревтикаға қатысты материалдарды назардан тыс қалдырды. Осыған сәйкес, еңбектің хронологиялық шеңбері Қимақ қағанатының IX ғасырдың аяғында пайда болуы мен XI ғасырдың ортасында Орта Азиядағы моңғол тайпаларының қысымымен құлдырау кезеңін қамтитын кезеңді алып жатыр. Металл заттардың табылу жағдайлары мен шарттары, оларды сипаттау, жалпы бағалау, түсіндіру және қайта құру нұсқалары Павлодар және Жоғарғы Ертіс өңірлеріндегі ортағасырлық обаларды зерттеген Ф.Х. Арсланованың бірқатар еңбектерінде жарияланған (1950–1970 жж.). Тағы бір құнды дерек 1980–1983 жылдары Шүлбі су электр станциясының су басу аймағындағы жұмыс нәтижелері туралы Ш. Уәлиханов атындағы Қазақ КСР ҒА Тарих, археология және этнография институты шығарған монография болып табылады. Алайда бұл еңбектер көркемдік-тарихи талдау жасауға талпынған жоқ. Сонымен қатар, қимақ қорымдарынан табылған бұйымдардың салыстырмалы түрде үлкен жиынтығы, оның ішінде белдік пен әбзелдік әшекейлер, бас және қол әшекейлері, табыну керек-жарақтарының технологияларын, әшекейлеу, бейнелеу элементтерін жан-жақты зерттеуді, жүйелеуді және талдауды қажет етеді. Бұл мақалада біз коллекцияның неғұрлым жарқын заттарына сүйене отырып, осы мәселелерге тоқталып, қимақ халқының адамзатты байытқан құндылықтарын көрсетуге тырыстық. Осы мақсатта айтарлықтай маңызды бөлшектерді анықтауға мүмкіндік беретін бұйымдардың дәлірек сызбасы жасалды. Белдік және әбзел гарнитурасында үш типті тоғаларды (қалқансыз, қозғалмалы және қозғалмайтын қалқаншалы) бөле отырып, бірегей нысандарды іріктеп, айылбастар (жапсырма, шеткі, аспалы) жүйелендіріліп, типологиялық талдау жүргізілді. Жауынгердің аксессуарларын безендірудің формалары мен тәсілдерін визуалды талдау олардың ерте көшпенділерден мұра болып қалғанын көрсетті. Мұндай айқын контурлар аппликацияның дәстүрлі көшпелі техникасына тән. Бұйымдар декорында сондай-ақ тұтастай алғанда ерте орта ғасыр өнерінің стиліне тән ерекшеліктер – шартты және схемалық, жазықтық-бедерлі сурет, осьтік және орталық симметрия байқалады. Үлгілердегі ою-өрнектерді талдау екі негізгі топты бөліп көрсетуге мүмкіндік берді: сызықтық-геометриялық және өсімдік ою-өрнегі. Бұл жерде сабақтастық байқалады, оның үстіне үш әмбебап мотивке (үшбұрыш, пальметта, жүрек) артықшылық беріледі, олардың негізінде көптеген вариациялар жасалған. Анықталған қимақ әшекейлерінің арасында құлаққа арналған бес түр бөлінген. Олардың негізінде көшпелі сырғалардың құрылымдық, сәндік және эволюциялық ерекшеліктері қарастырылып, олардың генезисі гипотезасы ұсынылған. Жоғарғы Ертіс өңіріндегі әйелдер қорымындағы ғибадат

заттарын түсіндіру үшін этнографиялық шындық деректерін пайдалануға әрекет жасалды. Қимақ бақсы әйелінің киімі құсты бейнелейтіні анықталды, оның қауырсындарының, аяқтарының және тырнақтарының рөлін зооморфтық және антропоморфтық фигуралар бейнеленген металл кулондар орындады.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан; ерте орта ғасырлар; қимақ; көркем металл; безендіру; стильдеу; ою-өрнек

К изучению художественного металла кимаков

Л. Турганбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Казахстан

Аннотация. При решении проблем культурно-творческого процесса эпохи раннего средневековья вне поля зрения исследователей оставался материал по торевтике, происходящий из погребений кимаков – одного из тюркоязычных племен, занимавшего обширную территорию от Тобола и Иртыша до Каспия и Сырдарьи, но по прошествии трех веков исчезнувшего. Соответственно, хронологические рамки работы охватывают период, включающий время возникновения Кимакского каганата в конце IX в. и его упадка в середине XI в. под давлением монгольских племен Центральной Азии. Обстоятельства и условия обнаружения металлических предметов, их описание, общая оценка, интерпретация и варианты реконструкции даны в ряде публикаций Ф.Х. Арслановой, исследовавшей средневековые курганы в Павлодарском и Верхнем Прииртышье (конец 1950-1970-е гг.). Другим ценным источником явилась монография по результатам работ в зоне затопления Шульбинской ГЭС, проводившихся в 1980-1983 гг. экспедицией ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Однако в этих работах не делалось попыток анализа искусствоведческого характера. Вместе с тем, сравнительно многочисленное собрание выявленных в кимакских погребениях вещей, включающих украшения поясных и сбруйных наборов, украшения для головы и рук, принадлежности культа, требует целостного рассмотрения, систематизации, анализа технологий, декора и изобразительного ряда. В данной статье мы попытались, опираясь на наиболее яркие предметы коллекции, коснуться этих вопросов и показать те ценности, которыми обогатил человечество народ кимаков. Для этого предпринята более точная прорисовка изделий, позволяющая выявить достаточно существенные детали. Проведен типологический разбор поясной и сбруйной гарнитуры с выделением трех типов пряжек (бесщитковые, с подвижным и неподвижным щитком), с систематизацией блях (накладные, концевые, подвесные), с отбором оригинальных форм. Визуальный анализ форм и приемов оформления аксессуаров воина показал, что они унаследованы от ранних кочевников. Подобные четкие контуры характерны для традиционной кочевнической техники аппликации. В декоре изделий прослеживается также черты, характерные для стиля искусства раннесредневековой эпохи в целом – условность и схематизм, плоскостно-рельефный рисунок, осевая и центральная симметрия. Анализ орнаментики на образцах позволил выделить две основные группы: линейно-геометрический и растительный орнамент. И здесь прослеживается преемственность, причем предпочтение отдается трем универсальным мотивам (трилистник, пальметта, сердечко), на основе которых создано множество вариаций. Среди выявленных кимакских украшений для ушей выделено пять типов. На их основе рассмотрены конструктивные, декоративные и эволюционные особенности кочевнических серег, представлена гипотеза их генезиса. Предпринята попытка использования данных этнографической реальности для интерпретации

культовых предметов из женских захоронений Верхнего Прииртышья. Выявлено, что костюм кимакской женщины-шаманки символизировал птицу, роль перьев, лапок и когтей которой играли металлические подвески с изображением зооморфных и антропоморфных фигурок.

Ключевые слова: Восточный Казахстан; раннее средневековье; кимаки; художественный металл; украшения; стилизация; орнамент

Для цитирования: Турганбаева Л. К изучению художественного металла кимаков. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, no.3, с.34-51, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-34-51>

Финансирование. Исследование проводилось в рамках проекта "Торевтика карлуков: художественные традиции и технологии" программы грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (IRN проекта: AP19678689)

Введение

Кимаки – одна из доминирующих этнических групп, оставивших значительный след в летописи евразийских степей, однако история их продолжает оставаться областью малоисследованной по причине скудости фактологического материала и недостаточной его изученности. Например, ничего неизвестно о происхождении кимаков. Одни исследователи считают их потомками тюрков Алтайско-Саянского нагорья, другие – монголоязычного племени кумо-хи китайских авторов, третьи – "малосильных хуннов", создавших государство Юебань (Расовский 2017: 14; Кумеков 1972: 5; Файзрахманов 2000: 138). В то же время довольно четко обозначаются главные вехи их истории. Согласно источникам, в середине VII в. кимаки входили в Западный Тюркский каганат, затем – в Уйгурский каганат, после падения которого (840 г.) создали на базе союза семи племен (кимак, ими, татар, баяндур, кыпчак, ланиказ, аджлад) в верховьях Иртыша свой каганат – Кимакский (Файзрахманов 2000: 139; Каражигитова 2025).

Археологические исследования показывают, что для погребального обряда кимаков характерны захоронения под каменно-земляными курганами внутри прямоугольных или округлых оградок, покрытых каменными выкладками. Погребения, как правило, единичные, могильные ямы – прямоугольные, иногда с подбоем вдоль северной стенки. Усопшие лежат на спине, в вытянутом положении, головой на восток или северо-восток. Большее число погребенных сопровождается захоронением коня, обычно положенного параллельно человеку с той же самой ориентировкой. В отдельных могилах находятся костяки двух или трех коней (Могильников 1981: 43-44).

Исследование кимакских курганов дало не только наборы предметов вооружения, орудий труда, принадлежности конской сбруи, но и превосходные образцы декоративного искусства, украшавшие одежду, воинские пояса, снаряжение коня, сабли, предметы культа.

Материалы и методы

Изучение материалов коллекции художественного металла кимаков и литературных источников (Агеева и др. 1959; Арсланова 2013; Археологические 1987; Самашев 2016; Хасенова и др. 2021) показывает, что в функциональном отношении она весьма представительна и условно может быть поделена на две части: мужской и женский

комплексы. Условно, поскольку не все предметы инвентаря маркируют определенную социальную группу. Мужской комплекс охватывает аксессуары и личные украшения воина, украшения его оружия и снаряжения коня, то есть репрезентативные признаки сословно-социального ранга и положения в военно-служилой иерархии. Женский комплекс состоит из украшений для головы и рук, а также предметов культа.

Подавляющее большинство металлических украшений поясной и уздечной гарнитуры, включающей в себя пряжки и бляхи, выполнено из бронзы и серебра, нередко позолоченного, с использованием технологии литья. Все найденные пряжки, предназначенные для застегивания пояса воина, затягивания голенищ его сапог у щиколотки, а также входящие в состав фурнитуры узды и шлеи – с подвижным язычком, нередко железным (рис. 1-1-7).

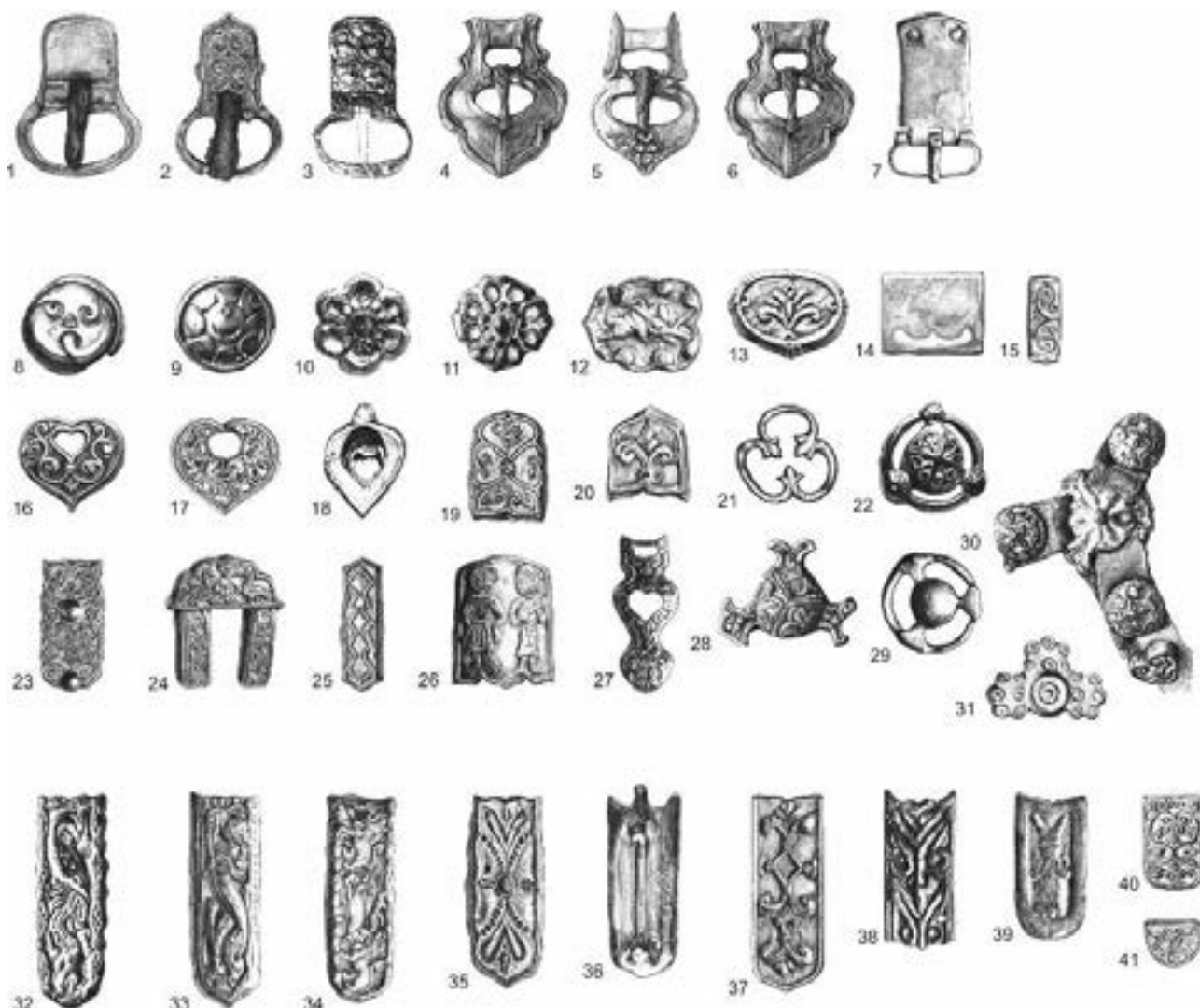

Fig. 1. Decoration of a warrior, his weapon and horse: 1-7 – buckles, 8-31 – plaques, 32-41 – belt tips

Рисунок 1. Убранство воина, его оружия и коня: 1-7 – пряжки, 8-31 – бляхи, 32-41 – наконечники ремня

Различаются три типа изделий. Тип 1 – бесщитковые пряжки с рамкой круглой, овальной (горизонтального и вертикального расположения) и трапециевидной формы. Тип 2 – цельнолитые образцы, то есть с неподвижным щитком, двух видов. В первом случае

щиток сплошной, прямоугольный, удлиненной формы, с округлым или заостренным концом; плоский с овальной гладкой рамкой или рельефный орнаментированный с фестончатой рамкой (рис. 1-1-3). Во втором – та же подпрямоугольная форма щитка, но с фигурным краем и большим вырезом; рамка – сердцевидная (рис. 1-4-6). По форме рамки, пропорциям и конструкции крепления язычка последние экземпляры восходят к костяным сибирско-алтайским пряжкам. Тип 3 – с подвижным щитком, продолговатой прямоугольной формы, согнут из серебряной пластины. В месте сгиба вырезаны петли, сквозь которые продета узкая овальная рамка с выступами на концах. Верхняя и нижняя части основания и помещенный между ними ремень соединены двумя серебряными заклепками (рис. 1-7).

Поражают своим разнообразием бляхи, которые подразделяются на накладные, подвесные и концевые. Из блях-накладок на воинский пояс отметим гладкие квадратные с фигурной щелевидной прорезью у нижнего края (рис. 1-14), прямоугольные орнаментированные обоймы-тренчики (рис. 1-15), круглые плоские и полусферические с рельефным орнаментом (рис. 1-8, 9), цветковидные с шестью и восьмью лепестками (рис. 1-10, 11), овальные геральдические (рис. 1-13), сердцевидные орнаментированные с фигурным вырезом по центру и ажурные (рис. 1-16, 17). С ними композиционно связаны были бляхи-тройники, предназначенные для сочленения ремней и обозначения их направления (рис. 1-21, 22, 28-31). Здесь фантазия мастеров породила множество разновидностей, от округлых гладких с дуговидными прорезями до богато орнаментированных с различно оформленными лопастями.

По форме и размерам к поясным накладным бляхам близка фурнитура конского снаряжения. Однако, наряду с почти идентичными изделиями, встречаются оригинальные: пятиугольные (в форме "геральдического щита") (рис. 1-20), с пирамидальными выступами, шумящие подвески с полуайцевидным выступом на лицевой стороне и бронзовым шариком внутри (рис. 1-18). Свообразием отличаются и бляхи, украшавшие оружие. Это хорошо видно на примере сабли знатного воина из Зевакинского могильника (Восточно-Казахстанская обл.). Три накладные бляхи прикреплены были к рукояти: одна – умбоновидная с волнистым краем и шестилепестковой розеткой по центру, вторая – в форме четырехлистника, третья – ромбовидная с рельефным узором из переплетающихся колец.

Надо сказать, что из концевых блях в коллекции наиболее многочисленны наконечники, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня, украшая его и предохраняя от быстрого изнашивания. Чаще всего они прямоугольной формы, продолговатые и укороченные, с заостренным или скругленным концом, но встречаются и с фестончатым или фигурным краем и выемкой у основания. В декоре их использованы геометрический, растительный, зооморфный и антропоморфный орнаменты (рис. 1-32-41).

Истолкование описываемой категории вещей, используемой на них орнаментики, ее смысла и содержания не перестает волновать исследователей. Одни авторы видят в них главный индикатор "имперской" культуры, выполненный по матрицам из ставки верховного владыки, по мере надобности и в соответствии с рангом носителя, с весьма ограниченным и регламентированным репертуаром форм и орнамента (Горелик 2017). Другие уподобляют орнамент украшений воина их униформе и знакам отличия, считают демонстрацией их богатства и мастерства ремесел каганата (Маршак 2017). Третьи полагают, что эти изделия не что иное, как металлические аппликации на ремень или одежду, и подчеркивают роль орнамента как средства для придания разнообразия

изделиям (Бернштам 1952). Все эти подходы к изучению торовитики средневековых кочевников не лишены известного основания. Однако будем исходить из аксиомы, что орнаментальный декор – это средство придать вещи, ее поверхности и изображению на ней особую сакральную жизненную силу, объемлющую и предметную.

Визуальный анализ формы ювелирных изделий мужского комплекса кимакской коллекции, их геометрических параметров и границ показывает, что образцам свойственны контуры и рисунки, тесно связанные с мотивами, типичными для степного искусства и характерные для традиционной кочевнической техники аппликации с ее замкнутым контуром фигур, нередко составленным из плавных отрезков дуги и острых углов. В декоре этих предметов прослеживаются черты, характерные для стиля искусства раннесредневековой эпохи в целом – условность и схематизм, плоскостно-рельефный рисунок, осевая и центральная симметрия, четкий графический контур (Ремпель 1961: 87).

Результаты

Анализ орнаментики на образцах позволяет свести все многообразие мотивов к двум основным группам. Первую составляют линейно-геометрический и растительный орнамент, употребляемые в строчной композиции, на сетке квадратов, а также единично. Геометрический декор представлен простейшими прямолинейными и криволинейными фигурами. Популярны ромбы, нервюры, прорезной орнамент. В растительном орнаменте универсальна роль пальметты, фигуры сердечка, трилистника или их половинок. Трилистник – трехлепестковый остролистник, олицетворение лотоса присутствуют почти в каждой композиции: на обувных бляхах, в декоре подвесок и наконечников (рис. 1-20, 23, 37, 38). В солярной схеме он потеснил традиционные кочевнические свастикообразные вертуны и многолепестковые розетки. Характерны полусферические бляхи с рельефным узором из четырех трилистников с удлиненным средним листом, расположенных накрест, в окружении парных завитков и кольца из перлов (рис. 1-30). Мотив пальметты – символа "священного дерева", плодородия, жизнеутверждающего начала применен в орнаменте кимаков в форме пяти- и семилепестковых цветков. Судя по композиции овальной бляхи, приемы стилизации превратили его в средство оформления вkomпонованного в декор родового или династического знака (рис. 1-13). Фигура сердечка, принявшая форму заостренного листа, чаще встречается в контурах накладных блях и подвесок, но нередко komponуется вокруг базовой точки (рис. 1-16, 17, 19). Особенно эффектно фигуры универсального применения сочетаются с изогнутым по спирали стеблем. На бляхах и наконечниках нередко композиции, в которых спаренный вьющийся стебель, скрепленный в местах касания кольцом, образует среднее поле в виде цепочки медальонов.

Вторая группа кимакского орнамента на украшениях мужского комплекса включает в себя более или менее стилизованные изображения животных, реальных и фантастических, людей, а также композиции на повествовательные и мифологические темы. Сюжеты заключены в рамку, нередко из перлов или фестонов, что указывает на их символическое значение и стремление мастера придать вещи значимость, присущую ее владельцу. В манере передачи животных еще сохраняются пережиточные черты анимализма ранних кочевников, но, в отличие от фигур "звериного стиля", они тесно связаны с плетением стеблей и побегов и являются лишь акцентами в общем растительном декоре.

Подверглись трансформации фантастические животные – существа, сочетающие в себе признаки зверей, птиц и пресмыкающихся. На концевых бляхах поясов они представлены

одиночными профильными изображениями шагающих чудовищ и драконов с сильно вытянутыми пропорциями изгибающихся по-кошачьи тел и стилизованными в духе растительного орнамента крыльями, клыками, ушами, рогами (рис. 1–32, 33).

Подчинены декоративному убранству и сцены охоты, которые носят в искусстве кимаков пространственный характер и разворачиваются на общей базисной линии. По горизонтали бегут влево два льва и олень на продолговатых наконечниках (рис. 1–34). Этот "гон зверей" напоминает растительный побег – переходят друг в друга линии тел животных и полукольца закинутых за спину длинных рогов оленя, лепестком и бутоном проросли хвосты хищников. Это явление Г.А. Федоров-Давыдов называл "всепроницающим движением" (Федоров-Давыдов 1976). Диагональ читается в сцене единоборства на овальных накладных бляхах (рис. 1–12). Она образована вытянутым в прыжке телом свирепого тигра и занесенным над ним копьем в руке стремительно мчащегося степного воина. В этом сюжете образ человека передан весьма поэтично. Особенно выразителен характерный профиль с особым изгибом бедра слившегося с конем всадника.

Полной противоположностью является изображение фигуры мужчины в полный рост на наконечнике ремня (рис. 1–39). Втиснутый в широкую рамку металлического изделия, образ человека весьма искажен, схематичен. У него большая голова с клиновидной бородкой, увенчанная трехрогой шапкой. Контур лица обрисован крайне скупое, несколькими линиями переданы глаза, нос, рот. Туловище условно: от выпуклого округлого живота вверх отходят руки в виде растительных завитков, вниз – широко расставленные ноги, которые упираются в углы обрамления. Статичная поза персонажа и жесткая симметрия придают изображению геральдический характер.

Двух мужчин в полный рост можно видеть и в сцене пира, изображенной на навершии рукояти сабли (рис. 1–26). Это – дуэт, в котором один персонаж танцует под аккомпанемент другого – музыканта-лютниста. Скрытую динамику этой композиции, ощущение ритмичного колыхания на плоскости мастер оттенил мягко очерченными контурами и плавным изгибом тел героев, их повернутыми друг к другу головами с обобщенными округлыми лицами.

Отметим также изображение мужчины, сидящего с поджатыми калачиком ногами между двух фазанов, на бляхе, соединяющей две обоймы-тренчики от ножен сабли (рис. 1–24). Особенно тщательно изображена его голова в высокой шапке, тонко моделировано лицо, более схематично туловище со сложенными на животе руками, держащими чашу. Исключительно просто, обобщенно, но выразительно даны изображения предстоящих – двух птиц, в которых различимы, помимо общей конфигурации, оперенье в виде точечного орнамента, раздваивающийся опущенный хвост, круглый глаз, две ноги. Сами обоймы украшены поясками из пятилепестковых пальметт.

Таким образом, анализ декора убранства кимакских воинов показал довольно ограниченный репертуар орнаментальных мотивов. Из геометрического и растительного орнамента были взяты символы, олицетворявшие универсум, из зооморфного – хищники, из антропоморфного – мужские персонажи.

Об аксессуарах женского костюма кимаков позволяют судить украшения и культовые предметы, составляющие вторую часть коллекции (рис. 2).

Рисунок 2. Ювелирные украшения из женских погребений Верхнего Прииртышья: 1–3, 6–10 – серьги, 4, 5 – перстни, 11 – бубенчик, 12, 13 – булавки, 14, 19, 20 – застёжки, 15–17 – наверхия головного убора, 18, 21, 22, 27–30, 32 – подвески, 26, 31 – бляхи

Fig. 2. Jewellery from female burials of the Upper Irtysh region: 1–3, 6–10 – earrings, 4, 5 – rings, 11 – a small bell, 12, 13 – pins, 14, 19, 20 – clasps, 15–17 – headdress finials, 18, 21, 22, 27–30, 32 – pendants, 26, 31 – buckles

Украшения для ушей в коллекции немногочисленны. Среди них выделяются серьги, которые мы подразделяем на пять типов.

Тип 1 – серьги в виде проволоочного кольца с несомкнутыми и сомкнутыми концами, которые чаще всего фиксируются при раскопках (рис. 2-1). В погребениях рядовых членов общества обоих полов они, как правило, бронзовые, встречаются по одной с левой и правой стороны черепа, реже – по две. Известны также случаи находки кольчатых серег, выполненных из драгоценных металлов: один экземпляр из тонкой серебряной проволоки, два – из толстой и пара золотых (диаметром 16 мм). Выявленные наряду с ними височные подвески и гладкие браслеты отличаются от серег только размерами.

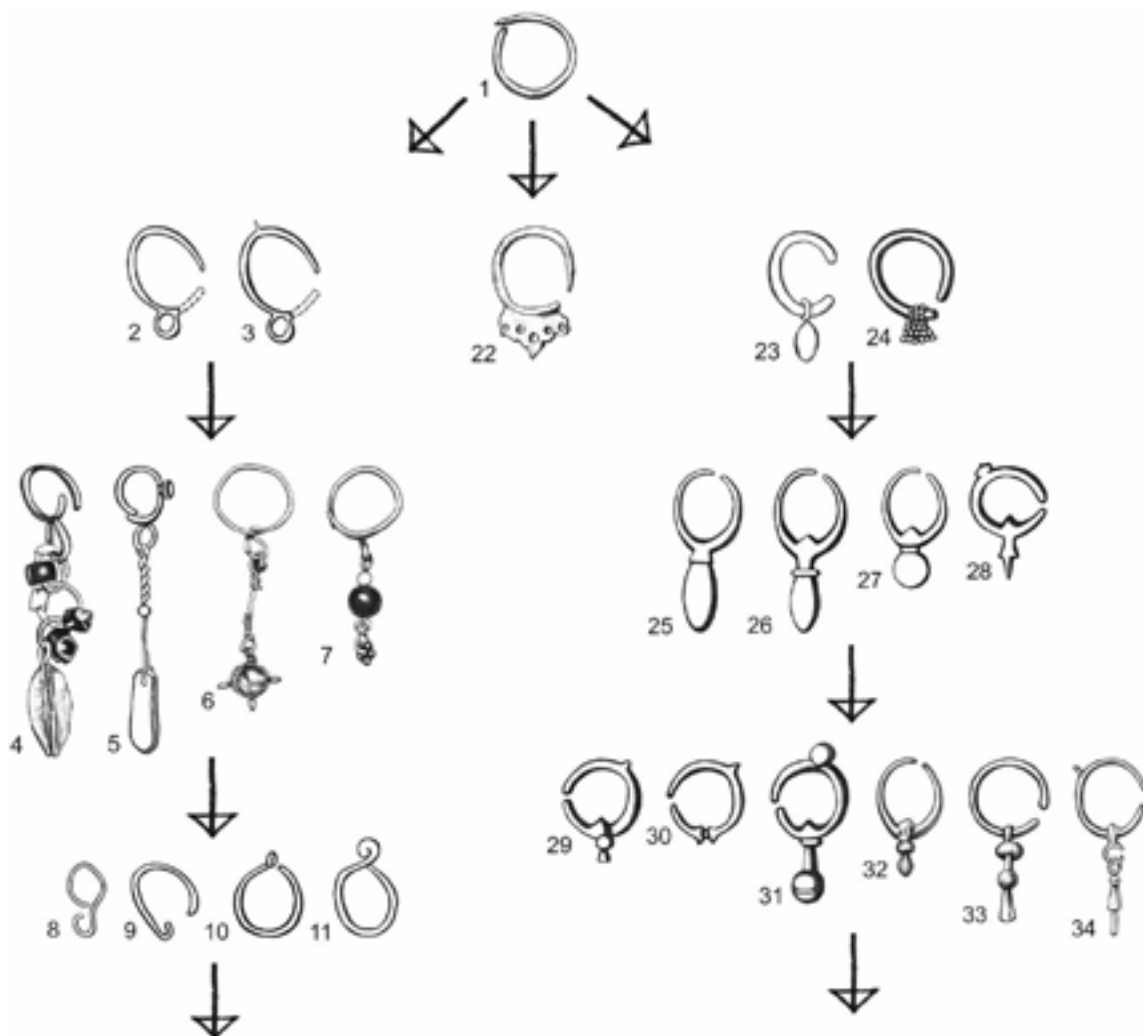
Тип 2 – серьги в виде знака вопроса (рис. 2-6, 7). Бронзовые и серебряные, они имеют форму кольца с отходящим от него заостренным стержнем, с насаженной бусиной и петелькой на конце.

Тип 3 – серьги с припаянной к дужке кольца продолговатой прямоугольной пластиной, заостренной книзу, с фигурным краем и пятью отверстиями для подвешивания (рис. 2-2) (Арсланова 2013: 94).

Тип 4 – серьги сложной формы, двусоставные, в форме разомкнутого кольца овальной формы с выступом в верхней части и шарообразной подвеской – в нижней. Литейные швы, образовавшиеся в них по линии соединения двух полых дуг, закамouflированы частыми насечками. У бронзовой версии серег подвеска шарообразная, крепилась на шелковой веревочке, известна в двух вариантах: глазчатая и в виде бубенчика с пятью выступами, у серебряных – в форме пирамидки вершиной вниз или шарика, примотанного к дужке проволокой, две его половинки украшены рельефной крестовиной с углублением на маковке (рис. 2–8–10).

Тип 5 – серьги-лунницы в форме полумесяца, обращенного рожками вверх (рис. 2–3), также двусоставные, возможно, из тисненых пластинок, с каймой из ложной зерни по внешнему краю.

Типологический анализ ушных украшений позволяет рассмотреть их в общем ряду памятников своего времени, определить место каждого в едином процессе исторического развития кочевнических серег (рис. 3).

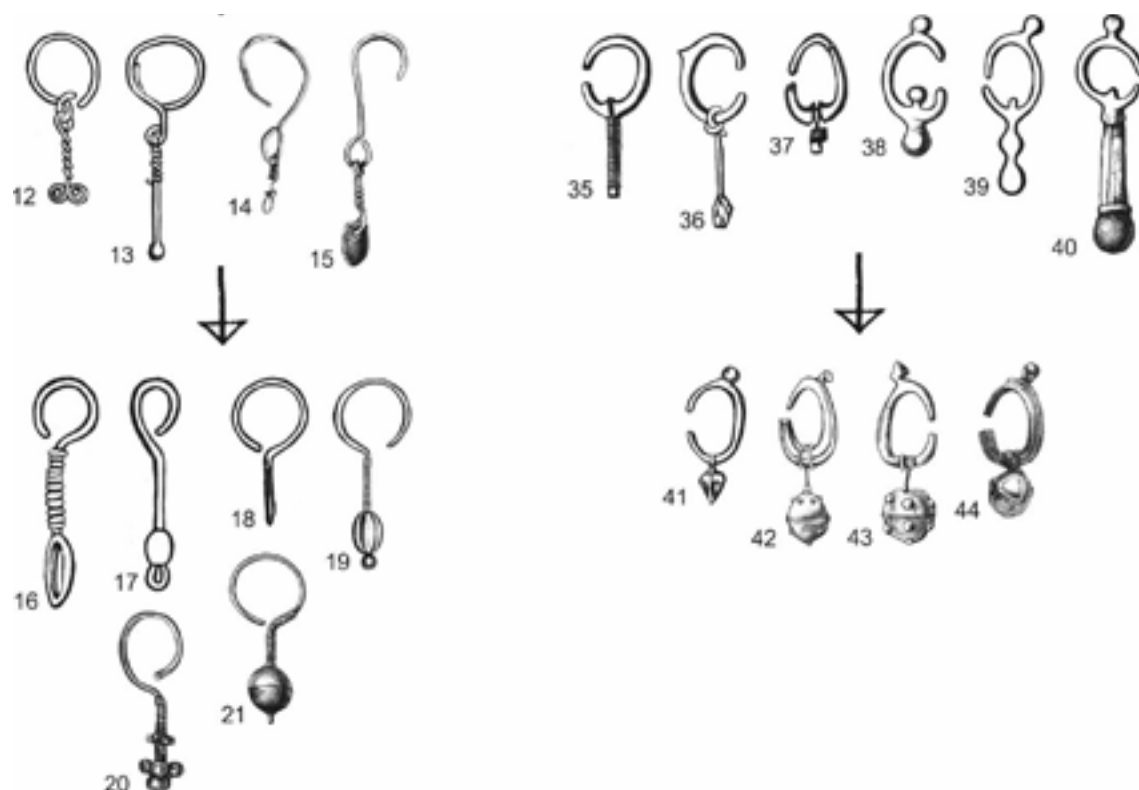

Рисунок 3. Схема эволюции кочевнических серег: 1 – серьга в виде проволочного колечка; 2, 3, 32–34 – бронзовые серьги. Пенджикент (Распопова 1980: 112, рис. 75–1, 2, 5, 14); 4, 24 – золотые серьги. Шиликты. Восточный Казахстан (Толеубаев 2018: 90); 5, 12 – кочевники Семиречья и Тянь-Шаня усуньского времени (Заднепровский 1992а: 379, табл. 29–51, 58); 6, 7, 14, 15 – ранние кочевники. Восточный Казахстан; 8, 9, 16 – Саргатская культура (правобережье Иртыша) (Заднепровский 1992а: табл. 126–27, 28, 37); 10, 11 – Южный Казахстан и Ташкентский оазис (Заднепровский 1992б: табл. 37–35, 36); 13 – ранние кочевники. Моги́льник Убаредмет (Верхнее Прииртышье); 17, 18 – бронзовые серьги. Ждановский моги́льник (Павлодарская обл.) (Арсланова 2013); 19 – серьги в виде знака вопроса (X в., Новгород) (Седова 1959: 225, рис. 1–12); 20 – моги́льник Новобырдо (XIV–XV вв., Косово, Сербия) (Владимиров 2018: 24, рис. 14); 21 – некрополь г. Кечкемет (XIV в., Венгрия) (Владимиров 2018: 19, рис. 7); 22 – серьга с припаянной к дужке пластиной. Верхнее Прииртышье (Арсланова 2013: 94); 23 – серьга с овальной подвеской (кон. I тыс. до н. э., Восточный Казахстан) (Боковенко и др. 1992: табл. 57–41); 25–31, 35–37 – серьги тюрков Саяно-Алтая (Овчинникова 1990: рис. 10); 38–40 – аланский катакомбный моги́льник Чми (VI–IX вв., Северный Кавказ) (Деопик 1963: 130, рис. 2–2, 3, 6); 41–44 – серьги "кимакского типа" (Арсланова 2013)

Fig. 3. Scheme of the evolution of nomadic earrings: 1 – earring in the form of a wire ring; 2, 3, 32–34 – bronze earrings. Penjikent (Raspopova 1980: 112, fig. 75–1, 2, 5, 14); 4, 24 – gold earrings. Shilikty. East Kazakhstan (Toleubayev 2018: 90); 5, 12 – nomads of Semirechye and Tien Shan of Wusun time (Zadneprovsky 1992a: 379, table 29–51, 58); 6, 7, 14, 15 – early nomads. Eastern Kazakhstan; 8, 9, 16 – the Sargat culture (right bank of Irtysh) (Mogilnikov 1992: 476, table 126–27, 28, 37); 10, 11 – Southern Kazakhstan and Tashkent oasis (Zadneprovsky 1992b: 287, table 37–35, 36); 13 – early nomads. Ubaredmet burial ground (Upper Irtysh region); 17, 18 – bronze earrings. Zhdanovsky burial ground (Pavlodar region) (Arslanova 2013); 19 – earrings in the form of a question mark (10th century, Novgorod) (Sedova 1959: 225, fig. 1–12); 20 – Novobyrdо burial ground

(14th–15th cc., Kosovo, Serbia) (Vladimirov 2018: 24, fig. 14); 21 – necropolis of Kechkemmet (14th c., Hungary) (Vladimirov 2018: 19, fig. 7); 22 – earring with a plate soldered to the shackle. The Upper Irtysh region (Arslanova 2013: 94); 23 – earring with an oval pendant (late 1st millennium BC, Eastern Kazakhstan) (Bokovenko et al 1992: 407, table 57–41); 25–31, 35–37 – earrings of the Sayan–Altai Turks (Ovchinnikova 1990: fig. 10); 38–40 – the Alanian catacomb burial ground of Chmi (6th–9th cc., North Caucasus) (Deopik 1963: 130, fig. 2– 2, 3, 6); 41–44 – earrings of the "Kimak type" (Arslanova 2013)

Обсуждение

Изучение конструктивных решений образцов показывает, что исходной формой всех изделий являются серьги в виде простых проволоочных сомкнутых и несомкнутых колец (рис. 3–1). Судя по литературе, в Верхнем Прииртышье они бытовали еще в эпоху поздней бронзы, но широкое распространение получили в скифо-сакскую эпоху. Собственно, тогда и начались всевозможные манипуляции с кольчатыми серьгами. В конце I тыс. до н. э. к колечку крепили небольшую овальную подвеску (рис. 3–23) (Бокovenko и др. 1992: 147, 407, табл. 57–41), она была подвижная и просто прикреплялась проволоочной обмоткой к швензе серьги. То есть бусины можно было легко и быстро менять, создавая каждый раз новые серьги на одной и той же основе. Затем с внешней стороны швензы стали припаивать подвесное ушко (рис. 3–2). Подвеска тоже преобразилась и приобрела вид удлиненного проволоочного стержня с нанизанными на него бусинами и насаженным на конце камушком, розеткой из спаянных друг с другом металлических горошин или диском–гнездом для вставки полудрагоценного камня в кольцо из зерни (рис. 3–6, 7). На золотой серьге из Шиликты мы видим несколько подвешенных друг к другу кольцевых звеньев (рис. 3–4). Отметим также, что у кочевников Семиречья и Тянь-Шаня усуньского времени впервые встречаются серьги с бусинкой, прикрепленной на верхней части дужки (рис. 3–5) (Заднепровский 1992а: 379, табл. 29–58).

Материалы археологических исследований Саргатской культуры (правобережье Иртыша) показывают, что где-то в III–II вв. до н. э. подвесное ушко стали мастерить из самой основы – колечка, вставлявшегося в ухо (рис. 3–8, 9). Для этого один из его концов оттянули, выпрямили и загнули, то есть получилась открытая швенза–крючок. А ко II–III вв. н. э. серьги в виде знака вопроса уже окончательно оформились (Могильников 1992: 476, табл. 126–28, 29). У бронзовой серьги из Ждановского могильника (Павлодарская обл.) для плотного закрепления бусины на нижней петле стержень обмотан проволокой (рис. 3–17, 18). Аналогичные серьги найдены при раскопках археологических памятников Новгорода, Волжской Булгарии, Хорезма и т. д. (рис. 3–19) (Седова 1959: 225, рис. 1–12; Владимиров 2018: 16, рис. 4–1, 7, 8, рис. 6; Торежанова 2000: 205, рис. 1–3).

Старая сакская художественная традиция продолжала жить и в образцах таких типов серег, как "кимакские" и "салтовские". Их появление определили древние тюрки, наследники ранних кочевников, отдавая предпочтение технике литья по деревянным и восковым моделям с использованием сердечников. То есть при изготовлении серег они использовали технологию создания ременных украшений. Преимущества литья по восковой модели – возможность получать при малом количестве металла пустотелые объемные детали, имитирующие массивный предмет, а также использовать в качестве матрицы само изделие (Король и др. 2017: 78).

Судя по хронологии древнетюркских серег, прослеженной Б.Б. Овчинниковой на материалах погребений Саяно-Алтая (Овчинникова 1990), эволюция формы происходила

следующим образом. В VI – первая половина VII вв. с внешней стороны кольцевой основы серьги припаивалась уже не петля, а щиток, как у пряжек, к которому крепились полая каплевидная металлическая подвеска. Зафиксированы еще два варианта подобных украшений: серьги с заостряющимся кверху щитком, образующим треугольный выступ с внутренней стороны колечка, и серьги с подвеской шаровидной формы (рис. 3–25–27).

Во второй половине VII в. размеры кольца серьги увеличиваются, разомкнутые концы его смещаются вбок, в верхней части появляется шпенек для бусины, в то время как подвеска-раструб становится полый, в нее вводится стержень, к концу которого крепится бусина или шарик (рис. 3–28–31). Дальнейшее развитие заключается в усложнении оформления конца подвески и верхней части основного кольца. В качестве украшений используются составные части из драгоценных металлов, а шарик уже не крепится на шпенек, а припаивается, причем удлиняется и сама подвеска. Об этом свидетельствуют серьги Алтая второй половины VIII – начала IX вв.

К IX в. исследователь относит и изменения очертаний кольцевой основы серег Тувы и Хакасии – корпус вытянулся, чуть сузился кверху и приобрел подтреугольную форму (рис. 3–37). Аналогичный контур имеют серьги типа 4 из погребений Верхнего Прииртышья. То есть ко времени появления Кимакского каганата форма серег уже окончательно определилась. Вклад местных мастеров, думается, заключался в изготовлении серег из сборных деталей, выполненных в технике литья по пустотелой восковой модели. В этом основное отличие серег "кимакского типа" от "салтовских", цельнолитых, объединявших в одном изделии автономные прежде элементы: кольцевидную основу, диски-заглушки, подвесное и соединительное ушки, проволоочный стержень с нанизанными на него бусинами.

Из двух составных частей кимаки изготавливали и традиционные серьги-лунницы (рис. 2–3), прежде выполнявшиеся в виде колечка с утолщенной средней частью. Их Ф. Арсланова объясняет почитанием Луны и культом плодородия и относит к аксессуарам обрядового костюма, наряду с двумя перстнями из коллекции (рис. 2–4, 5). Последние имеют прямоугольную в сечении кованую шинку и довольно крупный щиток в виде плоскорельефной восьмилепестковой цветковидной розетки и креста, составленного из двух парных спиралевидных завитков.

С первобытными культами исследователь связывает и металлические изделия с зооморфными и антропоморфными изображениями, найденные в погребениях Верхнего Прииртышья. Среди них преобладают стилизованные фигурки птиц, выполненные в виде миниатюрных скульптурок "петушка-феникса", булавок, застежек, подвесок (рис. 2–12, 14–20, 32). Кроме того, найдены фигурки рыбок, выпуклая поверхность которых, в одном случае украшена изображением человека в высоком головном уборе, сидящем на верхушке пальметты, во втором – медальонами из трилистников, в третьем – цветочными розетками и пальметтами (рис. 2–23–25), а также изображение фантастического животного льва-собаки (шицза) (рис. 2–22), бубенчики (рис. 2–11), бляхи-личи, бляхи-зеркальца, подвески в виде креста, ромба, сердечка с трилистником в центре и диска с 15-лепестковой розеткой (рис. 2–21, 26, 27–31).

Морфологический анализ этих изделий показал, что, в отличие от аксессуаров мужского комплекса, где орнаментальный рисунок наносился на поверхность вещи, они являлись непосредственной данностью животных и птиц в форме вещи, по выражению Г.А. Федорова-Давыдова, были как бы "предметом-животным" (Федоров-Давыдов 1976).

Исходя из устойчивого набора этих предметов в инвентаре женских могил, Ф.Х. Арсланова посчитала их принадлежностью служительниц шаманского культа и предложила свою версию реконструкции обрядового костюма, суть которой сводится к следующему. Скульптурка птицы феникса символизировала верхний мир, солнечное божество, поэтому венчала головной убор, увешанный бубенчиками и лентами, на которых крепились подвески и серебряные застёжки в виде летящих водоплавающих птиц. Бубенчиками был снабжен и пояс; с него свисали ремешки с оковками в форме рыбок.

Для восстановления ритуального облачения кимакских жриц плодотворным видится обращение к фактам этнографического изучения мира шаманов (кам) Саяно-Алтая. Судя по литературе (Захаров 1998а, 1998б), в их одеянии (маньяк) и священнодействиях была значительна ритуальная роль птиц, которые считались активными помощниками камов, поэтому весь костюм символизировал птицу. Колпакообразная шапка, надеваемая при подъеме к верхнему богу, называлась "куш порук" – "шапка птицы". На нее навешивались натуральные и высушенные крылья птиц, их головы, лапки, когти, кости, клювы, пучки перьев и т. п., которые, по утверждениям шаманов, помогали им взбираться на вершины гор и крутые скалы во время путешествия по сферам вселенной. Известны также случаи, когда фигурки из металла, изображающие птиц, прикреплялись к шапкам лечебного назначения.

В принципе, все это согласуется со стойкими народными символами оседло-земледельческих народов: петух у них считался носителем чистого света, провозвестником солнца, фазан – эмблематически связывался с огнем, утка была эмблемой здоровья и богатства. Поэтому вполне справедлива гипотеза Ф.Х. Арслановой о расположении "петушка-феникса" на навершии головного убора, а фигурок птиц – на налобной повязке кимаков.

Перечисленные выше части птиц цеплялись также к заднему полотнищу шаманской куртки, сшитой из овчины или маральей кожи, и подмышками. Роль перьев играли и прикрепленные рядом с ними железные подвески с изображениями зооморфных и антропоморфных фигур – помощников и защитников шамана, выполненных с большим мастерством, поскольку в этом заключалась их особая сила – убивать злых духов.

Кроме того, ритуальное облачение – вместилище духов шамана, имитация панциря или кольчуги (куяк), защищавшей кама от злых духов – включало в себя колокольчики и бубенчики, множество жгутов, платков, лент, цветную бахрому, шкурки зверей, тряпичные куклы, изображения змей, чудовищ и т.п. Последние помогали при путешествии в подземный мир, что объясняет, возможно, присутствие в инвентаре погребений изображения полиморфного шицза (лев-пес), одного из основных и сильных помощников кама, который "рвал врагов когтями и зубами". Эта информация подтверждает их принадлежность шаманкам, которые в силу своей "женской природы" (то есть ритуальной нечистоты) не могли камлать Ульгеню, а камлали только подземному Эркику и духам гор.

Ключ к разгадке использования на застёжках образа водоплавающей птицы с длинной шеей и личиной на туловище, возможно, дает ведущая роль гуся и лебедя среди тотемов древних тюрков или тот факт, что часть пути во время камлания шаман преодолевал не на бубне, олицетворявшем ездовое животное, а на гусе. Эти и другие наблюдения и связанные с ними догадки можно было бы продолжить, но это не входит в рамки нашего исследования.

Заключение

Изучение памятников торевтики из захоронений Восточного Казахстана позволило сделать еще один шаг в исследовании культуры кимаков (IX–XI вв.) – союза племен, участвовавших в этногенезе казахов, татар, башкиров, ногайцев и др. Оставленные ими металлические изделия показывают высокий уровень развития их ювелирного ремесла, сакского в первооснове, его тесную связь с эпохой древних тюрков и с культурой сопредельных стран. Сохранение кимаками традиций прослеживается в единстве типов и формализованных признаков поясной и сбруйной гарнитуры, а также в контурах и рисунках, свойственных кочевнической технике аппликации. Их вклад в орнаментальное искусство выразился в создании собственной версии "степного орнаментализма" с довольно ограниченным репертуаром мотивов. Из геометрического и растительного орнамента они взяли символы, олицетворявшие универсум, из зооморфного – хищников, из антропоморфного – мужских персонажей. Вкладом кимаков в ювелирное искусство явились так называемые "серьги кимакского типа", которые изготовлялись из сборных деталей, выполненных в технике литья по пустотелой восковой модели, что отличает их, например, от цельнолитых "салтовских". Оригинально кимаками осмыслились также роль и место в ритуальном облачении металлических изделий с зооморфными и антропоморфными изображениями, которые были найдены в женских погребениях. Как выяснилось, они символизировали перья птицы, а большое мастерство исполнения наделяло их особой силой, способной убивать злых духов.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что основами самобытного искусства кимаков являлись сохранение традиций и наличие репродуктивных, творческих способностей к усвоению и переработке культурных заимствований в соответствии с собственными представлениями и техническими возможностями.

Acknowledgements

I would like to express my special gratitude to B.M. Khasanova, a research fellow at the Astana Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, for providing materials, assistance and support.

Алғыс білдіру

Арнайы алғысымды Б.М. Хасеноваға – А.Х. Марғұлан атындағы Астана филиалының ғылыми қызметкеріне материалдарды бергені, көрсеткен көмегі және қолдау көрсеткені үшін білдіремін.

Благодарности

Выражаю особую признательность научному сотруднику Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана Хасеновой Б.М. за предоставление материалов, помощь и содействие.

Список литературы

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. *Труды ИИАЭ АН КССР*. Алма-Ата: АН КазССР. 1959. No.7, с.32–58.

- Арсланова Ф. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. *Материалы и исследования по археологии Казахстана*. Под общей редакцией З. Самашева. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Маргулана. 2013. Т.3. 406 с.
- Археологическая карта Казахстана. Ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1960. 449 с.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата. 1987. 280 с.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. *Материалы и исследования по археологии СССР*. No.26. Москва-Ленинград. 1952. 348 с.
- Боковенко И.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука. 1992. С. 140-148.
- Владимиров Г. *Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII-XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства*. Казань. 2018. С.10-38.
- Горелик М.В. Культура империй, созданных кочевниками (скифы, хазары, монголы). *Археология евразийских степей*. 2017. No.5, с.253-256.
- Деолик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI-IX вв. *Материалы и исследования по археологии СССР*. No.114. Москва: Изд-во АН СССР. 1963. С.123-147.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука. 1992а. С.73-87.
- Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Южного Казахстана и Ташкентского оазиса. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука. 1992b. С.101-107.
- Захаров Ю.А. *Мир шамана-целителя*. Москва: Яуза. 1998а. 256 с.
- Захаров Ю.А. *Практика шамана-целителя*. Москва: Яуза. 1998b. 256 с.
- Каражигитова А., Пересветов Г., Кабылдинов А. Погребение средневекового воина в Павлодарском Прииртышье. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.151, no.2, с.29-42, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-29-42>
- Король Г., Наумова О. *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I-II тыс.)*. Москва: ИА РАН. 2017. 128 с.
- Кумеков Б.Е. *Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам*. Алма-Ата: Наука. 1972. 156 с.
- Маршак Б.И. *История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности*. Под ред. В.П. Никонорова. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры. 2017. 736 с.
- Могильников В.А. Кимаки. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Москва: Наука. 1981. С.43-45.
- Могильников В.А. Саргатская культура. *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука. 1992. С.292-311.
- Овчинникова Б.Б. *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв.* Свердловск: УрГУ. 1990. 223 с.
- Расовский Д.А. Половцы, торки, печенеги, берендеи. Москва: Изд-во "Ломоносов". 2017. 200 с.
- Распопова В.И. *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Ленинград: Наука. 1980. 140 с.
- Ремпель Л.И. *Архитектурный орнамент Узбекистана*. Ташкент. 1961. 608 с.
- Самашев З.С. *Памятники средневековья кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае. Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2016. С.379-409.
- Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). *Материалы и исследования по археологии СССР*. No.65. Москва: АН СССР. 1959. С.223-261.
- Толеубаев А.Т. *Раннесакская шиликтинская культура*. Алматы: Изд-во Садвакасов А.К. 2018. 528 с.
- Торежанова Н. О некоторых типах серег средневековых памятников Хорезма. *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 31. Самарканд. 2000. С.204-206.
- Файзрахманов Г. *Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии*. Казань. 2000. 188 с.

- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. *Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов*. Москва: Искусство. 1976. 228 с.
- Хасенова Б., Омаров Г., Бесетаев Б., Хабдулина М.К Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина. *Oriental Studies*. 2021. Т.4, no.6, с.1188-1209.

References

- Ageeva E.I., Maksimova A.G. Otchet Pavlodarskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1955 g. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. 1959. No.7. Pp.32-58. (in Russian)
- Arslanova F. Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtyshia. Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region. *Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan Samashev Z.* (ed.). Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology Publ. 2013. Vol.3. 406 p. (in Russian)
- Arkheologicheskaiia karta Kazakhstana*. Akishev K.A. (ed.). Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. 1960. 449 p. (in Russian)
- Arkheologicheskie pamiatniki v zone zatopeniia Shulbinskoi GES*. Alma-Ata. 1987. 280 p. (in Russian)
- Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentralnogo Tian-Shania i Pamiro-Alaia. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. No. 26. Moscow-Leningrad. 1952. 348 p. (in Russian)
- Bokovenko I.A., Zadneprovskii Yu.A. Rannie kochevniki Vostochnogo Kazakhstana *Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time*. Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.140-148. (in Russian)
- Vladimirov G. *Sergi v vide znaka voprosa iz srednevekovoi Bolgarii (XIII-XIV vv.): o materialnykh sledakh kumanov i Zolotoi Ordyy v kulture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva*. Kazan. 2018. Pp.10-38. (in Russian)
- Gorelik M.V. *Kultura imperii, sozdannykh kochevnikami (skify, khazary, mongoly)*. Archaeology of the Eurasian Steppes. 2017. No.5, pp.253-256. (in Russian)
- Deopik V.B. Klassifikatsiia i khronologiia alanskikh ukrashenii VI-IX vv. *Materials and Research on the Archaeology of the USSR*. No.114. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1963. Pp.123-147. (in Russian)
- Zadneprovskii Yu. Rannie kochevniki Semirechia i Tian-Shania. *Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time*. Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.73-87. (in Russian)
- Zadneprovskii Yu.A. Rannie kochevniki Iuzhnogo Kazakhstana i Tashkentskogo oazisa. *Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time*. Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.101-107. (in Russian)
- Zakharov Yu.A. *Mir shamana-tselitelia*. Moscow: Yauza Publ. 1998. 256 p. (in Russian)
- Zakharov Yu.A. *Praktika shamana-tselitelia*. Moscow: Yauza Publ. 1998. 256 p. (in Russian)
- Karazhigitova A., Peresvetov G., Kabyldinov A. Pogrebenie srednevekovogo voina v Pavlodarskom Priirtyshe. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.151, no.2, pp.29-42, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-151-2-29-42>.
- Korol G.G., Naumova O.B. *Khudozhestvennyi metall u kochevnikov (Tsentralnaia Aziia rubezha I-II tys.)*. Moscow: IA RAS Publ. 2017. 128 p. (in Russian)
- Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX-XI vv. po arabskim istochnikam*. Alma-Ata: Nauka Publ. 1972. 156 p. (in Russian)
- Marshak B.I. *Istoriia vostochnoi torevtiki III-XIII vv. i problemy kulturnoi preemstvennosti*. St. Petersburg: Academy of Cultural Research Publ. 2017. 736 p. (in Russian)
- Mogilnikov V.A. Kimaki. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovia*. Moscow: Nauka Publ. 1981. Pp. 43-45. (in Russian)
- Mogilnikov V.A. Sargatskaia kultura. *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia*.

- Moscow: Nauka Publ. 1992. Pp.292-311. (in Russian)
- Ovchinnikova B.B. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altaia v VI-X vv.* Sverdlovsk: UrGU Publ. 1990. 223 p. (in Russian)
- Rasovskii D.A. *Polovtsy, torki, pechenegi, berendei.* Moscow: Lomonosov Publ. 2017. 200 p. (in Russian)
- Raspopova V.I. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda.* Leningrad: Nauka Publ. 1980. 140 p. (in Russian)
- Rempel L.I. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana.* Tashkent. 1961. 608 p. (in Russian)
- Samashev Z.S. *Pamiatniki srednevekovia kochevnikov verkhovii r. Karakaba v Kazakhskom Altae. Altai in the Circle of Eurasian Antiquities.* Novosibirsk: IAE SO RAN Publ. 2016. Pp.379-409. (in Russian)
- Sedova M.V. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X-XV vv.). Materials and Research on the Archaeology of the USSR.* No.65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1959. Pp.223-261. (in Russian)
- Toleubaev A.T. *Rannesakskaa shiliktinskaia kultura.* Almaty: Sadvakasov A.K. Publ. 2018. 528 p. (in Russian)
- Torezhanova N. *O nekotorykh tipakh sereg srednevekovykh pamiatnikov Khorezma. History of Material Culture of Uzbekistan.* Vol.31. Samarkand. 2000. Pp.204-206. (in Russian)
- Fayzrakhmanov G. *Drevnie tiurki v Sibiri i Tsentralnoi Azii.* Kazan. 2000. 188 p. (in Russian)
- Fedorov-Davydov G.A. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ord. Ocherki kultury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov.* Moscow: Iskusstvo Publ. 1976. 228 p. (in Russian)
- Khasenova B.M., Omarov G.K., Besetaev B.B., Khabdulina M.K. *Sotsialnaia simvolika predmetov torevtiki v kimakskom obshchestve: status muzhchiny-voina. Oriental Studies.* 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1188-1209. (in Russian)

Information about the author

Lyailya R. Turganbayeva – Doctor of Architecture, Leading Researcher of the Margulan Institute of Archeology, Dostyk av., 44, 050010, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-4214-7727>, laila@safar.kz

Автор туралы мәлімет

Ләйлә Рымбекқызы Тұрғанбаева – архитектура докторы, А.Х. Марғұлан атындағы жетекші ғылыми қызметкері, Достық көш., 44, 050010, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-4214-7727>, laila@safar.kz

Сведения об авторах

Ляйля Рымбековна Тұрғанбаева – доктор архитектуры, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Марғұлана, пр. Достық, 44, 050010, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-4214-7727>, laila@safar.kz

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. **Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. **Заявление о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.06.2026.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 25.08.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2026.

Research Article

IRSTI 06.71.07 / 03.91.91

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-52-65>

History of the Main Operations of the Verny Branch of the Russo-Asiatic Commercial Bank

B. Alimdzhano✉^{ORCID}*Institute of Anthropology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*✉ balimdjanov@gmail.com

Abstract. The subject of this study is the activities of the Verny branch of the Russo-Asiatic Commercial Bank in the socio-economic space of the Semirechye region in the early 20th century. In Soviet historiography, banks were understood as instruments of "colonialists," both Western and Russian. The author, unlike Soviet and post-Soviet researchers, believes that banks did not become "monopolists" in the economies of Central Asia. The author believes that the main reason is the bank's adaptation to the existing economic relations in the Turkestan and Steppe Governorates. The topic of the work is the analysis of the financial, economic, credit and deposit activities of a banking institution in the context of economic growth, natural disasters and the transformations caused by the First World War. The purpose of the study is to identify the operating features of the Verny branch, determine its role in the development of the regional economy, and analyze the dynamics of active and passive transactions, the structure of the client base and financial results in 1911-1916. Since these aspects are not fully reflected in the title of the work, their disclosure seems methodologically necessary. The methodological basis of the study consists of historical and economic analysis, systematization of archival statistical data, and a comparative analysis of the bank's annual financial indicators. The use of quantitative analysis of bank statements made it possible to identify trends in changes in turnover, deposits, loans and profits in the context of wartime and inflation. In interpreting the materials, the author relies on Eisenstadt's theory of "multiple modernizations". The study established that the Verny branch played a key role in servicing the region's commercial and industrial operations, financing merchants, resellers, agricultural exporters, and livestock breeders. This study concludes that the Verny branch made a significant contribution to the development of commodity-money relations and the financial infrastructure of the Semirechye region. These findings allow us to consider the branch's activities as an important factor in the economic modernization of the region, up until the nationalization of the banking system in 1918.

Keywords: Verny; Semirechye; bank; credit; deposit; economy; war; inflation; merchants; modernization

For citation: Alimdzhano B. History of the Main Operations of the Verny Branch of the Russo-Asiatic Commercial Bank. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.52-65. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-52-65>

Орыс-Азия коммерциялық банкінің Верный бөлімшесінің негізгі операцияларының тарихы

Б. Әлімжанов

Өзбекстан академиясының Антропология институты, Ташкент, Өзбекстан

Аңдатпа. Бұл зерттеудің тақырыбы – ХХ ғасырдың басындағы Жетісу аймағының әлеуметтік-экономикалық кеңістігіндегі Орыс-Азия коммерциялық банкінің Верный бөлімшесінің қызметі. Кеңес тарихнамасында банктер батыс және ресейлік “отаршылдардың” құралдары ретінде түсінілді. Автор, кеңестік және посткеңестік зерттеушілерден айырмашылығы, банктер Орта Азия мен Қазақстан экономикасында “монополист” болған жоқ деп санайды. Автор негізгі себеп банктің Түркістан және Дала губернаторлықтарындағы қалыптасқан экономикалық қатынастарға бейімделуі деп санайды. Жұмыстың тақырыбы – экономикалық өсу, табиғи апаттар және Бірінші дүниежүзілік соғыстан туындаған өзгерістер жағдайында банк мекемесінің қаржылық, экономикалық, несиелік және депозиттік қызметін талдау. Зерттеудің мақсаты – Ресей-Азия банкінің Верный филиалының жұмыс ерекшеліктерін анықтау, оның аймақтық экономиканың дамуындағы рөлін анықтау және 1911-1916 жылдардағы белсенді және пассивті операциялардың динамикасын, клиенттік базаның құрылымын және қаржылық нәтижелерін талдау. Бұл аспектілер жұмыстың тақырыбында толық көрсетілмегендіктен, оларды ашу әдіснамалық тұрғыдан қажет болып көрінеді. Зерттеудің әдіснамалық негізі тарихи және экономикалық талдаудан, мұрағаттық статистикалық деректерді жүйелеуден және банктің жылдық қаржылық көрсеткіштерін салыстырмалы талдаудан тұрады. Банк есепшоттарының сандық талдауын пайдалану соғыс және инфляция жағдайында айналымның, депозиттердің, несиелердің және пайданың өзгеру үрдістерін анықтауға мүмкіндік берді. Материалдарды түсіндіруде автор Эйзенштадттың “көптеген жаңғырту” теориясына сүйенеді. Зерттеу Верное филиалының аймақтың коммерциялық және өнеркәсіптік операцияларына қызмет көрсетуде, саудагерлерді, сатушыларды, ауыл шаруашылығы экспорттаушыларын және мал өсірушілерді анықтады. Қолма-қол ақша айналымы мен депозиттердің, әсіресе ағымдағы шоттардың тұрақты өсуі анықталды, бұл инфляциямен және соғыс кезіндегі сауда операцияларының өсуімен байланысты болды. Сонымен қатар, вексельдік несие берудің күрт төмендеуі және несиелік операциялар құрылымының өзгеруі тіркелді. Қаржылық нәтижелерді талдау филиалдың жалпы алғанда пайдалы болып қалғанын көрсетті, 1914 жылы операциялар тиімсіз болған жылды қоспағанда. Жеке клиенттердің белгіленген несиелік қабілеттіліктен асып кету жағдайлары және жылжымайтын мүлік кепілдігін белсенді пайдалану жағдайлары да анықталды. Бұл зерттеу Орыс-Азия банкінің Верный филиалы Жетісу аймағының тауар-ақша қатынастары мен қаржы инфрақұрылымының дамуына айтарлықтай үлес қосқаны туралы қорытынды жасайды. Бұл тұжырымдар филиалдың қызметін 1918 жылы банк жүйесін ұлттандыруға дейін аймақтың экономикалық жаңғыртылуының маңызды факторы ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Верный; Адал; Жетісу; банк; несие; депозит; экономика; соғыс; инфляция; саудагерлер; жаңғырту

Сілтеме жасау үшін: Әлімжанов Б. Орыс-Азия коммерциялық банкінің Верный бөлімшесінің негізгі операцияларының тарихы. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, 6.52-65. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-52-65>

История основных операций Верненского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка

Б. Алимджанов

Институт антропологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Предметом данного исследования является деятельность Верненского филиала Русско-Азиатского коммерческого банка в социально-экономическом пространстве Семиреченской области в начале XX века. В советской историографии банки понимались как орудие “колониализма” как западного, так и российского. Автор, в отличие от советских и постсоветских исследователей считает, что банки не стали “монополистами” в экономике Средней Азии и Казахстана. Основная причина, по мнению автора, – это приспособление банком к реально существующим экономическим отношениям в Туркестанском и Степном генерал-губернаторстве. Темой работы выступает анализ финансово-хозяйственной, кредитной и депозитной деятельности банковского учреждения в условиях экономического подъёма, природных катастроф и трансформаций, вызванных Первой мировой войной. Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования Верненского филиала Русско-Азиатского банка, определении его роли в развитии региональной экономики, а также в анализе динамики активных и пассивных операций, структуры клиентской базы и финансовых результатов в 1911-1916 гг. Поскольку указанные аспекты не полностью отражены в заголовке работы, их раскрытие представляется методологически необходимым. Методологическую основу исследования составляют историко-экономический анализ, систематизация архивных статистических данных, а также сравнительный анализ годовых финансовых показателей банка. Использование количественного анализа банковской отчетности позволило выявить тенденции изменения оборотов, вкладов, кредитов и прибыли в условиях военного времени и инфляции. В трактовке материалов автор опирается на теорию “множественные модернизации” Эйзенштадта. В ходе исследования установлено, что Верненский филиал играл ключевую роль в обслуживании торгово-промышленных операций региона, финансируя купцов, перекупщиков, экспортеров сельскохозяйственного сырья и скотоводов. Выявлен устойчивый рост кассовых оборотов и вкладов, особенно текущих счетов, что было связано с инфляционными процессами и увеличением торговых операций в годы войны. Одновременно зафиксировано резкое сокращение вексельного кредитования и изменение структуры ссудных операций. Анализ финансовых результатов показал, что филиал в целом сохранял прибыльность, за исключением 1914 года, когда деятельность стала убыточной. Также выявлены случаи превышения установленной кредитоспособности отдельными клиентами и активное использование залогов недвижимого имущества. В результате сделан вывод о значительном вкладе Верненского филиала Русско-Азиатского банка в развитие товарно-денежных отношений и финансовой инфраструктуры Семиреченской области. Полученные результаты позволяют рассматривать деятельность филиала как важный фактор экономической модернизации региона вплоть до национализации банковской системы в 1918 году.

Ключевые слова: Верный; Семиречье; банк; кредит; депозит; экономика; война; инфляция; купцы; модернизация

Introduction

At the beginning of the twentieth century, the processes of economic modernization in the peripheral regions of the Russian Empire were accompanied by the active development

of banking infrastructure, which ensured the functioning of trade, monetary circulation, and credit relations. The Semirechye region, which occupied an important place within the system of agrarian raw material provinces, was characterized by the intensification of commodity flows, the growth of both domestic and foreign trade, and the increasing role of financial institutions in economic life. Under these conditions, the activities of commercial banks acquired particular significance as a factor integrating the regional economy into the all-imperial economic space.

The Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank was one of the key financial institutions of the region, accumulating capital and directing it into trade, livestock production, and intermediary operations. Its functioning unfolded amid high economic dynamism, further complicated by natural disasters and the structural shifts triggered by the First World War. An analysis of the branch's operations makes it possible to identify the specific features of regional banking practices, the mechanisms through which credit and financial institutions adapted to crisis conditions, and the particularities of their interaction with local economic actors.

The relevance of this study stems from the insufficient scholarly attention devoted to the activities of regional branches of major commercial banks and their role in shaping commodity-monetary relations in the imperial periphery. In the historiography of banking, primary attention has traditionally been paid to central financial institutions, while the regional level remains only fragmentarily explored. This work seeks to address this gap.

The aim of the study is to provide a comprehensive analysis of the activities of the Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank in 1911–1916, with a focus on the dynamics of its active and passive operations, financial performance, and the structure of its client base. The scholarly novelty of the research lies in the systematization and examination of the branch's quantitative indicators, which make it possible to trace the transformation of banking activity under wartime conditions and inflationary pressures. The findings broaden our understanding of the role of regional banks in the economic development of the Semirechye region and contribute to the historiography of financial institutions in Central Asia.

Materials and Methods

The corpus of documents from Fond 630 of the Russian State Historical Archive (RGIA) makes it possible to reconstruct the main directions of activity of the Vernyi branch of the Russo-Asian Bank in 1911–1918 and to assess its role within the regional financial and economic system on the eve of and during the First World War. The materials include administrative correspondence, regular branch reports, and documentation related to real estate transactions, which collectively provide a comprehensive picture of the mechanisms through which a banking institution operated on the imperial periphery.

The correspondence between the Branch Administration and the Vernyi branch for 1911 reflects a high degree of centralization in bank governance. The key themes of communication include oversight of the branch's principal operations, analysis of local market conditions, issues related to opening credit lines for clients, and adherence to reporting discipline. This indicates that the Vernyi branch did not function as an autonomous financial actor but operated within a strictly regulated vertical structure in which strategic decisions were approved by the central administration. At the same time, the correspondence demonstrates the importance of regional specificity: assessments of the local market occupied a prominent place in discussions, pointing to the need to adapt general banking policies to the economic conditions of Semirechye.

The reports of the Vernyi branch for 1911–1916 constitute a systematized source on the dynamics of banking operations. Judging by the volume and structure of the reporting materials,

particular attention was devoted to credit operations, the state of assets and liabilities, and the branch's liquidity. The regularity and detail of the reports suggest the stable integration of the Vernyi branch into the allimperial financial system. At the same time, the chronological scope of the documents covers a period of mounting economic difficulties associated with the war, which was likely reflected in changes in the structure of lending and heightened attention to risk.

Of particular interest is the correspondence between the Real Estate Department and the Vernyi branch for 1912-1918 concerning loans secured by real estate collateral. These documents show that mortgage lending occupied a significant place in the branch's activities. Detailed information on the properties used as collateral indicates a formalized approach to valuation and an effort to minimize credit risks. The long chronological span of the correspondence (including the years of war and revolutionary upheaval) may indicate both the continued demand for such loans and the difficulties of debt collection under conditions of instability.

The sources also have certain limitations, primarily their formalized character. Reports and correspondence were generally oriented toward compliance with established bureaucratic conventions, which could lead to the smoothing over of problematic aspects, the understatement of risks, or cautious formulation of conclusions. Selectivity of information is also likely: the documents primarily recorded issues significant for administrative oversight, whereas secondary or conflict-laden situations may have remained outside official correspondence.

Taken together, the documents portray the Vernyi branch as an important element of the region's economic infrastructure, serving both commercial trade operations and long-term mortgage lending. They demonstrate the combination of allimperial administrative practices with attention to local conditions and allow us to trace how banking activity responded to shifts in the economic conjuncture. This body of sources possesses high informational value for studying the history of regional finance, credit practices, and the economic modernization of the periphery of the Russian Empire in the early twentieth century.

The study draws on Shmuel Eisenstadt's theory of "multiple modernities." Eisenstadt argues that modernity does not follow a single universal path. Instead of one "Western" model, there exist multiple forms of modernization that emerge in different societies depending on their historical experience, cultural and religious traditions, civilizational frameworks, and political and institutional conditions (Eisenstadt 2000).

In my interpretation, colonial modernization was strongly dependent on financial institutions and the distribution of local monetary flows. The "modernization" of the Central Asian economy, as understood by banks, consisted in financing export-oriented crops and mediating economic exchange between the metropole and the periphery. At first glance, the colonial periphery appeared to be an attractive sphere for investment and the extraction of superprofits, but the speculative character of the Turkestan economy hindered the "normal" development of banking institutions. As a result, the economic "modernization" of Central Asia was prolonged and assumed distinctive forms shaped by local realities, which fully corresponds to Eisenstadt's concept of "multiple modernities."

Literature Review

The history of banking and financial institutions in Central Asia has been examined only fragmentarily and largely through the lens of the concept of "monopolistic capitalism." Scholars have partially studied the activities of the State Bank, the Russo-Asian Bank, and the Volga-Kama Bank in the Turkestan Governor-Generalship (Aminov 1959; Vekselman 1987; Gindin 1997;

Kastelskaya 1980; Kitanina 1969; Lavrent'ev 1930; Makhkamova 2009; Potapova 2011; Sadykov 1965; Yuldashev 1970; Khotamov 1990; Fridman 1974).

The researcher of Kazakhstan's banking system (1900-1914) Ts.L. Fridman noted that "the development of credit and credit institutions in the multistructured economy of prerevolutionary Kazakhstan was internally contradictory. The dialectic of this contradiction lay in the fact that, on the one hand, the convergence of banking capital with commercialusurious capital preserved precapitalist forms, while on the other, it contributed to their disintegration and the spread of capitalist forms of exploitation" (Fridman 1974: 173).

One of the major scholars of the Khivan economy – whose structure was in many respects similar to that of the Kazakh steppe – A.S. Sadykov argued that "the activity of financial capital did not fundamentally change the nature of commoditymonetary and credit relations" (Sadykov 1965: 153). Archival data confirm that the banking system created no hierarchical structure in the Khivan Khanate, the Turkestan Governor-Generalship, or the Steppe Region.

I disagree with the view of N.B. Khotamov, who argued that "Russian financial capital in its colony – Central Asia – did not concern itself with the condition of local banks, which emerged independently of Russian ones and therefore remained weak and exerted little influence on the economic life of the region" (Khotamov 1990: 4). Banks were concentrated in the urban centers of Turkestan and Semirechye and rarely extended credit to rural clients. Based on the materials of the Vernyi branch of the Russo-Asian Bank, I aim to demonstrate that the bank primarily financed merchants and traders of Vernyi and its surrounding towns.

The study draws on Eisenstadt's theory of "multiple modernities." In my interpretation, colonial modernization was strongly dependent on financial institutions and the distribution of monetary flows.

Research on the banking system of the late Russian Empire has developed predominantly within the framework of the classical economichistorical school, which focuses on the institutional evolution of financial markets and the role of commercial banks in modernization processes. In the works of B. Mironov (Mironov 2019) and S. Salomatina (Salomatina 2015), commercial banks are viewed as key intermediaries between the state, industrial capital, and commercial structures, with emphasis placed on nationwide trends and universal banks operating at the metropolitan level.

Significant contributions to the economic history of Turkestan and Semirechye have been made by representatives of the regionalcolonial school, who interpret financial institutions as instruments of economic integration and colonial governance. In the works of A. Chokobaeva (Chokobaeva 2016) and J. Keating (Keating 2022) discuss the role of trade, rawmaterial exports, and infrastructure in transforming the regional economy. However, the banking system is mentioned only fragmentarily, primarily in the context of general economic growth or colonial policy.

Specialized studies devoted to the activities of the Russo-Asian Bank in Turkestan have appeared only recently. For example, B. Alimdzhanov (Alimdzhanov 2019) analyzes the functioning of the bank's branches in the late nineteenth and early twentieth centuries, noting their importance for regional trade and credit operations. Nevertheless, these works focus mainly on the institutional role of the bank as a whole, while quantitative analysis of the financial performance of individual branches remains limited.

Thus, the analysis of existing scholarship reveals a persistent research gap between nationwide models of banking development and the actual practices of regional branches. Insufficient attention has been paid to issues of client policy, the dynamics of deposits and loans, and the financial performance of banks at the local level. The present study addresses this gap

by offering an empirically grounded analysis of the activities of the Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank in 1911-1916, thereby expanding our understanding of the regional specificities of banking in the late imperial economy.

Results and Discussion

The city of Vernyi served as the administrative center of the Semirechye oblast within the Turkestan Governor-Generalship. In the early twentieth century, Vernyi experienced rapid economic growth, and by 1913 its population had reached 40,000. The city hosted 59 industrial enterprises. Trade was gradually shifting into the hands of large capital: of the 14 million rubles in total commercial turnover, 6 million were associated with banking operations. By 1913, banks controlled more than 85% of the city's trade and industrial turnover. Branches of the State Bank, the Russo-Asian Bank, and the Siberian Bank operated in Vernyi, alongside the Municipal Public Bank, the Municipal Mutual Credit Society, and a Small Credit Institution. Transport agencies, insurance companies, and branches of various Moscow, Siberian, and other firms were also active. Vernyi functioned as the central hub for agricultural products from across the Semirechye oblast, where transactions involving grain, livestock, and various pastoral products were conducted.

In 1911, a major tragedy struck: a powerful earthquake destroyed much of Vernyi and severely disrupted trade and industrial development. A bank employee wrote on 4 January 1911: "Many shops remain closed, deliveries to the bazaar have fallen to a minimum, and despite the holidays, trade in the shops was below the usual level. Losses suffered by merchants and the population due to the earthquake are very large, but the administration has not yet completed the collection of information."¹ Three weeks after the earthquake (25 January), a Russo-Asian Bank official reported that "prices for livestock have risen significantly due to the absence of herds being driven in. Prices for timber have increased by 80%, as some of the timbertransport roads in the mountains are completely blocked by landslides"². Despite these economic and natural hardships, Vernyi soon recovered and retained its status as the economic and cultural center of the Semirechye oblast.

The Vernyi branch of the Russo-Asian Bank was opened in 1904. The bank primarily financed livestock breeders, merchants, and traders. Its turnover increased each year, as demonstrated in the table below:

Table No.1. Total turnover of the branch³

Year	Turnover	Opening Balance	Closing Balance
1911	38.076.662 rub. 60 kop.	1.082.537 rub.54 kop.	1.220.443 rub. 36 kop.
1912	47.587.204 rub. 68 kop.	1.220.443 rub.36 kop.	1.530.580 rub. 28 kop.
1913	53.357.701 rub. 74 kop.	1.530.580 rub. 28 kop.	1.330.769 rub. 02 kop.
1914	55.164.161rub. 24 kop.	1.330.769 rub. 02 kop.	866.688 rub. 82 kop.
1915	59.377.426 rub.60 kop.	866.688 rub. 82 kop.	1.095.481 rub. 37 kop.
1916	85.325.236 rub.28 kop.	1.095.481 rub.37 kop.	2.107.877 rub. 96 kop.

The total cash turnover fluctuated between 7.2 million and 8.3 million rubles in 1911-1914, reached 9.5 million rubles in 1915, and rose to 13.3 million rubles⁴ in 1916. The growth of the

bank's cash operations can be explained by speculative activity on the market during the First World War and by the onset of inflation.

The Vernyi branch issued loans and credits secured by bills of exchange, by pledges of goods and commodity documents, as well as oncall (demand) loans.

Table No. 2. Loans and credits⁵

Year	Loans Issued Against Bills of Exchange	Interest Receivedo %%	Loans Secured by Goods and Commodity Documents	Loans Secured by Securities	On-Call (Demand) Loans Issued	Interest Received %%
1913	990.696 rub. 63 kop.	35.784 rub.65 kop.	No archival evidence	No archival evidence	No archival evidence	No archival evidence
1914	1.070.432 rub.77 kop.	32.587 rub.15 kop.	19.926 rub. 38 kop.	15.992 rub.	Нет сведений	Нет сведений
1915	No archival evidence	No archival evidence	–	34.200 rub.	491.726 rub.58 kop.	15.407 rub. 24 kop.
1916	417.077 rub. 69 kop.	No archival evidence	10.400 rub.	5.200 rub.	No archival evidence	No archival evidence

It should be noted that in 1915, the bank did not issue loans or credits secured by goods or commodity documents⁶. As shown in Table 2, with the onset of the First World War, bill-secured loans declined sharply-by half-from 1 million to 417 thousand rubles, while on-call loans increased slightly. It is important to emphasize that the First World War had a negative impact on the local market: unlike the Ferghana and Zeravshan valleys, Semirechye did not experience a cotton or fruit boom.

The core of the bank's passive operations consisted of deposits, which were divided into three categories: current accounts, demand deposits, and term deposits. Below, we examine the annual balance of deposits.

The core of the bank's passive operations consisted of deposits, which were divided into three categories: current accounts, demand deposits, and term deposits. Below, we examine the annual balance of deposits.

Table No.3. Deposit transactions⁷

Year	Current Deposits Received	Current Deposits Withdrawn	Demand Deposits Received	Demand Deposits Withdrawn	Term Deposits Received	Term Deposits Withdrawn
1911	2.466.423 rub. 66 kop.	2.575.584 rub. 50 kop.	35.800 rub.	19.800 rub.	74.744 rub.	71.296 rub. 09 kop.
1912	3.074.630 rub. 83 kop.	3.114.609 rub. 19 kop.	6 thous.rub.	22 thous. rub.	78.009 rub.	51.984 rub.

1913	3.048.866 rub. 92 kop.	3.036.764 rub. 03 kop.	–	5 thous.rub.	52.385 rub.	71.985 rub.
1914	3.175.140 rub. 03 kop.	3.027.493 rub. 77 kop.	–	–	21.752 rub.	45.425 rub.
1915	5.343.750 rub. 39 kop.	4.928.285 rub. 55 kop.	–	–	31.225 rub.	28.136 rub.
1916	9.917.861 rub. 20 kop.	9.023.400 rub. 49 kop.	–	–	22.575 rub.	32.900 rub.

As shown in Table 3, beginning in 1915 current deposits increased sharply. When comparing the figures for current deposits in 1914 and 1916, a threefold rise – from 3 million rubles to 10 million – becomes immediately apparent. This growth can be explained by inflationary processes in the market and by increased revenues from the export of grain and meat.

In Table 4 below, we observe the remaining balances on deposits and how they increased over the years 1915 and 1916:

Table No. 4. Annual deposit balances (as of December 31)⁸

Year	Current Deposits	Demand Deposits	Term Deposits
1912	305.869 rub. 65 kop.	8 thous.rub.	72.909 rub.
1913	317.972. rub.	8 thous.rub.	53.309 rub.
1914	465.618 rub. 80 kop.	3 thous.rub.	29.636 rub.
1915	881.083 rub. 64 kop.	3 thous.rub.	32.725 rub.
1916	1.775.544 rub. 35 kop.	–	32.900 rub.

When comparing 1914 with 1916, we observe a 5.5fold increase in the balances held in current accounts, which would have enabled the Vernyi branch to continue its operations without relying on external capital.

In 1911, the Vernyi branch paid no more than 4.75-5% annual interest on term deposits. In January 1911, a bank client, a certain Vaksman, demanded that the Vernyi branch of the Russo-Asian Bank pay him not 4.75% per annum but 5%, as the Siberian Bank had paid him in violation of the agreement between the banks. In order to retain the client, the bank agreed to pay him 5% per annum. Regarding this incident, the branch director wrote to the Head Office in St. Petersburg: “In accordance with Clause 8 of the Protocol of the Banks’ Conference, we inform you of the failure of the local branch of the Siberian Bank to comply with the agreement concluded between the banks and request that this branch be compelled to observe the agreement precisely.”⁹

In 1912 and 1913, the bank paid the following interest rates on deposits:

Table No.5. Interest paid on deposits¹⁰

Year	Current Deposits	Demand Deposits	Term Deposits
1912	10.907 rub. 07 kop.	904 rub.	3.913 rub. 30 kop.
1913	11.498 rub. 83 kop.	–	No archival records

Transfer operations and correspondent accounts also developed actively within the bank. For example, in 1912 the bank conducted correspondent-account transactions amounting to 316,326 rubles 40 kopecks.¹¹

The main component of the bank's expenditures consisted of current operating costs: salaries of employees, rent for the bank premises, and housing allowances for the bank's staff. In 1911, the current expenses of the Vernyi branch amounted to 28,407 rubles 72 kopecks: salaries accounted for 18,483 rubles 79 kopecks; rent for the bank premises and housing allowances for personnel totaled 1,228 rubles 44 kopecks; and the remaining amount covered various minor expenses (telegraph, postal services, heating, and lighting).¹² The highest salary in the bank was received by the branch director. For example, in 1916, the head of the Vernyi branch, A. I. Chernykh (who served as branch director from 1911 to 1917), received a salary of 4,200 rubles and a bonus of 700 rubles.¹³ As the data on current expenses show, 65% of all expenditures consisted of salaries paid to the bank's personnel. Below, we examine the bank's annual expenditures and profits.

Table No. 6. Annual expenses and profits of the Vernoye branch¹⁴

Year	Expenditures	Interest Income %%	Net Profit	Net Loss
1911	28.407 rub. 72 kop.	54.424 rub. 17 kop.	23.860 rub. 46 kop.	–
1912	29.974 rub. 45 kop.	59.090 rub.	27.437 rub. 67 kop.	–
1913	29.920 rub. 77 kop.	47.719 rub. 99 kop.	20.109 rub. 57 kop.	–
1914	29.078 rub. 39 kop.	32.711 rub. 87 kop.	–	28.442 rub. 41 kop.
1915	29.831 rub. 63 kop.	33.912 rub. 54 kop.	14.622 rub. 17 kop.	–
1916	34.269 rub. 69 kop.	31.498 rub. 05 kop.	4.952 rub. 31 kop.	–

As shown in Table 6, only the year 1914 was unprofitable for the branch; in all other years, the bank generated stable income, which did not grow substantially due to the slow “modernization” of the region.

The clients of the Vernyi branch of the Russo-Asian Bank included major merchants, traders, small shopkeepers, and intermediaries. One of the bank's largest clients was the merchant Shakhvorostov, who, despite being a member of the bank's Discount Committee, used his position to obtain substantial funds from the branch for his own purposes. For example, in 1911, Shakhvorostov was granted a credit line of 125 thousand rubles, even though he was also a client of the Siberian Commercial Bank, where he held a credit line of 100 thousand rubles.¹⁵ Several mid-sized merchants regularly obtained credit from the bank in amounts exceeding their creditworthiness. For example, as of 13 June, the bill discount debt of Tadzhibai Kaldybaev amounted to 9,800 rubles, exceeding the credit limit authorized for him by the Bank's Board by 40% (i.e., 7 thousand rubles).¹⁶ The debt of Tyumenev Khamdy Abdulovich on his oncall account secured by bills amounted to 31,850 rubles 72 kopecks as of 13 June 1911, exceeding the credit limit authorized for him by the Bank's Board – 25 thousand rubles – by 25%.¹⁷ On 11 July 1911, the Board of the Russo-Asian Bank authorized the Vernyi branch to increase the credit limits of the following clients: for Muhammad Ali Umarbaev, from 1,000 rubles to 2,000 rubles; for the Trading House Suleimanov, Tazetdinov, and Ibragimov, from 30 thousand rubles to 50 thousand rubles in the form of bill discount credit. The Board also approved the opening of a new credit line for the Trading House N. A. Kadki & Co. in the amount of 5 thousand rubles.¹⁸ The Board rejected the requests of two clients of the bank to increase their credit limits.¹⁹

Loans were also issued against real estate. For example, as of 24 April 1912, the on-call debt of the client I. Kh. Shnitnikova amounted to 5,121 rubles 01 kopeck, although her property was valued at 5 thousand rubles and consisted of four urban homestead plots with a fruit orchard²⁰. As of 5 April 1913, the bill-discount debt of M. G. Mir Kasym Khodzhiev amounted to 1,575 rubles, although his property was valued at 1,500 rubles²¹. By the spring of 1914, the list of debtors who had pledged their real estate had expanded: Shnitnikova – 3,470 rubles 47 kopecks; Mir Kasym Khodzhiev – 1,599 rubles 35 kopecks; Ismailbaeva – 2,566 rubles 20 kopecks; Karakhodzhaev – 4,067 rubles 60 kopecks; and Kh. Khamdambaev – 3,490 rubles²². As of 1 January 1918, the bank still had two major debtors: the milling partnership “G. Uzbekov & Co.” and Khalmirza Sadykbaev. The mill was located in Tokmak. The mortgage amounted to 50 thousand rubles, and the outstanding debt was 11,900 rubles²³.

Applying Shmuel N. Eisenstadt’s theory of multiple modernities to the analysis of the Vernyi branch allows us to view it not merely as a peripheral element of the imperial financial system, but as an institution through which a specific, regionally conditioned form of modernity was articulated. The Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank primarily financed clients from the city of Vernyi, providing credit and loans to merchants, intermediaries, and exporters of raw materials. It should be noted that the bank’s activities contributed to the development of commodity-monetary relations in the Semirechye region.

The study of the activities of the Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank in 1911–1916 makes it possible to draw several general conclusions about the functioning of regional banking institutions in the late-imperial economy. The analysis shows that the branch occupied a stable position within the financial system of Vernyi and the Semirechye region, playing a key role in supporting commodity-monetary relations and servicing the region’s trade and intermediary operations. The branch’s active operations were oriented primarily toward lending to merchants, intermediaries, and exporters of agricultural raw materials, which corresponded to the agrarian-commercial specialization of the region.

During the First World War, the structure of credit operations underwent a transformation: bill-discount lending declined, while on-call loans increased, reflecting rising financial risks and the instability of the regional market. The analysis of passive operations revealed a significant increase in current deposits in 1915–1916, driven by inflationary processes and the expansion of monetary turnover in trade. The growth of balances on current accounts indicates an increase in the financial autonomy of the branch and a reduction in its dependence on external sources of capital.

Despite the impact of natural disasters and wartime conditions, the branch generally remained profitable, with the exception of 1914, which demonstrates the relative resilience of its financial model. The study of the client base revealed the presence of both large commercial-industrial clients and representatives of medium and small-scale trade, while also identifying cases of exceeding established credit limits and the active use of real estate as collateral. This points to the flexibility of the branch’s credit policy, while simultaneously highlighting the potential risks characteristic of regional banking practices.

Overall, the activities of the Vernyi branch of the Russo-Asian Commercial Bank contributed to the integration of the Semirechye region into the all-imperial economic space and to the development of the regional financial market. The findings underscore the importance of analyzing regional bank branches for a more comprehensive understanding of the mechanisms underlying the functioning of the banking system of the Russian Empire and complement existing research on the economic history of Central Asia.

Acknowledgments

The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Notes

1. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. Russian State Historical Archive (hereafter RGIA), fond 630, inventory 1, file 273, fol. 3.
2. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fols. 8–9.
3. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 75 verso, 95 verso – 96.
4. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 75 verso, 95 verso – 96.
5. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 43, 62, 63, 80, 81, 100, 101.
6. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fol. 81.
7. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 12, 30, 48, 67, 87, 105.
8. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 30, 48, 67, 87, 105.
9. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 5–7.
10. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 30, 48.
11. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fol. 27.
12. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fol. 14.
13. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fol. 107 verso.
14. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 274, fols. 14, 14 verso, 15 verso, 32, 32 verso, 33 verso, 51, 51 verso, 52 verso, 69, 69 verso, 71, 89, 89 verso, 90 verso, 107, 108 verso, 109 verso.
15. Reports of the Vernyi Branch of the Bank for 1911–1916. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fols. 21–22.
16. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fol. 38.
17. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening

- credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fol. 38.
18. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fol. 48.
 19. Correspondence between the Branch Administration and the Vernyi Branch of the Bank on the principal operations of the Branch and the state of the local market, on opening credit lines to clients, submitting reports, and other matters, 1911. RGIA, fond 630, inventory 1, file 273, fol. 48.
 20. Correspondence of the Real Estate Department with the Vernyi Branch of the Bank on the status of clients' accounts secured by real estate mortgages, with attached information on the real estate securing clients' debts, 1912–1918. RGIA, fond 630, inventory 1, file 275, fol. 1.
 21. Correspondence of the Real Estate Department with the Vernyi Branch of the Bank on the status of clients' accounts secured by real estate mortgages, with attached information on the real estate securing clients' debts, 1912–1918. RGIA, fond 630, inventory 1, file 275, fol. 8.
 22. Correspondence of the Real Estate Department with the Vernyi Branch of the Bank on the status of clients' accounts secured by real estate mortgages, with attached information on the real estate securing clients' debts, 1912–1918. RGIA, fond 630, inventory 1, file 275, fol. 16.
 23. Correspondence of the Real Estate Department with the Vernyi Branch of the Bank on the status of clients' accounts secured by real estate mortgages, with attached information on the real estate securing clients' debts, 1912–1918. RGIA, fond 630, inventory 1, file 275, fol. 45.

References

- Alimdzhhanov B. The Activities of the Andijan Branch of the Russo-Asian Commercial Bank. *Vestnik of Saint Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2019. Vol.11, is.3, pp.266-278.
- Aminov A. *Economic Development of Central Asia (Colonial Period)*. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 1959. 298 p.
- Chokobaeva A. *Frontiers of Violence: State and Conflict in Semirechye, 1850-1938. A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of The Australian National University*. 2016. 196 p.
- Fridman Ts.L. *Banks and Credit in Pre-Revolutionary Kazakhstan (1900-1914)*. Alma-Ata: Kazakhstan. 1974. 175 p.
- Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. No.129(1), pp.1-29.
- Gindin I. *Banks and Economic Policy in Russia (19th – Early 20th Century). Selected Works. Essays on the History and Typology of Russian Banks*. Moscow: Nauka. 1997. 622 p.
- Kastelskaya Z. D. *From the History of the Turkestan Region (1865-1917)*. Moscow: Nauka. 1980. 123 p.
- Keating J. *On Arid Ground: Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2022. 252 p.
- Khotamov N.B. *The Role of Banking Capital in the Socio-Economic Development of Central Asia (Early 1890s-1917)*. Dushanbe: Donish. 1990. 319 p.

- Kitanina T.M. *War-Inflation Cartels in Russia, 1914-1917. The Putilov-Stakheev-Batolin Concern*. Leningrad: Nauka. 1969. 179 p.
- Lavrentyev V. A. *Capitalism in Turkestan*. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya. 1930. 160 p.
- Makhkamova N. *The Social Structure of Society in the Territory of Uzbekistan: Traditions and Transformations* (Late 19th Century – 1930s). Tashkent: Alohachi. 2009. 323 p.
- Mironov B. The Cost of Empire Unity in Late Imperial Russia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. No.1, pp.155-182.
- Potapova N.Yu. *The History of Entrepreneurship in Turkestan* (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Tashkent: UMED. 2011. 152 p.
- Salomatina S. Russian and Soviet Imperial Banking in Asia in the 1890s-1920s. *Asian Imperial Banking History*. London: Pickering & Chatto Publishers. 2015. Pp.121-158.
- Sadykov A.S. *Economic Relations of Khiva with Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. TashGU. Issue 296. Tashkent: Nauka UzSSR. 1965. 183 p.
- Vekselman M. *Russian Monopolistic and Foreign Capital in Central Asia* (Late 19th – Early 20th Century). Tashkent: Fan. 1987. 145 p.
- Yuldashev A.M. *Agrarian Relations in Turkestan (Late 19th – Early 20th Century)*. Tashkent: Uzbekistan. 1970. 256 p.

Information about the author

Bakhtiyor A. Alimdjanov – PhD in History, Senior Researcher, Institute of Anthropology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 81 M. Ulugbek Street, 100081, Tashkent, Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0002-8251-0201>, balimdjanov@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Бахтиёр Абдирахимович Алимджанов – тарих ғылымдарының докторы, Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясының Антропология институтының аға ғылыми қызметкері, М. Ұлықбек көшесі, 81, 100081, Ташкент, Өзбекстан, <https://orcid.org/0000-0002-8251-0201>, balimdjanov@gmail.com

Сведения об авторе

Бахтиёр Абдирахимович Алимджанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт антропологии Академии наук Республики Узбекистан, ул. М. Улугбека 81, 100081, Ташкент, Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0002-8251-0201>, balimdjanov@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. **Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. **Заявление о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 22.06.2026.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 20.07.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026.

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-25-04>

The historical development of the Organization of Turkic States: stages of integration, problems, and prospects

A. Kylychev^a, T. Abdyrakhmanov^b, J. Omurova^a

^aKyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

^bInstitute of Philosophy named after Academician A. Altmyshbaeva National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

jamyikat2012@gmail.com

Abstract. In the 21st century, the global system is becoming more multipolar, while regional integration is playing a growing role in politics and economics. Countries are increasingly turning to multilateral cooperation based on shared history, culture, and geopolitical interests. In this setting, cooperation among Turkic-speaking states has become especially important and has developed actively since the collapse of the Soviet Union in 1991. In 1992, with the support of Turkey, the first summit of the heads of Turkic-speaking states took place. It marked the beginning of regular dialogue in the Turkic world and created a foundation for future cooperation. Another important step came in 2022, when the Turkic Council was transformed into the Organization of Turkic States (OTS) at the Samarkand Summit. Since then, the organization has strengthened its structure, expanded cooperation, and moved toward a more stable form of regional interaction. A notable event was the summit held on November 6, 2024, in Bishkek. During this meeting, the participating countries agreed to develop cooperation in digital technologies, finance, transport, logistics, and international communication. This article looks at how the OTS developed over time and how integration among Turkic states has changed. It also considers current challenges and possible directions for future development in the Eurasian region. Special attention is given to key strategic documents, including the “Vision of the Turkic World – 2040” and the “OTS Strategy for 2022–2026,” which outline priorities in political dialogue, economic cooperation, cultural exchange, and humanitarian ties. The research uses descriptive and comparative approaches and is based on academic studies, analytical materials, and open sources. The analysis shows that cooperation among Turkic states has passed through several stages. At first, it focused mainly on culture and education. Later, political cooperation became more structured through regular summits and institutions. Today, the organization is expanding its activities, strengthening economic ties, and increasing its role in the Eurasian region. The findings show that the OTS has strong potential for further development. At the same time, some institutional, economic, and political challenges remain. Even so, current trends point to a gradual strengthening of cooperation and growing opportunities for deeper interaction among Turkic states.

Keywords: Turkic world; Central Asia; Eurasian integration; culture; education; digital technology; green economy, energy

For citation: Kylychev A., Abdyrakhmanov T., Omurova J. The historical development of the Organization of Turkic states: stages of integration, problems, and prospects. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.66-80. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-25-04>

Funding. This article was prepared within the framework of the state assignment of Altai State University, project No. 748715F.99.1.BB97AA00002, titled "The Turkic-Mongolian World of the Greater Altai: Unity and Diversity in History and Modernity."

Түркі мемлекеттері ұйымының тарихи дамуы: интеграция кезеңдері, мәселелері және болашағы

А. Кылычев^а, Т. Абдырахманов^б, Ж. Омурова^а

^а*Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бішкек, Қырғызстан.*

^б*Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академик А.А. Алтмышбаев атындағы Философия институты, Бішкек, Қырғызстан*

Аңдатпа. ХХІ ғасырда халықаралық жүйе көпполярлылықтың күшеюімен және аймақтық интеграциялық бірлестіктердің жаһандық саясат пен экономикадағы рөлінің артуымен сипатталады. Осы жағдайларда мемлекеттер ортақ тарихи, мәдени және геосаяси мүдделерге негізделген көпжақты ынтымақтастық форматтарын дамытуға ұмтылуда. Осы тұрғыда 1991 жылы Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін тез дами бастаған түркітілдес мемлекеттер арасындағы ынтымақтастық ерекше маңызды. 1992 жылы Түркияның қолдауымен түркітілдес мемлекеттер басшыларының алғашқы саммиті өтті, бұл түркі әлеміндегі институционалдық диалогтың басталуын белгілеп, интеграциялық процестерді одан әрі дамыту үшін негіз жасады. Ынтымақтастықты одан әрі институционалдандырудың маңызды кезеңі 2022 жылғы Самарқанд саммиті болды, онда Түркі кеңесі Түркі мемлекеттері ұйымына (ТҰҰ) айналды. Содан бері ұйым өзінің институционалдық құрылымын үнемі нығайтып, мүше мемлекеттер арасындағы өзара әрекеттесу салаларын кеңейтіп, аймақтық ынтымақтастықтың тұрақты моделін құруға ұмтылды. ТҰҰ дамуындағы маңызды оқиға 2024 жылдың 6 қарашасында Бішкекте өткен саммит болды, онда цифрлық технологиялар, қаржылық тетіктер, көлік-логистикалық инфрақұрылым және халықаралық коммуникациялар саласындағы ынтымақтастықты дамытуға бағытталған шешімдер қабылданды. ТҰҰ стратегиялық құжаттарына, соның ішінде саяси диалогтың, экономикалық интеграцияның, мәдени өзара әрекеттесудің және мүше мемлекеттер арасындағы гуманитарлық байланыстарды кеңейтудің негізгі бағыттарын анықтайтын "Түркі әлемінің көзқарасы – 2040" және "2022-2026 жылдарға арналған Түркі елдері ұйымының стратегиясына" ерекше назар аударылады. Зерттеуде сипаттамалық және салыстырмалы талдау қолданылды. Жұмыстың эмпирикалық негізі түрік, ресейлік және басқа да халықаралық зерттеушілердің ғылыми басылымдарынан, аналитикалық материалдардан және ашық ақпараттық көздерден тұрады. Кешенді талдау ТҰҰ институционалдық дамуындағы негізгі үрдістерді анықтап, оның аймақтық ынтымақтастық жүйесіндегі рөлін анықтады. ТҰҰ интеграциясының дамуындағы бірнеше кезеңдерді анықтауға мүмкіндік береді. Бастапқыда ынтымақтастық негізінен мәдени және білім беру салаларында дамыды. Келесі кезеңде мемлекет басшыларының тұрақты саммиттерінде, парламенттік кездесулерде және халықаралық форумдарда көрініс тапқан өзара әрекеттесудің саяси институционалдануы күшейе түсті. Қазіргі кезең ТҰҰ географиялық қамтуының кеңеюімен, экономикалық өзара әрекеттесудің күшеюімен және Еуразия аймағындағы рөлінің күшеюімен сипатталады. Зерттеу нәтижелері ұйымның Еуразияның стратегиялық маңызды аймағында орналасқан мүше мемлекеттер арасындағы ынтымақтастықты одан әрі дамыту үшін айтарлықтай әлеуетке ие екенін көрсетеді. Жалпы алғанда, қазіргі үрдістерді талдау ТҰҰ аймақтық саясаттағы рөлінің біртіндеп күшейе түсетінін

және түркі мемлекеттері арасындағы өзара әрекеттесуді одан әрі тереңдету мүмкіндіктерінің кеңейетінін көрсетеді.

Түйін сөздер: Түркі әлемі; Орталық Азия; еуразиялық интеграция; мәдениет; білім; цифрлық технологиялар; жасыл экономика; энергетика

Қаржыландыру. Бұл мақала Алтай Мемлекеттік Университетінің № 748715f.99.1 жобасының мемлекеттік тапсырмасы аясында дайындалды. ВВ97АА00002, "Үлкен Алтайдың Түркі-моңғол Әлемі: Тарих пен Қазіргі Замандағы Бірлік пен Әртүрлілік.

For citation: Кылычева А., Абдырахманов Т., Омурова Ж. Түркі мемлекеттері ұйымының тарихи дамуы: интеграция кезеңдері, мәселелері және болашағы. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, 6.66-80. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-25-04>

Историческое развитие Организации тюркских государств: этапы интеграции, проблемы и перспективы

А. Кылычев^а, Т. Абдырахманов^б, Ж. Омурова^а

^аКыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

^бИнститут философии имени академика А. Алтмышбаева НАН КР, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. В XXI веке международная система характеризуется усилением процессов многополярности и возрастанием роли региональных интеграционных объединений в мировой политике и экономике. В этих условиях государства всё чаще стремятся развивать многосторонние форматы сотрудничества, основанные на общности исторических, культурных и геополитических интересов. В данном контексте особое значение приобретает сотрудничество между тюркоязычными государствами, которое начало активно формироваться после распада Советского Союза в 1991 году. В 1992 году при поддержке Турции состоялся первый саммит глав тюркоязычных государств, положивший начало институциональному диалогу в тюркском мире и создавший основу для дальнейшего развития интеграционных процессов. Важным этапом дальнейшей институционализации сотрудничества стал Самаркандский саммит 2022 года, на котором Тюркский совет был преобразован в Организацию тюркских государств (ОТГ). С этого времени организация последовательно укрепляет свою институциональную структуру, расширяет направления взаимодействия между государствами-участниками и стремится к формированию устойчивой модели регионального сотрудничества. Значимым событием в развитии ОТГ стал саммит, состоявшийся 6 ноября 2024 года в Бишкеке, где были приняты решения, направленные на развитие сотрудничества в сфере цифровых технологий, финансовых механизмов, транспортно-логистической инфраструктуры и международных коммуникаций. Особое внимание уделяется стратегическим документам ОТГ, включая "Видение тюркского мира – 2040" и "Стратегию ОТГ на 2022–2026 годы", которые определяют ключевые направления политического диалога, экономической интеграции, культурного взаимодействия и расширения гуманитарных контактов между государствами-участниками. В исследовании применялись методы описательного и сравнительного анализа. Эмпирическую основу работы составили научные публикации турецких, российских и других зарубежных исследователей, аналитические материалы и открытые информационные источники. Комплексный анализ позволил выявить основные тенденции институционального развития ОТГ и определить её роль

в системе регионального сотрудничества. Проведённый анализ позволяет выделить несколько этапов развития интеграции тюркских государств. На начальном этапе сотрудничество преимущественно развивалось в культурно-образовательной сфере. На следующем этапе усилилась политическая институционализация взаимодействия, выразившаяся в регулярных саммитах глав государств, парламентских встречах и международных форумах. Современный этап характеризуется расширением географии деятельности ОТГ, активизацией экономического взаимодействия и укреплением её роли в евразийском регионе. Результаты исследования показывают, что организация обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития сотрудничества между государствами-участниками, расположенными в стратегически важном регионе Евразии. В целом анализ текущей динамики позволяет сделать вывод о постепенном усилении роли ОТГ в региональной политике и расширении возможностей для дальнейшего углубления взаимодействия между тюркскими государствами.

Ключевые слова: Тюркский мир; Центральная Азия; Евроазиатская интеграция; культура, образование; цифровая технология; зеленая экономика; энергетика

Introduction

The Turkic world is currently going through noticeable changes. Cooperation within the Organization of Turkic States is already producing results in areas such as the economy, culture, science and education. At present, there are six internationally recognized Turkic states, along with several Turkic communities in the Eurasian region. The total population of these countries is about 170 million people, and their combined territory is around 4.7 million square kilometers. Today, the number of Turkic-speaking people worldwide is about 210 million, which makes up a significant share of the global Turkic population ([Kriterdergi.com](https://kriterdergi.com) 4.11.2021).

A key recent event was the 12th Summit of the Organization of Turkic States, held on October 7–9, 2025, in Gabala. At the meeting, the leaders discussed political, economic and cultural cooperation under the theme “Regional Peace and Security”. The Gabala Declaration was adopted after the meeting. It highlights cooperation, cultural heritage and the development of creative industries. The “OTS+” format was introduced to expand cooperation with external partners and international organizations. It may help increase the visibility and effectiveness of initiatives related to the Turkic world ([The 12th Summit of the Organization of Turkic States: Turksoy.org](https://turksoy.org); 7.10. 2025).

Methods and Materials

This study primarily employs descriptive and comparative analysis, allowing for a detailed examination of the historical development of the Organization of Turkic States (OTS) across political, economic, and cultural domains, as well as within the information space. The research draws on a wide range of open-source materials, including interstate agreements, statistical data, official reports, and speeches by political leaders. Taking a systematic approach, the study applies several analytical tools, including retrospective analysis, comparative historical analysis, and the historical-typological method. These tools facilitate a nuanced comparison of the OTS's activities, particularly in the area of cultural diplomacy among Turkic-speaking countries of Eurasia. Furthermore, a systems-based perspective is used to develop a comprehensive understanding of OTS policies and their role within the broader context of regional cultural cooperation.

Periodicals (newspapers, magazines, analytical publications) are considered an important source that reflects current trends, socio-political discourse, and interpretations of the activities of the OTS in the media space. Publications are chosen based on their thematic focus, proximity to the events under study, and the reliability of the information presented. A critical analysis of periodicals helps identify different perspectives and track how the activities of the OTS are covered in different countries.

Literature Review

The academic literature on cooperation among Turkic-speaking states is extensive and has developed in several stages. Early studies mainly focused on cultural, civilizational, and linguistic ties that historically connect the Turkic peoples of Central Asia, the South Caucasus, and Turkey. During this period, the Turkic world was often viewed as a community based on shared identity and historical memory.

Since the 2000s, and especially in recent years, research has shifted toward the institutionalization of cooperation. In this context, the transformation of the Turkic Council into the OTS is seen as a new stage, marking the transition from symbolic interaction to institutionalized integration. This study is based on a comprehensive review of periodicals in Russian, Turkish, and English, as well as academic articles and analytical reports on the topic. It also includes materials from online platforms, providing a broad and up-to-date perspective. Particular attention is given to scholars from countries that are members of the OTS. Turkish researchers such as Çınar Y. and Uzun Y. (2023), Özkan G. and Demirtepe M. (2012), and Tomar D. (2021) generally consider the OTS an important tool for strengthening Turkey's regional role and promoting multi-level integration in Eurasia. Central Asian scholars, including Altymyshova Z., Omurova J. (2025), Rasulev A., and Khuzhaev Sh. (2025), emphasize the practical nature of cooperation and view the OTS as a platform for developing economic ties, transport potential, and regional stability. Other researchers, including Avakov V., Badranov A. (2013), Zhang Yuyan (2023), and Mevlüt A. (2023), highlight the importance of soft power, cultural diplomacy, and economic cooperation in strengthening the Turkic world. Overall, the literature presents the OTS as a promising platform for regional integration with significant potential in economic, cultural, and political areas. At the same time, scholars point to several challenges, including differences in national interests, uneven economic development, and external political influences. Thus, the OTS is seen not only as a result of shared historical and cultural ties, but also as a developing center of regional cooperation with long-term integration potential.

Discussion and Results

The Eurasian region is very important because it connects East and West. Many Turkic states are located in this region. Because of this, they are in a good position for cooperation. Today, the Organization of Turkic States (OTS) is becoming stronger. It is starting to play a bigger role as a regional actor. Member countries are working together in different areas, such as the economy, culture, and politics. The member states can be divided into several groups. These include the Turkestan region, the South Caucasus, and some European countries.

Today, the OTS has five full members: Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. It also has three observer states: Hungary, Turkmenistan, and the Turkish Republic of Northern Cyprus. The main goal of the OTS is to develop cooperation between these countries.

This cooperation is based on their shared history, language, and culture ([Altymyshova 2025: 42-43](#)).

The Secretariat of the OTS is in Istanbul. TURKSOY is based in Ankara. The International Turkic Academy is in Kazakhstan, and TURKPA is in Azerbaijan. The flag of the organization was created in 2012. It is based on the national flags of Turkic countries and Turkey. At the 11th OTS Summit in Bishkek on November 6, 2024, the flag was updated (Republic [Disiliskiler.ktb.gov.tr](https://disiliskiler.ktb.gov.tr): 28.11.2024).

The new flag includes an octagon, a crescent, and a star. There is also a sun in the center with evenly spaced rays. The background of the flag is turquoise. The flag shows important ideas such as Turkic identity, unity, and shared culture. It also represents cooperation between the countries of the OTS ([Mevlüt 2023: 479](#)).

Stages of integration relations

The analysis shows that integration among Turkic states developed in three main stages. Each stage represents a different level of cooperation and institutional development. The first stage covers the period from 1992 to 2008. During this time, cooperation among Turkic states began mainly in the cultural and educational fields. Initial projects were relatively small, but they helped build connections and laid the foundation for further cooperation.

Table 1. *Stages of Integration of the Turkic States*

Main stages	Characteristics of the activity	Projects
First stage, 1992-2008	The independence of the Turkic states was recognized, which led to the strengthening of historical ties and the development of cultural, educational and scientific cooperation. Between 1994 and 2000, five summits of the heads of state were held.	Establishment of TIKA (1992); creation of TURKSOY (1993).
Second stage, 2009-2020	During this period active interaction among Turkic countries, in political, economic and cultural fields.	Creation of TURKPA (2008); establishment of the Cooperation Council of Turkic-Speaking States (2009); launch of the “Turkology” project (2000); opening of the Turkic Academy (2010); creation of the Union of Turkic Universities.
Third stage, 2021-present	This stage included the transformation of the Turkic Council into the Organization of Turkic States (OTS) and the expansion of areas of cooperation.	Adoption of the “Vision of the Turkic World – 2040”; adoption of the OTS Strategy for 2022–2026; creation of the Turkic Investment Fund; development of digital, transport and logistics cooperation.

The first stage began in 1992 and was linked to the establishment of diplomatic and cultural contacts among newly independent states.

The first stage started in 1992. At that time, newly independent countries began to build diplomatic and cultural relations. In 1992, the Turkish Cooperation and Development Agency (TIKA) were created. In its early years, it opened offices in Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Most of its work focused on education and social projects in Central Asia.

After 2010, TIKA expanded its activities. New offices were opened in different regions, especially in the Middle East, North Africa, and the Balkans. By 2021, the organization was working in many countries around the world. The number of offices increased over time. It grew from 12 in 2002 to 33 in 2012, and later reached 63 in 2022. The budget and the number of projects grew. Central Asia and the Caucasus remain important regions for TIKA. The organization still supports educational, cultural, and social projects there. These regions are also a priority in TIKA's 2024-2028 strategy. The International TURKSOY organization was created in 1993. At first, it focused on cultural cooperation between Turkic states. It also helped promote the culture and traditions of Turkic peoples around the world (Özkan 2012: 648).

The second stage (2000-2021) saw stronger political and economic cooperation and a growing role of the Turkic world.

The second stage lasted from 2000 to 2021. At that time, political and economic cooperation became stronger. The Turkic world also became more influential. One of the main projects is the "Turkology" program. It started in 2000 and now covers many countries. In this program, universities open special departments and courses. Students study the history, language, and culture of Turkey. The seventh summit was held in Istanbul in 2001. Uzbekistan did not take part at the level of heads of state. Instead, it was represented by the Speaker of the Supreme Assembly, Yerkin Khalilov (Altymyshova 2025: 44).

The eighth summit took place in Antalya after a long break. It was organized by Turkey. Turkey, Kazakhstan, Azerbaijan, and Kyrgyzstan were represented by their presidents. Turkmenistan sent its ambassador to Ankara. Uzbekistan did not participate.

In 2009, the ninth summit was held in Nakhchivan, Azerbaijan. It took place on October 2–3. This meeting was an important step for the Turkic world. During the summit, several countries signed the Nakhchivan Agreement. These countries were Turkey, Azerbaijan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan. They decided to create a new organization called the Turkic Council. This decision was important. It made cooperation between Turkic countries more organized. It also helped develop cultural, scientific, and economic ties.

Later, the Turkic Council became the basis for the Organization of Turkic States. In 2010, another summit was held in Istanbul. At this meeting, Halil Akinci was appointed as the first Secretary General. The Secretariat of the Turkic Council is located in Istanbul. It works to support cooperation. Since 2018, it has been led by Ambassador Baghdad Amreyev from Kazakhstan.

Table No. 2. *Summits of the Turkic Council / Organization of Turkic States*

Year, day	City and Country	The main topics of the summit
First summit, October 20-21, 2011	Almaty, Kazakhstan	"Economic and Trade Cooperation"
Second Summit, August 22-23, 2012	Bishkek, Kyrgyzstan	Education, Science and Cultural Cooperation
Third Summit, August 16, 2013	Gabala, Azerbaijan	"Transport"

Fourth summit, June 4-5, 2014	Bodrum, Türkiye	"Tourism"
Fifth summit, September 11, 2015	Astana, Kazakhstan	"Media and Information Technology"
Sixth Summit, September 2, 2018	Cholpon-Ata, Kyrgyzstan	"Youth and Sports"
Seventh Summit, October 15, 2019	Baku, Azerbaijan	"Support for small and medium-sized enterprises"
The Extraordinary Summit of the CCTS took place on April 10, 2020	video conference	During the Summit, issues of effectively combating the COVID-19 pandemic were discussed.
The Eighth Summit of the OTS, November 12, 2021	Istanbul, Türkiye	"Green Technologies and Smart Cities in the Digital Age."
Ninth OTS, Summit, 11 November 2022	Samarkand, Uzbekistan	"A New Era for Turkic Civilization: Towards Common Development and Prosperity."
The Tenth Summit of the United Territories of Kazakhstan, November 3, 2023	г. Астана, Казахстан	"TURKTIME"
11th OTS Summit, November 6, 2024	Bishkek, Kyrgyzstan	"Strengthening the Turkic World: Economic Integration, Sustainable Development, Digital Future, and Security for All"
12th OTS Summit, October 7, 2025	Gabala, Azerbaijan	"Regional Peace and Security"

The third stage – 2021 to the present. Current development trends.

The third stage started in 2021 and continues today. This stage shows how the organization is developing now. One important step was the creation of the Cooperation Council of Turkic-Speaking States. Later, it became the Organization of Turkic States (OTS). This change made cooperation more organized. On November 12, 2021, the eighth summit was held in Istanbul. At this meeting, the organization received the name "Organization of Turkic States (OTS)." At the summit, the document "Vision of the Turkic World 2040" was adopted. It explains the main goals of the organization for the future. The OTS has a multi-level structure. It helps coordinate cooperation in different areas (Yuyang 2023: 80)

Table 3. *Main organs and institutions of the OTS*

Category of organs	Institutes	Functions
Higher authorities	Council of Heads of State, Council of Foreign Ministers	They determine strategic directions for development and make key decisions on all matters of cooperation.
Executive structures	Council of Senior Officials, Secretariat	They coordinate the implementation of decisions and organize the activities of the organization.
Institutes	TURKSOY, TURKPA, Turkic Academy, Turkic Business Council (Turkpa.org , 29.11.2024)	Develop cooperation in cultural, scientific, educational and other spheres.

Educational networks	Union of Turkic Universities	Implements academic interaction, student exchange and
Umbrella organization	Turkic Chamber of Commerce and Industry	coordinating trade cooperation mechanisms
Umbrella organization	Turkic Investment Fund	coordinating investment cooperation mechanisms

A Business Council was created in 2011. Since then, several meetings took place. At these meetings, countries signed agreements to support small and medium businesses and improve investment conditions. They also agreed to cooperate in media and television. In tourism, a joint project called “Modern Silk Road” was launched. It is a 14-day route through cultural and historical cities in member countries.

In recent years, the OTS has become more active. At first, cooperation was mostly cultural and humanitarian. Now it also includes the economy, transport, and digital projects. An important document is the “Vision of the Turkic World 2040.” It sets the main goals for the future. These include stronger economic ties, better transport systems, digital trade, and closer cooperation between countries ([Tomar](#) 19.11.2021; Analysis [AA.com](#) 07.11.2024).

The 11th OTS summit was held on November 6, 2024, in Bishkek, the capital of Kyrgyzstan. Several important decisions were made at this meeting. New initiatives were introduced, such as the “Turkic Green Concept” and the “Charter of the Turkic World.” Bishkek was also named the digital capital of the Turkic world for 2025 (The 11th Summit [Turksoy.org](#), 01.04.2025). The countries signed several agreements. These included cooperation in the digital economy, civil protection, and space activities. There were also agreements on green finance and the development of a Turkic language model. Some awards were presented during the summit. Hungarian Prime Minister Viktor Orbán received the Order of the Turkic World. Professor Aziz Sancar was given the Ali Shir Nevai International Prize (Areas of... [Turkicstates.org](#) 31.03.2025).

At the end of the summit, Kyrgyz Foreign Minister Jeenbek Kulubayev spoke about future plans. He noted that Kyrgyzstan’s chairmanship would help continue work in these areas. An informal summit was held on May 21, 2025, in Budapest. It was organized under the chairmanship of Hungarian Prime Minister Viktor Orbán. This was the first time such a meeting took place in Europe, in an observer country.

After the meeting, the Budapest Declaration was adopted. It focused on several key issues. These included economic cooperation, digital development, and security. The declaration also mentioned the Cyprus issue. It stressed the need for a peaceful solution that considers the current situation on the island. The participants also expressed support for the Turkish Cypriots (On the results ..[Aksoncenter.ru](#)/news 30.05.2025).

The 12th OTS summit was held on October 7, 2025, in Gabala. The main theme was “Regional Peace and Security.” At the summit, the leaders adopted the Gabala Declaration. It includes many points related to politics, the economy, security, and cooperation between countries. During the meeting, Kyrgyzstan passed the chairmanship of the organization to Azerbaijan ([The 12th Summit of the Organization of Turkic States: Turksoy.org](#): 7.10. 2025).

The participants also agreed to create a new format called “OTS+.” It is meant to improve cooperation with external partners. In addition, several important projects were discussed again. These include the Middle Corridor, the Zangezur Corridor, and railway projects such as Baku-Tbilisi-Kars and China-Kyrgyzstan--Uzbekistan.

Challenges and Prospects of the OTS.

Integration also faces some challenges. These include different national interests, long distances between countries, and the influence of external factors. When making their policies, Turkic states focus on their own interests. At the same time, they also consider regional and global goals. Because of this, cooperation between them develops in different areas. Economic cooperation is one of the most important areas. It helps to develop trade, investment, and infrastructure. This makes cooperation useful for all countries involved. Economic cooperation is also a key factor in integration. Even though Turkic countries have had close relations for many years, their economic potential is not fully used yet. For example, in 2021, the total foreign trade of member states was about 720 billion US dollars. However, trade between these countries was only about 14 billion US dollars. This shows that the level of internal trade is still quite low (Mevlüt 2023: 486-487).

One of the main problems is the distance between the countries. It makes cooperation more difficult. Another issue is weak transport infrastructure. In many regions, roads and connections are not well developed. Financial systems are also not strong enough. Because of this, economic cooperation is less effective. Investment between the member states is still low. This shows that cooperation is not fully developed.

There are also problems with movement between countries. Visa rules, work permits, and residence permits are not flexible. This makes it harder for people to travel and work. It also slows down cultural cooperation (Çınar 2023: 150).

Geopolitical and military cooperation is viewed differently by the countries. Each state has its own priorities and foreign policy. Because of this, not all initiatives are supported by everyone. Many Turkic countries are also members of other organizations. This affects their decisions. For example, Kyrgyzstan and Kazakhstan are part of the Collective Security Treaty Organization. Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Kazakhstan also take part in the Shanghai Cooperation Organization. Turkey is a member of NATO, which also influences its position.

At the same time, a broader idea of cooperation in Eurasia is becoming more important. It is often called "Greater Eurasian Integration." This idea focuses on cooperation across the whole region. Within this framework, countries can work with different organizations. These include the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization, and other partners. Large projects like "One Belt, One Road" are also important. Some experts have different opinions about this process. For example, Viktor Nadein-Raevsky noted that China is cautious about the strengthening of the Turkic world. He also mentioned that China is concerned about Turkey's role in this process. At the same time, Turkey sees itself as a supporter of Turkic peoples in different regions.

Some analysts believe that the Organization of Turkic States has certain weaknesses. One of the main problems is that integration is often based mostly on cultural, linguistic, and national similarities. At the same time, this approach does not fully consider countries like Tajikistan. It also ignores the long history of interaction between Persian and Turkic cultures in the region. In Central Asia, this may create some risks. It can lead to divisions instead of cooperation. It may also affect agreements reached within the Consultative Meetings of Central Asian states. There are also concerns about certain initiatives. These include ideas about a common language, a shared alphabet, or even the use of the name "Turkestan." Some experts believe that such steps could weaken the unique identities of different peoples in Central Asia. Because of this, some analysts see these initiatives as an attempt to create a new political and cultural space. However, this view is debated. Central Asia has a long history of interaction between different cultures. In many cases, cooperation and mutual influence were more important than separation (Avakov 2013: 12).

The OTS is still a relatively new organization. It is still developing and building its structure. There are some challenges and weaknesses. Some areas still need improvement. At the same time, the organization has strong potential. If member states continue to support it, these problems can be solved over time. In the future, the OTS may become stronger and more developed ([Minasyan 2025](#); [Rasulev 2025](#)).

Prospects of the Organization of Turkic States

Some Turkic scholars believe that the region is becoming more important in the world. Many countries are now paying more attention to it, especially because of economic and energy challenges. Over the past twenty years, trade in this region has grown several times. Because of this, different countries are trying to build stronger relations with the states of the region. Turkey and the OTS can play an important role in this process. Their cooperation is based on unity and common interests. This may help the Turkic world become more influential in the future. Turkey has a special position in this system. It is located between Europe and Asia and has a large population of more than 85 million people. The country also has a strong economy, developed services, and significant military capabilities. Because of this, Turkey can play a leading role in the Turkic world (Analysis – Vision..[AA.com](#) 07.11.2024).

This can be seen in the growing unity between the member states. They are working together more actively on different platforms. A good example is the speech of the President of Azerbaijan, Ilham Aliyev, on February 14, 2024. In his speech, he said that strengthening the OTS is a key priority for Azerbaijan. Many media sources also reported this. Azerbaijan sees the OTS as its main international organization. As Ilham Aliyev said: “The Organization of Turkic States is our family. We have no other family. Our family is the Turkic world.” (Streng..[Caliber.az](#) 06.11.2024)

The 11th OTS summit was held in Bishkek on November 6, 2024. It showed that the organization is developing actively. After the meeting, Kyrgyz Foreign Minister Jeenbek Kulubaev spoke about the main topics. These included strengthening the Turkic world, economic cooperation, sustainable development, digital projects, and security (The 11th..[Turksoy.org](#) 01.04.2025).

Before the summit, a meeting of the Council of Foreign Ministers was held. At this meeting, they discussed the main issues and prepared documents for the heads of state. After the summit, eight documents were signed. The Bishkek Declaration was also adopted. Some of the main documents focused on digital cooperation. Countries agreed to develop digital trade and online interaction. Another agreement was about civil protection and joint actions during natural disasters. There was also a memorandum on space activities. It supports cooperation and joint projects in space technologies (Strengthening ...[Turksoy.org](#) 06.11.2024).

The Bishkek Declaration highlights the need to improve digital and transport connections. It supports projects such as the Middle Corridor and the Trans-Caspian Customs Transit Portal. These projects help improve trade routes and strengthen cooperation in the region. The Digital Silk Road is also an important initiative. It can help improve digital systems and support economic development. It may also make cooperation between countries stronger. The declaration also focuses on cooperation in several areas. These include labor, healthcare, social protection, agriculture, and environmental protection. Special attention is given to employment, digital healthcare, and water management. Renewable energy is also an important part of this cooperation (Strengthening..[Inbusiness.kz](#) 11.12.2024).

In 2025, the OTS held more than 150 events. These included over 30 high-level meetings between countries. About 10 new projects were also launched. During the year, the organization started to work in new areas. For the first time, meetings were held with central banks, financial agencies, and other institutions. These also included organizations working in defense, intellectual property, and social policy. Several new structures were created. These include

the Council for Green Finance, the Turkic World Insurance Union, and the Turkic Investment Promotion Network (12th Summit...[Turksoy.org](https://turksoy.org) 09.10.2025).

Cultural cooperation also became more active in 2025. Kyrgyzstan hosted the third Youth Universiade of Turkic states. Almaty was named the Youth Capital of the Turkic World, and Manas became the Tourism Capital. The OTS also became more active internationally. It organized events in cities such as Geneva, Vienna, New York, and Brussels. There were also official visits to Mongolia, Mexico, and the United States.

Conclusion

The OTS is gradually establishing itself as a significant regional institution, with its role in the Eurasian geopolitical landscape steadily expanding. In an international system characterized by rapid change, regional integration initiatives are increasingly critical to fostering stability and cooperation. The process of interaction within the Turkic world began with relatively modest initiatives following the dissolution of the Soviet Union and has progressively intensified over time. This study examines the historical development of the OTS, beginning with the early summits of Turkic-speaking states, and provides an analysis of the evolution of integration processes across political, economic, and cultural domains in the Turkic world.

The "Summit of the Heads of Turkic-Speaking States," initiated in 1992 in Ankara shortly after the independence of the Turkic republics, gradually evolved into a formalized institutional framework. In 2009, this framework was transformed into the Turkic Council, and later, in 2021, it was further developed into the OTS. In recent years, the OTS has expanded the geographical scope of its activities to include strategically important regions, establishing the conditions necessary for sustainable regional integration within Eurasia. Today, the OTS stands as a key actor in the region's integration processes, demonstrating a strong capacity to adapt to the evolving dynamics of international relations. It has rapidly emerged as an effective and influential institution, facilitating both bilateral and multilateral cooperation among its member states.

Today, integration initiatives within the Turkic world continue to advance under the framework of the OTS, encompassing a broad spectrum of cooperative activities. During the initial stages of integration, the primary focus was on fostering cultural unity and mutual understanding. Over time, however, the Organization has increasingly prioritized the strengthening of trade, economic, and investment linkages, alongside the development of key transit corridors. Although challenges remain to ensuring the sustainable development of the OTS, coordinated actions and strategically balanced decisions by member states provide a solid foundation for addressing these obstacles and further consolidating the Organization's role in both regional and international affairs.

In the context of changes in the global political landscape caused by ongoing conflicts in the Middle East, the OTS needs to adapt to new geopolitical risks and opportunities. Therefore, it is important to deepen multilateral cooperation by expanding interaction among member states in key areas to strengthen the organization's resilience and effectiveness. A key priority is the shift from declarative interaction to practical, action-oriented integration.

Acknowledgments

The authors express their sincere gratitude to the staff of Kazakhstan's museums for the materials provided, consultations, and assistance in working with archival and exhibition funds, without which this research would not have been possible.

References

- Altymyshova Z., Omurova J. Ttürk devletleri teşkilatı'nın tarihi gelişimi ve gelecek vizyonu. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2025. No.12(12), pp.41-64.
- Analysis – Vision of the 21st Century: Regional and Global Role of the Organization of Turkic States*. The OTG is rapidly moving towards becoming a regional actor. World, news analysis – AA.com. Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/>. 07.11.2024. (date of access 12.02.2026)
- Areas of Cooperation*. *Turkicstates.org*. Available at: <https://www.turkicstates.org/tr/isbirligi-alanlari#1-siyasi-sbirligi>. 31.03.2025. (date of access 27.02.2026)
- Avakov V., Badranov A., “Soft Power” of Turkey in Russia’s Domestic Policy. *Law and Management XXI*, 2013. No.2(27), pp.5-11.
- Çınar Y. and Uzun Y. The Organization of Turkic States from a Deep Past to a Strong Future: Global Economic-Political Potential and Predictions Regarding the Future of the Organization. *Manas Journal of Social Research*. 2023. No.12 (Special Issue), pp.141-156. doi:10.33206/mjss.1296831
- 12th Summit of the Organisation of Turkic States followed by a session gathering the Heads of State in Gabala on October 7th, 2025*. <https://www.turksoy.org/en-US/news/12th-summit-of-the-organization-of-turkic-states-followed-by-a-session-gathering-the-heads-of-state-in-gabala-on-october-7th-2025>, 09.10.2025. (date of access 15.02.2026).
- Mevlüt A. Historical Development of the Organization of Turkish States: Yesterday, Today and Tomorrow of the Organization. *Eurasian Journal of International Studies*. 2023. No.11(34), pp.473-491. <https://doi.org/10.33692/avrasyad.1223099>
- Minasyan N. Instruments for the implementation of pan-Turkism in modern Turkish foreign policy and their perception by the main regional and extra-regional actors. *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No.1(15), pp.57-81. doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81
- On the results of the informal summit of the Organization of Turkic States in Budapest* <https://aksoncenter.ru/news/ob-itogakh-neformalnogo-sammita-organizatsii-tyurkskikh-gosudarstv-v-budapeshte>/30.05.2025. (date of access 03.02.2026)
- Organization of Turkic States: A Strategic View*. *Kriterdergi.com* Available at: <https://kriterdergi.com/dosya-turk-devletleri-teskilati/turk-devletleri-teskilati-stratejik-bir-bakis>. 04.11.2021. (date of access 28.01.2026).
- Özkan G., Demirtepe M. Transformation of a Development Aid Agency: TİKA in a Changing Domestic and International Setting. *Turkish Studies*. 2012. No.13(4). pp.647–664. <https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746442>
- Parliamentary Assembly of Turkic States*. “About TURKPA”. Available at: <https://turkpa.org/tr/about>, 29.11.2024 (date of access 22.02.2026).
- Rasulev A., Khuzhaev Sh. *Organization of Turkic States: Prospects for Cooperation*. *UZA.uz*. Available at: https://uza.uz/ru/posts/organizaciya-tyurkskix-gosudarstv-perspektivy-sotrudnichestva_423213 31.03.2025. (date of access 04.02.2026)
- Republic of Turkey Ministry of Culture and Tourism*, “Organization of Turkic States (OTS)”. Available at: <https://disiliskiler.ktb.gov.tr/TR-132189/turk-devletleri-teskilati.html>. 28.11.2024 (date of access 02.03.2026)
- Strengthening the United Territory: A United Turkic Family is a Geopolitical Reality*. Available at: <https://caliber.az/post/ukreplenie-otg-edinaya-tyurkskaya-semya-geopoliticheskaya-realnost>. 06.11.2024. (date of access 04.02.2026).

- Strengthening the Turkic World: Highlights of the 11th OTG Summit* https://inbusiness.kz/ru/author_news/ukreplenie-tyurkskogo-mira-osnovnye-momenty-xi-cammita-otg. 11.12.2024. (date of access 09.02.2026).
- The 12th Summit of the Organization of Turkic States was continued on October 7, 2025, in the city of Gabala with a meeting of the Heads of State.* Available at: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/12-j-sammit-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-byi-prodolzhen-7-oktyabrya-2025-goda-v-gorode-gabale-zasedaniem-glav-gosudarst>. 07.11.2025 (date of access 02.02.2026)
- The 11th Summit of Heads of State of the Organization of Turkic States was held in Bishkek.* TURKSOY.org, Available at: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/v-bishkeke-sostoyalsya-11-j-sammit-glav-gosudarstv-organizacii-tyurkskih-gosudarstv>. 01.04.2025 (date of access 18.02.2026).
- Tomar D., *Historical Turning Point: "The Concept of the Turkic World until 2040"*. Turkishnews.com. Available at: <https://www.turkishnews.com/ru/content>, 19.11.2021 (date of access 07.02.2026).
- Yuyang Zh. Organization of Turkic States (OTG): origin, motives, features and influence. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2023. V.17, no.1, pp.78-87. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-1-78-87>

Information about authors

- Akylbek M. Kylychev** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Frunze Street 547, 720033, Bishkek, Kyrgyzstan, <https://orcid.org/0000-0002-6219-9209>, akyl_mukay@mail.ru,
- Tolobek A. Abdirahmanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member. National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altmyshbaeva NAS KR, Chui Ave., 265a 720071, Bishkek, Kyrgyzstan, <https://orcid.org/0000-0001-9481-0271>, uiu212@mail.ru
- Jamyikat O. Omurova** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies and Kyrgyz Studies, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, 547 Frunze Street, 720033, Bishkek, Kyrgyzstan, <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>, jamyikat2012@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

- Акылбек Мұқаұлы Кылычев** – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Фрунзе көшесі 547, 720033, Бішкек, Қырғызстан, <https://orcid.org/0000-0002-6219-9209>, akyl_mukay@mail.ru
- Толобек Абылұлы Абдырахманов** – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, Академик А.А. Алтмышбаева атындағы Философия институты, ҚР ҰҒА Чуй даңғылы, 265а 720071, Бішкек, Қырғызстан, <https://orcid.org/0000-0001-9481-0271>, uiu212@mail.ru
- Жамыйкат Орозбекқызы Омурова** – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университетінің аймақтану және қырғызтану кафедрасының меңгерушісі, Фрунзе көшесі 547, 720033, Бішкек, Қырғызстан, <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>, jamyikat2012@gmail.com

Сведения об авторах

- Акылбек Мукаевич Кылычев** – доктор исторических наук, профессор, Кыргызский Националь-

ный университет им. Ж. Баласагына, улица Фрунзе 547, 720033 Бишкек, Кыргызстан, <https://orcid.org/0000-0002-6219-9209>, akyl_mukay@mail.ru

Толобек Абылович Абдырахманов – доктор исторических наук, профессор, член-корр. Национальной Академии наук Кыргызской Республики, Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева НАН КР пр. Чуй, 265а 720071, Бишкек, Кыргызстан, <https://orcid.org/0000-0001-9481-0271>, uiu212@mail.ru

Жамыйкат Орозбековна Омурова – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, улица Фрунзе 547, 720033, Бишкек, Кыргызстан, <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>, jamyikat2012@gmail.com

Authors' contribution

Kylychev A.M. and Omurova J.O. collected, systematized, and analyzed the sources, reviewed the historiography, and formulated the structure and main findings of the article.

Abdrakhmanov T.A. proposed the idea and general concept of the article and participated in preparing the results and formulating the conclusions.

Авторлардың үлестері

Кылычев А.М. мен Омурова Ж.О. дереккөздерді жинап, жүйелеп, талдап, тарихнаманы қарап, мақаланың құрылымы мен негізгі тұжырымдарын тұжырымдады.

Әбдірахманов Т.А. мақаланың идеясы мен жалпы тұжырымдамасын ұсынды және нәтижелерді дайындауға және қорытындыларды тұжырымдауға қатысты.

Вклад авторов

Кылычев А.М. и Омурова Ж.О. осуществили сбор, систематизацию и анализ источников, провели обзор историографии, сформулировали структуру и основные результаты статьи. Абдрахманов Т.А. предложил идею и общую концепцию статьи, участвовал в подготовке результатов и формулировании выводов.

Disclosure of conflict-of-interest information. The author claims no conflict of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 24.02.2026.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 09.04.2026

Published online first / Алғы рет онлайн жарияланды / Опубликовано онлайн: дата публикации Online First 25.04.2026.

Published in issue / Нөмірде жариялаңған күні / Опубликовано в номере: дата публикации номера 10.09.2026

Research Article

IRSTI 03.81.21

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-81-95>

Russian regionalism in the XXI century: Siberian and Pomor cases

Yu. Shabaev *Institute of Language, Literature and History Federal Research Center "Komi Scientific Center Ural Division Russian Academy of Sciences", Syktyvkar, Russia* shabaev@mail.illhkomisc.ru

Abstract. This article examines the role and significance of regional identities in modern Russia, as well as their relationship to ethnic identities. In contrast to the activities and political programs of ethnic and ethno-political organizations and their political programs, regionalist movements in Russia, as well as the evolution of their ideological frameworks, have been poorly studied; this also concerns the history of regionalist movements. At the same time, regionalism in Russia has deep historical roots and can be an important political resource. Therefore, studying it and analyzing its evolutionary paths allows for a more complete picture of the country's modern political history. The analysis presented here is based on a variety of materials: documents from regional and ethnic organizations and their forums, interviews with their leaders, press publications, and online resources. We demonstrate that regional identities came to the forefront in Russia during the 1990s. This coincided with the "parade of sovereignties" and the formation of regionalist movements, particularly in the former "autonomous" republics, that actively advocated for the expansion of the political power of federal units inside Russia. Regional identity in Russia took on an ethnic form, as ethnicity became a political resource during the "ethnic renaissance" of the 1990s. However, regionalist movements and regional ideology failed to gain a significant place in the spectrum of political forces in Russia, as they failed to gain either mass popular support or the backing of regional elites. Only the Cossack movement of southern Russia achieved this, and therefore it remains the only successful example of ethnic regionalism. The Siberian and Pomor movements, which initially had great political potential, failed to realize it and are now in decline. The paper summarizes the results of many years of research related to the study of ethno-political processes in various regions of Russia, but primarily in the European north of the Russian Federation and Western Siberia. A significant part of these studies was of an interregional nature and included mass surveys of the population and mainly young people, as well as expert surveys, analysis of statistical information, publications in the media and analysis of Internet resources. In the course of these studies, information was collected about the ethno-political and ethnocultural orientations of Russians, including their perception of ethnic and civic identities, trends and dynamics of ethnic and ethno-political processes, and the depth of cultural transformations were assessed. The main method used by the author is the comparative method.

Keywords: ethnicity; regionalism; identity; Pomor identity; Siberian identity; territorial inequality

For citation: Shabaev Yu. Russian regionalism in the XXI century: Siberian and Pomor cases. *Gumilyov Journal of History*. 2026. T.156, no.3, pp.81-95. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-81-95>

Funding: The study was conducted as part of the state assignment of the Russian Academy of Sciences on the topic 126021217118-0 "Ethnology of the Komi and neighboring peoples: a comparative analysis of ethnocultural transformations".

XXI ғасырдағы орыс регионализмі: Сібір және Померания жағдайлары

Ю. Шабаев

РФА УрО КНЦ ФИЦ тілі, әдебиеті және тарихы институты, Сыктывкар, Ресей

Аңдатпа. Мақалада қазіргі Ресейдегі аймақтық сәйкестіктердің рөлі мен маңызы және олардың этникалық сәйкестіктермен байланысы қарастырылады. Этникалық және этносаяси ұйымдардың қызметінен және олардың саяси бағдарламаларынан айырмашылығы, Ресейдегі рационалистік қозғалыстар және олардың идеологиялық көзқарастарының эволюциясы нашар зерттелген, оның ішінде рационалистік қозғалыстардың тарихы да бар. Сонымен қатар, Ресейдегі регионализмнің терең тарихи тамыры бар және маңызды саяси ресурс бола алады. Сондықтан оны зерттеу және эволюция жолдарын талдау елдің қазіргі саяси тарихының толық бейнесін алуға мүмкіндік береді. Талдау әртүрлі материалдарға негізделген: аймақтық және этноөңірлік ұйымдар мен олардың форумдарының құжаттары, басшылармен сұхбаттар, баспасөздегі жарияланымдар және интернет-ресурстар. Ресей Федерациясындағы аймақтық сәйкестендірулердің өзектілігі 1990 жылдары "егемендік шеруі" болған кезде және федерация субъектілерінің, әсіресе республикалардың саяси өкілеттіктерін кеңейтуді белсенді қолдайтын рационалистік қозғалыстардың қалыптасуы болған кезде болғандығы көрсетілген. Ресей облыстарындағы аймақтық сәйкестілік этникалық формаға ие болды, өйткені 1990 жылдардағы "этникалық қайта өрлеу дәуіріндегі" этникалық саяси ресурстың маңыздылығына ие болды. Бірақ рационалистік қозғалыстар мен аймақтық идеология Ресейдің саяси күштерінің спектрінде маңызды орын ала алмады, өйткені олар халықты жаппай қолдауға да, аймақтық элиталардың қолдауына да ие болмады. Бұған Ресейдің оңтүстігіндегі казак қозғалысы ғана қол жеткізе алды, сондықтан ол этноаймақшылдықтың жалғыз сәтті үлгісі болып қала береді. Бастапқыда үлкен саяси әлеуетке ие болған Сібір және Померания қозғалыстары оны жүзеге асыра алмады және бүгінде құлдырауда. Жұмыста Ресейдің әртүрлі аймақтарындағы, бірақ ең алдымен Ресей Федерациясының еуропалық солтүстігі мен Батыс Сібірдегі этносаяси процестерді зерттеуге байланысты көпжылдық зерттеулердің нәтижелері жинақталған. Бұл зерттеулердің едәуір бөлігі аймақаралық сипатта болды және халықтың, бірақ негізінен жастардың жаппай сауалнамаларын, сондай-ақ сараптамалық сауалнамаларды, статистикалық ақпаратты талдауды, бұқаралық ақпарат құралдарында жариялауды және интернет-ресурстарды талдауды қамтыды. Осы зерттеулер барысында ресейліктердің этносаяси және этномәдени бағыттары, оның ішінде этникалық және азаматтық сәйкестікті қабылдау туралы ақпарат жиналды, этникалық және этносаяси процестердің тенденциялары мен динамикасы, мәдени өзгерістердің тереңдігі бағаланды. Автордың негізгі әдісі-компаративист.

Түйін сөздер: этникалық; регионализм; сәйкестік; померандық сәйкестік; Сібір сәйкестігі; аумақтық теңсіздік

Сілтеме жасау үшін: Шаблей Ю. XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының заманауи отандық тарихнамасы. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, no.3, 6.81-95. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-81-95>

Қаржыландыру: зерттеу Ресей Ғылым академиясының 126021217118-0 "Коми және көрші халықтардың этнологиясы: этномәдени трансформацияларды салыстырмалы талдау" тақырыбындағы мемлекеттік тапсырмасы аясында жүргізілді.

Российский регионализм в XXI веке: сибирский и поморский случаи

Ю. Шабает

Институт языка, литературы и истории ФИЦ КНЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

Аннотация: В статье рассматривается роль и значение региональных идентичностей в современной России и их связь с идентичностями этническими. В отличие от деятельности этнических и этнополитических организаций и их политических программ, рационалистские движения в России и эволюция их идейных установок изучена слабо, включая и историю рационалистских движений. Между тем регионализм в России имеет глубокие исторические корни и может быть важным политическим ресурсом. Поэтому его изучение и анализ путей эволюции позволяет получить более полную картину современной политической истории страны. В основу анализа положены различные материалы: документы региональных и этнорегиональных организаций и их форумов, интервью с руководителями, публикации в прессе и интернет-ресурсы. Показано, что актуализация региональных идентичностей в Российской Федерации произошла в 1990-е гг., когда имел место "парад суверенитетов" и происходило формирование рационалистских движений, активно выступавших за расширение политических полномочий субъектов федерации, особенно республик. Региональная идентичность в российских областях приобретала форму этнической, поскольку этничность в эпоху "этнического ренессанса" 1990-х гг. приобрела значение политического ресурса. Но рационалистские движения и региональная идеология не смогли занять заметное место в спектре политических сил России, поскольку не получили ни массовой поддержки населения, ни поддержки со стороны региональных элит. Этого смогло добиться только казачье движение юга России, а потому оно остается единственным удачным примером этнорегионализма. Сибирское и поморское движения, которые первоначально имели большой политический потенциал, не смогли его реализовать и сегодня находятся в упадке. В работе обобщены результаты многолетних исследований, связанных с изучением этнополитических процессов в различных регионах России, но в первую очередь на европейском севере РФ и в Западной Сибири. Значительная часть этих исследований носила межрегиональный характер и включала массовые опросы населения, но преимущественно молодежи, а также экспертные опросы, анализ статистической информации, публикации в средствах массовой информации и анализ интернет-ресурсов. В ходе этих исследований собирались сведения об этнополитических и этнокультурных ориентациях россиян, включая их восприятие этнической и гражданской идентичностей, оценивались тенденции и динамика этнических и этнополитических процессов, глубина культурных трансформаций. Основным методом, на который опирается автор является компаративистский.

Ключевые слова: этничность; регионализм; идентичность; поморская идентичность; сибирская идентичность; территориальное неравенство

Introduction

Ethnicity, ethnic identity, the ethnic traditions of different peoples, intercultural interaction, and ethno-confessional processes and phenomena receive considerable academic attention in Russia. The Russian school of ethnology and anthropology is rather advanced despite its theory and methods differing significantly from the fundamental principles of Western cultural and social anthropology. Still, several important thematic areas remain unaddressed or understudied by Russian researchers, despite the presence of numerous research institutes and laboratories conducting a broad range of research in the country. Among these areas is the topic of actualizing ethnic identity and the complex processes of cultural identification in general. To be sure, numerous ethnological studies have been done on these subjects recently. However, most of these studies fail to address the relationship between regionalism and ethnicity, or ethnic and regional identities as the most significant forms of cultural positioning.

It is worth noting that, since cultures are always local, regional cultural identities historically served as the basis on which broader ethnic identities formed. This is evidenced by the developmental trajectory of cultural spaces in the Middle Ages (Gurevich 1984).

Regionalism and ethnicity are closely intertwined in Russian cultural, political, and ethnopolitical practices. However, this topic has not yet been the subject of in-depth and comprehensive analysis: We are aware of not more than two works where the relationship between regionalism and ethnicity in modern Russia and/or in its history is analyzed extensively (Drobizheva et al. 1996; Shabaev, Omarov 2021).

It would seem that, in the modern circumstances, there remain very serious reasons for the revitalization of regionalist movements in Russia. Indeed, as many Russian economists point out, the problem of territorial inequality based on objective grounds is becoming increasingly pressing. At the same time, movements aimed at defending regional interests were active only in the 1990s and later quickly exhausted themselves both ideologically and organizationally. Today, there are no signs of their revival, although the topic of regionalism itself remains highly relevant.

Methods and Materials

We believe that the most illustrative modern examples of this relationship are the contemporary Pomor and Siberian identities. Indeed, recent research on the topic has focused primarily on the Cossack movement in southern Russia. However, the complex nature of the new Cossack identity in regions that were once the territories of various Cossack hosts (Don, Kuban, Terek, Orenburg, etc.) has not been seriously analyzed. Moreover, the issue of Cossack revival as part of regional political and ethnopolitical processes has not received adequate attention from researchers. We rely on the results of many years of research related to the study of ethnopolitical processes in various regions of Russia, but primarily in the European north of the Russian Federation and in Western Siberia. A significant part of these studies was inter-regional in nature and included mass surveys of the population and mainly of young people. In the course of these studies, information was collected about the ethnopolitical and ethnocultural orientations of Russians, including their perception of ethnic and civic identities. In this regard, the main method of analysis is comparative.

Literature Review

Russian regionalism has deep historical roots, yet it has received insufficient attention. The historical roots of Siberian regionalism have been examined in several works, among which the most thorough and comprehensive is that of the Czech scholar Harbulova ([Harbulova 2010](#)). The connection between nationalism and regionalism in Siberia and the Far East during the Civil War is analyzed in the interesting work by Ivan Sablin, a researcher at Heidelberg University ([Sablin 2018](#)).

A comprehensive comparative analysis of forms of regionalism and regionalization has been presented in only one monograph (Shabaev and Omarov 2021). Regionalism is closely linked to nationalism, and nationalism in Russia has recently become an object of intensive study by both Western ([Kolsto](#) and [Blakkisrud 2016](#); [Laruelle 2018](#), et al.) and Russian ([Shnirelman 2012](#)) researchers. However, in their analysis of the origins of modern nationalism, these scholars often overlook that, during the imperial period, the idea of an imperial nation built on an ethno-confessional foundation dominated ([Razmolodin 2011](#)), while the ethno-nationalism had neither a political nor a social basis, because the country was unitary, and all minorities, according to the "Charter on the Management of Inorodtsy" of 1822 ([Ethnopolitics 1998](#)), were lumped together into a single legal category of inorodtsy. Under this label, they were effectively granted cultural autonomy ([Shabaev 2023](#)). The only exceptions were the national movements of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland.

Nevertheless, it is true and must be kept in mind that the ideological foundations for ethnonationalism and political regionalization were laid precisely in the imperial period of Russian history, namely at the end of the 19th century. At that time, conceptual foundations for the symbolic construction of broad cultural worlds uniting linguistically related communities began to emerge on the Russian periphery. In the late 20th century, these concepts, gave rise to the notions of the Finno-Ugric and Turkic worlds ([Omarov, Shabaev 2025](#)). However, in the late 19th and early 20th centuries, these ideas were not dominant, and therefore, the collapse of the Russian Empire occurred due to a social crisis, not the activities of separatists.

However, after the Bolsheviks came to power in October 1917, the new authorities adopted the doctrine of ethnic nationalism, initiated the process of "demarcation of peoples" within the former Russian Empire, and created the unique ethnic federation ([Tishkov and Shabaev 2019](#)), which some Western scholars call the "empire of positive activity" ([Terry 2011](#)). It was the Bolsheviks' ethnopolicies that created the conditions for ethnonational movements to emerge as influential political forces. Many Russian scholars argue in their studies that these movements led to the collapse of the USSR. In fact, it was the escalation of regional factors and the "parade of sovereignties" in Russia's regions, initiated by regional elites and supported by the leadership of the Russian Federation, that ultimately led to the collapse of the Soviet Union, as convincingly demonstrated in the classic work on this topic by the Russian ethnologist Cheshko ([Cheshko 1996](#)). The famous American historian Stephen Kotkin, who sees the reason for the collapse of the USSR in its unreformable economic and political system, largely agrees with Cheshko.

The crisis of contemporary ethno-national movements in Russia, which began in the late 20th century and continues to this day, resulted from these movements' rejection of an alliance with regionalists as well as from their failure to embrace the idea of regional solidarity as an ideological and political principle. Unfortunately, however, this problem has never become a subject of active research.

Results

Russia is the largest country in the world, and the transformation of the Muscovite kingdom into a Eurasian power and a multicultural political community inevitably involved a search for acceptable forms of organizing local communities and the nature of their interactions with the central government. Such forms were found, but in modern Russia, regionalist movements and regional ideologies have failed to gain a significant place in the spectrum of political forces, lacking either mass popular support or the backing of regional elites. Only the Cossack movement in southern Russia achieved this, and therefore it remains the only successful example of ethnoregionalism. The Siberian and Pomor movements, which initially had great political potential, failed to realize it and are now in decline.

Case of Pomor identity

One of the first Russian ethnographic groups to develop a cultural distinctiveness and a specific local self-consciousness was the Pomors, or Pomortsy. They live along the coasts of the White and Barents Seas, which were settled by Russians very early on. Scholars believe that the group's formation began as early as the 12th century and was completed by the 18th century, when the ethnonym "Pomors" emerged (previously, only the geographical designation "Pomortsy" existed). People from Novgorod played a major role in the group's formation, but in later stages (in the 13th-15th centuries), migrations from the Upper Volga and other regions also played a significant role. The local Finno-Ugric population also played a certain role in the ethnogenesis of the Pomors.

The Pomors have long been engaged in sea hunting, merchant shipping, and shipbuilding. From the late 17th century onward, the proportion of schismatics among them increased significantly due to the influx of Old Believers, who were forced to leave the central regions of the country due to persecution. In 1695, the first local priestless sect, the so-called Pomorian, Pomorsky, or Danilov Tolk (named after the abbot of the Vygovsky or Danilovsky Skete, Daniil Vikulich) emerged in the Vyg Hermitage.

The name "Pomors" itself derives from the general designation of the geographical region – Pomorye. In the 15th and 17th centuries, this name referred (at least in the north of Russia) to the southwestern and southeastern shores of the White Sea, the so-called Pomorsky and Letny shores. Later, it came to refer to the larger territories of the Arkhangelsk and Vologda Governorates, sometimes even to the entire north of the European part of Russia up to the Urals. The term "Pomors" first appears in Russian chronicles in 1526. In late 17th-century sources, it is used to designate the inhabitants of the coastal region and the lower reaches of the Onega, Northern Dvina, and Mezen rivers, who were engaged in sea hunting. The construction of the city of Arkhangelsk at the mouth of the Northern Dvina played a major role in the formation of the Pomor identity. The fishermen, who came to this city to trade fish and seal products, became known as Pomors. Arkhangelsk facilitated the consolidation of the group, fostering its awareness of its cultural unity and cultural distinctiveness from other groups.

The maritime component of the Pomors' economy generated a need for literate people. Furthermore, the frequent contacts of Pomors with government officials and foreigners contributed to the development of literacy among a significant portion of the male and even female population, as observed as early as the 18th century. The Schism played a significant role in this process, exerting a powerful influence on all aspects of the Pomors' lives and their self-

awareness. Even the incomplete official data of 1782 reveals a significant (for that time) number of literate people among the Pomor peasantry, especially when compared with the agricultural regions of central Russia. For example, in the Varzuzhskaya and Umba volosts, virtually every family had one or two literate men. Almost every Pomor knew local sailing directions by heart, and their shared maritime experience was summarized in the "Seafaring Book," which became a monument to pan-Russian and even northern European maritime culture. This book represented an account of the Pomors' collective experience in maritime affairs. The economy based on fishing and sea hunting meant that village assemblies in Pomorye were irregular, and their decisions were very flexible. Therefore, among Pomors, individuals enjoyed considerable autonomy and independence, further enhanced by the fact that they were state peasants rather than serfs.

Since the most labor-intensive spring and summer periods in the non-agricultural Pomorye did not feature any agricultural festivals or rituals, the festive cycle here consisted of patronal (temple) festivals, youth festivities, and specifically Pomor holidays. Large games and festivities were typically held on St. Nicholas, Trinity, and St. John Day, with each village performing its own songs for these holidays, although a common layer of Pomor folklore also existed. Linguistically, there was no single Pomor dialect; instead, researchers identify a group of Pomor dialects in the Arkhangelsk province and the northern parts of the Olonetsky and Vologda provinces. Due to significant economic and social changes in the 19th century, the word "Pomor" gradually began to lose its meaning and to fall out of use. In the 20th century, especially in its second half, the ethnonym became generally unimportant.

It was only in the 1990s, marked by a sharp increase in the political role of the regions and regional elites, who entered into political competition with the federal center to redistribute power and authority, that the Pomor identity gained momentum again. At that time, the republics elevated their status by adopting declarations of sovereignty, a process dubbed the "parade of sovereignties," while okrugs and provinces sought to increase their influence by seeking to transform themselves into republics. To achieve this, they employed historical and cultural arguments, and, most importantly, attempted to construct new ethnic identities - Pomor and Siberian.

Initially, the Pomor movement was a purely regional political project aimed at expanding the region's political power vis-à-vis the federal center and at politicizing regional issues. It was considered a prerequisite for the formation of a regional political ideology and for transforming the Arkhangelsk region into a Pomor republic. As the previous discussion suggests, these ideas were indeed grounded in historical realities. However, they were initially viewed by federal authorities as regional separatism. Be it as it may, it was Arkhangelsk regionalism as a political movement that created the foundation for the revitalization of Pomor cultural identity.

The 2002 census showed that the ethnonym had not died out completely and was once again being revived, as a portion of the Arkhangelsk region's population consciously identified themselves as "Pomors." Among those who identified themselves as "Pomors" was Arkhangelsk Governor A. Efremov. He was one of 6,524 Pomors registered by the census. In 2003, the Pomor National Cultural Autonomy was registered in the city of Arkhangelsk. In early 2004, it was followed by the establishment of the Pomor Community of Indigenous Peoples of the North. Current Pomor leaders assert that the Pomors are neither an ethnographic group nor a subethnic group within the Russian people, but an independent ethnic group. Furthermore, they insist that they are not Slavs, but a Finno-Ugric people, referring to the Finno-Ugric tribes that inhabited the European north before the arrival of Russian colonists as their predecessors. The Pomors' revival is largely explained by political and economic interests, rather than a desire

for cultural distinctiveness and the preservation of traditions. Pomor identity is heterogeneous, meaning that different individuals who call themselves Pomors assign different meanings to the term. Indeed, Pomor should be considered a regional rather than an ethnic identity, and, as such, it is actively embraced by the population of the Arkhangelsk region, particularly in the Pomor villages along the White Sea coast. However, leaders of the Pomor movement insist on granting the Pomors the status of an Indigenous People of the North and on including them in the official list of these peoples, approved by the Russian government in 2000. At the Pomor congress held in Arkhangelsk in September 2007, this issue was at the forefront of delegates' consideration, and the demand for "indigenous people" status was included in the final resolution.

The second congress, held in 2009 in the village of Umba, the Murmansk province, reaffirmed this demand. The authorities' refusal to recognize the Pomors as an "indigenous minority people of the north," the active "anti-Pomor campaign" in the media, the pressure on Pomor leaders, and the poor conduct of the 2010 census resulted in a sharp decrease in the total Pomor population. According to the 2010 census, there were only 3,113 Pomors in the country, which is about half of those registered in 2002. Nevertheless, it is clear that Pomor identity is not purely situational, but rather reflects the relatively stable cultural orientations of the population of the Arkhangelsk Region and several adjacent territories. Given that a significant portion of adherents to the Pomor idea and Pomor identity call themselves "Russian Pomors" and also because many do not renounce their Pomor identity in principle but call themselves Russian (choosing the dominant form of cultural identification), it is quite difficult to determine the total number of Pomors.

The 2020 census (conducted in the fall of 2021) recorded 2,232 people who identified themselves as Pomors, but local experts believe that Pomor identity is more widespread and, more importantly, that it is closely correlated with regional and pan-Russian identities. Therefore, it is difficult to accurately estimate the number of people who identify as Pomors to any degree. This identity is not currently used as a political resource, although the possibility of such use remains.

The case of Siberian regionalism

Russian political practices have undergone significant changes over the last 20 years. However, they largely retain the traditions of political hierarchy and corporativism, in which the principle of separation of powers is conditional and more ritualistic. At the same time, it is impossible to speak of full unification and ritualization of political life in the country, because the mobilization of regionalist and ethnopolitical ideas for achieving both current and long-term political aims remains its essential feature, whatever form this mobilization may take.

The fact that regionalism appears to be in the focus of our attention here is not accidental, for, as P. Sorokin (who was born in the Komi region) noted in his "Sociology System", the relations based on the common place of residence represent the strongest among social relations:

"The grouping by place of residence has been one of the most important throughout history. It forms the basis of the state grouping, dividing the state territory into districts, provinces, volosts, and determining the phenomena of jurisdiction, possession, or deprivation of the rights of self-government (places deprived of zemstvo representation), etc. In a word, among many solidarities there is a special solidarity by place of residence, giving grounds for a special grouping not coinciding with the basic one and being one of the most important social co-ordinates, defining the behavior and experiences of individuals living together" (Sorokin 1992: 120-121).

Nevertheless, in the public discourse, there is an opinion that "regionalism (as a movement)

is at an infantile stage of development in Russia" (Krylov 2018). Despite holding some truth, this opinion is not entirely correct, because ethnonational movements, which can be considered part of regional movements, have become an integral part of the modern Russian political landscape, and their ideology has been adequately formed (Shabaev, Sadokhin 2014; Aitamurto 2016). Thus, speaking about the history of the Russian regionalism, the idea of a separate Siberian republic was expressed for the first time in the 1820-s, that is 200 years ago. In the late 19th century, Siberian regionalism reappeared in the form of so-called "Siberian autonomism", the mouthpiece of which were the so-called "oblastniki" (Harbulova 2010). It is worth mentioning in this relation that regional ethnonational movements, for example, among the Finno-Ugric peoples (excluding Finns), began to be formed in the early 20th century (Shabaev, Charina 2010; Shabaev, Zherebtsov, Alexander 1997; *The Finno-Ugric World* 2004). This suggests that both regionalistic and ethnoregionalistic political associations are not new to Russia.

A question inevitably arises: Do regionalism and ethnicity, as instruments of political mobilization, contradict each other or represent complementary political resources? The political practice suggests that they are not only closely related, but also that the ideology of regionalism and regionalistic movements can be transformed (and, furthermore, transform itself) into the ideology of ethnic nationalism and ethnic movements.

However, it is still necessary to distinguish regionalism as a political practice and regionalism as an ideology. In post-Soviet Russia, it is possible to name, perhaps, only two regional political projects that have been realized in practice, but whose destiny essentially differs. The first project is the creation of the Ural Republic, and the second is the reorganization of the Tatar Soviet Socialist Republic into Tatarstan, which involves the formation of a Tatar regional identity and ideology of Tatar regionalism (Shabaev, Zherebtsov 2016).

On the other hand, the best example of a successful articulation of regional ideology in that period was in the Arkhangelsk region (see above). Importantly, historical memory and ethnicity formed the basis of the regional ideology there (Shabaev, Zherebtsov, Zhuravev 2012; Zherebtsov 2016; Fauzer 2026), and this ideology itself successfully shifted from the politicization of historical memory to the construction of ethnicity. The idea of wide regional integration is rather popular in the circles of Archangelsk's political and intellectual elite, and, according to our surveys, it is actively supported by the population of northern regions (Shabaev 2011; Shabaev, Zherebtsov, Kim Hye Jin, Kim Hyun Taek 2016). Nevertheless, the Popmor movement could not achieve its aims and become an appreciable political force in the European north of Russia, for, as a result of two anti-Pomor campaigns, it had in fact been crushed.

The case of Siberian regionalism is interesting for comparison because it has the deepest historical roots in Russia. The modern population of Siberia was formed through various multi-phase migratory processes, which are well-documented in the scientific literature (Zherebtsov 2010; Zherebtsov & Isupov 2013a; Zherebtsov & Isupov 2013b; Fauzer 2026). In the Soviet years, quite understandably, Siberian autonomism was impossible. However, even in the post-Soviet epoch, no large-scale revival of the idea of Siberian regionalism/autonomism occurred. A few attempts to revive this idea did take place: In 1997, the creation of a certain "Siberian party" professing ideas of regionalism was declared. This party, however, did not have broad support and quickly disappeared from political horizon. In 1998, the Liberation Army of Siberia numbering 15 people, was created.

Since the turn of the century, ideas of Siberian autonomism or something close to them have started to appear somewhat more often, particularly in regional Internet resources. In 2005, a certain "Siberian movement" emerged in LiveJournal. It was followed by equally enigmatic

“Regional Alternative of Siberia”, “State of Siberia”, etc. In 2006, the Baikal peoples’ front, comprising approximately 30 members, was established ([Modern Siberian](#)). Just like their ideological predecessors, the oblastniki, supporters of modern Siberian regionalism promote rather rational ideas of expanding the power of Russian regions vis-à-vis the federal center. However, the shy attempts to revive the Siberian movement as a regional political association have not been successful so far and neither have been the attempts to establish Siberian regionalism as a popular and widely discussed ideological concept.

However, this does not mean that the idea of Siberian regionalism is dead. Rather, it takes a different form, namely the construction of Siberian identity and cultural distinctiveness, which, in some cases, acquires an ethnic coloring. In some basic regional textbooks, it is said that the territorial determinant “Siberian” should be considered an ethnonym, and the Siberians as a separate ethnic group ([Polyanichkina](#) 2007). This allowed some supporters of Siberian regionalism to assert that the named ethnonym is not merely real, but also very widespread, and that the Siberian identity is realized not only in it, but also in other symbolic forms. So, Semen Kaigorodov wrote in March 2012 on the Novosibirsk news site “Tape of regional news”:

“The last population census was noticeable by the fact that in the column ‘nationality’, many of our fellow citizens (informal figure – about 4 million) wrote – ‘Siberian’. Ethnographers hardly recognize the Siberian subethnos apparently exists. Enthusiasts of the “Siberians” invented “the Siberian language” on the basis of old-timers’ Yenisei dialect, began to develop concepts of the development of Siberia, and even argued on where the future Siberian capital should be. Sayan Andrianov, a Novosibirsk musician and leader of the group “Bugotak” playing ethnic rock music, composed the Siberian hymn “I am a Siberian” ([Kaigorodov](#) 2012).

The most radical supporters of the Siberian movement not only promote recognition of the Siberians as an independent ethnic group, but also argue for the “formation of the strong Siberian nation” (Sovremennyi).

However, the words that 4 million people have defined their ethnic belonging with the ethnonym “Siberian”, are an obvious exaggeration: in fact, there were only few thousand such people and most of them (4 thousand people) were from Novosibirsk, which, together with Tomsk, Irkutsk and Surgut, is considered one of the main centers of Siberian autonomism. In 2012, the new oblastniki tried to create a national-cultural autonomy of the Siberians in Novosibirsk, but, as officially the Siberians are not recognized either as an ethnographic group of the Russians, or as an independent ethnic community, they failed to achieve this.

Today, there are no grounds to speak about the formation of a wide-scale Siberian movement or a socially significant “Siberian project.” However, it is obvious that in Siberian regions, the cultural basis for strengthening Siberian identity as a possible foundation for future social movements is being formed. This formation proceeds, as it seems, in two distinct directions: the transformation of Siberian distinctiveness into some brand and its use in the consumer market, and the intellectualization of the idea of “Siberianism”.

A number of the enterprises located in cities of Siberia mark their production either as “Made in Siberia” or “Product of Siberia”. One can find vests, T-shirts, labels on suitcases, and even passport covers with the words “I am a Siberian”. They are on sale in Novosibirsk and have gained popularity, which means that Siberian distinctiveness gets visualized and sells as a special consumer quality. Furthermore, as Internet sites inform, “some local residents prefer to be represented to foreigners as ‘From Siberia’: this not only causes less negative associations (with corruption, authoritarianism, etc.) than “From Russia”, but is perceived as romantic and exotic ([I am Siberian](#)).

However, the aspiration to exotization should not be thought about only as some reaction to unification and globalization or as a form of cultural protest against social ills of the Russian society. The aspiration to exotization often has quite a rational basis, as can be seen in the example of Kalmykia ([Guchinova 2012: 171-190](#)). At the same time, Siberian distinctiveness can indeed take the form of cultural protest, as testifies the demonstration in Novosibirsk on May 1, 2016 (a cultural parody of a classical demonstration) under the slogan "Here is not Moscow for you". Approximately 2,000 people took part in it.

The intellectualization of the idea of Siberian distinctiveness is promoted by the activities of scientific organizations and universities, where the study of Siberian cultural heritage is conducted. In 2014, the scientific conference "Man in the varying world. Identity and social adaptation problem in the history and the present: methodology, technique and research practice" was held in Tomsk. There, the problems of formation of the Russian identity were discussed, and special attention was given to the discussion of the concept "Siberian". Philologists of the Tomsk University, in turn, issued "The Dictionary of figurative units of the Siberian dialect," etc.

Therefore, the cultural basis of Siberian distinctiveness is gradually formed. It can lay the groundwork for the development of regional ideology, but it can hardly be transformed into any form of regional political movement. First, in Russia, great fears of separatist moods exist among officials, and these fears are not without grounds. These fears have led to the defeat of the Pomor movement in Archangelsk. Secondly, in Russia, the creation of regional parties and parties based on ethnic principles is prohibited. Thirdly, Siberian regionalism lacks widespread public support today; it will be very difficult, if at all possible, to change public opinion.

What can feed the regionalism today? Evidently, any regional movements should express the interests of the local population. These interests are many-sided, but economic interests are most significant. For an ordinary citizen or businessman, of importance are the condition of the labor market, the level of prices and incomes, the system of taxation and tariffs, business dealing conditions, etc. Here, quite obvious disproportions are observed, as the majority of industrial potential is concentrated in regions, while almost all financial capital is concentrated in Moscow. While the largest part of national wealth is produced outside the capital, Moscow is the largest taxpayer, as the headquarters of the largest corporations are located there. They pay a considerable share of taxes not to local budgets, but to the capital budget. This produces a very essential difference in the incomes of inhabitants of regions and the capital.

Furthermore, the recent obsession with the "vertical of power" has led to the fact that, besides the concentration of capital, almost all power potential is also concentrated in Moscow, as the role of local political elites and the political influence of the regions is extremely limited. This cannot help but cause discontent. The aspiration to eradicate separatist moods among regional leaders was the primary purpose of such concentration, but this purpose had been achieved only partially. Besides, the would-be regionalist is born and nurtured appreciably in view of the fact that the policy of civil integration has not become a significant component in the political practice of both federal and regional political managers.

Furthermore, aside from the economic and political reasons inevitably generating regionalistic ideas, the cultural peculiarities of the regions, their cultural distinctiveness, are also of great importance. For anyone interested in developing and strengthening local nationalism and separatism, it is important to rely not only on economic egoism and healthy economic interests of the local population, but also to form an ideology which convincingly would prove that inhabitants of the given concrete region are an independent cultural community with its own cultural, economic and political interests which are not considered or are insufficiently considered by the federal authorities. It is necessary for this ideology to be apprehended by

various strata of society.

Today, there is no one to form such an ideology, but the isolated ideas of Siberian distinctiveness persist and are constantly replicated in virtual space.

Conclusion

Territorial inequality, which is quite evident in Russia today, has a significant impact on public sentiment. It was precisely this inequality that fueled the emergence of regionalist movements in the 1990s and their subsequent evolution into ethnopolitical and ethnocultural movements. Differences in economic development among the constituent entities of the Russian Federation are extremely large, and the gross regional product per capita varies by dozens of times across regions (for example, if we compare the Nenets Autonomous Okrug and Ingushetia). Regarding citizens' income and expenses, thanks to government regulation and social support, the differences are less significant. However, the average gross salary still varies significantly, and the poverty rate, i.e., the proportion of citizens with incomes below the subsistence minimum, differs by a factor of four to five. This is, of course, due to differences in the economic potential of the regions and their levels of socioeconomic development. However, even high wage figures do not necessarily indicate well-being in particular regions, as the expenses of families living in the southern regions and in the north also differ significantly. Today, residents of the European north generally fare worse than the average Russian, based on a combination of well-being indicators. An additional indicator of regional well-being is territorial connectivity, including the accessibility of transportation for residents and the availability of year-round roads. In this regard, vast territories and many regions of the North, Siberia, and the Far East still find themselves in a disadvantaged position. The recently adopted "Strategy for Territorial Development of the Russian Federation" aims to address territorial inequality; however, since this inequality is inherent in the nature of territories, it will not be possible to completely eliminate it.

Nevertheless, the policy of mitigating territorial differences must be proactive: if territorial differences continue to deepen, this will inevitably spur the politicization of the issue and the use of both ethnic and regional identities as resources for political mobilization.

Currently, attempts to politicize and galvanize regionalist and ethnoregionalist movements and initiatives are blocked by federal authorities and the key idea of the "Strategy for State Nationalities Policy of the Russian Federation," which is the need for civic integration and the intensification of nation-building processes, i.e., strengthening the foundations of the Russian civic nation and pan-Russian identity. However, in the regions, and especially in the republics of the Russian Federation, civic integration policies are often ineffective and sometimes encounter hidden resistance. Therefore, the persistent and deepening territorial inequality and the lack of integration policy in Russian regions could give rise to a new surge of regionalism and regional separatism, comparable to that of the 1990s. On the other hand, the implementation of such an ethnopolitical scenario will only be possible in the context of a political and economic crisis, which the Russian authorities will likely attempt to prevent.

Acknowledgements

The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

References

- Aitamurto K. *Paganism, Traditionalism, Nationalism: Narratives of Russian Rodnoverie*. London: Routledge. 2016. 232 p.
- Cheshko S.V. *The Collapse of the Soviet Union: Ethnopolitical Analysis*. Moscow: IEA RAS. 1996. 395 p.
- Drobizheva L., Aklaev A., Koroteeva V., Soldatova G. *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 1990s*. Moscow: Mysl. 1996.
- Ethnopolitics in Imperial Russia*. Late Primitive and Pre-Class Societies of Northern European Russia, Siberia, and Russian America / Comp. and author of the introduction Yu. I. Semenov. Moscow: Stary Sad. 1998. 376 p.
- Fauzer V., Zherebtsov I. The northern republics in the demographic landscape of Russia. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.155, no.2, pp.96-118. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-96-118>
- Guchinova E.-B. From the USSR to the Orient: national and ethnic symbols in the city of Elista. In: *Soviet and post-soviet identities*. Edited by Mark Bassin and Catriona Kelly. Cambridge: Cambridge university press. 2012. Pp.191-211.
- Gurevich A. Ya. *Categories of medieval culture*. Moscow: "Iskusstvo". 1984. 349 p.
- Harbul'ova L. *Sibirsky autonomizmus: Zdroje, prejava, reflexive (1917-1939)*. Praha: Narodni knihovna ĆS – Slovanska knihovna. 2010. 183 p.
- I'am Siberian, clear?* <http://www.news.ngs.ru/more/1153487/HFC.HOBOCTH>
- Kaigorodov S. *Siberian "autonomists"*. <http://www.lentaregion.ru/25908/04-03-2012>.
- Kolstø P., Blakkisrud H. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000-2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2016. 424 p.
- Krylov S. *Russian regionalism: today and tomorrow*. www.apn.ru/publications/article20979/ht
- Laruelle M. *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields*. London: Routledge. 2018. 256 p.
- Modern Siberian regionalism*. <http://www.traditio.wiki/%D0%A1>
- Omarov M., Shabaev Yu. *Dialogue of cultures: retrospectives and prospects*. Moscow: RSUH. 2025. 336 p.
- Polyanichkina G. *Ethnography: a textbook*. Rostov-on-Don. 2007. 159 p.
- Razmolodin M. On the difference in the fundamental foundations of the Black Hundred and nationalist doctrines in Russia at the beginning of the 20th century. *Clio*. 2011. No.2(53), pp.153-155.
- Sablin I. *The Rise and Fall of Russia's Far Eastern Republic, 1905-1922: Nationalisms, Imperialisms, and Regionalisms in and after the Russian Empire*. London: Routledge. 2018. 136 p.
- Shabaev Yu. Peoples of the European North: situation, specificity, identities. *Sociological researches*. 2011. No.2, pp.54-63.
- Shabaev Yu., Charina A. *Finno-Ugric Nationalism and Civic Consolidation in Russia (Ethnopolitical Analysis)*. St. Petersburg: SPbGUSE. 2010. 275 p.
- Shabaev Yu., Sadokhin A. *Regional Nationalism in Russia: An Expert Analysis of the Ideology of Ethnonational Movements of the Finno-Ugric Peoples of Russia*. Moscow: DirectMEDIA. 2014. 409 p.
- Shabaev Yu., Zherebtsov I. The Siberian movement and modern Russian regionalism. In: *Rethinking Russia's Pivot to Asia: Context, Perceptions, and Prospects. The 6th HK International Conference*. Seoul: Hankuk University of Foreign Studies. 2016. Pp.109-121.
- Shabaev Yu., Zherebtsov I., Alexander J. *National development and ethnopolitics in the eastern Finnish republics of Russia*. *World of Russia*. Moscow. 1997. No.4, pp.171-182.
- Shabaev Yu., Zherebtsov I. Kim Hye Jin, Kim Hyun Taek. *Pomors, Pomor'e and the Russian North:*

- A Symbolic Space in Cultural and Political Context*. Sibirica. 2016. Vol.15, is.2, pp.73-102.
- Shabaev Yu., Zherebtsov I., Zhuravlev P. "Russian North": cultural boundaries and cultural images. *World of Russia*. 2012. No.4, pp.134-153.
- Shabaev Yu., Omarov M. Regionalism and Ethnicity in Russia: *Historical Evolution and Contemporary Political Practices*. Moscow: RSUH. 2021. 481 p.
- Shabaev Yu. The history of the formation of Russia as a multi-ethnic and multi-confessional state. In: *Interethnic and interreligious relations in modern Russia*. Moscow: RSUH. 2023. Pp.15-45.
- Shnirelman V.A. *Russian Native Studies: Neo-Paganism and Nationalism in Contemporary Russia*. Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle. 2012. 302 p.
- Sorokin P. *The system of sociology*. Tom. 1. Syktyvkar: Syktyvkar state university. 1991. 187 p.
- Terry M. *The empire of "positive activity." Nation and nationalism in the USSR, 1923-1939 (History of Stalinism)*. Moscow: ROSSPEN. 2011. 855 c.
- The Finno-Ugric World/Editor-in-Chief: György Nanovfszky*. Budapest: Teleki Laslo Foundation. 2004. 548 p.
- Tishkov V., Shabaev Yu. *Ethnopolitical Science. Political Functions of Ethnicity. 3rd edition, revised and supplemented*. Moscow: Moscow University Publishing House. 2019. 416 p.
- Zherebtsov I. *Climate changes and demographic history of the European North In: The Russian and Slavic researches. Scientific collection*. Minsk: Byelorussian State Univ. 2010. Is.V, pp.64-72.
- Zherebtsov I. Russia – demography in the North-West. In: *Encyclopedia of the Barents Region*. Oslo: Pax forlag AS. 2016. Vol.2, pp.234-239.
- Zherebtsov I., Isupov V. Migrations of inhabitants of the European Northeast to Siberia. In: *Problems of historical demography of Siberia*. Issue 3. Collected Sci. Works. Novosibirsk. 2013a. Pp.4-29.
- Zherebtsov I., Isupov V. The migration of the Komi to Siberia and the Far East in the 16th-17th centuries. In: *Historical demography*. 2013b. No.1, pp.18-29.

Information about the author

Yuri P. Shabaev – the Head of the Department of Ethnology, Doctor of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Federal research Center “Komi science center of the Ural Division Russian Academy of Sciences”, Kommunisticheskaya st. 26, 167982, Syktyvkar, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0867-4662>, shabaev@mail.illhkomisc.ru

Авторлар туралы мәлімет

Юрий Петрович Шабаев – этнография секторының меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, Федералдық зерттеу орталығы "Ресей ғылымдар академиясының Урал бөлімшесі Коми ғылыми орталығы" Тіл, әдебиет және тарих институты, Коммунистическая көш., 26, 167982, Сыктывкар, Ресей, <https://orcid.org/0000-0002-0867-4662>, shabaev@mail.illhkomisc.ru

Сведения об авторах

Юрий Петрович Шабаев – заведующий сектором этнографии, доктор исторических наук, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр "Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук", Коммунистическая, 26, 167982, Сыктывкар, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0867-4662>, shabaev@mail.illhkomisc.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. **Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. **Заявление о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 28.05.2026.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 25.07.2026

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.01.07

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Stadial and Local Variants of the Great Steppe Civilization

E. Abil^a, A. Kuzembayuly^b^a*Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*^b*A. Baitursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan* yerkinabil@gmail.com

Abstract. The paper examines the problem of the civilizational interpretation of the history of the Great Steppe and the need to overcome the fragmentation of the traditional historical narrative, in which the societies of the Saka, Huns, Turks, and other nomadic formations are interpreted as isolated ethnopolitical entities. The object of the study is the civilization of the Great Steppe as an integral historical and cultural system that developed over a long period and included a number of stadial and local forms. The aim of the work is to provide a theoretical interpretation of this civilization as a polycentric and dynamic system possessing a stable structural core and capable of reproducing itself under various natural-climatic, political, and cultural conditions. The methodological foundation of the study is based on a synthesis of civilizational, systemic, and historical-anthropological approaches. The civilization of the Great Steppe is considered as an open historical system in which economic practices, military organization, social structure, and symbolic culture function as interrelated elements. Special attention is given to mobility as the fundamental structural principle of steppe societies, which determined the forms of social integration, political consolidation, and cultural continuity. The empirical basis of the analysis consists of interpretative models developed within the fields of nomadic studies, archaeology, and historical anthropology. The results of the study show that the formation of the civilization of the Great Steppe is associated with the transition to mobile pastoralism and the domestication of the horse during the Eneolithic period, which ensured a high level of mobility and led to the emergence of a military-nomadic model of social organization. The main stadial stages in the development of the steppe civilizational system are identified as the Saka-Scythian, Hunnic-Sarmatian, and Turkic stages, each reflecting successive transformations of a single civilizational matrix. It is established that during the medieval period, local variants of this civilization were formed, including the Turkic-Muslim and Mongol-Buddhist cultural areas, as well as adaptive forms in Southern Siberia, Yakutia, and along the western frontiers of the steppe world. It is concluded that the civilization of the Great Steppe represents a multipolar historical system characterized by stable invariant features, including a mobile pastoral economic system, a military-hierarchical organization of society, a clan-based social structure, the sacralization of power, and a distinctive type of spatial thinking. The proposed approach makes it possible to interpret the succession of ethnonyms and political formations not as ruptures in historical tradition, but as successive stages in the development of a unified civilizational complex. The results obtained provide a theoretical basis for a more comprehensive interpretation of the history of steppe societies and their role in the civilizational dynamics of Eurasia.

Keywords: civilization; the civilizational concept; nomadism; mobility; developmental stages; local civilizations; polycentric system

For citation: Abil E., Kuzembayuly A. Stadial and Local Variants of the Great Steppe Civilization. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.96-114. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Funding: The article was prepared within the framework of the research project "Comprehensive interdisciplinary study of the intellectual history of the 20th - first quarter of the 21st centuries based on the analysis of the works of Kazakh historians and writers" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: BR28713085)

Ұлы Дала өркениетінің стадиалдық және жергілікті нұсқалары

Е. Әбіл^а, А. Күзембайұлы^б

^аҚазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісі, Астана, Қазақстан

^бА. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл жұмыста Ұлы дала тарихын өркениеттік тұрғыдан түсіндіру мәселесі және дәстүрлі тарихи нарративтегі фрагментарлықты еңсеру қарастырылады. Дәстүрлі түсіндіруде сақтар, ғұндар, түріктер және басқа да көшпелі бірлестіктер қоғамдары көбіне бір-бірінен оқшауланған этносаяси құрылымдар ретінде қарастырылады. Зерттеу нысаны ретінде ұзақ тарихи кезең бойы дамыған және бірнеше стадиалдық әрі жергілікті формаларды қамтыған тұтас тарихи-мәдени жүйе ретіндегі Ұлы дала өркениеті алынады. Жұмыстың мақсаты – бұл өркениетті полицентрлі әрі динамикалық жүйе ретінде теориялық тұрғыдан пайымдау. Мұндай жүйе тұрақты құрылымдық өзекке ие және әртүрлі табиғи-климаттық, саяси және мәдени жағдайларда қайта жаңғырып, жалғасып отыру қабілетіне ие. Зерттеудің әдіснамалық негізі өркениеттік, жүйелік және тарихи-антропологиялық тәсілдердің синтезіне сүйенеді. Ұлы дала өркениеті шаруашылық тәжірибелері, әскери ұйым, әлеуметтік құрылым және символдық мәдениет өзара байланысты элементтер ретінде қызмет ететін ашық тарихи жүйе ретінде қарастырылады. Ерекше назар дала қоғамдарының негізгі құрылым қалыптастырушы қағидаты болған қозғалмалылыққа (мобильдікке) аударылады. Ол әлеуметтік интеграцияның, саяси консолидацияның және мәдени сабақтастықтың формаларын айқындады. Талдаудың эмпирикалық негізін көшпелітану, археология және тарихи антропология аясында қалыптасқан интерпретациялық модельдер құрайды. Зерттеу нәтижесінде Ұлы дала өркениетінің қалыптасуы энеолит дәуірінде жылжымалы мал шаруашылығына көшу және жылқыны қолға үйретумен байланысты екені көрсетілді. Бұл құбылыс жоғары деңгейдегі қозғалмалылықты қамтамасыз етіп, қоғамның әскери-көшпелі әлеуметтік ұйымдасу моделін қалыптастырды. Далалық өркениеттік жүйенің дамуының негізгі стадиалдық кезеңдері айқындалды: сақ-скиф кезеңі, ғұн-сармат кезеңі, түркі кезеңі. Бұл кезеңдердің әрқайсысы біртұтас өркениеттік матрицаның бірізді трансформацияларын көрсетеді. Сонымен қатар, ортағасырлық кезеңде аталған өркениеттің жергілікті нұсқаларының қалыптасқаны анықталды. Оларға түркі-мұсылмандық және моңғол-буддалық аймақтар, сондай-ақ Оңтүстік Сібірде, Якутияда және далалық әлемнің батыс шекараларында қалыптасқан бейімделу формалары жатады. Зерттеу нәтижесінде Ұлы дала өркениеті тұрақты инварианттық сипаттамалары бар көпполюсті тарихи жүйе екені туралы қорытынды жасалды. Оларға мыналар жатады: қозғалмалы шаруашылық үлгісі, қоғамның әскери-иерархиялық ұйымдасуы, ру-тайпалық құрылым, биліктің сакрализациясы және кеңістікті ерекше қабылдау түрі. Ұсынылған тәсіл этнонимдер мен саяси құрылымдардың алмасуын тарихи дәстүрдің үзілуі ретінде емес, біртұтас өркениеттік кешеннің дамуының дәйекті

кезеңдері ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Алынған нәтижелер дала қоғамдарының тарихын және олардың Еуразияның өркениеттік динамикасындағы рөлін неғұрлым тұтас түсіндіруге арналған теориялық негіз қалыптастырады.

Түйін сөздер: өркениет; өркениеттік тәсіл; номадизм; мобильдік; стадиалдық кезеңдер; жергілікті өркениеттер; полицентрлік жүйе

Стадиальные и локальные варианты Цивилизации Великой Степи

Е. Аби́ль^а, А. Кузембайулы^б

^аМажилис Парламента Республики Казахстан, Астана, Казахстан

^бКостанайский региональный университет им. А. Байтурсынулы, Костанай, Казахстан

Аннотация. В работе рассматривается проблема цивилизационной интерпретации истории Великой степи и преодоления фрагментарности традиционного исторического нарратива, в котором общества саков, гуннов, тюрков и других номадических объединений трактуются как изолированные этнополитические образования. Предметом исследования выступает цивилизация Великой степи как целостная историко-культурная система, развивавшаяся на протяжении длительного времени и включавшая ряд стадиальных и локальных форм. Цель работы заключается в теоретическом осмыслении данной цивилизации как полицентрической и динамичной системы, обладающей устойчивым структурным ядром и способной воспроизводиться в различных природно-климатических, политических и культурных условиях. Методологической основой исследования является синтез цивилизационного, системного и историко-антропологического подходов. Цивилизация Великой степи рассматривается как открытая историческая система, в которой хозяйственные практики, военная организация, социальная структура и символическая культура функционируют как взаимосвязанные элементы. Особое внимание уделяется мобильности как базовому структурообразующему принципу степных обществ, определявшему формы социальной интеграции, политической консолидации и культурной преемственности. Эмпирическую основу анализа составляют интерпретационные модели, разработанные в рамках кочевниковедения, археологии и исторической антропологии. В результате исследования показано, что формирование цивилизации Великой степи связано с переходом к подвижному скотоводческому хозяйству и одомашниванием лошади в эпоху энеолита, что обеспечило высокую мобильность и сформировало военно-кочевую модель социальной организации. Выделены основные стадиальные этапы развития степной цивилизационной системы: сако-скифский, гунно-сарматский и тюркский, каждый из которых отражает последовательные трансформации единой цивилизационной матрицы. Установлено, что в средневековый период происходит формирование локальных вариантов данной цивилизации, включая тюрко-мусульманский и монголо-буддийский ареалы, а также адаптационные формы в Южной Сибири, Якутии и на западных рубежах степного мира. Сделан вывод о том, что цивилизация Великой степи представляет собой многополярную историческую систему с устойчивыми инвариантными характеристиками – мобильным хозяйственным укладом, военно-иерархической организацией общества, родо-клановой структурой, сакрализацией власти и особым типом пространственного мышления. Предложенный подход позволяет рассматривать смену этнонимов и политических образований не как разрывы исторической традиции, а как последовательные стадии развития единого цивилизационного комплекса. Полученные результаты создают теоретическую основу для более целостной интерпретации истории степных обществ и их роли в цивилизационной динамике Евразии.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационный подход; номадизм; мобильность; стадияльные этапы; локальные цивилизации; полицентрическая система

Для цитирования: Аби́ль Е., Кузембайулы А. Стадияльные и локальные варианты Цивилизации Великой Степи. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, с.96-114. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-96-114>

Финансирование. Исследование проводилось в рамках проекта "Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов" программы грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (IRN проекта: BR28713085)

Введение

В современной репрезентации национальной истории – не только Казахстана, но и многих других тюркских народов – сохраняется выраженная дискретность и фрагментарность исторического нарратива. Общества саков, усуней, гуннов, тюрков и поздних номадов трактуются как взаимосвязанные, но обособленные этнические и политические образования. Средневековые объединения тюрков, тюркешей, карлуков и других племенных союзов интерпретируются преимущественно как сменяющие друг друга самостоятельные государства, а не как последовательные династические и институциональные трансформации в рамках единого исторического процесса. Подобная оптика формирует устойчивую иллюзию неустойчивости и “прерывистости” государственности кочевых обществ, создавая представление о её вторичности или незрелости.

Возможным выходом из данной методологической ситуации выступает цивилизационный подход, способный преодолеть указанную фрагментацию. Он позволяет рассматривать национальную историю не как набор разрозненных этнополитических эпизодов, а как процесс зарождения, становления, трансформации и локальной дифференциации целостного исторического явления – Цивилизации Великой степи (ЦВС). В этом случае смена этнонимов, династий и политических центров предстает не как череда разрывов, а как внутренние стадии развития единой цивилизационной системы.

Проблема цивилизационной интерпретации истории Великой степи остаётся одной из наиболее дискуссионных в современной гуманитарной науке. На протяжении длительного времени кочевые общества Евразии рассматривались преимущественно сквозь призму эволюционистских и формационных моделей, в рамках которых номадизм трактовался как архаичная или переходная форма социальной организации. Даже в классических цивилизационных концепциях степной мир оказывался маргинализированным – как локальная цивилизация, лишённая внутренней динамики и исторической перспективы.

Во второй половине XX века предпринимаются попытки пересмотра данной парадигмы, в частности в работах Л. Гумилёва, где кочевые общества осмысляются как самостоятельный историко-культурный феномен. Однако вплоть до конца советского

периода эти подходы оставались альтернативными доминирующей формационной модели. Ситуация принципиально изменилась в конце XX – начале XXI века, когда в научный оборот активно вводится концепт Степной (Кочевой) цивилизации, а пространство Великой степи начинает рассматриваться как особая цивилизационная зона со своей логикой развития, формами социальной интеграции и механизмами культурной преемственности.

Современные исследования всё более отчётливо демонстрируют, что цивилизация Великой степи не может быть сведена ни к отдельным археологическим культурам, ни к последовательности “кочевых империй”. Она представляет собой длительно существующую историческую систему, основанную на специфической хозяйственной модели, высокой мобильности, военно-иерархической организации и особом типе пространственного мышления. При этом данная цивилизация никогда не была монолитной: её развитие осуществлялось через сочетание стадийных фаз и локальных модификаций, формировавшихся в различных природных, политических и конфессиональных контекстах.

Цель настоящей статьи заключается в теоретическом осмыслении ЦВС как полицентрической и динамичной системы, включающей как последовательные стадийные этапы (сако-скифский, гунно-сарматский, тюркский), так и устойчивые локальные варианты, сложившиеся в Средневековье и Новое время. Особое внимание уделяется выявлению базового цивилизационного ядра степного мира и механизмов его воспроизводства в различных исторических условиях.

Методологической основой исследования служит синтез цивилизационного, историко-антропологического и системного подходов, позволяющий рассматривать Великую степь не как периферию оседлых цивилизаций, а как самостоятельное цивилизационное пространство, обладавшее высоким адаптивным потенциалом и способностью порождать разнообразные культурно-политические формы. Такой ракурс открывает возможности для дефрагментации исторического нарратива и более целостной интерпретации места степных обществ в мировой истории.

Материалы и методы

В основу настоящего исследования положен цивилизационный подход, рассматривающий Великую степь как целостную историко-культурную систему, обладающую собственными механизмами воспроизводства и внутренней динамикой. При этом используются положения, разработанные в рамках классической цивилизационной теории Арнольд Тойнби, а также отечественной традиции, представленной трудами Льва Гумилёва, однако без воспроизведения их эволюционистских и телеологических установок.

Цивилизация Великой степи трактуется не как территориально замкнутое или культурно однородное образование, а как открытая полицентрическая система, развитие которой осуществлялось через сочетание стадийных фаз и локальных модификаций. Такой подход позволяет выйти за рамки линейных схем и рассматривать степной мир как пространство множественных исторических траекторий, объединённых общим цивилизационным ядром.

Существенное методологическое значение имеет системный анализ, в рамках которого хозяйственные практики, военная организация, социальная структура и символическая

сфера интерпретируются как взаимосвязанные элементы единого комплекса. Мобильность рассматривается не как частный признак номадизма, а как базовый структурообразующий принцип, определявший формы социальной интеграции, политической консолидации и культурной трансмиссии в пределах Великой степи.

Историко-антропологический ракурс используется для реконструкции устойчивых моделей поведения и ментальных установок степных обществ – родо-клановой организации, воинской этики, механизмов сакрализации власти и представлений о пространстве. Археологические материалы привлекаются прежде всего как индикаторы цивилизационных процессов, отражающие трансформации хозяйственного уклада, военного дела и символических кодов.

В совокупности указанные методологические позиции позволяют рассматривать цивилизацию Великой степи как многополярную историческую систему, в рамках которой стадильные этапы развития сочетаются с устойчивыми локальными вариантами. Такой подход делает возможным выявление инвариантных структур степной цивилизационной матрицы и прослеживание путей их адаптации в различных природно-климатических, политических и конфессиональных контекстах.

Эмпирическую основу настоящего исследования образуют концепции и научные представления, сформированные в рамках кочевниковедения и смежных дисциплин – археологии, исторической антропологии и исторической социологии. В качестве источниковой базы используются прежде всего интерпретационные модели, предложенные в трудах исследователей, рассматривающих степные общества как самостоятельный цивилизационный феномен.

Ключевое значение имеют работы, в которых предприняты попытки целостного осмысления кочевого мира Евразии, от ранних теоретических построений до более поздних разработок, ориентированных на выявление структурных характеристик Степной цивилизации. Особое место занимают концепции М. Козыбаева, заложившие основы отечественной трактовки цивилизации Великой степи как исторически устойчивой системы, а также исследования Н. Масанова, в которых анализируются социальные механизмы кочевого общества, его хозяйственная модель и формы политической организации. Эмпирический материал дополняется трудами современных авторов, рассматривающих номадизм в контексте цивилизационной динамики, где акцент делается на военно-кочевой структуре степных обществ и их интегративной роли в евразийском пространстве.

При этом под эмпирической базой понимается не совокупность первичных археологических данных как таковых, а корпус научных интерпретаций, реконструирующих социальные, политические и культурные параметры кочевых обществ. Именно эти концептуализированные представления рассматриваются как материал для выявления инвариантных структур цивилизации Великой степи и прослеживания её стадильно-локальных трансформаций.

Таким образом, исследование опирается на вторичную, теоретически осмысленную эмпирику – совокупность научных моделей, описывающих хозяйственные практики, формы власти, военную организацию и символические системы степного мира. Их сравнительный анализ позволяет реконструировать цивилизационное ядро ЦВС и выявить механизмы его воспроизводства в различных исторических контекстах.

Литературный обзор

Длительное время в науке цивилизационный подход к истории кочевников ограничивался теорией Тойнби и его взглядами на номадов как представителей локальной цивилизации, застывшей в своем развитии и лишенной внутренней потенции (Тойнби 1996: 77-79). Отдельные попытки рассматривать представителей скотоводческого мира евразийских степей как самостоятельную цивилизацию предпринимались в трудах Л. Гумилева (Гумилев 1993), однако в условиях господства формационного подхода речи о развитии теории локальных цивилизаций применительно к истории народов степной Евразии не могло быть.

Лишь в начале 90-х годов научный дискурс вокруг возможности формирования и существования особой Степной или Кочевой цивилизации возродился. В настоящее время о существовании самостоятельной цивилизации кочевников говорят как казахстанские М. Козыбаев (1991, 2000); Н. Масанов (Масанов 1995), А. Оразбаева (Оразбаева 2005), российские (Буровский 1995, Мартынов 2000, Боталов 2006), так и европейские исследователи Ч. Коппань (Коппань 2010). Для отражения национальной истории цивилизационный подход при всех своих недостатках, является наиболее приемлемым, так как дает возможность рассматривать общества на территории Центральной Азии и Казахстана не как периферию, а как самостоятельные общества, бывшие в определенные периоды истории в центре мировых событий. Необходимо продолжить работу по теоретическому обоснованию единой цивилизации Великой степи.

Критерии выделения цивилизации впервые были сформулированы Гордоном Чайлдом. Он предложил десять признаков, в которые включил города, монументальные общественные строения, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленников-специалистов, письменность и зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство (Childe 1950). Следует отметить, самим Г. Чайлдом данные признаки относились скорее к т.н. “городским” цивилизациям в отличие от предшествующих обществ, т.е. к “цивилизации” в ее эволюционистском, стадийном понимании.

Позже, в ходе проходившей в 1958 г. дискуссии по древним городам К. Клакхон предложил сократить список Г. Чайлда до трех признаков – монументальная архитектура, города и письменность (City 1960: 397). Эти три признака, получившие название триады Чайлда-Клакхона, соединенные целой системой причинно-следственных связей с социальными и политическими процессами, протекавшими в обществе, образуют видимую вершину огромного айсберга культуры первых цивилизаций. Указанная триада выразительно характеризует цивилизацию в первую очередь именно как культурный комплекс (Массон 1989).

После этого делались неоднократные попытки пересмотреть или разнообразить критерии выделения цивилизаций. Особенно актуально это было в свете того, что триада Чайлда-Клакхона отражала больше эволюционистский подход, нежели собственно цивилизационный. В частности, советский и российский историк Э. Фролов отмечал, что “критерием возведения отдельного культурного очага в ранг значимой исторической цивилизации ... должна быть общность геополитических условий, исконное языковое родство, единство или близость экономического и политического строя, культуры (включая религию) и менталитета” (Фролов 2006: 98). В принципе, можно видеть, что Степная цивилизация, выделенная М. Козыбаевым, соответствует и

критериям Г. Фролова. Однако такой критерий, как “исконное языковое родство”, следует поставить под сомнение, так как многие выделенные целым рядом исследователей и ставшие “классическими” локальные цивилизации не соответствуют этому критерию, в частности, индийская или западноевропейская. В полной мере это относится и к Степной цивилизации, в рамках которой выделяются общества, сформированные носителями индоиранских, тюркских и монгольских языков.

Одной из первых концепций, претендующих на развитие идей А. Тойнби и рассматривающих глобальные исторические системы, является теория Р. Таагеперы ([Taagepera 1978](#)). Предпринятая им попытка системно осветить процессы территориальных изменений и отобразить количественно размеры крупнейших военно-политических систем на протяжении 5000 лет привела к появлению комплекса организованных данных, до сих пор активно используемых исследователями глобальных исторических процессов.

На основе концепции Р. Таагеперы возникла теория “Центральной цивилизации” Д. Уилкинсона. Ее основной тезис заключается в том, что исторический процесс представляет собой поступательное и непрерывное развитие исторической макроструктуры, именуемой “Центральной Цивилизацией” ([Wilkinson 1995: 47-48](#)). Д. Уилкинсон рассматривает дальнейший рост Центральной цивилизации как равномерный и последовательный процесс без признаков каких-либо спадов, в ходе которого в центральную систему последовательно вливаются другие цивилизации. Неуклонный рост комплексной структуры, отдельные фазы которого знаменуются присоединением к “центру” очередных региональных структур, завершается глобальной фазой Центральной цивилизации – объединением всех мировых систем в одну. Недостатком данной теории следует признать ее явный европоцентризм и преимущественное внимание к анализу экономических и политических феноменов, игнорирование такой составляющей человеческой деятельности, как культурные феномены.

Попытка модернизировать подход Д. Уилкинсона была сделана К. Чейз-Даном и Д. Холлом ([Chase-Dunn 1997](#)). В их концепции основное место в развитии исторических систем занимают сети военно-политического взаимодействия, предтечами слияния которых становятся сети торговли товарами роскоши, налаживанию которых в свою очередь предшествует установление системы систематических информационных контактов. Конвертируя понятия “цивилизация” и “торговая ойкумена” Д. Уилкинсона соответственно в понятия сетей, К. Чейз-Дан и Д. Холл, не подвергая сомнению базисную идею о слиянии многих отдельных систем в одну, предлагают несколько иную периодизацию процесса становления Центральной цивилизации. Собственно, номады как самостоятельный субъект исторического процесса в данных концепциях отсутствуют, они, как и в теории А. Тойнби, – лишь фоновый фактор при развитии Центральной цивилизации.

Тем не менее, несмотря на критику цивилизационных подходов ([Алаев 2008](#)), концепт Степной или Кочевой цивилизации последние десятилетия стал активно использоваться в работах как казахстанских, так и зарубежных исследователей. Понятие Великая Степь (Ұлы Дала) как синоним евразийского степного пояса, а также понятие “Степная цивилизация” были актуализированы в известной статье Н. Назарбаева, посвященной проблемам модернизации исторического сознания казахстанцев ([Назарбаев 2018](#)). Из представителей постсоветской науки следует отметить работы по изучению цивилизационных характеристик кочевого общества А. Буровского ([Буровский 1995](#)), А. Мартынова ([Мартынов 2000](#)), К. Исаева ([Исаев 2012](#)), С. Боталова ([Боталов 2006](#);

Боталов 2009), А. Железнякова (Железнякова 2016). Концепция Степной цивилизации М. Козыбаева стала базой для развития особого направления в отечественном кочевниковедении и была продолжена трудами Н. Масанова (Масанов 1995), Б. Кумекова (Кумеков 2003), А. Оразбаевой (Оразбаева 2005), А. Бакировой (Бакирова 2018), Г. Каженовой (Каженова 2016).

Особо следует отметить труды, в которых цивилизационное единство постулируется для отдельных хронологических этапов или географических единиц Великой степи. В частности, в совместной монографии Н. Абаева и Н.Г. Аюпова обосновывается существование т.н. Тенгрианской цивилизации, основанной на оригинальной религиозно-философской системе (Абаев, Аюпов 2009). Есть работы, выделяющие сменяющие друг друга стадияльные “степные” цивилизации, выделяющие “этнические” цивилизации – казахскую (Н. Масанов), кыргызскую (К. Исаев), монгольскую (А. Железняков) и т.п. В 2008-2017 годах в Казани издавался ежегодный научный сборник “Золотоордынская цивилизация”. Несмотря на достаточно плодотворное исследование проблем Степной цивилизации, остается ряд проблем, до сих пор не нашедших окончательного решения как в национальной, так и в мировой историографии.

Результаты и обсуждение

Момент формирования цивилизации Великой степи (ЦВС) неразрывно связан с возникновением подвижного комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и фактически восходит к эпохе энеолита. Принципиальное значение на этом этапе имело одомашнение лошади, радикально изменившее хозяйственную, пространственную и военную организацию степных обществ. Именно конь сделал возможными дальнюю мобильность, эффективное освоение обширных пастбищных пространств и формирование специфического типа военно-кочевой культуры.

Ключевым археологическим свидетельством данного перелома выступает Ботайская культура Северного Казахстана, где фиксируются ранние признаки коневодства – массовые костные остатки лошади, следы упряжи и ферментации кобыльего молока (Зайберт 2011). В этом контексте Ботай следует рассматривать не просто как локальный археологический феномен, а как одну из исходных точек формирования степной цивилизационной матрицы.

Именно в энеолите складываются базовые структурные параметры ЦВС: мобильность как фундаментальный принцип жизнеустройства, сезонная ротация хозяйственных циклов, комбинирование кочевых и оседлых практик, а также военная организация общества как механизм социальной интеграции. Уже на ранних этапах ЦВС проявляет свойства открытой и динамичной системы, способной к адаптации в различных природно-климатических условиях.

При этом очевидно, что данная цивилизационная общность никогда не была монолитной. Напротив, она изначально развивалась как полицентрическое образование, включавшее специфические стадияльные и региональные проявления – своеобразные стадияльно-локальные цивилизации, функционировавшие в качестве подсистем ЦВС. Эти подсистемы отражали различные траектории исторического развития и формы культурной адаптации, сохраняя при этом общее цивилизационное ядро: приоритет мобильности, родо-клановую социальную структуру, воинскую этику и особый тип

пространственного мышления.

В качестве яркого стадиального варианта ЦВС можно выделить сако-скифскую цивилизацию (Самашев 2016). Она формируется синхронно с окончательным утверждением мобильного скотоводства и представляет собой первую зрелую форму степной цивилизационной системы. Её отличительной особенностью выступает специфический комплекс материальной культуры, известный как “скифская триада”, включающий вооружение (прежде всего составной лук и акинаки), конское снаряжение и художественный “звериный стиль”. Данный комплекс обеспечивал не только технологическое, но и символическое единство разнородных по происхождению обществ Великой степи – от Восточной Европы до пустыни Гоби.

Важно подчеркнуть, что “скифская триада” была не просто набором археологических признаков, а выражением целостной военно-кочевой модели мира. Она отражала особый тип социальной организации, основанный на военной мобильности, культе коня, сакрализации воинской элиты и героической этике. Через эту систему кодировались представления о власти, пространстве и статусе, формировалась надплеменная идентичность, позволявшая интегрировать различные этнические группы в единое цивилизационное поле.

В этом смысле сако-скифская цивилизация выступает первой “классической” стадией ЦВС, когда степная цивилизационная матрица приобретает устойчивую форму: складывается модель кочевой военной демократии, оформляется иерархия знати, закрепляются каноны погребального обряда и символического искусства (Мартынов, 2000). Именно на этом этапе Великая степь превращается из пространства локальных культур в целостную цивилизационную зону с общими нормами, технологиями и ментальными установками.

Тем самым сако-скифский мир следует рассматривать не как совокупность отдельных археологических культур, а как интегрированную стадиальную цивилизацию, заложившую фундамент всех последующих форм развития ЦВС – от тюркского этапа до средневековых локальных вариантов.

Гунно-сарматский этап занимает особое место в развитии цивилизации Великой степи, выступая переходным звеном между сако-скифским миром и последующей тюркской стадией. Хронологически охватывая последние века до н.э. и первые века н.э., он характеризуется резким усилением мобильности, ростом военно-политической консолидации и формированием надплеменных союзов, способных к масштабным миграциям и экспансии.

Если сако-скифская цивилизация заложила основы степной цивилизационной матрицы, то гунно-сарматский период стал этапом её радикальной динамики. Именно здесь окончательно оформляется модель “военно-кочевой империи”: усиливается роль конницы как решающей военной силы, возрастает значение харизматического лидерства, формируются протогосударственные структуры с жёсткой иерархией и дисциплиной. Пространство Великой степи начинает восприниматься не как совокупность локальных ареалов, а как единое стратегическое поле.

Сарматский компонент данного этапа отражает западный вектор развития ЦВС, связанный с трансформацией скифского наследия и его интеграцией в новые военно-политические конфигурации. Гуннский импульс, в свою очередь, стал катализатором глубинных цивилизационных сдвигов: он запустил процессы масштабных этнокультурных перемещений, разрушил прежние региональные балансы и продемонстрировал

потенциал степных обществ к созданию сверхрегиональных политических образований.

В цивилизационном плане гунно-сарматский этап знаменует переход от относительно “горизонтальной” сако-скифской системы к более “вертикализированной” модели власти, где военная элита приобретает выраженный надплеменной характер, а политическая организация становится более централизованной. Одновременно происходит дальнейшая стандартизация военного дела, усложнение социальной стратификации и усиление интеграционных механизмов внутри степного мира.

Тем самым гунно-сарматский период следует рассматривать не как эпизод “варварских нашествий”, а как самостоятельную стадию развития ЦВС – фазу ускоренной цивилизационной перестройки, подготовившую почву для формирования тюркской цивилизации с её письменной традицией, надплеменными институтами и устойчивыми формами государственности.

Другим важным стадийным вариантом ЦВС выступает тюркская цивилизация, интегративным маркером которой являлись общий письменный язык и единая руническая традиция, зафиксировавшие переход от преимущественно устной культуры к формам надплеменной политической и символической коммуникации. Появление собственной письменности отражает качественное усложнение степного общества: институционализацию власти, формирование исторической памяти и осознание политического пространства как целостности.

В этом контексте представляется методологически некорректным определять тюркскую цивилизацию исключительно как “тенгрианскую”. Хотя представления о Небе (Тенгри), сакрализация власти и космологическая вертикаль действительно играли важную роль в идеологии раннетюркских государств, конфессиональный фактор не был определяющим для цивилизационного единства. В рамках тюркского мира сосуществовали буддийские, христианские, манихейские и различные шаманистские сообщества, при этом сохранялись общие социальные и политические структуры (Сураганова 2026).

Это указывает на то, что интегративным основанием тюркской цивилизации являлась не религиозная доктрина, а степная социальная матрица: военно-иерархическая организация, родо-клановая система, мобильный образ жизни, культ воинской доблести и сакрализация правящей элиты. Именно эти элементы обеспечивали воспроизводство цивилизационного единства при высокой конфессиональной вариативности. Таким образом, тюркская цивилизация представляет собой не конфессиональный, а структурный этап развития ЦВС – стадию, на которой происходит формирование надплеменных политических образований, закрепление письменной традиции и усложнение символических кодов при сохранении базовых принципов степного цивилизационного ядра.

С X века на западе Великой степи начинается формирование Тюрко-мусульманской (Туранской) цивилизации – процесса, связанного с исламизацией тюркских элит, институционализацией городской культуры и включением степного мира в общеисламское интеллектуальное и торговое пространство (Сафаров 2015; Шораев 2025). Важным рубежом здесь выступает эпоха Караханидского государства, когда ислам впервые становится государственной религией тюркских обществ и начинает выполнять интегративную функцию, объединяя кочевой и оседлый компоненты региона. Тогда же формируется историко-политический миф о Туране как стране тюрков и прямой исторической связи между легендарным Афрасиабом и политическими элитами тюркского мира (Бартольд 1968: 79). Казахские ханы вплоть до 18 века считали себя

“сидящими на троне Афрасиаба” (Эпистолярное наследие 2014: 93)

На этой основе складывается особый цивилизационный синтез, в рамках которого сохраняются ключевые элементы степной матрицы (военно-кочевая организация, родо-клановая структура, культ воинской доблести, мобильность), но они дополняются нормами мусульманского права, письменной традицией и развитой городской инфраструктурой. Позднее данный тип цивилизационного устройства получает дальнейшее развитие в пространстве Улуса Джучи и сопредельных политических образований, формируя устойчивый тюрко-исламский ареал от Нижнего Поволжья до Мавераннахра.

После XIII века на востоке Великой степи, в контексте экспансии Монгольской империи, складывается иной локальный вариант ЦВС – Монголо-буддийский (Железняков 2009). Здесь в качестве цивилизационного “клея” постепенно утверждается буддизм тибетского образца, который, подобно исламу на западе, интегрирует разнородные племенные и региональные сообщества в единое культурно-политическое пространство. При этом и в этом случае базовые степные структуры – военная иерархия, сакрализация власти, кочевая мобильность – не исчезают, а получают новое символическое и идеологическое наполнение.

Таким образом, тюрко-мусульманский и монголо-буддийский варианты представляют собой уже не просто стадияльные фазы развития ЦВС, а её локальные цивилизационные модификации, сформированные под воздействием различных мировых религиозных традиций и региональных исторических траекторий. Если ранние формы цивилизации Великой степи можно охарактеризовать как преимущественно “горизонтальные” (объединённые хозяйственным укладом и военной культурой), то начиная со Средневековья она приобретает выраженную “вертикальную” дифференциацию – с собственными центрами, сакральными системами и культурными кодами на западе и востоке. Более того, мы видим нарастающее противостояние между восточной и западной моделями ЦВС, ярко выразившуюся в вековом противостоянии ойратов и казахов. В этом смысле ЦВС предстает не как линейная последовательность стадий, а как многополярная цивилизационная система, способная порождать устойчивые локальные миры на основе единого степного ядра.

В качестве локальных проявлений ЦВС также следует рассматривать такие специфические культурно-цивилизационные общности, как Якутская (Саха) и Южносибирская (Древнекыргызская) цивилизации, которые, выходя территориально за пределы классического степного пояса, сохраняли с ним глубокую структурную и ценностную общность.

Их формирование происходило в иных природно-климатических условиях – таёжных, лесостепных и горных, – однако базовая цивилизационная матрица Великой степи при этом не была утрачена, а подверглась функциональной трансформации. Подвижное скотоводство здесь адаптировалось к северным и горным ландшафтам, усиливалась роль охоты и сезонных промыслов, менялись типы поселений, но сохранялись ключевые принципы социальной организации: родо-клановая структура, высокая мобильность, приоритет воинской функции, сакрализация власти и особый статус военной элиты.

Показательно, что в обеих общностях устойчиво воспроизводились характерные для ЦВС элементы: культ коня (пусть и в модифицированном виде), героико-эпические традиции, развитая устная историческая память, а также представления о мире как о иерархически организованном космосе, где человек, род и территория образуют неразрывное целое. Эти черты указывают не на случайное культурное сходство, а на

принадлежность к единому цивилизационному полю.

Южносибирская (Древнекыргызская) традиция демонстрирует классический пример “горно-степной” модификации ЦВС, в которой кочевая военная культура сочетается с элементами оседлости и региональной государственности (Козодой 2025). Якутская цивилизация, в свою очередь, представляет собой северный адаптационный вариант степной модели: переселившись в экстремальные климатические условия, носители степной традиции смогли сохранить её ключевые структурные признаки, встроив их в таёжную экосреду (Царьков 2022).

Тем самым данные общности следует трактовать не как периферийные или маргинальные образования, а как полноценные локальные варианты цивилизации Великой степи – примеры того, как ЦВС выходила за рамки собственно степного пространства, формируя устойчивые культурно-исторические системы в иных природных зонах. Это наглядно демонстрирует её высокую адаптивность и способность порождать новые цивилизационные формы без утраты своего базового ядра. К локально-стадиальным вариантам ЦВС можно отнести и феномен славянского казачества на крайнем западе Великой степи (Казачество 2018). Несмотря на его восточ-нославянскую этнокультурную основу, казачество формировалось непосредственно в степном пограничье и в значительной мере воспроизводило базовые структурные черты цивилизации Великой степи.

Речь идёт прежде всего о таких общностях, как Запорожское казачество, Донское казачество и Яицкое казачество, возникших в зоне длительного контакта оседло-земледельческого мира с кочевым степным пространством. Их социальная организация, военная демократия, мобильный образ жизни, культ воинской доблести и специфическая хозяйственная модель (сочетание земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства и военного промысла) обнаруживают прямые типологические параллели с более ранними степными обществами.

В институциональном плане казачество воспроизводило характерные для ЦВС формы самоорганизации: выборность власти, коллективную ответственность, приоритет военной функции и высокую степень автономности по отношению к внешним государственным центрам. Культурно-антропологически оно унаследовало ряд элементов степной традиции – от военной тактики и коневодства до особенностей костюма, вооружения и повседневной практики. Не случайно в материальной культуре и символике казачества прослеживаются мотивы, восходящие к тюркско-монгольскому миру. В. Грибовский, анализируя образ легендарного основателя Запорожского казачества Казака Мамай, говорит о прямых параллелях с тюркскими номадами (Грибовский 2021).

Таким образом, славянское казачество следует рассматривать не как внешнее по отношению к ЦВС явление, а как её западный локально-стадиальный вариант – своеобразную адаптацию степной цивилизационной матрицы в условиях взаимодействия с христианским и земледельческим миром Восточной Европы. В этом смысле казачество выступает примером того, как цивилизация Великой степи порождала новые социальные формы за пределами собственно кочевого ядра, сохраняя при этом свои базовые структурные принципы.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать цивилизацию Великой степи не

как совокупность разрозненных этнополитических образований или череду “кочевых империй”, а как длительно существующую, полицентрическую историческую систему со стабильным цивилизационным ядром и высокой адаптивной способностью. В рамках предложенного подхода становится очевидным, что смена сако-скифского, гунно-сарматского и тюркского этапов отражает не разрывы исторической традиции, а последовательные стадияльные трансформации единой степной цивилизационной матрицы. Ключевыми инвариантами ЦВС выступают мобильный хозяйственный уклад, военно-иерархическая организация общества, родо-клановая структура, сакрализация власти и особый тип пространственного мышления. Именно эти элементы обеспечивали воспроизводство цивилизационного единства при высокой этнической, конфессиональной и региональной вариативности. Конь, воинская этика и культ мобильности формировали фундамент социальной интеграции, позволяя степному миру создавать масштабные политические образования и оказывать системное воздействие на евразийские процессы.

Показано, что ранние стадии ЦВС (сако-скифская и гунно-сарматская) заложили основы военно-кочевой модели, тогда как тюркский этап ознаменовал институциональное усложнение цивилизации – появление письменности, надплеменных структур и устойчивых форм государственности. Средневековый период характеризуется переходом от преимущественно стадияльного развития к формированию локальных цивилизационных вариантов – тюрко-мусульманского на западе и монголо-буддийского на востоке, а также адаптационных форм в Южной Сибири, Якутии и даже на западных рубежах степного мира в лице славянского казачества.

Тем самым ЦВС предстает как многополярная система, способная порождать устойчивые культурно-исторические миры за пределами собственно степного пространства, не утрачивая при этом своего структурного ядра. Локальные цивилизации и стадияльные этапы следует трактовать как подсистемы единого цивилизационного комплекса, а не как автономные или изолированные феномены.

Предложенная интерпретация позволяет преодолеть фрагментарность традиционного исторического нарратива и по-новому осмыслить место степных обществ в мировой истории – не как периферийных акторов, а как носителей самостоятельной цивилизационной логики. В этом контексте история Великой степи предстает процессом непрерывной трансформации, где преемственность оказывается важнее смены этнонимов и политических центров.

Дальнейшие исследования в данном направлении предполагают углублённый сравнительный анализ локальных вариантов ЦВС, а также более детальную реконструкцию механизмов цивилизационного воспроизводства в условиях внешних культурных и религиозных влияний. Такой подход открывает перспективы формирования целостной модели степной цивилизационной динамики и её интеграции в общую картину развития Евразии.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Список литературы

- City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East.* University of Chicago Press. Chicago. 1960. 448 p.
- Chase-Dunn C., Hall T. *Rise and Demise: Comparing World-Systems.* Westview Press. 1997. 203 p.
- Childe G. The Urban Revolution. Author(s): V. Gordon Childe. *The Town Planning Review.* Vol.21, no.1 (Apr., 1950), pp.3-17. Published by: Liverpool
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics of Size. *Social Science Research.* 1978. No.7, pp.108-270.
- Shorayev B., Darmenov R. Islam and the Oghuz in the Aral Region (on Studies of the Jankent Settlement). *Gumilyov Journal of History.* 2025. Vol.152, no.3S1, pp.68-83, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3S1-68-83>.
- Wilkinson D. *Central Civilization. Civilization and World Systems: Studing World-Historical Change.* Walnut Creek, CA: Altamira Press. 1995. 324 p.
- Абаев Н., Аюпов Н. *Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Часть 1. Тэнгрианство и этно-экологические традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии.* Абакан: (б.и.) 2009. 250 с.
- Алаев Л. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России. *Историческая психология и социология истории.* 2008. No.2, с.87-112.
- Бакирова А. К вопросу о понимании категории “степная цивилизация” в рамках цивилизационно-культурного подхода. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. Вернадского. Юридические науки.* 2018. Т.4(70), no.2, с.3-8.
- Бартольд В. *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.* Сочинения. Т.V. Москва: Наука. 1968. 757 с.
- Боталов С. Кочевая цивилизация Евразии в пространстве и времени. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки.* 2006. No.17(72), с.14-20.
- Боталов А. Кочевнический город как особое культурное явление кочевой цивилизации Евразии. *Вестник Челябинского государственного университета.* 2009. No.28(166). История. Вып.34, с.13-19.
- Буровский А. *Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления.* Цивилизация. Вып.3. Москва. 1995. С.151-164.
- Грибовський В. Картина “Козак Мамай”: витоки образу й ногайські паралелі. *Україна в Централь-но-Східній Європі.* Вип. 19-20. Київ: Інститут історії України. 2021. С.285-334.
- Гумилев Л. *Тысячелетие вокруг Каспия.* Москва: Мишель и Ко. 1993. 336 с.
- Железняков А. Кочевая цивилизация: тупик или перспективы развития. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2009. No.2, с.58-61.
- Железняков А. *Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа.* Москва: Издательство “Весь Мир”. 2016. 288 с.
- Зайберт В. *Ботай. У истоков степной цивилизации.* Алматы: Балауса. 2011. 480 с.
- Исаев К. Цивилизация кочевников: уникальность феномена и об его вкладе в развитие мировой цивилизации. *Известия вузов.* 2012. No.1, с.176-179.
- Каженова Г. Цивилизация евразийских кочевников в призме научных парадигм. *Отан тарихы.*

2016. No.4 (76), с.5-11.

- Казачество в тюркском и славянском мирах*. Отв. ред.: В. Грибовский, В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Халикова АН РТ. 2018. 804 с.
- Козодой В. *Цивилизация сибирских кыргызов*. Новосибирск: (б.и.). 2025. 748 с.
- Козыбаев М. *Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски*. В двух книгах. Кн.1. Алматы: Ғылым. 2000. 388 с.
- Козыбаев М. и др. Ключ и врата к азиатским странам. *Казахстанская правда*. 1991. 16 мая.
- Коппань Чайи Ласло. Степная цивилизация и регион Урала. *Челябинский гуманитарий*. 2010. No.3, с.138-146.
- Кумеков Б. О степной цивилизации. Казахская цивилизация в контексте мирового исторического процесса. *Мат. межд. конф.* 7-8 мая 2003 г. Алматы. 2003. С.72-77.
- Мартынов А. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации. *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Улан-Удэ: БНЦ СОРАН. 2000. С.80-84.
- Масанов Н.Э. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества*. Алматы: Социвест, М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Массон В. *Первые цивилизации*. Ленинград: Наука. 1989. 268 с.
- Назарбаев Н. *Семь граней Великой степи*. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 21 ноября 2018 года. Электронный ресурс. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. Дата обращения 01.02. 2026
- Оразбаева А. *Цивилизация кочевников евразийских степей*. Алматы: "Дайк-Пресс". 2005. 311 с.
- Самашев З., Боковенко Н., Чотбаев А., Кариев Е. Культура саков и скифов великого пояса евразийских степей. *Мир Большого Алтая*. 2016. No.2(4.2), с.824-848.
- Сафаров Р. О роли тюрков в расширении мусульманского ареала. *Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения*. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2015. С.261-271.
- Сураганова З., Бурбаева С., Толегенулы К. Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии. *Gumilyov Journal of History*. 2026. T.155, no.2, pp.13-33. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-202>
- Тойнби А. *Постижение истории*. Москва: Прогресс. 1996. 736 с.
- Фролов Э. Проблема цивилизаций в историческом процессе. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2006. No.2, с.96-100.
- Царьков О. Очерки истории Саха. Тайга и Великая Степь. *Concorde*. 2022. No.1, с.47-96.
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. *Сборник исторических документов в 2-х томах*. Том I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Алматы: АО "АБДИ Компани". 2014. 689 с.

References

- City invisible: A Symposium on urbanisation and cultural development in the ancient Near East*. University of Chicago Press, Chicago. 1960. 448 p. (in English)
- Chase-Dunn C., Hall T.D. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Westview Press, 1997. 203 p. (in English)
- Childe G. The Urban Revolution. V. Gordon Childe. *The Town Planning Review*. Apr. 1950. Vol.21, no.1, pp.3-17. Published by: Liverpool. (in English)
- Taagepera R. Size and Duration of Empires: Systematics of Size. *Social Science Research*. 1978. No.7, pp.108-270. (in English)
- Shorayev B., Darmenov R. Islam and the Oghuz in the Aral Region (on Studies of the Jankent Settlement).

- Gumilyov *Journal of History*. 2025. Vol.152, no.3S1, pp. 68-83, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-152-3S1-68-83>. (in English)
- Wilkinson D. *Central Civilization. Civilization and World Systems: Studing World-Historical Change*. Walnut Creek, CA: Altamira Press. 1995. 324 p. (in English)
- Abaev N., Ajupov N. *Tjengrianskaja civilizacija v duhovno-kul'turnom i geopoliticheskom prostranstve Central'noj Azii*. Chast' 1. Tjengrianstvo i jetno-jekologicheskie tradicii tjurko-mongol'skih narodov Vnutrennej Azii. Abakan. 2009. 250 p. (In Russian)
- Alaev L. Smutnaja teorija i spornaja praktika: o novejsih civilizacionnyh podhodah k Vostoku i k Rossii. *Historical Psychology and the Sociology of History*. 2008. No.2, pp.87-112. (In Russian)
- Bakirova A. K voprosu o ponimanii kategorii "stepnaja civilizacija" v ramkah civilizacionno-kul'turnogo podhoda. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*. 2018. Vol.4(70), no.2, pp.3-8. (In Russian)
- Bartold V. *Dvenadcat' lekcij po istorii tureckih narodov Srednej Azii*. Sochinenija. Vol.V. Moscow.: Nauka. 1968. 757 p. (In Russian)
- Botalov S. Kochevaia tsivilizatsiia Evrazii v prostranstve i vremeni. *Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2006. No.17(72), pp.14-20. (In Russian)
- Botalov A. Kochevnicheskii gorod kak osoboe kul'turnoe iavlenie kochevoi tsivilizatsii Evrazii. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. No.28(166). Istorija. Issue.34, pp.13-19. (In Russian)
- Burovskij A. *Stepnaia skotovodcheskaia tsivilizatsiia: kriterii opisaniia, analiza i sopostavleniia*. Civilization. Is.3. Moscow.1995. Pp.151-164. (In Russian)
- Gribovskij V. Kartyna 'Kozak Mamai': vytyky obrazu y nogayski paraleli. *Ukraina v Central'no-Shidnij Evropi*. Is.19-20. Kiiv: Institut istorii Ukraïni. 2021. Pp.285-334. (In Ukrain)
- Gumilev L. *Tysjacheletie vokrug Kaspija*. Moscow: Mishel' i Ko. 1993. 336 p. (In Russian)
- Zheleznyakov A. Kochevaia tsivilizatsiia: tupik ili perspektivy razvitiia. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2009. No.2, pp.58-61. (In Russian)
- Zheleznyakov A. *Mongol'skaia tsivilizatsiia: istoriia i sovremennost'*. Teoreticheskoe obosnovanie atlasa. Moscow: Publ. house "The Whole World". 2016. 288 p. (In Russian)
- Zajbert V. Botaj. *U istokov stepnoi tsivilizatsii*. Almaty: Balansa. 2011. 480 p. (In Russian)
- Isaev K. Tsivilizatsiia kochevnikov: unikal'nost' fenomena i ego vklad v razvitie mirovoi tsivilizatsii. *Proceedings of Higher Educational Institutions*. 2012. No.1, pp.176-179. (In Russian)
- Kazhenova G. Tsivilizatsiia evraziiskikh kochevnikov v prizme nauchnykh paradigm. *History of the Homeland*. 2016. No.4(76), pp.5-11. (In Russian)
- Kazachestvo v tiurkskom i slavianskom mirakh. Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT*. 2018. 804 p. (In Russian)
- Kozodoj V. *Civilizacija sibirskih kyrgyzov*. Novosibirsk: (b.i.). 2025. 748 p. (In Russian)
- Kozybaev M. *Kazahstan na rubezhe vekov: razmyshlenija i poiski*. Almaty: Gylym. 2000. 388 p. (In Russian)
- Kozybaev M. i dr. Kljuch i vrata k aziatskim stranam. *Kazakhstanskaya Pravda*. May 16, 1991. (In Russian)
- Koppa Chaji Laslo. Stepnaja civilizacija i region Urala. *Chelyabinsk Humanitarian*. 2010. No.3, pp.138-146. (In Russian)
- Kumekov B. O stepnoj civilizacii. *Kazakh Civilization in the Context of the World Historical Process. Proceedings of the International Conference*. May 7-8, 2003. Almaty. 2003. Pp.72-77. (In Russian)
- Martynov A. Dva etapa razvitiia stepnoi skotovodcheskoi tsivilizatsii. *Problems of the History and Culture of the Nomadic Civilizations of Central Asia*. Ulan-Udje: BNC SORAN. 2000. Pp. 80-84. (In Russian)
- Masanov N. *Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov: osnovy zhiznedeiatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Almaty: Socinvest, Moscow: Gorizont. 1995. 320 p. (In Russian)
- Masson V. *Pervye civilizacii*. Leningrad: Nauka. 1989. 268 p. (In Russian)

- Nazarbaev N. *Sem' granej Velikoj stepi. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan*. November 21, 2018. https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi. Accessed on 01.02.2026 (In Russian)
- Orazbaeva A. *Tsivilizatsiia kochevnikov evraziiskikh stepei*. Almaty: "Dajk-Press". 2005. 311 p. (In Russian)
- Samashev Z., Bokovenko N., Chotbaev A., Kariev E. Kul'tura sakov i skifov velikogo poiasa evraziiskikh stepei. *The World of Greater Altai*. 2016. No.2(4.2), pp. 824-848. (In Russian)
- Safarov R. O roli tiurok v rasshirenii musul'manskogo areala. *The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage, and Prospects for Study*. Kazan': Publ. Kazan. un-ta 2015. Pp.261-271. (In Russian)
- Suraganova, Z., Burbaeva S., Tolegenuly K. The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia: Research article". *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.155, no.2, pp.13-33, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33> (In Russian)
- Tojnbi A. Dzh. *Postizhenie istorii*. Moscow: Publ. Progress. 1996. 736 p. (In Russian)
- Frolov Je. Problema tsivilizatsii v istoricheskom protsesse. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2006. No.2, pp.96-100. (In Russian)
- Tsarkov O. Ocherki istorii Saha. Tajga i Velikaja Step'. *Concorde*. 2022. No.1, pp.47-96. (In Russian)
- Jepistoljarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675-1821 gg. *Collection of historical documents in 2 volumes*. Volume I: Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780. Almaty: ABDI Company JSC. 2014. 689 p. (In Russian)
- The epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675-1821 *Collection of historical documents in 2 volumes*. Volume I: Letters of the Kazakh rulers. 1675-1780 Almaty: ABDI Company JSC. 2014. 689 p. (In Russian)

Information about the authors

Yerkin A. Abil – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2 Mangilik El Avenue, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Amanzhol Kuzembayuly – Doctor of Historical Sciences, Professor, A. Baitursynuly Kostanay Regional University, 47 Baitursynov Street, 110000, Kostanay, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Еркін Аманжолұлы Әбіл – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің депутаты, Мәңгілік Ел даңғылы, 2, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Аманжол Күзембайұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Байтұрсынов көшесі, 47, 110000, Қостанай, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Сведения об авторах

Еркин Аманжолулы Абиль – доктор исторических наук, профессор, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, проспект Мангилик Ел, 2, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-8722-3992>, yerkinabil@gmail.com

Аманжол Күзембайұлы – доктор исторических наук, профессор, Костанайский региональный

университет им. А.Байтурсынулы, д. 47, ул. Байтурсынова, 110000, Костанай, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-3662-7003>, topai240345@mail.ru

Authors' Contributions

Ye. Abil – conceptualization, data curation, investigation, project administration, writing – original draft preparation, supervision.

A. Kuzembayuly – methodology, validation, writing, review & editing.

Авторлардың қосқан үлесі

Е. Әбіл – тұжырымдаманы әзірлеу, деректерді үйлестіру, зерттеу жүргізу, зерттеу жобасына әкімшілік жетекшілік жасау, қолжазбаны жазу, ғылыми жетекшілік.

А. Күзембайұлы – әдіснаманы әзірлеу, нәтижелерді валидациялау, қолжазбаны жазу – рецензиялау және редакциялау.

Вклад авторов

Е. Абиль – разработка концепции, курирование данных, проведение исследования, административное руководство исследовательским проектом, написание рукописи, научное руководство.

А. Кузембайұлы – разработка методологии, валидация результатов, написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 05.06.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 03.07.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

Ғылыми мақала / Research Article
МРНТИ 03.20.00

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-115-138>

Some sources of Kurbangali Khalidi's work "Tawarikh-i khamisa-i sharqi"

Z. Ilyassova^a✉, N. Atygayev^b

^aL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

^bAbai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

✉nuratygayev@mail.ru

Abstract. The article examines the source-based foundations of the work "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi" (The History of the Five Eastern Peoples) by the historian, ethnographer, and religious figure Kurbangali Khalidi, who lived in the second half of the 19th and early 20th centuries. The aim of the research is to identify the written sources used by the author in the sections related to the history of Kazakhstan within this work and to demonstrate their scientific significance for national history. Kurbangali Khalidi is a figure who holds a unique place in the cultural history of pre-revolutionary Kazakhstan; he was a compatriot and contemporary of the great Abay, as well as a scholar and religious figure. He was born in 1846 into a Tatar family in the city of Ayagoz in eastern Kazakhstan and passed away in 1913 in the city of Chuguchak (Tacheng), located in present-day China. Kurbangali Khalidi was a highly educated individual of his time; at the turn of the century, he researched Kazakh history and culture and published historical works such as "Tarikh-i jarida-i jadida" (The New Historical Journal) and "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi". These works are important contributions reflecting the historical understanding of the early 20th century. The work "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi," published in Kazan in 1910, deserves special mention. This labor serves as an important source providing valuable data on the history, historical geography, ethnography, and spiritual and material culture of the Turkic peoples inhabiting the steppe regions of Eurasia. Kurbangali Khalidi wrote his work in the "common language" of the Turkic peoples of the modern era, based on the written heritage of the medieval Chagatai language. Furthermore, the author freely utilized ancient scientific terms from the Arabic and Persian languages. Both Kurbangali Khalidi himself and his work "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi" remained little known in national historiography for a long time. This was influenced by Soviet ideology as well as the language of the work and its use of the Arabic script. Only after Kazakhstan gained independence did "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi" become a subject of specialized research. In 1992, an abridged translation of the work into modern Kazakh was published for the first time, and the labor began to enter scientific circulation. Scientific studies dedicated to the scholar and his written heritage have since been published. In the course of the research, information related to the history of Kazakhstan in Kurbangali Khalidi's work "Tawarikh-i hamsa-i sharqi на Tawarikh-i khamisa-i sharqi" was compared with data from the historical works of medieval and early modern scholars. Consequently, it was established that the author utilized information from such works as "Tarikh al-Rusul wa al-Muluk" by al-Tabari (10th c.), "Kitab al-Ibar" by Ibn Khaldun (15th c.), "Rawzat al-Safa" by Mirkhond (15th c.), "Tarikh-i Rashidi" by Mirza Muhammad Haidar Dughlat (16th c.), "Mir'at al-Ka'inat"

by Nishandjy-zade (17th c.), "Jihannuma" by Katip Çelebi (17th c.), "Shajara-i Turk" by Abu al-Ghazi Bahadur Khan (17th c.), and "Mustafad al-akhbar" by Shihabuddin Marjani (19th c.). The study identified that the work "Jihannuma" used in "Tawarikh-i hamsa-i sharqi na Tawarikh-i khamsa-i sharqi", for which the author's name was not specified, belongs to the famous Ottoman scholar Katip Çelebi, thereby demonstrating the source-based foundation of the work. As a result, it was determined that Q. Khalidi created an original synthetic historical work by relying on the labors of medieval Muslim and Turkic historians. Additionally, the source-critical and historiographical value of his work was defined.

Keywords: Kurbanjali Khalidi; Tawarikh-i hamsa-i sharqi; history; Ibn Khaldun; Katib Chelebi; Mirza Muhammad Haidar Duglat

For citation: Ilyassova Z., Atygayev N. Some sources of Kurbanjali Khalidi's work "Tawarikh-i khamsa-i sharqi" *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.115-138. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-115-138>

Funding: This work was carried out within the framework of program-targeted funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2025–2027, under the project BRN No. BR28712621 "Manuscript Heritage of Kazakhstan: Registration, Restoration, Scientific Cataloging, Digitalization, and Comprehensive Codicological Research".

Некоторые источники труда Курбангали Халиди "Тауарих-и хамса-и шарки"

З. Ильясова^а, Н. Атыгаев^б

^аЕвразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

^бКазахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются источниковедческие основы труда "Таварих-и хамса-и шарки" ("Очерки истории пяти восточных народов") историка-ученого, этнографа и религиозного деятеля Курбангали Халиди, жившего во второй половине XIX – начале XX веков. Цель исследования – определить письменные источники, использованные автором в разделах, касающихся истории Казахстана в данном произведении, и показать их научную значимость для отечественной истории. Курбангали Халиди является одной из личностей, занимающих особое место в истории культуры дореволюционного Казахстана; он был земляком и современником великого Абая, ученым и религиозным деятелем. Он родился в татарской семье в 1846 году в городе Аягоз на востоке Казахстана, а скончался в 1913 году в городе Чугучак (Шәуешек), расположенном на территории современного Китая. Курбангали Халиди был высокообразованным человеком своего времени; на рубеже веков он исследовал казахскую историю и культуру, опубликовав такие исторические сочинения, как "Тарих-и жарида-и жадида" ("Новые исторические записки") и "Таварих-и хамса-и шарки". Эти произведения являются важными трудами, отражающими историческое познание начала XX века. Особо следует отметить труд Курбангали Халиди "Таварих-и хамса-и шарки", изданный в 1910 году в Казани. Данное сочинение является ценным источником, предоставляющим важные сведения об истории, исторической географии, этнографии, духовной и материальной культуре тюркских народов, населявших степные регионы Евразии. Курбангали Халиди написал свой труд на "общем языке" тюркских народов нового времени, опираясь на письменное наследие средневекового чагатайского языка. В то же время автор достаточно свободно использовал древние научные термины арабского и персидского языков. Как сам Курбангали Халиди, так и его произведение "Таварих-и хамса-и шарки".

шарқи" долгое время оставались малоизвестными в отечественной историографии. На это, помимо советской идеологии, повлияли язык произведения и то, что оно было написано арабской графикой. Только после обретения Казахстаном независимости "Таварих-и хамса-и шарқи" стал объектом специального исследования. В 1992 году впервые был издан сокращенный перевод произведения Курбангали Халиди на современный казахский язык, и труд начал входить в научный оборот. Были опубликованы научные исследования, посвященные ученому и его письменному наследию. В ходе исследования сведения по истории Казахстана в труде Курбангали Халиди "Таварих-и хамса-и шарқи" были сопоставлены с данными из исторических сочинений средневековых ученых и ученых Нового времени. В результате было установлено, что автор в своем труде использовал сведения из таких произведений, как "Тарих ар-русул ва-л-мулук" ат-Табари (X в.), "Китаб ал-ибар" Ибн Халдуна (XV в.), "Раузат ас-сафа" Мирхонда (XV в.), "Тарих-и Рашиди" Мирзы Мухаммада Хайдара Дулати (XVI в.), "Мир'ату-л-ка'инат" Нишанджызаде (XVII в.), "Джиханнама" Катиба Челеби (XVII в.), "Шаджара-йи тюрк" Абулгазы Бахадур-хана (XVII в.) и "Мустафад ал-ахбар" Шихабуддина Марджани (XIX в.). В исследовании было выявлено, что упомянутое в "Таварих-и хамса-и шарқи" произведение "Джиханнама", автор которого не был указан, принадлежит известному османскому ученому Катибу Челеби, что позволило раскрыть источниковедческую базу труда. В результате было выявлено, что К. Халиди, опираясь на труды средневековых мусульманских и тюркских историков, создал оригинальный синтетический исторический труд. Вместе с тем была определена источниковедческая и историографическая ценность его работы.

Ключевые слова: Курбангали Халиди; Тауарих-и хамса-и шарқи; история; Ибн Халдун; Катиб Челеби; Мирза Мухаммад Хайдар Дулати

Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегінің кейбір дереккөздері

З. Ильясова^а, Н. Атығаев^б

^аЛ.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

^бАбай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысында – XX ғасыр басында өмір сүрген тарихшы-ғалым, этнограф, діни қайраткер Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" атты еңбегінің деректік негіздері қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – аталған шығармадағы Қазақстан тарихына қатысты бөлімдерде автордың пайдаланған жазба дереккөздерді анықтап, олардың отандық тарих үшін ғылыми маңызын көрсету. Революцияға дейінгі Қазақстанның мәдениет тарихында өзіндік орны бар тұлғалардың бірі, ұлы Абайдың жерлесі мен замандасы, ғалым, діни қайраткер – Құрбанғали Халиди. Ол Қазақстанның шығысындағы Аягөз қаласында татар отбасында 1846 жылы дүниеге келіп, 1913 жылы қазіргі Қытай аумағындағы Шәуешек қаласында қайтыс болды. Құрбанғали Халиди өз заманының өте білімді адамы, ол ғасырлар тоғысында қазақ тарихы мен мәдениетін зерттеп, "Тарих-и жариди-и жадида" ("Жаңа тарих жазбалары") және "Тауарих-и хамса-и шарқи" ("Шығыстың бес елінің тарихы") атты тарихи шығармалар жариялады. Бұл шығармалар XX ғасырдың басындағы тарихи танымын көрсететін маңызды еңбектер. Әсіресе Құрбанғали Халидидің 1910 жылы Қазан қаласында басылып шыққан "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегін ерекше атап өту керек. Бұл еңбек – Еуразияның далалық аймағын мекен еткен түркі халықтарының тарихы, тарихи географиясы, этнографиясы, рухани және материалды мәдениеті туралы құнды мәліметтер беретін маңызды

дереккөз болып табылады. Құрбанғали Халиди шығармасын ортағасырлық шағатай тіліндегі жазба мұраларды негізге алып, жаңа замандағы түрік халықтарының "ортақ тілде" жазды. Сонымен қатар шығармада автор араб-парсы тілдерінің қадыми ғылыми терминдерін барынша еркін қолданды (Т. Жұртбай). Құрбанғали Халидидің өзі де, оның "Тауарих-и хамса-и шарқи" шығармасы да ұзақ уақыт отандық тарихнамада аз белгілі болды. Оған кеңес заманындағы идеологиямен қатар, шығарманың тілі және оның араб графикасында жазылғаны да әсер етті. Тек Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін "Тауарих-и хамса-и шарқи" арнайы зерттеу объектісіне айналды. 1992 жылы алғаш рет Құрбанғали Халидидің шығармасының қазіргі қазақ тіліндегі қысқартылған аудармасы баспадан шығып, еңбек ғылыми айналымға ене бастады. Ғалым мен оның жазба мұрасына арналған ғылыми зерттеулер жарияланды. Зерттеу барысында Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегіндегі Қазақстан тарихына қатысты мәліметтер ортағасырлық және Жаңа заман ғалымдарының тарихи еңбектердегі мәліметтермен салыстырылды. Нәтижесінде автор өз еңбегінде ат-Табаридің (X ғ.) "Тарих ар-русул уә-л-мулук", Ибн Халдунның (XV ғ.) "Китаб әл-‘ибар", Мирхондтың (XV ғ.) "Раузат ас-сафа", Мырза Мұхаммед Хайдар Дулатидың (XVI ғ.) Тарих-и Рашиди, Нишанджы-задениң (XVII ғ.) "Мир' ату-л-кә'инәт", Кәтиб Челебидің (XVII ғ.) "Жиһаннама", Әбілғазы баһадүр ханның (XVII ғ.) "Шаджара-йи түрк", Шиһабуддин Маржанидің (XIX ғ.) "Мустафад әл-ахбар" шығармаларының мәліметтерін пайдаланғаны анықталды. Зерттеуде Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегінде пайдаланған, авторының аты-жөні көрсетілмеген "Жаһаннама" шығармасы белгілі османлық ғалым Кәтиб Челебиге тиесілі екені анықталып, еңбектің деректанулық негізі көрсетілді. Нәтижесінде Қ. Халидидің ортағасырлық мұсылман және түркі тарихшыларының еңбектеріне сүйене отырып, өзіндік синтетикалық тарихи еңбек жасағаны анықталды. Сонымен қатар оның еңбегінің деректанулық, тарихнамалық құндылығы айқындалды.

Түйін сөздер: Құрбанғали Халиди; Тауарих-и хамса-и шарқи; тарих; Ибн Халдун; Кәтиб Челеби; Мырза Мухаммед Хайдар Дулати

Сілтеме жасау үшін: Ильясова З., Атыгаев Н. Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегінің кейбір дереккөздері. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, no.3, б.115-138. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-115-138>

Kіpіcne

Құрбанғали Халиди (1846-1913) – Қазақстан тарихы мен шығыстану ғылымында елеулі орын алатын тарихшы, этнограф, ғалым. Оның тарихи мұрасы қазіргі уақытта *"Тарих-и жаридә-и жадида"* және *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* атты еңбектері арқылы белгілі.

Ғалымның алғашқы еңбегі *"Тарих-и жаридә-и жадида"* ("Жаңа тарих жазбалары") 1889 жылы Қазанда жарық көрді. Бұл еңбекті даярлау барысында ғалым қазақ даласын аралап, тарихи-этнографиялық материалдар жинақтаған, Қазан, Уфа, Орынбор, Омбы қалаларында татар-башқұрт зиялыларымен, ғалымдармен және баспа өкілдерімен ғылыми байланыс орнатып, солар арқылы шығыс ғалымдарының тарихи еңбектерімен танысқан. Ғалым кейінгі жазылған еңбегінде *"Тарих-и жаридә-и жадидаға"* да бірнеше сілтемелер жасайды.

Құрбанғали Халиди 1897 жылы қажылық сапар жасайды. Оның барысында ғалым Еуропа елдерінде, Түркия мен араб елдерінде болып, шығыстық тарихи мұралармен танысады. Жинаған деректерінің негізінде 1910 жылы Қазанда ғалымның *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* ("Шығыстың бес елінің тарихы") атты еңбегі жарық көреді. Бұл еңбектің

басты құндылығы – Қазақстан мен Орта Азия аумағындағы халықтардың көне және ортағасырлық тарихына қатысты мол деректер беруінде. Онда Қарахан әулеті мен Алтын Орда дәуірі, сондай-ақ Батыс Қытай мен Шығыс Түркістанның қалыптасу кезеңдері туралы маңызды мәліметтер келтірілген. Сонымен қатар Құрбанғали Халиди қазақ халқының тұрмыс-тіршілігі мен этнографиясын, ауыз әдебиеті мен мәдени мұрасын жан-жақты талдап, рулық шежірелерге арнайы тоқталады (Халид 2014: 4). Шығарманың қолжазбасы бүгінгі күні "Ғылым Ордасы" РМК-ның Ғылыми кітапханасының сирек кітаптар мен қолжазбалар қорында сақталған.

Дегенмен де осы уақытқа дейін Құрбанғали Халидидің *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* еңбегіне арналған ішінара бірнеше зерттеу жұмыстары жарияланғанмен, шығарма әлі де болса кешенді түрде қарастыруды, толыққанды дереккөз ретіндегі ғылыми әлеуетін ашуды қажет етеді. Осыған орай мақалада *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* еңбегінің қазақ тарихына қатысты деректік маңызы қарастырылып, автордың пайдаланған деректері көрсетіліп, олардың кейбіріне деректанулық талдау жасалады. Зерттеу нәтижелері Құрбанғали Халидидің мұрасын тереңірек зерделеп, оның ғылыми мұрасын кеңінен насихаттауға бағытталды.

Зерттеу әдістері мен материалдар

Басты зерттеу материалы ретінде Құрбанғали Халидидің *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* еңбегі алынды. Осы шығарманың қолжазбасын Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің "Отырар кітапханасы" ғылыми орталығы мамандары Қазан, Алматы, Бейжің басылымдарымен салыстырып, толықтырып қазақ тіліне аударып, факсимиле, транскрипция және ғылыми түсініктермен 2019 және 2025 жылдары (1–2 кітаптарын) жариялаған. Бұл басылымдар мақаланың негізгі зерттеу объектісі болды. Сонымен қатар, *"Тауарих-и хамса-и шарқидің"* 2014 жылы Б. Төтенаев пен А. Жолдасов аударып, жариялаған басылымы да пайдаланылды.

Зерттеу жұмысының әдістемелік негізін тарихи талдау, тарихи-салыстырмалы, деректанулық және баяндау әдістері құрайды. Аталған әдістер Құрбанғали Халидидің еңбегінің деректік маңызын айқындауға, тақырыпқа талдау жасау кезінде объективті қарауға, оның басқа ғылыми еңбектерден артықшылықтары мен кемшіліктерін қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеу барысында *"Тауарих-и хамса-и шарқи"* мәліметтері ат-Табаридің (X ғ.) *"Тарих ар-русул уә-л-мулук"* ("Пайғамбарлар мен патшалар тарихы"), Ибн Халдунның (XV ғ.) *"Китаб әл-‘ибар"*, Мирхондтың (XV ғ.) *"Раузат ас-сафа"*, Мырза Мұхаммед Хайдар Дуғлаттың (XVI ғ.) *"Тарих-и Рашиди"*, Кәтиб Челебидің (XVII ғ.) *"Жиһаннама"*, Әбілғазы баһадүр ханның *"Шаджара-йи түрк"* ("Түрік шежіресі") және т.б. ортағасырлық еңбектердің мәліметтерімен салыстырылып, талданады.

Нәтижелер мен талқылаулар

Құрбанғали Халидидің *"Тауарих хамса"* еңбегі 1910 жылы Қазан қаласында "Өрнек" (Халиди 1910) баспасында жарық көрді. Басылымға алғаш пікір 1908-1917 жж. аралығында Орынборда екі айда бір рет шығып тұрған "Шуро" журналының 1913 жылғы 6 санында редактор Ризаддин Фахрединовтың мақаласында берілді (Мұқанова 2007: 4).

Кеңестік заманда алайда идеологиялық шектеулерге байланысты Қ. Халиди мұрасының деректік мүмкіндіктері толық ашылмай, сыни тұрғыдан кешенді талдау

жасалмады. Тек кейбір сирек жұмыстарда еңбекке және оның авторына қатысты пікірлер айтылды. Мысалы, Е. Бекмаханов "Қазақстан XIX ғасырдың 20-40 жылдарында" атты еңбегінде Қазақстан мен Орта Азия тарихы жөнінде шығыс тілдерінде жазылған әдебиеттің ішінен Кәрі – Құрбан-Әли-Қажы-Халид-оғлының түрік-татар тілдерінде жазылған қызғылықты еңбегін айту қажет. Автордың араб, түрік және парсы тілдерінде көп-көп деректер келтірілуіне қарағанда, бұл кісі шығыс елдері тарихының білгірі болса керек" деп жазған (Мұқанова 2007: 4).

Өткен ғасырдың 70-80 жылдары қазақстандық ғылыми жұртшылық назарына Қ. Халиди және оның еңбегі туралы алғаш мағлұматтардың бірі әдебиеттанушы Бүркіт Ысқақовтың "Ұмытылмас есімдер. Ұлы ғалымдар өмірінен (XV-XX ғасырлар)" атты мақаласында берілді (Ысқақов 1994).

Ж. Кармышева Құрбанғали Халидиді қазақтың тарихи-өлкетанулық және этнографиялық ойының өкілі ретінде арнайы қарастырған алғашқы зерттеушілердің бірі саналады. Ол 1973 жылы жарық көрген "Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбанғали Халиди" атты көлемді мақаласында Халидидің өмір жолын талдап, оны қазақ халқының, сондай-ақ Орта Азия мен Шығыс Түркістан халықтарының төңкеріске дейінгі тарихы мен этнографиясын зерттеген тарихшы-өлкетанушы әрі этнограф ретінде бағалады (Кармышева 1973).

Елімізде Құрбанғали Халиди мұрасына деген ғылыми қызығушылық тәуелсіздік алғаннан кейін пайда болды. 1992 жылы Б. Төтенаев пен А. Жолдасовтың еңбектің "Тауарих хамса (Бес тарих)" атауымен жасаған қазақ тіліндегі аудармасы ғылыми айналымға кеңінен енуіне жол ашты (1992). Осы кезеңнен бастап еңбек тарихшылар, әдебиеттанушылар және этнографтар тарапынан деректік материал ретінде белсенді пайдаланыла бастады. Шығарманы М. Мағауин "Қазақ хандығы дәуіріндегі әдебиет" атты еңбегінде (1992), Ш. Керімов "Күйеу келтір, қыз ұзат" атты еңбегінде (1992), А.Н. Мұқанова Құрбанғали Халидтің "Тауарих хамса" еңбегі қазақ тарихының дерегі ретінде" атты диссертациясында (2007) қарастырды. 2013 жылы Б. Төтенаев пен А. Жолдасов дайындаған басылымның көшірмесі М. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты әзірлеген "Әдеби жәдігерлер" сериясының 20-томында ғалым Серік Қорабаевтың жетекшілігімен грамматикалық және емлелік тұрғыдан өңделіп, қайта жарияланды (Әдеби жәдігерлер 2013). Сондай-ақ Б. Төтенаев пен А. Жолдасовтың кітабы 2014 жылы ешқандай өзгертусіз қайта басылды (Төтенаев 1992; Халиди 2014; Тулибаева 2026).

2014 жылы Қытайдың Шығыс Түркістан аймағының зерттеушілері Хафиз Саттар Салих пен Қызыркелді Әбдірахманұлы Құрбанғали Халидидің еңбегін "Тауарих хамса: бес тарих" деген атпен қайта аударып, Бейжін қаласындағы "Ұлттар баспасынан" жариялады. Аталған басылым да Б. Төтенаев пен А. Жолдасов жасаған аудармаға сүйене отырып жазылған (Халиди 2014). Дегенмен, бұл аударма Құрбанғали Халиди мұрасының халықаралық ғылыми кеңістікте танылуына ықпал етті.

2015 және 2019 жылдары "Отырар кітапханасы" Ғылыми орталығы зерттеушілері, филология ғылымдарының докторы, профессор, академик Тұрсын Жұртбай (Жұртбай 2015), тарих ғылымдарының докторы, профессор Д. Махат және аудармашылар Б. Мұстафаев пен Ш. Бегімтаев (Жұртбай 2018) "Тауарих-и хамса-и шарки" қолжазбасын қазіргі қазақ тіліне аударды. Ғылыми топ 1992 жылы және 2014 жылы шыққан нұсқаларды Қазанда 1910 жылы шыққан нұсқамен салыстырып, ондағы кейбір араб, парсы тілдеріндегі сөздердің, сөйлемдердің дұрыс аударылмағандығы, кейбір бөліктердің мазмұндалып аударылғандығын анықтап, еңбекті қайта толық басуды қолға алды. Еңбектің бірінші кітабы ҚР Ұлттық академиялық кітапханасының Баспа-редакция

орталығынан 2019 жылы басылып шықты (Халиди 2019).

Басылымды дайындау барысында Б. Мустафаев Құрбанғали Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегінің "Ферғана хандарының баяны" атты бөлімнің жекелеген бөліктеріне салыстырмалы-салғастырмалы, лингвистикалық және текстологиялық әдістер қолданып, мәтіндік айырмашылықтар мен аударма ерекшеліктерін ғылыми тұрғыда талдады. Зерттеуші Қ. Халидидің "Тауарих-и хамса-и шарқи" атты шығармасындағы кейбір сөздердің тарихи-салыстырмалы талдауы атты мақаласында шығармада кездесетін кейбір көнерген сөздердің түп-төркінін, шығу тегін түсіндіріп, олардың қазіргі заманда қалай қолданылып жүргенін көрсетіп, қазақ тіліндегі мағыналарын салыстырды (Мустафаев 2024).

2025 жылы "Отырар кітапханасы" ғылыми орталығы ғалымдары "Тауарих-и хамса-и шарқи" еңбегін қайта қазақ тіліне аударып, оның 1-ші және 2-ші кітабын жарыққа шығарды. Басылымға факсимиле, транскрипция және ғылыми түсініктемелер берілді (Халиди 2025a). Аталған басылымның негізгі ерекшелігі – алдыңғы жариялымдарда орын алған мәтіндік кемшіліктердің қайта тексеріліп, жүйелі түрде өңделуі, сондай-ақ қолжазба нұсқаларында сақталған тың деректермен толықтырылуы болып табылады. Сонымен қатар бұл еңбекте түпнұсқа қолжазба, 1910 жылы Қазан қаласында жарық көрген баспа нұсқасының кітаби мәтіні, қазіргі ғылыми талаптарға сай дайындалған транскрипция және қазақ тіліндегі толық аудармасы қатар берілген. Алдағы уақытта еңбектің тағы 3 кітабы баспаға дайындалуда. Мұндай кешенді басылым зерттеушілерге мәтінді салыстырмалы түрде талдауға, деректанулық және текстологиялық тұрғыдан жан-жақты зерделеуге мүмкіндік береді. Факсимиле, транскрипция және аударманың қатар берілуі бұл басылымның ғылыми қолдану аясын кеңейтіп, зерттеушілердің пайдалануы үшін кең мүмкіндік ашады.

Құрбанғали Халиди "Тауарих-и хамса-и шарқи" басылымнан үзінді (2025)

Kurbangali Khalidi "Tauarih-I Hamsa-I Sharki" excerpt from the publication (2025)

Б. Төтенаев пен А. Жолдасов кітаптың алғысөзінде 1910 жылғы Қазан баспасында жарық көрген нұсқаның 10 тараудан тұратынын және бет саны 798 екенін, сондай-ақ 520-700-беттердің толық қайталанатынын атап көрсетеді (Халиди 1910, 2014: 3). Б. Мустафаев “Тауарих-и хамса-и шарқи” еңбегінің Қазанда басылған нұсқасы 798 беттен тұрса, Б. Төтенаев пен А. Жолдасов аударған нұсқа 304 беттен тұрады. Осы жерден-ақ еңбектің едәуір қысқарғанын байқауға болады”, – деп жазады (Мустафаев 2024: 6). Қазан баспасындағы біз қарастырып отырған бөлімнің 188, 190, 193-194, 198, 200-202, 205-207, 238-241, 244-245, 261-264-беттері қолжазбада кездеспейтіні анықталған. Бұл беттердің жоғалған болуы да мүмкін. Сонымен қатар авторлар кітаби нұсқада да бірқатар қателіктер бар екенін, қолжазбадағы кейбір абзацтар мен өлең жолдарының кітаби нұсқаға енгенін, сондай-ақ адамдардың есімдерінде де қателіктер кездесетінін көрсетеді (Халиди 2025б: 5).

Жоба жетекшісі академик Т. Жұртбай “тарихшы екі шығармасын да өз заманының талабына сәйкес, ісі түрік қауымының зиялылары мен оқымыстылары орнықтыруға ұмтылған шағатай жазба мұраларын негізге ала отырып “ортақ тілде” жазды, яғни түрік, татар, өзбек, ұйғыр, қазақ, қырғыз, түрікмен, башқұрт, қырымшақ тілдерінің кітаби үлгісін араластыра пайдаланып, араб-парсы тілдерінің қадыми ғылыми терминдерін барынша еркін қолданды”, – деп көрсетеді (Халиди 2025а: 5). Құрбанғали Халидидің қандай ортада тәлім алғаны, оның шарифат, мағрифат, тариқат жөніндегі танымының қалыптасуы, өзі арқау еткен халықтар (бүгінгі қазақ, өзбек, қырғыз, татар, тәжік, ұйғыр, түрік, түркімен, башқұрт, қалмақ, қытай, орыс, ауған, араб, парсы, ноғай, моңғол, мәнжу, жоңғар т.б.) мен хандықтардың тарихын қандай деңгейде білді және дереккөздерін қайдан алды? Осы тақырыпты қамтыған өзге де авторлар мен зерттеушілердің деректері “Тауарих-и хамса-и шарқимен” қаншалықты үйлеседі, деректік және көзқарас тұрғысынан алғанда қандай айырмашылықтары бар. Осы сұрақтар кітапты баспаға дайындаушыларды қызықтырды. Кітаптың тілдік, стильдік және терминологиялық ерекшеліктері, “Бес тарих” пен “Жаңа тарихтың” жазылу мақсаты мен уақыты, сондай-ақ бұл еңбектің ғылыми айналымға кеш түсу себептерін айқындауды да жоба мүшелерінің зерттеулерінің басты бағыттарының бірі ретінде белгіленді. Араб, парсы, түрік, шағатай тілдерін аралас қолданылған еңбектің аударылуы, транскрипциялануы да оңай болмады. Ол үшін шығыс тілдерін терең меңгерумен қатар, мәтіннің тарихи-лингвистикалық ерекшеліктері мен ғылыми терминологиясын дәл анықтау қажет еді. Мұның бәрі зерттеу тобының аудармашылары – шығыстанушы Б. Мұстафаев пен түркітанушы Ш. Бегімтаевтың атқарған жұмыстары жеңіл болмағанын көрсетеді.

Құрбанғали Халидидің пайдаланған дереккөздері.

Құрбанғали Халидидің өз ескертуіне қарағанда “Тауарих-и хамса-и шарқи” еңбегін жазғанда, ол естіген, жүрген жерінде жинаған материалдармен ғана шектелмеген. Ол өзінен бұрынғы ғалымдар араб, парсы, түркі, еуропа тілдерінде жазылған Х ғасырдан XIX ғасырға дейінгі тарихи кезеңді қамтитын елуден астам еңбектерді молынан пайдаланған (Халиди 2025а: 24).

“Тауарих-и хамса-и шарқида” сол дереккөздерінің бірі ретінде “Тарих-и Табари” атты еңбек аталған. Мысалы, Құрбанғали Халиди “Алтышаһар хандары. Алтышаһар туралы” атты бөлімінде Шығыс Түркістан (Қашқар) хандарының тарихын баяндаған кезде келесі мәлімет келтірген: “Хазіреті Құтайба бұл сапарында он-он екі адамнан құралған елшілер тобын Қашқарға өкіл етіп жіберген еді. Тарихшылар “Чин” деп жазып отырғандары осы Қашқар болуы мүмкін. “Тарих-и Табариде”: “Құтайбаның Қашқарды жаулап алуы және

Чинге ғазауатқа аттануы" деген жазу Қашқар алынғаннан кейін Чинге аттанғанын мегзесе керек. Бірақ шындыққа жүгінсек, оның Қашқардан өтіп, Чинге аттанғаны және ол жердің халқын исламға шақырғаны беймәлім. Егер Қашқарды басып өтіп, шығысқа бет алғаны рас болса, онда Чинге дейінгі ұзақ жолда орналасқан қалалардың бірі болмаса бірі туралы аз да болса мәлімет берілетін еді. Өйткені Қашқар мен Чин арасы жақын жер емес, бірнеше айлық жол. Ал "Тарих-и Табариде" Чин сөзінің түпкі мағынасы Түркістан (Чин), оның астанасы осы Қашқар. Анығын Алла біледі" (Халиди 2025а: 197-199).

Мұның алдында Құрбанғали Халиди "Омейя әулетінен шыққан алғашқы халиф – хазіреті Мұғауия (Алла оған разы болсын) билігі тұсында Түркістанның Қашқар қаласы арабша "Қақпан", парсыша "Чач" деп аталған. Хижа бойынша қырық бесінші жылы (665 жыл) бұл қаланы арабтар жаулап алған, яғни осы әулеттің алтыншы халифы Уалид ибн Әбділ Мәліктің кезінде Құтайба ибн Мүслімнің Кашмир маңындағы Кунуч (Кануч) қаласын алған соң Балх (Жейхун, қазіргі кезде оны Амудария деп атайды) дариясын тәуекелмен кешіп өтіп, Қашқарға келгені тарихта жазулы. Сонымен қатар ол (Құтайба) уәли болған кезінде халқын исламға шақырғаны белгілі. "Бұл аймақ Хажаждың билігі кезінде ислам дінін қабылдап, оған бағынды", – деген сөз марқұм Құтайбаға қатысты болуы керек. Өйткені Хажаж тарапынан келген алғашқы адам Хорасанның әкімі еді", – деп жазған еді (Халиди 2025а: 197).

Бұл жерде айтылған Уалид ибн Әбділ Мәлік 705-715 жж. жылдары Араб халифатында билік құрған, Умәйя әулетінің 6-шы халифі еді. Оның билігі кезінде халифаттың шығыс бағыттағы жаулап алу саясаты едәуір күшейді. Осы уақытта Хорасанның билеушісі, әскери қолбасшы Құтайба ибн Мүслім Мәуереннахр, Ферғана, Шаш және Шығыс Түркістан бағытындағы жаулап алу жорықтарын ұйымдастырып, исламның Орта Азия аумағына таралуында маңызды рөл атқарды. Сол кезеңде Құтайба ибн Мүслімнің жаулап алу жорықтарына Ирак пен шығыс провинцияларының уәлиі қызметін атқарған Хаджаж ибн Юсуф қолдау көрсетті.

Құрбанғали Халидидің *Тарих-и Табари* деп атаған еңбек – X ғасырдың авторы, Табаристандық ғалым ат-Табаридің *Тарих ар-русул уә-л-мулук* шығармасы.

Әбу Жафар Мұхаммад ибн Жарир ат-Табари (839-923) ислам тарихының көрнекті тарихшысы және мұсылман тарихнамасының атасы болып саналады. Ол Құранға арналған жиырма томдық тәпсірді (Жами' әл-байан, Тафсир ат-Табари), сонымен қатар ислам құқықтануы саласында көптеген еңбектер жазғанымен, тарихта ең алдымен 915 жылы аяқталған *"Тарих ар-русул уә-л-мулук"* ("Пайғамбарлар мен патшалар тарихы") шығармасымен белгілі. Аталған еңбек дүниенің жаратылуынан бастап автор дәуіріне дейінгі жалпыәлемдік тарихты қамтыған исламдағы алғашқы әмбебап тарихи шығарма болып саналады және исламға дейінгі әрі ерте ислам кезеңдеріндегі Орталық Азия тарихын зерттеудегі маңызды дереккөздердің бірі болып табылады. Ат-Табаридің араб тіліндегі түпнұсқа мәтіні XIX ғасырдың соңында Еуропада ғылыми айналымға енгізілді: 1879-1901 жылдары Лейденде (E. J. Brill) Михайл Ян де Гуэнің (1836-1909) жетекшілігімен беделді еуропалық шығыстанушылар тобы еңбекті үш серияда, жалпы он бес том (көрсеткіштер томын қоса алғанда) және шамамен сегіз мың бет көлемінде жариялады (M. de Goeje 1879-1901). Шығарманың тағы бір басылымы Каир қаласында Мухаммед Әбу әл-Фадл Ибраһимнің (1905-1981) ғылыми редакциясымен 1960-1969 жылдары 11 том болып жарық көрді (Ат-Табари 1971-1988). 963 жылы Самани әулетінің (819-999) "тәжік" немесе парсы әмірлігінің уәзірі Әбу Әли Мұхаммад Бал'ами ат-Табаридің еңбегінің қысқартылған парсы тіліндегі нұсқасын дайындады. Бұл шығарма жаңа парсы

тіліндегі тарихнамалық жанрдың ең көне ескерткіші болып табылады (Шагинян 2022: 151). Құрбанғали Халиди ат-Табаридің осы парсы тіліндегі қысқартылған нұсқасын пайдалануы мүмкін, себебі қолжазбада деректі парсы тілінде келтіреді. Мақалада дереккөз ретінде ат-Табаридің *“Тарих ар-русул уә-л-мулук”* шығармасының Мухаммад Әбу әл-Фадл Ибрахимның басшылығымен 1971-1988 жылдары жарияланған екінші басылымының 6-шы томы пайдаланылды (At-Tabari 1971).

Құрбанғали Халиди Құтайбаға қатысты мәліметі ат-Табаридің еңбегінде қалай баяндалғанына тоқталайық. Бұл мәліметтер шығарманың (“Қашғардың алынуы және Қытайға жорық”) атты бөлімінде һижраның 94/714 жылғы оқиғалар айтылғанда, “Осы жылы Құтайба ибн Мүслім Қашғарды бағындырып, Қытайға жорық жасады” деген деректен басталады.

Ат-Табаридің келтірген мәліметі бойынша, Құтайба ибн Мүслім Қытай шекарасына жақындаған кезде Қытай императоры тікелей соғысқа бармай, алдымен мұсылмандар туралы мәлімет алу үшін өздерінен адамдар жіберуді сұрағаны айтылады. Құтайба арнайы таңдалған елшілерді, олардың басшысы ретінде шешендігімен танылған Хубайра ибн әл-Мушамрижді жіберіп, ислам әскерінің тәртібі мен күшін көрсетеді. Елшілер Қытай сарайына үш түрлі кейіпте келеді: күнделікті тұрмыс киімі, салтанатты киім және толық қаруланған әскери кейіп, осылайша олардың тәртіптілігі мен айбарын паш етеді. Құтайба елшілерге нақты тапсырма беріп, Қытай жерін баспайынша, патшаларын мөрлемейінше және алым-салық алмайынша қайтпайтынын айтуға бұйырады. Елшілер мен патша арасындағы келіссөзде Хубайра мұсылман әскерінің сенімін, өлімнен қорықпайтынын және жорықтың мақсатын жеткізеді. Соңында екі тарап соғыссыз келісімге келіп, Қытай билеушісі Құтайбаның шарттарын орындауға мүмкіндік беретін келісімді қабылдайды.

Ат-Табарида жазуына қарағанда, “Әл-Хакам ибн Осман былай деді: Маған Хорасан елінің бір шейхы әңгімелеп берді. Құтайба (ибн Мүслім) жорығын жалғастырып, Қытайға таяп қалды. Сонда Қытай патшасы оған хат жазып: “Бізге өздеріңмен бірге жүрген игі жақсыларыңнан бір адам жіберіңдер, ол бізге сендер туралы айтып берсін, біз одан діндерің жайлы сұраймыз”, – деді. Құтайба әскерінен он екі адамды (кейбір деректерде – он адам) таңдап алды. Олар әртүрлі тайпалардан шыққан, сұлу келбетті, ірі денелі, шешен тілді, айбарлы ерлер еді. Олардың басшысы – тілі өткір, шешен Хубайра ибн әл-Мушамриж әл-Килаби еді ... Құтайба: “Аллаға тапсырдым. Сәлделеріңді шешпеңдер. Елге кіргенде, мен Қытай жерін баспайынша, олардың патшаларын мөрлемейінше және алым-салық алмайынша қайтпаймын деп ант еткенімді айтыңдар”, – деді” (At-Tabari 1964: 197).

Ат-Табаридің бұл мәліметтері тарихнамада қарастырылған. Мысалы, осы мәселені зерттеген орыс ғалымы В.В. Бартольдтің пікірінше, Құтайбаның әскерлері солтүстікте Шашқа, ал оңтүстігі мен оңтүстік-шығысында сол кездегі Қытай империясының құрамына кірген Қашқарға дейін жеткен. Көптеген аймақтарда, соның ішінде Ферғана өңірінде де, араб басқарушылары тағайындалған. В. Бартольд Құтайбаның Қытай шекарасынан аспағаны туралы Г. Гиббтің тұжырымын қолдайды (Бартольд 1963: 244).

Қытай тарихшысы Ван Чжилай да Құтайбаны Қытайды жаулаған жоқ деп жазады. Ол “712 жылы жыл басында Құтайба Мервтен көп қосынмен жолға шығып, Әмудариядан өтіп Сыр бойына жорық жасады. Ташкент, Хожент, Касан (Хэсай) қалаларын бағындырды. Ол Мервке қайтып барған соң, әр жердегі халықтар түріктерден көмек сұрап арабтарға қарсы тұрды. Шығыс Түрік Мочо қаған немере ұлы Күлтегінді Алты Чжао-у жеріне және соғдыларға жіберді” деген мәлімет келтіреді (Ван Чжилай 2004: 264).

Өзбек ғалымы Ш.С. Камолиддин де араб дереккөздерінде Құтайба ибн Мүслімнің

96/714–15 жылғы Қашқарға жорығы және оның "ас-Син патшасына" жіберген елшілігі туралы мәліметтерді келтіреді. Алайда, ол мұндағы "ас-Син патшасы" Қытай императоры емес, Қашқарға бағынышты болған Хотан билеушісі деп түсіну керек" деген ескертпе айтады ([an-Narshahi](#) 2011: 146).

Ирақ зерттеушісі Салих Махди Аммах пікірінше, хижраның 96 жылы (714 ж.) Құтайба ибн Мүслим Қайс ибн Фалан басқарған алдыңғы жасақты Қашқарға аттандырған. Жасақ қала маңында қытай және түрік күштерімен қақтығысып, кейін Қытай билеушісімен бітім жасалғаны деректерде көрсетіледі. "Тарих-и Бухари" мәліметтері бұл оқиғалардың Шығыс Түркістан аумағында өткенін растайды. Осы кезеңде ұйғыр билеушілерінің жорықтары орын алып, аймақтағы саяси жағдай тұрақсыз болған. Мұсылман әскерлері Қашқар, Хотан және Турфан қалаларында ұзақ уақыт тұрақтай алмады, бұл өңірде буддизм мен христиан діндерінің кең таралуымен байланыстырылады. Жалпы деректер Құтайбаның ислам әлемінің шығыс шекарасынан әрі аспағанын аңғартады. Әл-Уәлид қайтыс болғаннан кейін ол Сулайман ибн Абд әл-Мәликке ант бергенімен, саяси қайшылықтар күшейіп, нәтижесінде Құтайба Хорасанда өз жасағы тарапынан өлтірілді ([Ammāsh](#) 1978: 129-132).

Осы мәліметтерді салыстыра отырып, Құрбанғали Халидидің ат-Табаридің мәліметтерін толығымен қайталай салмай, сын көзімен қарап, қажетті деген жерлерін ғана пайдаланғанын көреміз.

Сонымен қатар "Тауарих-и хамса-и шарки" шығармасында Құрбанғали Халиди "ғылым иесі Ибн Халдунның" мәліметтерін пайдаланғанын жазады ([Халиди](#) 2025a: 197). Бұл жерде арабтың көрнекті ғалымы Ибн Халдун (1332-1406) туралы айтылғаны анық.

Ибн Халдун мұсылман әлемінде жақсы таныс *Китаб әл-‘ибар уа диуан әл-мубтада’ уа әл-хабар фи айям әл-‘араб уа әл-‘ажам уа әл-барбар уа ман ‘асарахум мин зауи ас-султан әл-акбар* ("Ғибраттар кітабы және арабтардың, парсылардың, берберлердің және ұлы билеушілермен замандас болғандардың тарихы туралы жинақ") атты еңбек жазған ғалым. Бұл шығарма алғаш рет 1857 жылы Каирде Булак» баспасынан жеке том ретінде жарық көрген атақты Мұқаддима бөлімінің арқасында танымал. Басылымды Рифаа ат-Тахтавидің қолдауымен Наср әл-Хурини дайындаған ([Ibn Khaldūn](#) 1857). Сонымен қатар, Мұқаддима алғашқы рет османшаға аударылып, алғашқы бес тарауы Мехмед Пиризадидің (1749ж.қ.б.), алтыншы тарауы Ахмед Жевдеттің (1895ж.қ.б.) аудармасымен 1858-1859 жылдары жарияланды ([Ibn Khaldūn](#) 1275). Францияда еңбектің танылуы түрік тіліндегі аударма арқылы басталды. 1858 жылы Парижде Этьен-Марк Кватремер арабша мәтінді үш томдық "Prolegomenes historiques d'Ibn Khaldoun" деген атпен басып шығарды. 1863 жылы Уильям Макгакин де Слейн үш томдық французша аудармасын жариялады, оны зерттеуші Азиз әл-Азме ең үздік аударма деп бағалайды ([Ahmed El Shamsy](#) 2020). Зерттеу барысында Ибн Халдун еңбегінің 2001 жылы жарық көрген басылымы пайдаланылды ([Ibn Haldun](#) 2001).

Қазақ халқының шығу туралы мәселені қарастырғанда Құрбанғали Халиди келесі мәлімет келтіреді: "Қазақ хазлахан шыққан. Хазіреті Ескендір Зұлқарнайын қорған тұрғызған кезде Әжүж-Мәжүждер – қорғанның ішінде, түркілер қорғанның сыртында қалып қойған екен. Сондықтан "тәрк" – сырт қалғаны үшін түрк атанып кеткен-мыс деген де аңыз бар ... Ғылым иесі ибн Халдун: "Төртінші құрлықтың (Азия) тоғызыншы бөлігінің батыс жағында Ферғана, Шаш мемлекеттерінен кейін орналасқан Түркістан тайпаларының оңтүстік жағында Хазлахия жамағатының жері бар", – деп көрсетеді. Сонымен қатарластырып Қимақия тайпасын да жазған. Қазіргі қазақ, қалмақ деген

қауымдар, мүмкін, солар болар? (Халиди 2025а: 197).

Ал Мұқаддима бөлімінде Ибн Халдун бізге маңызды келесі мәліметтер келтірілген: “Осы ықылымның (үшінші – авт.) тоғызыншы бөлігінің батысында, Ферғана мен Шаштан кейін оңтүстігінде Хазлажия (الجزلخ) жері, солтүстігінде Халижа (الجلخ) жері орналасқан. Ал бүкіл бөліктің шығысында Кимакия жері жатыр. Оныншы бөліктің барлығы Қуқия тауына дейін жалғасады – бұл шығыстағы ең соңғы бөлік. Сондай-ақ мұнда Мұхит теңізінің бір шеті бар; ол Яжуж бен Мажуж тауы деп аталады. Бұл халықтардың барлығы түркі тайпаларына жатады” (Ibn Haldun 2001: 90).

Осылай “*Тауарих-и хамса-и шарки*” мәтіні мен Ибн Халдунның еңбегінен алынған Хазлажия мен Қимакияға қатысты үзінділерді салыстырғанда, Құрбанғали Халидидің Ибн Халдунның келтірген деректерін толығымен көшірмей, оларды өзгертіп, өңдеп пайдаланғанын байқаймыз.

Құрбанғали Халиди өзінің пайдаланған дереккөздерінің бірін *Раудату-с-сафа* еңбегі деп көрсетеді. Мысалы, “Алтын бесіктің ата-тегі туралы” жазғанда, ол “Ал “*Раудату-с-сафа*” кітабында: “Шыңғыс хан мен Әмір Темір әулеті осы Түмне ханнан айрылады”, – деп көрсетілген” дейді (Халиди 2025б: 71).

Раудату-с-сафа кітабы дегеніміз XV ғасырдың соңында парсы тарихшысы Мирхонд атымен танымал Мұхаммед ибн Хавандшах Балхидың (1433–1498) жазған *Раузат ас-сафа фи сирати-л-әнбия уә-л-мулук уә-л-хуләфә* (“Пайғамбарлардың, патшалар мен халифтардың өмірбаяндары жөніндегі тазалық бағы”) шығармасы. 7 томнан тұратын еңбектің 6, 7-томдарын Мирхондтың немересі Хондемир толықтырған. Бұл шығарма Орта Азия мен Иранның орта ғасырлық тарихы бойынша ең маңызды дереккөздердің бірі болып табылады. Еңбек жазылған кезден бастап (Темір әулетінің билігі тұсында) өте танымал болды.

Раузат ас-сафаның 5-ші және 6-шы томдарында Шыңғыс хан империясы, Алтын Орда және Әмір Темір дәуіріне қатысты құнды деректер бар. Ирандық көрнекті ғалым, тарихшы және библиограф Аббас Зариаб (Зариаб Хойи) шығармаға ғылыми алғысөз (кіріспе) жазып, мәтінді 1960 жылы Тегеранда жариялады. Бұл басылым қазіргі уақытқа дейін ғылыми ортада ең көп қолданылатын және ең сапалы басылымдардың бірі болып саналады. Жұмыс барысында осы басылымның 1373/1994 жылы қайта жарияланған нұсқасы қарастырылды.

Әмір Темірдің шежіресін жазғанда Мирхонд Темірдің аталары мен Шыңғысханның аталары Түмнай ханның (ناخ یانموت) ұрпақтары екенін көрсетіп, одан бөлінетінін жазады (Muhammad ibn Havandshah Balhi 1373: 1011). Бұл мәлімет Құрбанғали Халидидің келтірген мәліметімен толық сәйкеседі.

Араб-парсы тарихшы-географтарының еңбектерімен қоса Құрбанғали Халидидің Осман ғалымдарының түрік тілінде жазған шығармаларын пайдаланғанын көреміз. Мысалы, ол еңбегінде *Mur' âtu-l-kâ'inât* (*Mir'âtü'l-Kâ'inât*) шығармасын атайды. Құрбанғали Халидидің жазуы бойынша, “*Мир’ ату-л-кә’инәт*” кітабындағы: “Кәмәри ибн Яфистің Бұлғар, Танус атты екі ұлы болды. Қазір ол жерді мекендейтін халықтар – солардың ұрпағы”, – деген сөздің мағынасы: “Бұлғарлар түркі мен славяндардың қандарының араласуынан пайда болды” деген тұжырымға еш қайшы келмейді” (Бұл үзінді қолжазбада жоқ) (Халиди 2025б: 79).

Mur' âtu-l-kâ'inât – османдық ғалым Нишанжы-заде Мухйиддин Мехмедтің (қ.б. 1621) сегіз бөлімнен тұратын, түрік тілінде жазылған жалпы тарихи сипаттағы шығарма болып табылады. Еңбекте жаратылыс кезеңінен бастап Османлы дәуіріне дейінгі тарихи

оқиғалар баяндалып, Кануни Сұлтан Сүлейменнің билігінің соңғы жылдары қамтылады. Әртүрлі тарихи дереккөздерден жинақталып, сегіз бөлім түрінде жазылған бұл еңбектің әлемнің кітапханаларында көптеген қолжазба нұсқалары сақталған, сондай-ақ шығарма бірнеше рет басылып шыққан. Атап айтқанда, шығарманың I-II томдары Бұлақ қаласында 1258/1842 және 1269/1852 жылдары, ал Ыстанбұлда 1290/1873 жылы жарық көрген. Сонымен қатар 1987 жылы еңбек А. Фарук Меян тарапынан "*Mir'ât-i Kâinât: Dünya ve İslâm Tarihi*" атауымен ықшамдалып, қарапайым тілде қайта өңделіп жарияланған. Еңбекті жазу барысында автор тек тарих кітаптарын ғана емес, сонымен қатар сира (пайғамбарлар өмірі), тәпсір, хадис, ақида, фикһ, әдебиетке қатысты шығармалар мен сөздіктерді де кеңінен пайдаланған (Erol 2020: 197; İnan 2022: 107).

Нишанджы-заде Мухйиддин Мехмедтің *Mur' aty-l-kâ'inât* еңбегінің Булак басылымында "Нұх пайғамбардың ұлы Яфестің жағдайы туралы" бөлімінде Кәмәридің Бұлғар және Танус атты екі ұлы болып, уақыт өте келе олардың әрқайсысы әртүрлі өңірлерге қоныстанғаны туралы мәлімет беріледі (Nişancızâde 1269: 88). Аталған дерек жоғарыда көргендей Құрбанғали Халидидің еңбегінде де кездеседі, алайда ол түпнұсқа мәтінді толық келтірмей, оны мазмұндап, ықшамдап берген. Осыған байланысты, Құрбанғали Халиди өз еңбегінде Нишанджы-заде Мухйиддин Мехмедтің *Mur' aty-l-kâ'inât* шығармасын дереккөз ретінде пайдаланған деп тұжырымдауға болады.

Пайдаланған дереккөздерінің бірін Құрбанғали Халиди *Жаһаннаме* деп атайды да, бірақ оның авторы кім екенін көрсетпейді. *Тауарих-и хамса-и шарки* шығармасын баспаға дайындаған "Отырар кітапханасы" ғылыми орталығы мамандары Құрбанғали Халиди Мұхаммед Хайдар Дулатидің 1529-1533 жылдары шағатай тілінде жазылған "Жаһаннаме" атты дастанын пайдаланды деп көрсетеді (Халиди 2025а: 201). Алайда зерттеу барысында Құрбанғали Халидидің пайдаланған "*Жаһаннаме*" деген еңбек түріктің ортағасырлардағы белгілі ғалымы Кәтиб Челебидің "*Жиһаннама*" шығармасы екенін көрсететін мәліметтер анықталды.

"*Жиһаннама*" – Кәтиб Челебидің (1657 ж.қ.б.) ең маңызды шығармаларының бірі, ол Осман мемлекетінің алғашқы жүйелі географиялық еңбегі саналады. 1055 (1645) жылғы Крит жорығынан кейін карталар мен географияға қатысты еңбектерге ерекше ден қойған Кәтиб Челеби "*Жиһаннаманың*" кіріспесінде география ғылымының адамға үйінде отырып-ақ әлемді шарлаған саяхатшы іспетті дүниені танып-білуге мүмкіндік беретінін, мұндай шығармаларды оқу арқылы өмір бойы сапарда жүргендерден де мол мағлұмат алуға болатынын атап көрсетеді. Автор "*Жиһаннаманы*" жазуға араб, парсы және түрік тілдеріндегі географиялық әдебиеттердің жеткіліксіздігі, ал батыста бұл ғылымға айрықша мән берілуі себеп болғанын айтады. Осы мақсатта әртүрлі географиялық еңбектерді пайдалана отырып, ислам географтарының кемшіліктерін толықтыруға және география ғылымының өз дәуіріндегі жағдайын көрсетуге ұмтылады. Кәтиб Челеби еңбектің екі бөлімнен тұратынын, алғашқы бөлімде теңіздер, өзендер мен аралдар, екінші бөлімде құрлықтар, әліпби ретімен қалалар және hijраның VII (XIII) ғасырынан кейін ашылған елдер сипатталатынын да атап өтеді (Karakaş-Özür 2014).

"*Жиһаннама*" еңбегінің қолжазбасы Вена ұлттық кітапханасында MIXT нөмірімен тіркелген. Екінші қолжазба болса Реван 1624 тіркеуімен Топкапы сарайы мұражайының кітапханасында сақтаулы тұр. Екінші қолжазбасы профессор доктор Фуат Сезгин жазған "алғысөз" және "кіріспесімен" жарияланған (Üstüner 2019: 42-47).

Құрбанғали Халиди "*Тауарих-и хамса-и шарки*" шығармасында "*Жаһаннаме*" авторы: "Ибн Саид Түркістандағы екі патша сарайының бірі – Қашқарда болса, екіншісі

Бірсажанда орналасқан”, деген пікір келтіреді. Фазыл бин Яхия әл-Бармакидің билігі кезінде бұл жердің халқы, негізінен, көпшілік түріктер болған. Содан кейін олар ислам дінін қабылдап, селжұқ тайпасына қосылды”, – деп жазады (Халиди 2025а: 201). Кәтиб Челеби “*Жиһаннама*” еңбегінде келесі дерек келтіреді: “İbn-i Sa’îd kavline Türkistân’da olan iki dâr-ı mülküñ biri Kâşğar ve biri budur. Fazl bin Yağyâ el-Bermekî zamânında // hâlkı // küffâr-ı Etrâk idi. Şoñra İslâm’a geldiler ve Selçuqiyye şâ’ifesine muşî’ oldılar. Bundan İslâm diyârı Tübbet’e ulaşur / Ибн Саидтің айтуынша, Түркістанда орналасқан екі астана (dâr al-mulk) болған, олардың бірі – Қашғар, ал екіншісі – осы қала (Bersâcân – Берсажан). Фазл ибн Яхья әл-Бәрмәкидің дәуірінде бұл өңірдің халқы түріктерден шыққан көпшілік (küffâr-ı Etrâk) болатын. Кейіннен олар Ислам дінін қабылдап, Селжұқ әулетіне бағынышты болды. Осы жерден бастап Ислам өлкесі Тибетке дейін жетеді” (Gamze Mutlu 2024: 957).

Оның алдында Құрбанғали Халиди келесі мәлімет келтірген: “Жаһаннаме” кітабының авторы: “Хорасан Жейхунның батысында, ал Мәуереннахр – аталмыш өзен мен Сейхун арасында, деп көрсетіп, Мәуереннахрдың солтүстік шекарасы Түркістанмен шектеседі”, – деп жазады” (Бұл бөлік қолжазбада жоқ – ауд.) (Халиди 2025а:199-201).

Ал Кәтиб Челебидің “*Жиһаннама*” еңбегінде келесі мәлімет келтірілген: “Бұл бөлімде Хорасан өлкесі, оның шөлейт аймақтары және Кухистан қалалары туралы баяндалады. Ал “Хорасан” атауы “Күннің шығатын жері”, яғни “шығыс” деген мағынаны білдіреді. Ежелгі парсылар Күнді “хур”, ал бағыт немесе тарапты “сан” деп атаған. Осы екі сөздің бірігуі нәтижесінде “Хорасан” атауы қалыптасқан. Аталған өңір климаттық белдеулердің орталық бөлігінде орналасқандықтан, оның суы мен ауасы қолайлы, ал халқының табиғаты байсалды, ақылды, дана, сондай-ақ күшті әрі қуатты болып келеді. Сондықтан Хорасан көптеген ірі қалаларды және шамамен бес жүзге жуық шағын қалалар мен елді мекендерді қамтитын беделді әрі маңызды аймақ болып саналады... Хорасанның шекаралары шығысында Систан аймақтарымен және Үндістанның кейбір өңірлерімен, солтүстігінде Мәуереннахр және Түркістан елдерімен, батысында Ажам Ирак, Жибал және Табаристан аймақтарымен, сондай-ақ осы өңірлер мен Хорасанның арасын бөліп жатқан шөлейт және құмды алқаптармен шектеседі...” (Gamze Mutlu 2024: 876).

Бірінші мәтінде екі шығарманың деректері бір-біріне өте жақын және толық сәйкес келетіндігі анық байқалады. Хорасанның тарихи-географиясына арналған екінші мәтінде Құрбанғали Халиди Кәтиб Челебидің дерегін толық көлемде келтірмей, тек негізгі мағынасын пайдаланады. Осыған сүйене отырып, Құрбанғали Халидидің Кәтиб Челебидің “*Жиһаннама*” еңбегін зерттеу барысында дереккөз ретінде қолданғанын дәл айтуға болады. Сонымен қатар, бұл жағдай Құрбанғали Халидидің тарихи және географиялық деректерді жинақтау әдісіндегі таңдамалылық пен қысқаша тұжырымдау ерекшелігін көрсетеді, яғни ол деректерді өз ғылыми мақсатына сай бейімдеп, жүйелендіргенін аңғартады.

Құрбанғали Халидидің “*Тауарих-и хамса-и шаркида*” өзінің дереккөзі ретінде көрсететін тарихи шығармалардың бірі “Шәжәрә-и түрк”. “Шыңғыс тұқымын түбегейлі тексеремін дегендер “Шәжәрә-и түрк” (Түрк шежіресі) және “Мустафад әл-Ахбар” (Пайдаланылатын ақпарлар) кітаптарына қарасын”, – деп жазады Құрбанғали Халиди (Халиди 2014: 94). Ол “Шәжәрә-и түрк” кітабында: “Оғұз ханның Қырғыз атты бір немересі бар еді. Соның ұрпағынан тараған ...”, – деген дерек келтіреді (Халиди 2025б: 59). Одан кейін *Тауарих-и хамса-и шаркида* келесі мәлімет береді: “Мансур – Халлаждан бұрын өмір сүрген белгілі қауым екеніне де күмән жоқ. Бұл үш сөздің ең дұрысы – “*Шәжәрә-и түрк*” кітабында жазылған “Оғыз ханның немересі” деген дерек. Ал Оғыз хан туралы моңғол-

татар тарауында толық жазылады" (Бұл үзінді қолжазбада жоқ) (Халиди 2025б: 60).

Бұл жерде көрсетілген "Шәжәрә-и түрк" Хиуа билеушісі және XVII ғасырдың белгілі тарихшысы Әбілғазы баһадүр хан белгілі "Шаджара-йи түрк" ("Түрік шежіресі") еңбегі. Қырғыз хан туралы мәлімет "Түрік шежіресінде" келтірілген. Онда "Оғұз ханның Қырғыз атты бір немересі болып еді. Бұлар соның нәсілінен", – деп жазады Әбілғазы баһадүр хан (Әбілғазы 1991: 34; Абуль-Гази 1906: 38)

Әбілғазы баһадүр хан шығармасында Ақсақ Темір мен Шыңғыс ханның ортақ атасы Тумне-хан туралы мәлімет келтіреді. Оның келтірген мәліметіне бойынша, Шыңғыс хан Тумне ханның 6-шы ұлы Қабыл ханнан тараса, Ақсақ Темір және бүкіл барлас руы Тумне ханның 3-шы ұлы Қажулдан тараған (Әбілғазы 1991: 48-50; Абуль-Гази 1906: 58-59). Құрбанғали Халиди Әмір Темірдің шежіресін келтіре Қажулы батырдан Бұртан ханға дейін әкеледі. "Осы ретпен Шыңғыс хан – ибн Иазади батыр – ибн Бұртан ханға қосылады да, одан ибн Қабыл хан арқылы ибн Тумне ханмен тоғысады", – деп жазады ол (Халиди 2025а: 71).

Келесі бір жерде Құрбанғали Халиди "Ауызша мәліметтерге сүйене отырып, Ыстықкөлдің орны – Шыңғыс ханның астанасы екен-мыс деп жаздық Алайда "Шежіре-и түрkte" бұл шаһар Яфестің, яғни Түрк ханның мекені деп көрсетілген", – деп жазады (Халиди 2025б: 217). Әбілғазы баһадүр хан шығармасында Иафес туралы кеңірек берілген. Бізге маңызды мәліметті қысқартып келтірейік. "Иафестің сегіз ұлы бар еді, ұрпақтары көп болды. Олар мыналар: Түрік ... Иафес өлерінде өз орнына үлкен ұлы Түрікті отырғызып, өзге ұлдарына: "Баршаңыз Түрікті патша біліп, оның сөзінен шықпаңыздар, деп өсиет қылды ... Иафес (қазақша басылымда қате, "Түрікке Иафес ұлы деген лақаб қойылды, ол" – авт.) өте әдепті және ақылды кісі еді, атасынан кейін оның қалдырған жерін аралап көрді. Оған әсіресе Ыстықкөл деген жер қатты ұнады, сол жерде тұрып қалды", – деп жазады Әбілғазы баһадүр хан (Әбілғазы 1991: 12-13; Абуль-Гази 1906: 9)

Осыдан Әбілғазы баһадүр хан белгілі "Шаджара-йи түрк" ("Түрік шежіресі") еңбегі Құрбанғали Халидидің негізгі дереккөздерінің бірі болғанын көреміз.

"Тауарих-и хамса-и шаркида" Құрбанғали Халидидің пайдаланған тарихи шығармалардың бірі парсы тілінде жазылған "Тарих-и Рашиди" шығармасы. Бұл еңбек XIV-XVI ғасырлардағы Орталық Азияның тарихына байланысты негізгі дереккөз болып саналады. Тарих-и Рашиди 1546 жылы аяқталған, оның авторы – моғұлдын дуғлат (дулат/ تالغود) руынан шыққан белгілі тарихшы, ақын, Кашмир билеушісі Мырза Мұхаммед Хайдар. Шығармасында ол өз атын Мұхаммед Хайдар немесе Мырза Хайдар б. Мухаммед Хусейн гуркан (гурган, гураган – ханның күйеу баласы) деп атайды: نسیح دمجوم نبا ردی ازری ناکروگ (Дуғлат 2004: 233).

Құрбанғали Халидидің "Тарих-и Рашидиді" пайдаланғаны оның "Тоғылық Темір хан туралы" бөлімінде анық байқалады. Бұл бөлімде Моғұлстан мемлекетінің негізін қалаған Тоғылық Темір ханның хан (һиджраның 730-764 жж. / 1329-1364 жж.) баяны, оның исламды қабылдауы туралы мәліметтер келтіріледі (Халиди 2025а: 209-224). Мырза Мұхаммед Хайдар Моғұлстан билеушісінің ислам дініне өтуіне себепкер болған Мәулана Арша ад-Дин (Аршааддин) болғанын хабарлайды. Ол Бұхара қаласынан шыққан Шуджа ад-Дин Махмұдтың ұрпағы, оның аталары Шыңғысхан заманында Бұхарадан Қарақорымға жер аударылып, кейін олар Турфан мен Хотан арасындағы Катак және Луб қалаларына көшіп барады. Мәулана Арша ад-Диннің әкесі Шейх Жамал ад-Дин Катак қаласында мешітте қызмет етеді. Бір күні ол жұма намазға жиналған қауымға қаланы құм басатыны туралы, сондықтан қаланы тастап кету туралы өзіне Жартушыдан

әмір келгені туралы айтып, қаладан қашып кетеді. Қаланы құм басады, ал шейх Ақсу маңындағы Айкөлге келеді. Осы кезде әлі хан болып көтерілмеген 16 жасар Тоғылық Темір Ақсуда тұрып жатқан. Бірде ол аңға шыққанда жанына бірнеше адам жинаған Шейх Жамал ад-Динмен кезігіп қалады. Оның діндарлығын көрген жас моғұл билеушісі болашақта тәуелсіз хан болсам, мұсылмандыққа өтемін деп Шейх Жамал ад-Динге уәде береді. Алайда Тоғылық Темір Шейх Жамал ад-Дин дүниеден өткеннен соң ғана хан тағына отырады. Сондықтан әкесінің өсиетін орындап Мәулана Арша ад-Дин моғұл билеушісіне келіп, әкесіне берген уәдесін есіне салады. Содан кейін Тоғылық Темір ислам дінін қабылдап, мұсылман болады. Ол басқа моғұлдарды да исламға кіргізе бастайды. Тек шорас атты моғұл Мәулана Арша ад-Дин оның Санғұй Бұға (Сангани Буга) атты палуанымен күресіп, жеңсе, мұсылмандыққа иман келтіремін деп шарт қойды. Санғұй Бұға (Сангани Буга) өте күшті палуан еді, ол “тайлақты еркін көтеретін”. Алайда Мәулана шартқа келісіп, күреске шықты “Бір-бірімен қолдасқан сәтте маулана оның төсіне қолын қойып, итере салды, кәпір жығылып, есінен таңды. Бір шама уақыттан кейін есін жиып, кәлима шаһадатты айтып, жылап-еңіреп орнынан тұрды да маулананың аяғына жығылды”, – деп жазады Мырза Мұхаммед Хайдар (Дулати 2015: 65-69).

Мырза Мұхаммед Хайдар келтірген бұл аңыз-әңгіме Құрбанғали Халидиде кейбір айырмашылықпен берілген. Ең алдымен *“Тауарих-и хамса-и шарки”* еңбегінде моғұлдар “қалмақтар” деп аталады. Ал Шейх Жамал ад-Динді ол Мәулана Жалал ад-Дин деп атайды, ол Кетік (Катак) қаласына Бағдаттан келген деп көрсетіледі. Ал оның Тоғылық Темірмен кездесуі моғұл билеушісінің аңға шыққан кезінде емес, Ақсу шаһарының өзінде болған. Хан өзі арнайы қалаға келіп, құм басқан қала туралы кім не белетінін сұрағанда, Мәулана Жалал ад-Дин мүридтерімен келіп, ханмен оңаша әңгімелеседі. Олар әңгімелесіп отырғанда намаз уақыты келіп, Жалал ад-Диннің бір мүридін дауыстап азан шақырады. Хан таңғалып, мұның не екенін сұрайды. Жалал ад-Дин “мұның Мұхаммедтің азаны екенін айтып”, болашақ ханды ислам дінімен таныстырады. Кейін, әкесі дүниеден өткеннен соң, Жалал ад-Диннің баласы Ғаршуддин Іле суының бойындағы Жем өзеніне арнайы барып, Тоғылық Темір ханды исламға кіргізеді. “Қарамағындағы ислам дінін қабылдағандардың саны 700-ге жеткенше, ол бұл дінді қабылдағанын жасырып жүреді”, деп көрсетеді Құрбанғали Халиди. Мұндай мәлімет Тарих-и Рашидиде келтірілмейді және оның мәліметтерімен үйлеспейді. Сонымен қатар Құрбанғали Халиди Мәулана Ғаршуддинмен күрескен “қалмақтың” есімін атамайды, тек оның “ұзын бойлы, ірі, зіңгіттей жігіт” екенін жазады. Алайда күресте “шағын денелі, арық” Мәулана жеңіске жетеді. “Палуанды көкке көтеріп, жерге лақтырады, сол бетте палуан о дүниеге аттанып кетеді” (бұл мәлімет мәтіннің логикалық мазмұнына қайшы келеді, себебі келесі сөйлемде палуанның тірілгені айтылады). “Палуанның көз алдына ақырзаман елестейді”, оны періштелер тозақ отына тастамақшы болады. “Мені босатыңдар, мұсылман болайын”, деп жылап-сықтайған палуанды періштелер жібере салады. “Палуан қуанғаннан: “Лә иләһә иллаллаһ, Мұхаммәд расулуллаһ”, – деп кәлимаға келіп, орнынан тұрады”, делінген Құрбанғали Халидидің *Тауарих-и хамса-и шарки* шығармасында (Халиди 2025а: 213-219).

Осы келтірілген мәліметтерден Мырза Мұхаммед Хайдар мен Құрбанғали Халиди жазғандары қаншалықты жақын екенін байқауға болады. Тоғылық Темір ханның хан исламды қабылдауы туралы аңыз-әңгіме ортағасырлық жазба деректерде алғаш *“Тарих-и Рашиди”* еңбегінде көрініс тапқаны белгілі. Мырза Мұхаммед Хайдар бұл әңгімені “мен шыншыл да киелі жан маулананың (Қожа Ахмедтің) өз аузынан естіген едім. Бірақ моғолдар арасында таралған Тоғылық Темір ханның маулана Аршададдин

ықпалымен мұсылман болғандығы туралы ауызша әңгімелерден басқа оқиғалар ешкімнің есінде қалмаған", – деп жазған (Дулати 2015: 70). Сондықтан Құрбанғали Халидидің өз шығармасында Мырза Мұхаммед Хайдардың "Тарих-и Рашиди" еңбегін пайдаланып, өзінше өңдеген деп нық сеніммен айтуға болады.

Мырза Мұхаммед Хайдардың Тоғылық Темір ханның хан исламды қабылдауы туралы аңыз-әңгімені Әбілғазы баһадүр хан өзінің "Шаджара-йи түрк" еңбегінде қысқартып келтіреді (Әбілғазы 1991: 105-107; Абуль-Гази 1906: 138-140). Мысалы, мұнда "Тарих-и Рашиди" мен "Тауарих-и хамса-и шаркида" жазылған Катак қаласын құм басқаны туралы аңыз келтірілмеген. Сондықтан Құрбанғали Халиди өз шығармасында Әбілғазы баһадүр ханның "Шаджара-йи түркті" өз дереккөздерінің бірі ретінде көрсетсе де, бұл мәліметтерді одан алуы мүмкін емес.

Сонымен қатар, Құрбанғали Халиди өзінің дереккөзі ретінде көрсететін тарихи шығармалардың бірі *Мустафад әл-ахбар*. Мысалы, *Тауарих-и хамса-и шаркида* "өзбек" атауына байланысты айтылған жерде "олардың "өзбек дап аталуы осы "өзбек елі" деген сөзбен тікелей байланысты болса керек. "Мустафад-ль-Ахбар" кітабының авторы да осылай дейді" (Бұл сөйлем қолжазбада жоқ – ауд.), – деп жазылған (Халиди 2025б: 35). Шыңғыс хан ұрпақтарына қатысты бөлімінде де Құрбанғали Халиди Әбілғазы шығармасымен бірге "Мустафад әл-Ахбар" кітабын пайдаланылғанын жазған (Халиди 2014: 94).

"*Мустафад әл-ахбар фи ахвали Казан уа Бұлғар*" ("Қазан және Бұлғар тарихы үшін жиналған мәліметтер") – Құрбанғали Халиди ХІХ ғасырдағы татар тарихшысы, ойшыл әрі ағартушы Шиһабуддин Маржанидің (1818-1889) түркі тарихына арналған ең маңызды әрі кең танылған еңбегі. Бұл шығармада автор ортағасырлық жазба, әдеби және нумизматикалық деректерге сүйене отырып, Шыңғыс хан дәуірінен кейінгі хандықтар мен мемлекет билеушілерінің тарихын жүйелі түрде жазған. Еңбектің бірінші кітабы 1885 жылы, екіншісі 1900 жылы жарық көрген (Махаева, Маратұлы 2025: 91).

Сондай-ақ "*Тауарих-и хамса-и шаркида*" ХІХ ғасырда Қазақстанның оңтүстік өңірі кірген Қоқан хандығына қатысты берілген мәліметтер Маржанидің еңбегіндегі мәліметтермен көп жағдайда сәйкеседі. Мысалы, Құрбанғали Халиди келтірген "Алтын бесіктің ата-тегі туралы" аңыз Маржанида да кездеседі. Бұл аңызға сәйкес, Орта Азияны билеген Әмір Темір ұрпағы Мырза Захир ад-Дин Бабыр "Абдулла әл-Асам" басқарған өзбектерден Үндістанға қашқанда Ферғана өлкесі арқылы жүреді. Жолда оның жаңа дүниеге келген баласы қалып қалады. Оны тапқан адамдар, бала алтын бесікте жатқандықтан, баланы "Алтын бесік" деп атайды. Қоқан хандары осы Бабырдың ұлы Алтын бесіктің ұрпағы болып табылады. Құрбанғали Халиди баланың Бабырдан туғаны туралы аңызды өзбектің тұрғауа тайпасының басшысы (райысы) Бабыр деген адам екенін жазады (Халиди 2025а: 67-71). Алайда Маржани мен Құрбанғали Халидида кейбір өзгешіліктер бар. Мысалы, ол "Абдулла әл-Асам" емес, Убайдулла деп көрсетеді, ал "Таргава" Құрбанғали Халиди жазғандай тайпа аты емес, жер аты. Бірақ Қоқан хандарының билеген жылдары Маржани мен Құрбанғали Халидида бірдей көрсетілген (Марджани 2022: 164-165). Негізі "*Тауарих-и хамса-и шарки мен Мустафад әл-ахбар*" мәліметтерін салыстыру Құрбанғали Халидидің Маржанидың еңбегін кеңінен пайдаланғанын көрсетеді.

Құрбанғали Халиди келтірген мәлімет бойынша Алтын бесіктің арғы атасы Бұртан хан. "Темір мен Шыңғыс осы Бұртан ханнан барып қосылады", – деп жазады ол (Халиди 2025а: 71). Осындай мәлімет Қоқан тарихшысы Молла Нияз Мұхаммад 1871-72 жылдары парсы тілінде жазған "*Тарих-и Шахрухи*" шығармасында да келтірілген (Бейсембиев 2009: 217).

Алайда Құрбанғали Халидидің бұл шығарманы пайдаланды деп айтуға, оның Қоқан хандығы тарихына қатысты мәліметтері Молла Нияз Мұхаммадтың мәліметтерінен өзге екені кедергі жасайды. Сондықтан бұл мәселе қосымша зерттеулерді талап етеді.

Қорытынды

Құрбанғали Халидидің “Тауарих-ихамса-и шарқи еңбегі” – Орталық Азия мен Қазақстан, Шығыс Түркістан аумағындағы бірқатар халықтардың тарихы мен этнографиясы, тарихи-географиясына қатысты құнды жазба жәдігер. Зерттеу нәтижелері төмендегідей тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді:

1. Қ. Халиди өз еңбегінде кең ауқымды дереккөздерді – ортағасырлық мұсылман тарихнамасын, түркі шежірелерін және заманауи шығыстанушылар еңбектерін кешенді түрде пайдаланған.

2. Автор өз еңбегінде ат-Табаридің (X ғ.) “Тарих ар-русул уә-л-мулук” (“Пайғамбарлар мен патшалар тарихы”), Ибн Халдунның (XV ғ.) “Китаб әл-‘ибар”, Мирхондтың (XV ғ.) “Раузат ас-сафа”, Мырза Мұхаммед Хайдар Дуғлаттың (XVI ғ.) “Тарих-и Рашиди”, Кәтиб Челебидің (XVII ғ.) “Жиһаннама”, Әбілғазы баһадүр ханның “Шаджара-йи түрк” (“Түрік шежіресі”) “Тауарих-и хамса-и шарқи” еңбектеріндегі мәліметтерді келтірген.

3. Зерттеу барысында Құрбанғали Халиди қолданған “Жаһаннама” дереккөзі Кәтиб Челебиге тиесілі екені анықталып, еңбектің деректанулық негізі нақтыланды.

4. Автор деректерді тек жинақтап қана қоймай, оларды салыстырып, сыни тұрғыдан талдап, өзіндік тарихи тұжырымдар жасаған.

5. Құрбанғали Халиди еңбегі қазақ тарихнамасының дамуына маңызды үлес қосып, қазіргі кезеңде де ғылыми маңызын жоғалтпай отыр. Жалпы алғанда, “Тауарих-и хамса-и шарқи” – тек тарихи еңбек емес, сонымен қатар түркі халықтарының тарихи жадын сақтаған, олардың мәдени және өркениеттік дамуын көрсететін бірегей жазба мұра болып табылады. Болашақта бұл еңбекті деректанулық, текстологиялық және цифрлық гуманитаристика тұрғысынан терең зерттеу өзекті бағыттардың бірі болып қала береді.

Acknowledgments

The authors of the article expresses their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Алғыс

Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности

Авторы статьи выражает благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Әдебиеттер тізімі

Ammāsh Ş.M. *Qutayba ibn Muslim al-Bahili: the campaigns of the eastern and northern armies in Transoxiana*. Iraq: Ministry of Culture and Arts. 1978.

an-Narshahi – Abu Bakr Muhammad ibn Dzha'far an-Narshahi. *Ta'rih-i Buhara. Istoriya Buhary*. Perevod, kommentarii i primechaniya Sh. Kamoliddina. Arheologo-topograficheskij kommentarij E. Nekrasovoj. Tashkent: SMIA-SIA. 2011. 600 p.

- Aṭ-Ṭabarī – *Annales written by Abu Ja'far Muhammad ibn Jarir al-Tabari*, edited with others by M. J. Al-de Goeje. Series I–III. Leiden, 1879–1901. 1964.
- At-Tabari Muhammad ibn Jarir al-Tabari. *The History of Prophets and Kings*. Edited by Muhammad Abu al-Fadl Ibrahim. V. 6. Al-Kahira: Dar al-Ma'rif. 1964.
- Ahmed El Shamsy. *Rediscovering the Islamic classics: How editors and print culture transformed an intellectual tradition*. Princeton University Press. United States of America. 2020. 295 p.
- Duglat Mirza Muhammad Hajdar Duglat. *Tarih-i Rashidi*. Edited by Dr. Abbasquli Ghaffari Fard. Tehran. 1383. 2004. 860 p.
- Erol H.İ. 1798-1850 Printing in Egypt: Publishing and Translation Activities in the Field of History. *Journal of Turkish and Middle Eastern Studies*. 2020. No.7(2), pp.171-208.
- Gamze Mutlu. *Cihânnümâ, Topkapı-Revan manuscript of 1624: Study, Text, and Glossary. (Doktora tezi)* İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. İstanbul. İstanbul. 2024. 2703 p.
- İnan G. Remarks on the part of Ottoman history in Nişancızâde's Mir'âtü'l-Kâinât. *Kadim*. 2022. No.3, pp.107-132. <https://doi.org/10.54462/kadim.1074183>
- Ibn Haldun. *Ibn Khaldun's major historical work, commonly known as Kitâb al-'Ibar (or The Book of Lessons) and including the famous Muqaddimah (Prolegomena)*. 1 tom. Beirut: Dar al-Fikr. 2001. 668 p.
- Ibn Khaldûn. Al-Muqaddima. *Manuscript. Istanbul: Süleymaniye, Atıf Efendi*, no. 1936. Ibn Khaldûn. Al-Muqaddima. Corrected by Naşr al-Hürinî. Bulaq, 1274. [1857]. Reprint. 1284 / [1867].
- Ibn Khaldûn. Tercüme-yi Mukaddeme-yi İbn Haldûn. *Translated from Arabic to Ottoman Turkish by Mehmed Şâhib Pîrîzâde*. Bulaq. 1275 / [1858 or 1859].
- Karakaş-Özür N. Reflections of Cihannüma: A document analysis]. *Journal of Geography, Faculty of Letters, Istanbul University*. 2014. No.29, pp.120-144.
- Muhammad ibn Khāwandshāh al-Balkhī, known as Mīrkhwand. *Rawḍat al-Ṣafā fī Sīrat al-Anbiyā wa-l-Mulūk wa-l-Khalīfa (The Garden of Purity in the Lives of the Prophets, Kings, and Caliphs)*. Tekhran: 1373 (1994). 1319 p.
- Nişancızâde Mehmed Efendi. *Mir'âtü'l-Kā'inât, I-II. Egypt: Matba'at Bulaq*, 1269/1852. https://dn721506.ca.archive.org/0/items/McGillLibrary-rbnc_isl_mir-at-i-ka-inat_folioDS377N51853-18924/rbnc_isl_mir-at-i-ka-inat_folioDS377N51853.pdf
- Üstüner A. Ottoman Geographical Studies in the Post-Classical Period. *Turkey Studies Literature Journal*. 2019. No.17(33), pp.41-104.
- Әдеби жәдігерлер. Жиырма томдық. 20-том. Қ. Халиди. Тауарих хамса. Құрас.: Қорабай С., Құдасов С. Тауарих хамса. Мәтін 39-258-бб. Тауарих хамса. Факсимиле 259-373 бб. Алматы: Таймас баспа үйі. 2013. 400 б.
- Әбілғазы. *Түрік шежіресі*. Көне түрік тілінен аударған Б. Әбілқасымов. Алматы. 1991. 208 б.
- Абуль-Гази Багадур-хан. *Родословное древо тюрков*. Перевод и примечания Г.С. Саблукова. Казань. 1906. 352 с.
- Бартольд В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Сочинения в 9 т. Т. I. Москва: Вост. лит-ры. 1963. 760 с.
- Бейсембиев Т. *Кокандская историография: исследование по источниковедению Средней Азии XVIII-XIX веков*. Алматы. 2009. 1263 с.
- Ван Чжилай 王治来. *Орта Азия тарихы 中亚通史*. I том. Ежелгі заман 古代卷. Үрімжі. 2004. 264/371 б.
- Дулати М.Н. *Тарих-и Рашиди: литературно-мемуарное произведение*. ауд. М. Казыбек, А. Нуралиев. Алматы: Издательство "Мирас". 2015. 768 с.
- Жұртбай Т. *Құрбанғали Халиди. Тауарих-и хамса-и шарки*. Қ. Халиди. Астана. 2015. 284 б.
- Кармышева Дж. Х. *Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбанғали Халиди. Советская этнография*. 1971. No.1, с.100-110.

- Қазақ** қолжазбалары: Көне түркі және қазақ жазба әдеби мұралары (б.д.д. V ғ. бастап – XX ғ. дейін): 10 томдық басылым. Түпнұсқадан қазақ тіліне ауд. Т. Жұртбай, Б. Мұстафаев, Ш. Бегімтаев. Л.Н. Гумилев атынд. Еуразия Ұлттық ун-ті жанындағы “Отырар кітапханасы” ғылыми орталығы. Алматы: Ел-шежіре. 2018. Т.10. 496 б.
- Құрбанғали** Халид. *Тауарих Хамса (бес тарих)*: ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. Астана: ТОО “Prosper print”. 2014. 286 б.
- Махаева** А.Ш., Маратұлы Т. Қарахан мемлекетінің тарихнамасында Ш. Маржанидің алатын орны. *Turkic Studies Journal*. 2025. Т.7, no.2, 86-105 бб.
- Мұқанова** А.Н. Құрбанғали Халидтің “Тауарих хамса” еңбегі қазақ тарихының дерегі ретінде”. Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. Қарағанды. 2007. 29 б.
- Мустафаев** Б. Құрбанғали Халидидің “Тауарих-и хамса-и шарқи” еңбегіндегі Ферғана хандарының баяны бөліміне талдау. *Қазақ тарихы электронды журналы*. 2024. No.4(184), 4-14 бб.
- Тулибаева** Ж. Исторические связи казахов с узбекскими ханствами в XVIII веке по данным сочинений центральноазиатских авторов Нового времени. *Gumilyov Journal of History*, 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194>
- Халиди** Қ. *Тауарих-и хамса-и шарқи*. Қазан: Өрнек баспасы. 1910. 798 б.
- Халид** Қ. *Тауарих хамса (Бес тарих)*: ауд. Б. Төтенаев, А. Жолдасов. Алматы: Қазақстан. 1992. 304 б.
- Халиди** Қ. “Таурихи-и хамса-и шарқи” – Шығыстың бес елінің тарихы: бірінші кітап. Астана: ҚР Ұлттық академиялық кітапханасының баспа-редакция орталығы. 2019. 326 б.
- Халиди** Қ. “Таурихи-и хамса-и шарқи” – Шығыстың бес елінің тарихы: бірінші кітап. Астана: Фолиант. 2025a. 344 б.
- Халиди** Қ. “Таурихи-и хамса-и шарқи” – Шығыстың бес елінің тарихы: екінші кітап. Астана: Фолиант. 2025b. 344 б.
- Ысқақов** Б. Аяғөз азаматы. *Лениншіл жас*. 1969. 11 қараша; Ұмытылмас есімдер. Ұлы ғалымдар өмірінен (XV-XX ғасырлар). Жинақ. Құрастырған және алғы сөзін жазған Б. Ысқақов. Алматы: Қазақстан. 1994. 224 б.
- Шагинян** А.К. Упоминания о древних славянах (ас-сақәлиба) у "отца мусульманской историографии" ат-Табари (839-923). *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2022. No.1(31), Январь–Июнь, с.150-170.
- Шигабутдин** Марджани. *Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар); часть первая, перевод на русский язык; предисловие и перевод с арабского, старотатарского Р.К. Адыгамова*. Казань: Магариф-Вакыт. 2022. 216 с.

References

- Ammash Ş.M. *Qutayba ibn Muslim al-Bahili: the campaigns of the eastern and northern armies in Transoxiana*. Iraq: Ministry of Culture and Arts. 1978. (in Arabic)
- Al-Narshakhī – *Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far al-Narshakhī. The History of Bukhara*. Translation, comments and notes by Sh. Kamoliddin. Archaeological and topographical commentary by E. Nekrasova. Tashkent: SMIA-SIA, 2011. 600 p. (In Arabish)
- Al-Ṭabarī - *Annales written by Abu Ja'far Muhammad ibn Jarir al-Tabari*, edited with others by M. J. Al- de Goeje. Series I–III. Leiden, 1879–1901. 1964. (in Arabic)
- Al-Ṭabarī Muhammad ibn Jarir al-Tabari. *The History of Prophets and Kings*. Edited by Muhammad Abu al-Fadl Ibrahim. V. 6. Al-Kahira: Dar al-Ma'rif. 1964. (in Arabic)

- Ahmed El Shamsy. *Rediscovering the Islamic classics: How editors and print culture transformed an intellectual tradition*. Princeton University Press. United States of America. 2020. 295 p. (in Arabic)
- Gamze Mutlu. *Cihânnümâ, Topkapı-Revan manuscript of 1624: Study, Text, and Glossary*. (Doktora tezi) – İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. İstanbul. 2024. 2703 p. (in Turkish)
- Gibb H.A.R. The Arab invasion of Kashgar in A. D. 715. *Bulletin of The School of Oriental and African Studies-university of London*. Vol.2: 1921-23, pp.467-474. (in English)
- Duglat Mirza Muhammad Hajdar Duglat. *Tarih-i Rashidi*. Edited by Dr. Abbasquli Ghaffari Fard. Tehran, 1383. 2004. 860 p. (In Farsi)
- Erol H.İ. 1798-1850 Printing in Egypt: Publishing and Translation Activities in the Field of History. *Journal of Turkish and Middle Eastern Studies*. 2020. No.7(2), pp.171-208. (in Arabic)
- İnan G. Remarks on the part of Ottoman history in Nişancızâde's Mir'âtü'l-Kâinât. *Kadim*. 2022. No.3, pp.107-132. <https://doi.org/10.54462/kadim.1074183> (in Turkish)
- Ibn Haldun. *Ibn Khaldun's major historical work, commonly known as Kitāb al-'Ibar (or The Book of Lessons) and including the famous Muqaddimah (Prolegomena)*. 1 tom. Beirut: Dar al-Fikr. 2001. 668 p. (in Arabic)
- Ibn Khaldūn. The Muqaddimah. *Manuscript. Istanbul: Süleymaniye Library, Atıf Efendi coll., no. 1936. Ibn Khaldūn. Al-Muqaddima. Correc. by Naşr al-Hürinî. Bulaq, 1274. [1857]. Reprint. 1284 / [1867].* (in Arabic)
- Ibn Khaldūn. *Translation of Ibn Khaldūn's Muqaddima. Translated from Arabic to Ottoman Turkish by Mehmed Şâhib Pîrîzâde. Bulaq. 1275 / [1858 or 1859].* (in Turkish)
- Karakaş-Özür N. Reflections of Cihannüma: A document analysis]. *Journal of Geography, Faculty of Letters, Istanbul University*. 2014. No.29, pp.120-144. (in Turkish)
- Üstüner A. Ottoman geographical studies in the post-Classical period. *Turkish Studies Literature Journal*. 2019. No.17(33), pp.41-104. (in Turkish)
- Muhammad ibn Khāwandshāh al-Balkhī, known as Mīrkhwand. *Rawḍat al-Ṣafā fī Sīrat al-Anbiyā wa-l-Mulūk wa-l-Khalīfa (The Garden of Purity in the Lives of the Prophets, Kings, and Caliphs)*. Tekhran: 1373 (1994). 1319 p. (In Farsi)
- Nişancızâde Mehmed Efendi. *Mir'âtü'l-Kâinât, I-II. Egypt: Matba'at Bulaq, 1269/1852.* https://dn721506.ca.archive.org/0/items/McGillLibrary-rbnc_isl_mir-at-i-ka-inat_folioDS377N51853-18924/rbnc_isl_mir-at-i-ka-inat_folioDS377N51853.pdf (in Turkish)
- Wang Zhilai 王治来. *A General History of Central Asia 中亚通史*. IVol. 1: Ancient Period 古代卷. Urimzhi. 2004. 264/371 p. (in Kazakh / in Chinese)
- Literary Heritage. Twenty-Volume Edition*. Vol. 20: Q. Halidi, Tauarih Hamsa. Compiled by Qorabaj S. and Qudasov S. *Tauarih Hamsa: Text, pp.39–258; Facsimile, pp.259–373*. Almaty: Tajmas Publ. House. 2013. 400 p. (in Kazakh)
- Abilgazy. *Turik shezhiresi. Kone turik tilinen audargan B. Abilqasymov*. Almaty. 1991. 208 p. (in Kazakh)
- Abul-Gazi Bagadur-han. *Rodoslovnnoe drevo tyurkov. Perevod i primechaniya G.S. Sablukova*. Kazan. 1906. 352 p. (in Russian)
- Barthold V. *Turkestan v epohu mongol'skogo nashestviya*. Sochineniya v 9 t. V. I. Moscow: Oriental Literature Publishing House. 1963. 760 p. (In Russian)
- Bejsembiev T. *Kokandskaya istoriografiya: issledovanie po istochnikovedeniyu Srednej Azii XVIII-XIX vekov*. Almaty. 2009. 1263 p. (In Russian)
- Dulati M.H. *Tarih-i Rashidi: adebi-memuarlyq shygarma. aud. Muhtar Qazy'bek, Absattar Nuraliev*. Almaty: "Miras" Publ. House. 2015. 768 p. (in Kazakh)
- Zhurtbai T. *Kurbangali Halidi. / Tauarih-i hamsa-i sharki. Q. Halidi*. Astana. 2015. 284 p. (in Kazakh)
- Karmysheva Dzh. Kazahstanskij istorik-kraeved i etnograf Kurbangali Halidi. *Soviet ethnography*. 1971. No.1, pp.100-110. (in Russian)

- Qazaq qolzhazbalary: Kone turki zhane qazaq zhazba adebi muralary* (b.d.d. V g. bastap – XX g. dejin): 10 tomdy`q basy`ly`m / Tupnusqadan qazaq tiline aud. Zhurtbay T., Mustafaev B., & Begimtaev Sh., Scientific Center “Otyrar Kitaphanasy” at L.N. Gumilyov Eurasian National University. Almaty: El-shezhire. 2018. V.10. 496 p. (in Kazakh)
- Mahaeva A., Maratuly T. Qarahan memleketinin tarihnamasynnda Sh. Marzhanidin alatyn orny. *Turkic Studies Journal*. 2025. V. 7. № 2. Pp. 86-105 (in Kazakh)
- Mustafaev B. Qurbangali Halididin "Tauarih-i hamsa-i sharqi" enbegindegi Fergana handary`ny n bayany bolimine taldau. *The Qazaq History Electronic Journal*. 2024. No.4(184), pp.4-14. (in Kazakh)
- Muqanova A.N. *Qurbangali Halidtin "Tauarih hamsa" enbegi qazaq tarihyryn deregi retinde*. Author's abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Karaganda. 2007. 29 p. (in Kazakh)
- Halidi Q. *Tauarih-i hamsa-i sharqi*. Kazan: Sample Printing House. 1910. 798 p. (in Kazakh)
- Halid Q. *Tauarih hamsa (Bes tarih)*: aud. B. Totenaeve. Almaty: Kazakhstan. 1992. 304 p. (in Kazakh)
- Qurbangali Halid. Tauarih Hamsa (bes tarih)*: aud. B. Totenaeve, A. Zholdasov. Astana: TOO "Prosper print". 2014. 286 p. (in Kazakh)
- Tulibayeva Zh. Historical Connections Between the Kazakhs and the Uzbek Khanates in the 18th Century According to the Works of Central Asian Authors of the Modern Period. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194> (in Russian)
- Halidi Q. *"Taurihi-i hamsa-i sharqi" – shygy`styn bes elinin tarihy: birinshi kitap*. Astana: Publishing and Editorial Center of the QR National Academic Library. 2019. 326 p. (in Kazakh)
- Halidi – Khalidi Q. *"Taurikhi-i khamsa-i sharqi" – Shygystyn bes elinin tarikhy: 1 kitap*. Astana: Foliant. 2025a. 344 b. (in Kazakh)
- Halidi – Khalidi Q. *"Taurikhi-i khamsa-i sharqi" – Shygystyn bes elinin tarikhy: 2 kitap*. Astana: Foliant. 2025b. 344 b. (in Kazakh)
- Iskakov B. Ayagoz azamaty. Leninshil zhas. 1969, 11 qarasha. Umytylmas esimder. Uly galymdar omirinen (XV-XX gasyrlar). *Collection. Compiled and wrote the foreword. B. Iskakov*. Almaty: Kazakhstan: Publ. 1994. 224 p. (in Kazakh)
- Shaginyan A. Upominaniya o drevnih slavyanah (aş-şakāliba) u "otcza musul`manskoj istoriografii" at-Tabari (839-923). *St. Petersburg Slavic and Balkan Studies*. 2022. No.1(31), Yanvar`–Iyun, pp.150-170. (In Russian)
- Shigabutdin Mardzhani. *Poleznye vesti o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-ahbar fi ahvali Kazan va Bulgar)*; chast' pervaya, perevod na russkij yazyk; predislovie i perevod s arabskogo, starotatarskogo R.K. Adygamova. Kazan': Magarif-Vakyt. 2022. 216 p. (in Russian)

Information about authors

Zibagul S. Ilyassova – Candidate of History, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University 2, Satbaev, 010000, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-6507-4364>, zibagulilyasova@gmail.com

Nurlan A. Atygayev – Candidate of History, Professor, head of Department of History of Kazakhstan in Ancient and Middle Ages, Abai Kazakh National Pedagogical University, 13 Dostyk Ave., 050000, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-2696-1008>, nuratygaev@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Зибагүл Сүлейменқызы Ильясова – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Л.Н. Гумилев

атындағы Еуразия ұлттық университеті Сатпаев к-сі, 2, 010000, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-6507-4364>, zibagulilyasova@gmail.com

Нұрлан Әділбекұлы Атығаев – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің Ежелгі және орта ғасырдағы Қазақстан тарихы кафедрасы меңгерушісі Алматы, Достық даңғылы, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-2696-1008>, nuratygaev@mail.ru

Сведения об авторах

Зибагул Сулейменовна Ильясова – кандидат исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва ул. Сатпаева, 2, 010000, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-6507-4364>, zibagulilyasova@gmail.com

Нурлан Адилбекович Атығаев – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и средневековой истории Казахстана, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (д. 13, пр. Достык, 050000, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-2696-1008>, nuratygaev@mail.ru

Contribution of the authors

Z. Ilyassova – defined the scientific concept of the article's topic. She systematized the historical and documentary materials and prepared the initial draft of the introduction, main body, and conclusion. She ensured the overall substantive and methodological quality of the research. Additionally, she compared and analyzed materials in Arabic and Turkic languages with the studied work and prepared historiographical materials.

N. Atygayev – systematized the historical and documentary materials and prepared the final version of the introduction, main body, and conclusion. He ensured the overall substantive and methodological quality of the research. Furthermore, he compared and analyzed materials in Persian and Chagatai languages with the studied work and prepared historiographical materials.

Авторлардың қосқан үлесі

З.С. Ильясова – мақала тақырыбының ғылыми тұжырымдамасын айқындады. Тарихи-деректік материалдарды жүйелеп, мақаланың кіріспе, негізгі, қорытынды бөлімдерін алғашқы нұсқасын әзірледі. Жалпы зерттеу жұмысының мазмұндық және әдіснамалық сапасын қамтамасыз етті. Сонымен қатар, араб және түркі тілдеріндегі материалдарды зерттелген шығармамен салыстырып, талдады. Тарихнамалық материалдар дайындады.

Н.Ә. Атығаев – тарихи-деректік материалдарды жүйелеп, мақаланың кіріспе, негізгі, қорытынды бөлімдерінің соңғы нұсқасын әзірледі. Жалпы зерттеу жұмысының мазмұндық және әдіснамалық сапасын қамтамасыз етті. Сонымен қатар, парсы және шағатай тілдеріндегі материалдарды зерттелген шығармамен салыстырып, талдады. Тарихнамалық материалдар дайындады.

Вклад авторов

З.С. Ильясова – определила научную концепцию темы статьи; систематизировала историко-документальные материалы и подготовила первоначальный вариант введения, основной части и заключения статьи; обеспечила содержательное и методологическое качество исследовательской работы в целом; сравнила и проанализировала материалы на арабском и тюркском языках по исследуемым произведениям; подготовила историографические материалы.

Н.А. Атығаев – систематизировал историко-документальные материалы и подготовил окончательный вариант введения, основной части и заключения статьи; обеспечил содержательное

и методологическое качество исследовательской работы в целом; сравнил и проанализировал материалы на персидском и чагатайском языках по исследуемым произведениям; подготовил историографические материалы.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 20.05.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 22.08.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.20/03.01.07

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-139-160>

Chinese sources on early medieval history of Kazakhstan: repertoire and traits of information

A. Kamalov^a✉, S. Kozhirova^b ^aTuran University, Almaty, Kazakhstan^bAcademic Institute of Ulus Zhuchi Studies, Astana, Kazakhstan✉a.kamalov@turan-edu.kz

Abstract. For the study of the early medieval history of Kazakhstan, information from Chinese historical and geographical works is of great importance. For some periods, Chinese accounts are the only source of information about events and processes taking place in the steppes. This article examines the repertoire of Chinese writings on the early medieval history of Kazakhstan, which covers the period from the appearance of the Turks on the historical scene, led by the Ashina royal clan, and the proclamation of the First Turkic Khaganate in 552 to the establishment of Mongol rule in Eurasia in the 13th century. Chinese information is of great importance for the reconstruction of the political history of the ancient Turkic states, the study of the power structure in the khaganates, the genealogy of the rulers, the military, political and economic relations of the Turkic states and tribes with neighboring countries, the study of the inner life of the ancient Turkic society, for the study of the social and intellectual history of the ancient Turks, their cultural life, including folk customs, traditions, and religious beliefs. Throughout the history of the Middle Kingdom, since the reign of the Han Dynasty (III BC - III A.D.) up to the collapse of the last Manchu Qing Empire (1911), twenty-four dynastic histories were compiled. In all dynastic histories, at the end of the “Biographies” section, narrations about alien peoples who lived outside the Central State were placed. Narratives about foreign peoples have become important source of information on the ancient inhabitants of Central Asia, including Kazakhstan. The article examines the features of not only dynastic histories, but also other genres of official Chinese historiography, as well as unofficial works containing information about the history of the Turkic states and peoples on the territory of Kazakhstan. The article examines the composition of Chinese sources on the history of early medieval period of Kazakhstan, which expanded significantly during the reign of the Tang Empire (618-907) due to the development of new genres of official historiography, such as chronicles, encyclopedias, surveys, as well as due to appearance of unofficial writings (epitaphs, poetic works, etc.) containing information about the Turkic peoples. The revealed features of Chinese news about the peoples and states on the territory of the Kazakh steppes in the early Middle Ages include factual accuracy and dating. At the same time, the narrative in Chinese sources is biased: events and processes are interpreted within the framework of traditional Chinese political philosophy, which was based on a sinocentric view of the world, in which China occupies a central and leading place, while outside it, the periphery of the universe is populated by the “barbarians”. The relations of the Celestial Empire with foreigners are considered in the sources from the point of view of the concept of the world-building function of the Chinese Emperor - the Son of Heaven, and

the civilizational mission of China, designed to subjugate other peoples and bring them into the bosom of Chinese civilization.

Keywords: Chinese sources; early Middle Ages; history; Kazakhstan; ancient Turkic era; pre-Mongol period

For citation: Kamalov A., Kozhirova S. Chinese sources on early medieval history of Kazakhstan: repertoire and traits of information. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vo.156, no. 3, pp.139-160. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-139-160>

Funding: The article was prepared within the framework of the research project "Translation of the Chinese sources and Chinese Historiography on medieval history of Kazakhstan of XIII-XV cc." funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (AP 26103675).

Қазақстанның ерте ортағасырлық тарихы бойынша қытай деректері: репертуары мен ақпараттық ерекшеліктері

А. Камалов^а, С. Кожирова^б

^аТұран университеті, Алматы, Қазақстан

^бҰлыс Жошы тарихын зерттеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Қазақстанның ерте ортағасырлық тарихын зерттеу үшін кейбір кезеңдер бойынша дала өңірлерінде болған оқиғалар мен процестер туралы ақпараттың жалғыз көзі болып табылатын қытайлық тарихи және географиялық жазбалардың мәліметтері үлкен маңызға ие. Бұл мақала Қазақстанның ерте ортағасырлық тарихы туралы қытай шығармаларының репертуарын қарастырады, ол Ашина патша руы бастаған түріктердің тарихи аренада пайда болуынан және 552 жылы алғашқы Түркі қағанатының жариялануынан бастап XIII ғасырда Еуразияда моңғол үстемдігі орнағанға дейінгі кезеңді қамтиды. Қытай мәліметтері ежелгі түркі мемлекеттерінің саяси тарихын қайта құру, қағанаттардағы билік құрылымын, билеушілердің шежіресін, түркі мемлекеттері мен тайпаларының көрші елдермен әскери-саяси және экономикалық байланыстарын зерттеу, ежелгі түркі қоғамының ішкі өмірін зерттеу, ежелгі түркілердің әлеуметтік және зияткерлік тарихын, олардың мәдени өмірін, соның ішінде халықтың әдет-ғұрыптары мен дәстүрлері, діни наным-сенімдерін зерттеу үлкен маңызға ие. Хань әулетінен (б.з.д. III ғ. - б.з. III ғ.) соңғы Маньчжур империясы Циннің құлауына дейін (1911 ж.) Қытайда жиырма төрт әулеттің шығармалары жазылған. Бұл әулеттердің барлығында Орталық империядан тыс жерде тұратын шетелдік халықтар туралы ақпарат бар, оны "Өмірбаяндар" бөлімінің соңында табуға болады. Бұл ақпарат Орталық Азия аумағында, соның ішінде Қазақстанда мекендеген ежелгі халықтар туралы маңызды білім көзіне айналды. Мақала тек әулеттік тарихтың ғана емес, сонымен қатар ресми Қытай тарихнамасының басқа да жанрларының ерекшеліктерін, сондай-ақ Қазақстан аумағындағы түркі мемлекеттері мен халықтарының тарихы туралы мәліметтерді қамтитын бейресми шығармаларды қарастырады. Мақалада Тан империясының тұсында (618-907 жж.) шежірелер, энциклопедиялар, шолулар сияқты ресми тарихнаманың жаңа жанрларын дамыту есебінен, сондай-ақ түркі халықтары туралы мәліметтерді қамтитын бейресми шығармалардың (эпитафтар, поэтикалық шығармалар және т.б.) пайда болуы есебінен кеңейген ортағасырлық Қазақстан тарихы бойынша Қытай дереккөздерінің құрамы зерттелді. Ерте орта ғасырларда қазақ даласын мекендеген халықтар мен мемлекеттер туралы қытайлық есептердің ерекшеліктеріне олардың деректерінің дәлдігі және оқиғалардың нақты уақыты

жатады. Сонымен қатар, қытай дереккөздеріндегі баяндаулар біржақты. Оқиғалар мен процестер дәстүрлі қытай саяси философиясы аясында түсіндіріледі. Бұл философияның негізі Қытайды әлемнің орталығы және жетекші күші ретінде қарастыратын синоцентристік дүниетаным болып табылады. Қытайдан тыс, әлемнің шеткі бөлігін құрайтын аймақтарда әлемнің төрт тарабынан келген варварлар өмір сүрген деп саналған. Дереккөздер Аспан империясының басқа халықтармен қарым-қатынасын Қытай императорының – Аспан ұлының әлемдік тәртіптің кепілі ретіндегі рөлі, сондай-ақ Қытайдың басқа халықтарды бағындыруға және оларды қытай өркениетімен таныстыруға бағытталған өркениеттік миссиясы тұрғысынан түсіндіреді.

Түйін сөздер: Қытай дереккөздері; ерте орта ғасырлар; тарих; Қазақстан; ежелгі түркі дәуірі; моңғолға дейінгі кезең.

Китайские источники по раннесредневековой истории Казахстана: репертуар и особенности информации

А. Камалов^а, С. Кожирова^б

^аУниверситет “Туран”, Алматы, Казахстан

^бНаучный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Для изучения раннесредневековой истории Казахстана большое значение имеют сведения китайских исторических и географических сочинений, которые по некоторым периодам являются единственными источниками информации о происходивших в степях событиях и процессах. Данная статья рассматривает репертуар китайских сочинений по раннесредневековой истории Казахстана, которая охватывает период с появления на исторической арене тюрков во главе с царским кланом Ашина и провозглашения Первого тюркского каганата в 552 г. до установления монгольского господства в Евразии в XIII в. Китайские сведения имеют большое значение для реконструкции политической истории древнетюркских государств, изучения структуры власти в каганатах, генеалогии правителей, военно-политических и экономических связей тюркских государств и племен с соседними странами, исследования внутренней жизни древнетюркского общества, для изучения социальной и интеллектуальной истории древних тюрков, их культурной жизни, включая народные обычаи и традиции, религиозные верования. За всю историю Срединного государства, начиная со времени правления династии Хань (III в до н.э. - III н.э.) до распада последней маньчжурской империи Цин (1911 г.), были созданы двадцать четыре династийных историй. Во всех династийных историях, в конце раздела “Жизнеописания” (или “Биографии”) помещались повествования об иноземных народах, живших за пределами Срединного государства. Повествования об иноземных народах стали важным источником информации о древних насельниках Центральной Азии, включая Казахстан. Статья рассматривает особенности не только династийных историй, но и других жанров официальной китайской историографии, равно как и неофициальных сочинений, содержащих сведения об истории тюркских государств и народов на территории Казахстана. В статье изучен состав китайских источников по истории средневекового Казахстана, который значительно расширился в эпоху правления империи Тан (618-907 гг.) за счет развития новых жанров официальной историографии, таких как хроники, энциклопедии, обозрения, а также за счет появления неофициальных сочинений (эпитафий, поэтических произведений др.), содержащих сведения о тюркских народах. Выявленные особенности китайских известий о народах и государствах на территории казахских степей в раннем средневековье включают фактологическую точность и датированность. Вместе с тем, повествование в китайских источниках носит тенденциозный

характер: события и процессы в них интерпретируются в рамках традиционной китайской политической философии, в основе которой лежало китаецентрическое представление о мире, в котором Китай занимает центральное и ведущее место, в то время как за его пределами, составляющими периферию мироздания, живут варвары четырех сторон света. Отношения Поднебесной империи с инородцами рассматриваются в источниках с точки зрения концепции мироустроительной функции китайского императора – Сына Неба, и цивилизационной роли Китая, призванного подчинять остальные народы и приводить их в лоно китайской цивилизации.

Ключевые слова: китайские источники; раннее средневековье; история; Казахстан; древнетюркская эпоха; домонгольский период.

Для цитирования: Камалов А., Кожирова С. Китайские источники по раннесредневековой истории Казахстана: репертуар и особенности информации. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, с.139-160. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-139-160>

Финансирование: Данная статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан “Перевод китайских источников и китайской историографии по средневековой истории Казахстана XIII-XV веков” (AP 26103675).

Введение

История Казахстана в древнетюркский период связана с государствами, созданными древними тюрками, известными в рунических надписях как *көк-тюрки* (тюрк. көк түрк), а в китайских – *туцзюэ*. Территория Казахстана входила в ареал распространения тюркоязычных племен огузов или теле (тюрк. tegrer), населявших в IV-VI вв. обширную часть Евразии. Этот ареал перешел под управление тюрков из рода Ашина, когда в 551 г. они создали Первый Тюркский каганат или Тюркскую империю. В последующем наследниками Западно-тюркского каганата стали Тюркешский и Карлукский каганаты, которые занимали полностью или частично территорию нынешнего Казахстана. При изучении древнетюркского периода в истории Казахстана чрезвычайно важную роль сыграли Восточно-тюркский каганат с центром в северной Монголии и его преемники – Сирский, Уйгурский и Кыргызский каганаты. Древнетюркский период в истории Казахстана также представлен историей племен огузов, кимеков и кипчаков, создавших свои государства в разных частях его территории. Первое тюркское мусульманское государство – Караханиды, а также их преемники на востоке – кара-китаи, распространяли свою власть на южные и юго-восточные части раннесредневекового Казахстана. В последующем древнетюркские государства и народы были инкорпорированы в состав Монгольской империи, войдя в состав улусов, управлявшихся сыновьями Чингиз-хана. Изучение истории этих государств в той или иной мере опирается на сведения китайских источников, рассмотрение которых требует систематизации знаний о репертуаре сочинений и характеристики содержащихся в них сведений.

Центральное место среди китайских источников о народах Казахстана и других стран Центральной Азии занимают династийные истории, традиция составления которых была заложена “отцом китайской историографии” Сыма Цянем, автором “Исторических записок” (*кит.* Ши цзи), жившем в 145-86 гг. до н. э. в Китае в правлении династии Западная Хань. Первым сочинением нового этого жанра стало сочинение “Хань шу” (История

ханьской династии), написанная группой историков во главе с Бань Гу (32-92 гг.). С того времени создано двадцать четыре образцовые истории, включая историю династии Цин (1644-1911 гг.). Династийные истории составлялись по определенной схеме и содержали обязательные разделы, одним из которых был раздел “Жизнеописания” (или “Биографии”) (*кит.* лечжуань). В конце этого раздела Бань Гу, вслед за Сыма Цянем, поместил повествования об иноземных народах, информацию о которых императорские ведомства получали от послов, торговцев, военачальников и др. Отдельные сведения об иноземцах также были размещены в других разделах династийной истории. Эта традиция соблюдалась составителями всех известных в китайской историографии династийных (образцовых) историй.

По объему информации и точности известий о древних тюрках китайские источники не имеют себе равных. Такая их особенность объяснялась географической близостью Китая с обширной территорией Азии, заселенной тюркскими и ираноязычными народами. С древних времен расцвет и упадок могущественных династий Китая часто совпадали с подъемом и распадом кочевых империй Евразии. Существование Ханьской империи совпало со временем господства азиатских гуннов (хунну, кит. сюнну), а существование северных династий, включая Чжоу и Вэй, а также империй Суй и Тан – с исторической жизнью государств көк-тюрков, уйгуров и енисейских кыргызов. После распада Танской империи в Китае наступили смутные времена “пяти династий и десяти царств”, которые сменились несколькими государствами – китайской империей Сун, киданьской династией Ляо и чжурчжэньским государством Цзинь. Эти государства находились слишком далеко от Центральной Азии, поэтому не поддерживали тесных отношений с государствами региона (лишь кара-китай и их государство Западное Ляо своим происхождением были связаны с династией Ляо).

Сведения династийных историй о народах, обитавших в Центральной Азии, составляют основу корпуса китайских источников по истории древнетюркского периода. Состав официальных китайских исторических сочинений значительно расширился в танскую эпоху (618-907 гг.), когда появились другие жанры сочинений, также составлявшиеся по императорскому указу. Эти сочинения также содержали информацию о тюркских народах и государствах, которая значительно дополняла сведения династийных историй. Кроме официальных сочинений, существует еще одна группа источников по раннесредневековой истории Казахстана, которую представляют исторические и литературные произведения, создававшиеся отдельными лицами (чиновниками, литераторами и др.), относящиеся к кругу неофициальных исторических текстов.

Методы и материалы

Данное исследование основано на опыте работы с китайскими текстами о насельниках Казахстана в древнетюркскую эпоху, их сопоставлении с данными тюркских рунических надписей, созданных в эпоху Тюркского и Уйгурского каганатов на территории Монголии и Китая. Многие из текстов об иноземных народах из образцовых историй династий Чжоу, Вэй, Суй, Тан, Сун были заново прочитаны и уточнены, а их сведения сопоставлены с выполненными ранее синологами переводами. Были рассмотрены повествования иноземных народов и стран, традиционно помещавшиеся в разделе “Жизнеописания” династийных историй, информацию которых дополняют представленные в другом формате параллельные сведения об этих народах в сочинениях других жанров – хрониках,

энциклопедиях, всеобщих историях, обозрениях, эпитафийной литературе и др. Вместе с тем использовался просопографический метод, рассматривающий биографии знатных иноземцев, служивших китайским династиям и сыгравшим важную роль как в отношениях Срединного государства с иноземцами, так и в сборе информации о них. Особенности китайских известий о тюркских народах и государствах на территории Казахстана выявлялись также на основе сопоставления их со сведениями тюркских рунических памятников и источников на других языках (арабские, персидские, тибетские, хотанско-сакские и др. тексты).

Важное методологическое значение имеет критический анализ китайских сведений о тюрках и других народах, который позволяет отделять факты от их тенденциозной интерпретации, свойственной китайской историографии. Представления о Китае как о центре Вселенной (отсюда понятие “Срединное государство”) и цивилизационной миссии китайских императоров, функция которых мыслилась как миротворческая, призванная распространять китайскую цивилизацию среди иноземных народов и проводить их в лоно китайской цивилизации (*кит.* гуйхуа), давали основания китайским историографам рассматривать всех иноземцев как подданных Поднебесной империи, а отношения с ними описывать в терминах даннических связей. Даже простые торговые миссии в Китай в сочинениях преподносились как даннические посольства, прибывшие с подношением дани императору – Сыну Неба. Выявление истинной сущности той или иной информации об иноземцах становится возможным на основе анализа конкретно-исторической ситуации, контекста событийной истории и знания терминологии и риторики традиционной имперской идеологии Китая.

Литературный обзор

Анализируемые китайские источники по раннесредневековой истории Казахстана вводились в научный оборот европейскими синологами начиная с XVIII в. Французские синологи Ж. Дегинь, К. де Висделу, А. Гобиль, Ж. де Майя были пионерами в деле перевода китайских сведений о народах Центральной Азии ([Deguines](#) 1756; [Visdelou](#) 1799). Ими были составлены первые общие истории тюрков, монголов и других народов региона, которые были основаны на пересказе сведений китайских сочинений. Публикация переводов китайских текстов, а не их пересказов является заслугой, прежде всего, российского китаеведения. Впервые такие переводы были обнародованы в 1851 г. русским китаеведом Н.Я. Бичуриным (отец Иакинф). В его книгу “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена” вошли переводы текстов династийных историй об иноземных народах, обитавших к северу и западу от Китая ([Бичурин](#) 1851). В XIX в. С. Жюльен и Э. Бретшнейдер опубликовали китайские известия о тюрках и уйгурах XIII-XIV вв. ([Bretschneider](#) 1910). Расшифровка тюркского рунического алфавита в конце XIX в. и последовавшая за ней публикация текстов рунических надписей предоставили исследователям новый круг источников по истории древних тюрков и потребовали от китаеведов расширения круга китайских источников о древнетюркских народах. Такие переводы о западных тюрках были выполнены Эдвардом Шаванном ([Chavannes](#) 1903).

В середине XX в. корпус переводов китайских текстов о тюрках был значительно пополнен публикацией на немецком языке сведений о восточных тюрках, выполненных Лю Мао-цаем ([Liu Mau-tsai](#) 1958). Одновременно с изданием Лю Мао-цая в Китайской Народной Республике были опубликованы “Материалы по истории тюрков” Цэнь Чжун-

мьяня, представлявшие комментированные тексты династийных историй и эпитафий, а также камнеписных памятников тюркских каганатов со времени появления сведений о тюрках до падения Второго Восточно-тюркского каганата (744 г.) с авторским анализом исторических сведений ([Цэнь Чжун-мянь](#) 1958а). В том же 1958 г., отдельным изданием вышли аналогичные материалы по истории западных тюрков ([Цэнь Чжун-мянь](#) 1958б). Оба сборника Цэнь Чжун-мяня представляют большую ценность для изучения истории древнетюркских каганатов VII-VIII вв. Большим событием в изучении китайских источников по истории монголоязычных киданей стало издание книги К. Витфогеля и Фэн Цзя-шэна “История китайского общества Ляо (907-1125)” ([Wittfogel-Feng Chia-sheng](#) 1949).

Работа по переводу китайских сведений о древних насельниках Центральной Азии проводилась и в Советском Союзе. В 1961 г. была опубликована работа Н.В. Кюнера “Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока” ([Кюнер](#) 1961). Эту книгу можно рассматривать как дополнение к переводам Н.Я. Бичурина, поскольку в ней впервые увидели свет многие китайские тексты, не вошедшие в книгу русского китаевода. В позднесоветское время учеными СССР проводилась интенсивная работа по созданию новых переводов китайских текстов о древних народах Центральной Азии в соответствии с уровнем исторической науки того времени. Были изданы “Исторические записки” Сыма Цяня в переводе Р.В. Вяткина, “Мэн-да бэй-лу” (“Полное описание монголо-татар”) в переводе Н. Мункуева ([Мункуев](#) 1975), китайские сведения о распаде Уйгурского каганата в переводе А.Г. Малявкина ([Малявкин](#) 1974). Труд А.Г. Малявкина стал продолжением переводов и исследований по истории Уйгурского каганата, выполненных ранее австралийским синологом Колином Макеррасом ([Mackerras](#) 1972), европейскими учеными Дж. Хамильтоном ([Hamilton](#) 1955) и Э. Пинкс ([Pinks](#) 1968). В конце XX в. эта работа была продолжена американским ученым М. Дромппом и казахстанским историком А. Камаловым, труды которых вышли в свет в начале следующего века ([Drompp](#) 2005; [Камалов](#) 2001).

Большим событием в изучении китайских источников по истории Внутренней Азии стало издание четырех томов “Материалов по истории кочевых народов в Китае в III-V вв.” в переводе В.С. Таскина, начавшееся в 1989 г. и завершившееся в 2012 г. ([Таскин](#) 1968; [Таскин](#) 1984; [Таскин](#) 1989; [Таскин](#) 1991; [Таскин](#) 1992; [Таскин](#) 2012). Отдельные главы сочинения “Тан хуэйяо” (“Свод важнейших событий династии Тан”) издал казахстанский китаевед Ю.С. Зуев ([Зуев](#) 1960), сведения о кыргызах опубликовала в Кыргызстане Л.П. Супруненко ([Супруненко](#) 1974). Китайские известия по истории тюркских народов в Юаньской династии были использованы в исследованиях Игор де Рахевилц ([Rachewiltz](#) 1983; [Rachewiltz](#) 2004), Александра Кадырбаева ([Кадырбаев](#) 1990) и Майкла Броузи ([Brose](#) 2007).

Особо следует отметить переводы китайских текстов, касающиеся истории Казахстана в монгольскую и пост-монгольскую эпохи, а именно анналы правления ханов Угедея, Гуюка и Менгу на немецкий язык Абрамовским на немецкий ([Abramowski](#) 1976; [Abramowski](#) 1979). Отдельные повествования из “Юань ши” (История династии Юань) изданы Е.И. Кычановым и Р.П. Храпачевским. Е.И. Кычанов опубликовал сообщения о Золотой Орде из “Юань ши” ([Кычанов](#) 2001; [Atwood](#) 2017). Р.П. Храпачевскому принадлежит издание сведений о Хубилае и Золотой Орде ([Храпачевский](#) 2009; [Храпачевский](#) 2019). Некоторые материалы по ранней истории Казахстана были изданы в Алматы в рамках государственного проекта “Культурное наследие” (Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері 2005; 2006; [Тулибаева](#) 2026).

Несмотря на большой интерес синологов к китайским источникам по ранней

истории Казахстана и значительные усилия по введению их в научный оборот, они все еще остаются недостаточно изученными. Данное исследование призвано восполнить пробел в осмыслении значения китайских известий по истории Казахстана, пониманию особенностей китайской историографии, характера и специфики информации.

Результаты

Изучение китайских сведений о древних тюрках показало, что объем и характер информации в сочинениях отличались в зависимости от конкретных исторических периодов. Повествования о тюркских племенах, государственных образованиях в степи переходили из одного китайского сочинения в другое, дополнялись, корректировались, и их совокупность составляет сейчас корпус китайских сведений о тюрках.

Происхождение тюрков китайские историографы возводили к азиатским гуннам, которые представляли конгломерат тюркских, монгольских и маньчжурских народов. Самыми ранними считаются китайские сведения о тюркских племенах “теле” (тюрк. *тегрэг*~высокотележники) или “гаочэ”, которые появились на исторической арене в IV в., намного раньше, чем көк-тюрки. Предками теле (тегрэг) были легендарные динлины, которые жили во времена азиатских гуннов. Самые ранние китайские источники указывают, что динлины обитали в окрестностях озера Байкал, но уже в III в. они распространились до западной части Великой евразийской степи. Об этом сообщается в сочинении “Вэй люэ” (Состояние Вэй) эпохи Троецарствия (220-280 гг.), согласно которому к северу от страны Кангюй (Канцзюй) находилась страна под названием “Западный динлин”. Месторасположение этого государства до сих пор является предметом научных споров. Учитывая, что государство Кангюй располагалось вдоль реки Сырдарья, древнюю обитель “западных динлинов” следует искать в регионе между Аральским морем и озером Балхаш. Во всяком случае, когда в Китае к правлению пришла династия Суй, телеские племена, которые идентифицируются как “огузские”, “продолжили свое распространение на землях к востоку от Сихая” (т.е. к востоку от Каспия). Отдельные повествования и разрозненные сведения об телеских (огузских) племенах сохранились во всех ранних династийных историях. Именно в эпоху северных и южных династий в Китае стали назначаться специальные должностные лица, ответственные за написание истории. Число таких чиновников увеличивалось, соответственно в исторические тексты стало вноситься больше объяснений и дополнений, первоначальные источники которых были утеряны. К таковым относятся сведения о народе алан (III в.), сохранившиеся в комментариях историка Чэн Шоу.

Наиболее детальные сведения о тюркских племенах были зафиксированы во время существования династий Суй, Тан и “пяти династий и десяти царств” – эпохи, совпавшей с расцветом древнетюркских каганатов. Существует несколько причин появления большого массива сведений о тюрках в это время: 1) тюркские каганаты стали одним из важных акторов международных отношений на обширной территории Евразии, в связи с чем сбор информации о событиях в степи, о хозяйстве тюркских племен, о социальных отношениях, о языке, обычаях и традициях тюрков, их географическом расположении, политической жизни в тюркском обществе, о функционировании аппарата власти стал важнейшей задачей для имперских ведомств; стремление держать под контролем соседние народы и влиять на ситуацию в степи способствовало накоплению информации о политических конкурентах Китая за пределами страны; 2)

накоплению сведений о тюркских племенах способствовало регулярное переселение кочевых народов в пределы Срединного государства; 3) интерес к событиям в чужеземных странах, как ближних, так и удаленных от Китая, был также следствием интенсивной караванной торговли по Великому Шелковому пути, соединявшему Поднебесную империю с Европой и Малой Азией.

Центральное место среди китайских источников по тюркской истории занимают истории домов Чжоу, Вэй, Суй, Тан и эпохи пяти династий. В них изложение истории китайского государства, в сравнении с ранними образцами династийных историй, стало более точным и детальным, чему способствовало усовершенствование работы историографической комиссии. Основная часть материалов династийных историй составлялась из исторических документов и сведений, собранных специальными учреждениями при императорском дворе.

Можно выделить две особенности китайской историографии эпохи существования объединенных империй Суй и Тан: а) появились новые жанры исторической литературы; б) значительное развитие получили сочинения географического и краеведческого характера. Так, в суйском Китае чиновник по имени Пэй Цзюй (547-627 гг.), занимавшийся торговыми связями с народами Западного края (Средняя Азия), написал сочинение под названием “Сиюй туцзи” (“Описание Западного края”). Оно состояло из трех глав и содержало карты с описанием Западного края. После прихода к власти династии Тан стало обязательным регулярно представлять императорскому двору карты вновь открытых земель. В это же время была учреждена должность, в обязанности которой входили встреча иностранных гостей, изучение состояния дел в других странах, составление карты их земель и создание портретных изображений иноземцев.

Как было отмечено выше, особенностью китайских сведений о соседних народах является точная датировка описываемых событий, что было связано с традицией регистрации событий бюрократическими учреждениями, например, ведомством, отвечавшим за прием и размещение иностранных посольств (кит. Хунлусы). Характер информации об иноземцах, будь она зафиксирована чиновниками государственных учреждений или добыта посланниками, путешественниками, лазутчиками и другими индивидами, определялся, прежде всего, интересами китайского государства. Поэтому основной массив китайских известий об иноземцах относится к истории их военно-политических, экономических и дипломатических отношений со Срединным государством. Прагматические цели осуществления успешных военных операций против иноземных народов, покорения и управления их землями, независимо от того, на каком удалении они находились от китайской границы, делали важными сведения о географических и климатических условиях мест проживания этих народов (ландшафт, природные условия, дороги, расстояния между населенными пунктами и т.д.). Интересом к военно-политической ситуации у соседних народов объясняется фиксация сведений об их правителях, взаимоотношениях между разными группировками аристократии и борьбе за верховную власть, политических событиях и социальной структуре общества. Другие аспекты внутренней жизни иноземцев были менее значимы для китайской администрации и не получали должного отражения в сочинениях.

Особенностью подачи материала в китайских сочинениях следует считать то, что их авторы старались избегать повторений при изложении информации (Таскин 1984: 13-14). Вместе с тем, историографы демонстрировали преемственность между сочинениями, написанными в разные эпохи: они включали тексты из предыдущих

повествований в новое сочинение, иногда в дословном виде, но зачастую в несколько измененном изложении. Текстуальные сходства сочинений разных эпох объяснялись использованием одного и того же источника информации. Обилие же использованных источников информации также обусловило встречающиеся в китайских сочинениях разночтения, разнописи и описки (Малявкин 1981: 26).

Подбор информации о тюрках в китайских сочинениях и ее интерпретация характеризовались тенденциозностью, обусловленной имперскими представлениями о мироустройстве, согласно которым мир состоял из Китая (Срединного государства) и всей остальной, являвшейся периферией мира. Китай считался единственной цивилизацией во всей Вселенной, а народы, населявшие периферию, рассматривались как дикие “варвары”. Китайский император имел небесное происхождение и назывался “Сыном Неба” (*кит.* Тяньцзы), обладал сакральным статусом и владел небесным мандатом на правление миром. Его функции мыслились как мироустроительные: император был призван обеспечить порядок и гармонию в отношениях между Китаем и остальной частью мира и влияние Срединного государства на “варваров” четырех сторон света, постепенно вовлекая их в лоно китайской цивилизации. Гармония в отношениях между двумя частями мира поддерживалась регулярными приездами посланников иноземцев ко двору китайского императора с подношением дани в виде местных продуктов. Прекращение приезда послов с данью от какого-либо народа свидетельствовало о его выходе из подчинения Срединного государства и тем самым нарушало установленную гармонию. В этом случае, китайскому императору надлежало при помощи армии вернуть “заблудших” подданных под свой контроль и восстановить предначертанный Небом мировой порядок. Если император не был в состоянии умиротворить мятеж иноземных подданных, Небо могло лишить его мандата на правление, и тогда наступал закат правящего дома, а мандат передавался другому лидеру, способному восстановить предначертанную Небесами гармонию во взаимоотношениях между Китаем и “варварами”. В такой ситуации к власти в стране приходила новая династия.

Во внешнеполитической концепции Китая превосходство китайцев над остальными народами и странами представлялось абсолютным. Такое понимание места иноземных народов в мироздании определяло подбор информации о них в китайских сочинениях и интерпретацию исторических событий и процессов: любое посольство из чужеземной страны рассматривалось китайскими чиновниками и историографами как “данническая” миссия, прибывшая для признания своей вассальной зависимости от китайского императора и получения от него мандата на управление в своей стране. Тем самым, в категорию даннических посольств записывалась любая торговая миссия иноземцев, поэтому зачастую бывает трудно отделить в текстах настоящие “даннические” посольства от обычных торговых миссий. Это хорошо иллюстрируется сведениями об обмене китайского шелка на лошадей, которыми славились кочевые народы: торговые посланники тюркских народов привозили в качестве “дани” тысячи лошадей, за что императорский двор одаривал их значительным количеством шелковой ткани, которая преподносилась как ответный дар. Чрезвычайно развитая терминология имперских представлений о мироздании встраивала любую информацию об иноземцах в общую картину асимметрических отношений между Китаем и другим народами. Имперская внешнеполитическая концепция не допускала равноправных отношений с другими странами и народами, который для Китая были “варварами”, являвшимися внешне людьми, но животными по своей сути: даже когда Китай был вынужден заключать

договор с более могущественными соседями, его условия передавались в имперской терминологии, отражавшей превосходство Срединного государства над другими странами.

Имперскую сущность политики Китая понимали мудрые правители тюрков. Так, Кюльтегин предостерегал свой народ от опасности, которую для него представлял Китай. Оценка политики табгачей, т.е. китайцев, чья сладкая речь ведет к гибели тюркского народа, может быть применена и к китайской историографии, встраивавшей историю тюркских народов в китаецентрическую картину мироздания, в которой эти народы как подданные Поднебесной империи неизбежно должны были принять китайскую цивилизацию.

Обсуждение

Самое раннее связное повествование о тюрках-туцзюэ (көк-түрк) появилось в “Чжоу шу” (История династии [Северная] Чжоу), составленной группой историков во главе с Лин-ху Дэ-фэнь (583-566 гг.). Повествование начиналось с характеристики тюрков как “отдельного рода” гуннов, рассказа о появлении царского рода “Ашина” и включало описание кочевого образа жизни тюрков. В “Чжоу шу” приводятся две генеалогические легенды о происхождении Ашина от брака мальчика и волчицы, которые несколько расходятся в деталях. Обелегены говорят о гибели племени тюрков, о бегстве оставшихся в живых, о первоначальном десятиродовом составе племен, о принятии родом Ашина (Асянь) наименования “түрк”. Исторически достоверная часть информации “Чжоу шу” начинается со времени пребывания тюрков под властью жуань-жуаней (жужань) и в основном касается их взаимоотношений с династией Северная Чжоу (557-781 гг.). Эти сведения о тюрках и других родственных им племенах повторяются и дополняются в “Вэй шу” (“История династии Вэй”, 386-558 гг.), составленной Вэй Шоу и другими историками во второй конце VI в. (Вэй шу 1958). В “Вэй шу” заслуживает внимания повествование о “гаогюй” (или “гаочэ”), предках огузских (телеских) племен.

В “Суй шу” (“История династии Суй”), объединившей царства на территории Китая в единую империю в 581-618 гг., также воспроизводится повествование о көк-тюрках из предыдущего сочинения “Чжоу шу”. Текст включает сведения о тюрках в правление династии Суй (581-618 гг.). В “Суй шу”, наряду с повествованием о көк-тюрках, впервые появляются подробные сведения об огузах (теле). Сведения о көк-тюрках и огузах, вошедшие в вышеуказанные исторические сочинения, с некоторыми дополнениями и поправками были изложены в заново составленных в конце VI – начале VII вв. сочинениях “Бэй ши” и “Нань ши”, представлявшие собой сочинения об истории соответственно северных и южных династий.

Более подробные сведения о тюркских племенах представлены в двух танских династийных историях – “Цзю Тан шу” (“Старая история династии Тан”) и “Синь Тан шу” (“Новая история династии Тан”), которые отразили историю трехсотлетнего существования Танской империи (618-907 гг.) (Цзю Тан шу 1936; Синь Тан шу 1986). Сохраняя повествования о көк-тюрках и огузах, авторы танских династийных историй вывели в отдельные повествования рассказы об отдельных огузских племенах (сеяньто, уйгуры, бугу, байырку и др.), а также о кыргызах, карлуках, тюрках-шато и др. (Ахметжан 2026; Сураганова 2026) В отдельном развернутом повествовании представлена история уйгуров (Gardiner 1973). Появление сведений о других тюркоязычных племенах отражало политические изменения в степи, связанные с ослаблением и в конечном

счете падением власти көк-тюрков и ростом влияния огузов (теле).

Если образцовые истории являлись единственным жанром китайской историографии в эпоху северных и южных династий и империи Суй, с приходом к власти дома Тан появились другие жанры сочинений историко-географического характера (Wang Gungwu 1973). Так, важным источником по истории древнетюркской эпохи стал свод важнейших событий династии Тан под названием “Тан хуэйяо”, написанный в 961 г. Ван Пу и другими историками (Тан хуэйяо 1955). “Хуэйяо” был особым типом “исторической компилятивной работы, раскрывшей суть системы управления” (Вельгус 1987: 239). “Свод” были основаны на тех же материалах, что и династийные истории, но включали много дополнительной информации. “Тан хуэйяо” состоял из ста глав, последние семь из которых были рассказами о чужеземных народах, в том числе тюрках и огузах. В “Тан хуэйяо” встречаются уникальные сведения, как, например, сведения о тамгах (знаках собственности) лошадей, поставлявшихся в Китай тюркскими племенами (Тан хуэйяо 1955, гл. 72: 1305-1308). Большой интерес вызывает список токуз-огузских племен, который, по мнению Х. Тору и Э. Пуллиблэнк, является более достоверным в отличие от других имеющихся списков (Pulleyblank 1956: 35-42).

Важным источником для изучения истории древнетюркских племен и государств является сочинение сунского историка Сыма Гуана “Цзычжи тунцзянь” (“Всеобщее зеркало, помогающее управлению”, 1084 г.). Это сочинение относится к жанру анналов, которые излагают историю Китая с древних времен в хронологической последовательности времен (Цзычжи тунцзянь 1956; Pulleyblank 1961: 153-155; Флуг 1959). Текст “Цзычжи тунцзянь” лег в основу нескольких других производных от него сочинений, излагающих информацию в разных формах и с комментариями.

В начале танской эпохи стали составляться всеобщие истории Китая, которые не ограничивались историей одной династии. В 801 г. Ду Ю составил “Тун дян” (“Всеобщее обозрение”), которое повествовало об истории Китая со времен легендарных правителей до середины VIII в. В сочинении содержатся ценные сведения о периоде распада Первого Восточно-тюркского каганата и установления в степи господства сиров (сеяньто) в 630-646 гг. “Тун дян” послужило образцом для энциклопедий, объединенных в категорию “лэйшу”. Лэйшу, по определению известного российского китаевода Л.Н. Меньшикова, представляло собой “собрание подлинных текстов источников, классифицированных по темам” (Меньшиков 1988: 220). Жанр энциклопедии получил развитие в сунскую эпоху (960-1279 гг.). Наибольшую известность получила энциклопедия “Цэфу юаньгуй” (“Сокровищница древней мудрости” или “Большая черепаха”), написанная в 1013 г. Ван Циньжо и другими историками (Цэфу юаньгуй 1936). В “Цэфу юаньгуй” содержится немало оригинальных сведений о торговых и дипломатических отношениях Китая с тюрками, о титулах правителей Тюркского и Уйгурского каганатов и др.

Аналогичные тексты о көк-тюрках, токуз-огузах (уйгурах), кыргызах и других тюркских племенах содержатся в других энциклопедиях, таких как “Тайпин хуань юйцзи” (“Описание Вселенной в годы Тайпин”) Юэ Ши (X в.), “Тун чжи” Чжэн Цяо (XII вв.) и “Вэньсянь тункао” (“Сводное исследование письменных памятников”) Ма Дуань-линя (XIII-XIV вв.). Эти сочинения воспроизводят повествования предыдущих источников, но отличаются деталями в рассказах.

Говоря об особенностях источников танского периода, следует отметить значительное увеличение в них объема информации о көк-тюрках и других тюркоязычных племенах, что объяснялось внешнеполитической активностью Китая и расширением танской

экспансии в северном и западном направлениях. Крайне западной точкой, до которой дошли китайские войска на западе был Талас, где в 751 г. состоялась известное сражение с арабами. Боевые подразделения кочевников принимали активное участие в походах танской армии в соседние страны. Сведения танских источников позволяют проследить смену власти в степи, упадок одних и появление новых политических образований, подъем и распад степных империй көк-тюрок и других племен. В танских сочинениях можно заметить фрагментацию сведений о тюркских племенах. Кроме известий о көк-тюрях и созданных ими каганатах, танские источники стали подробно фиксировать сведения об огузских племенах, восточная ветвь которых выделилась в отдельную токуз-огузскую группу во главе с сирами (а позже – уйгурами), о карлуках, басмылах, тюргешах, кыргызах и др.

Политические процессы в степи отразились в репертуаре специальных “повествований” о тюркских народах, которым принадлежала верховная власть на соседних с Китаем территориях. Если в “Суй шу”, кроме повествования о көк-тюрях, впервые появилось “Повествование о теле (огузах)”, то сочинения танской эпохи подробно рассказывают даже об отдельных огузских племенах, что отразило усиление огузских племен в степи. При этом тексты о двух самых крупных из огузских племен – сирах и уйгурах – являются развернутыми, а рассказы о других подразделениях выделены в краткие повествования. Небольшие повествования имеются о карлуках и басмылах, которые акцентируют внимание на их участии в борьбе за власть в Восточно-тюркском каганате в 742-744 гг. Повествование о кыргызах является более развернутым, но заканчивается упоминанием о прибытии четырех даннических посольств кыргызов ко двору танского императора Сюаньцзуна (712-756 гг.). Выделение китайскими историографами в отдельные “Повествования” рассказов о тюркских племенах отражало борьбу за власть, которая переходила от көк-тюрок к сирам, от сиров к көк-тюрям, от последних – к уйгурам, а позже – к енисейским кыргызам. Сведения о западных тюрках, тюргешах и других племенах, имевших важное значение для истории Казахстана, разбросаны по разным разделам танских сочинений.

Помимо официальных китайских сочинений, важными источниками по ранней истории Казахстана являются произведения, написанные вне деятельности историографических комиссий. Так, события, связанные с переселением тюрок в Китай в последние годы существования Восточно-тюркского каганата, получили отражение в эпитафиях Кан-а и Кюль-таркана и Ван Чжунсы ([Янь Лугун вэньцзи](#) 1956, гл. 9, л. 7а-10а; [Цэнь Чжунмянь](#) 1958а: 850-854). К этой группе сочинений относятся семейные хроники танского министра Ли Би, военачальника Го Цзы-и, которые дошли до нас во фрагментах ([Mackerras](#) 1972: 203-205).

Взаимоотношения Китая с көк-тюрями и огузами получили отражение в творчестве известных танских поэтов Ли Бо (701-762 гг.), Ду Фу (712-770 гг.) и Бо Цзюй-и (772-846 гг.). Ду Фу был свидетелем восстания тюрко-согдийского генерала Ань Лушаня (755-762 гг.) и описал в своих произведениях трудные времена гражданской войны в Китае ([Камалов](#) 2017: 323-330). Ли Бо родился в Суябе, на территории Западно-тюркского каганата, и также писал об отношениях Китая с местными народами Центральной Азии. В произведениях Бо Цзюй-и получила отражение политика танского двора в отношении северных кочевников в начале IX в., в особенности торгового обмена шелка на лошадей (Бо ши чан цин цзи 1955). Сведения, касающиеся взаимоотношений танского двора с тюрками, встречаются также в китайских рукописях из Дуньхуана и Турфана ([Мориясу](#)

1973: 77-78).

Особо следует сказать о китайских эпиграфических текстах, посвященных знатым тюркским и согдийским вождям. Современный китайский историк Ху Хун сообщает о двадцати китайских эпитафиях, написанных в 647-766 гг. в честь вождей тюрков и огузов (Ху Хун 2013: 490-492). Многие эпитафийные тексты на китайском языке созданы на территории Китая, однако имеются и надгробные тексты из захоронений в Монголии (Камалов 2017: 92-95). К этой категории китайских источников также относятся камнеписные тексты в честь тюркских и уйгурских каганов, в частности, Карабалгасунская тюрко-согдийско-китайская трилингва 821 года. Большой интерес представляют письма и доклады трону танского министра Ли Дэ-юя (787-850 гг.) о ситуации в приграничных областях в связи с политическими коллизиями в степи в 840-848 гг.

В середине IX в. возникает новая геополитическая ситуация в степи, в которой на место могущественных древнетюркских империй приходят другие государства с ограниченными территориальными, экономическими и политическими ресурсами. Аналогичные процессы охватывают Китай, где с распадом Танской империи наступает период раздробленности, известный как “эпоха пяти династий и десяти царств” (907-960 гг.). С этого времени государства, возникавшие на территории Китая, поддерживали отношения с тюркскими народами и государствами формально, находясь в большом удалении от них. Даже империя Сун, объединившая страну в 960 г., занимала ограниченную территорию и перестала играть сколько-либо значимую роль в международных отношениях, а ее отношения с отдаленными тюркскими государствами носили фрагментарный и номинальный характер. Так, отношения Караханидского государства, возникшего в середине IX в., с государствами на территории Китая ограничивались редкими посольствами. В таких условиях, китайские историографы регистрировали контакты Китая только с тюрками, жившими в непосредственной близости от его границ.

Период существования Сунской империи в Китае (960-1279 гг.) ознаменовался возникновением по соседству с ней государств киданей и чжурчжэней. Монголоязычные кидани создали империю Ляо в Маньчжурии в 907 г. и позже смогли поставить под контроль Китай. Чуть позже, в 1115 г. на землях северного Китая и Дальнего Востока чжурчжэни провозгласили создание империи Цзинь. Киданьская империя Ляо пала в 1125 г. под ударами чжурчжэней, а остатки киданей во главе с правящим родом Елюй бежали в Семиречье и прилегающие к нему земли, где создали государство кара-киданей, известное как “Западное Ляо” (кит. Силяо). Чжурчжэни также открыли войну против Сунской династии, вытеснив ее из Северного Китая: с 1127 г. существовала только Южная Сунская династия. В последующем развитии событий большую роль сыграли монголы, вторжения которых в 1234 г. положили конец чжурчжэньскому государству. Завоевание монголами сунского Китая в 1280 г. привело к созданию монгольской династии Юань.

История правления указанных выше империй на территории Китая, Маньчжурии и Дальнего Востока нашла отражение в соответствующих образцовых историях “Сун ши”, “Ляо ши” и “Цзинь ши”, составленных в 1344-1345 гг. историографической Комиссией во главе с монголом Токто. Эти сочинения являются ценными источниками для истории многих тюркских племен, вошедших в состав казахского народа, в том числе джалаилов, найманов, киреитов, карлуков, аргынов, онгутов и уйгуров. Сведения этих сочинений имеют важное значение для реконструкции истории каракитаев и их государства в юго-восточной части Казахстана.

Одним из ключевых источников по Монгольской империи и ранней истории Улуса

Джучи является сочинение “Шэн-у цинь-чжэнлу” (“Описание личных походов священо-воинственного государя”). В 1270-е гг. при дворе Хубилай-хана был составлен один из первых монгольских официальных исторических текстов под названием “Тайцзу шилу” (“Истинная летопись Тайцзу (Чингиз-хана)”) и представлен хану в 1287 году. В начале XIV в. “Истинная летопись” была объединена с “Истинной летописью Угедея” для создания единого повествования о Монгольской империи. При объединении оба текста были сокращены. Новый текст стал известен как “Шэн-у цинь-чжэнлу”. Позже текст “Истинной летописи Чингиз-хана” попал в Иран и в виде персидского перевода стал известен историку Рашид ад-Дину, который использовал сведения летописи при составлении сочинения “Джами ат-таварих” (“Сборник летописей”). Это привело к текстуальному сходству между рядом сюжетов, связанных с Чингиз-ханом, у Рашид ад-Дина, в “Шэн-у цинь-чжэнлу” и в “Юань ши” (“Истории династии Юань”). “Истинная летопись Чингиз-хана” стала одним из основных источников, без которого невозможно понять многие сообщения Рашид ад-Дина. Единственным полным переводом этого сочинения на европейские языки остается русский перевод П.И. Кафарова, опубликованный в 1866 г. и считающийся в настоящее время устаревшим и нуждающимся в пересмотре (Кафаров 1866). Перевод на французский язык сочинения готовил П. Пельо, который успел перевести и прокомментировать только часть текста памятника до событий 1204 года (Pelliot-Hambis 1951). Востоковед не успел перевести описание событий первых четырех десятилетий XIII в., напрямую связанных с историей Улуса Джучи.

Нельзя переоценить значение “Юань ши” (“История династии Юань”) для изучения истории Золотой Орды. Она была составлена в 1369-1370 гг. по приказу Чжу Юань-чжана, первого императора династии Мин, пришедшей к власти после свержения правления монголов в Китае. “Юань ши” содержит хронологические генеалогические таблицы династии чингизидов, описание разных областей жизни, администрации государства, начиная с периода правления Чингисхана до последнего императора Юань, а также сведения о других народах Великой степи. В разделе “Жизнеописания” традиционно представлены биографии всех выдающихся деятелей Монгольской империи. Записки Чжао Хуна, стали составной частью другого важного источника по истории Монгольской империи – сочинения “Мэн-да бэй-лу” (“Записки о монголо-татарах”). Это сочинение имеет значение для понимания предыстории Улусу Джучи и других государств постмонгольского периода в истории Казахстана.

Заключение

Китайские известия являются важнейшим источником по ранней истории Казахстана. Они позволяют реконструировать разные этапы жизни древнетюркских племен и политическую историю созданных ими государств. Китайские источники имеют исключительное значение в реконструкции политической истории древнетюркских государств, включая Первый Тюркский каганат, два Восточно-тюркских каганата, Западно-тюркский, Тюркешский, Карлукский, Уйгурский, Кыргызский каганаты. Они донесли до нас информацию о расселении көк-тюрков и других тюркских племен Внутренней Азии, легенды о происхождении правящего клана көк-тюрков – Ашина, сведения о генеалогии правителей, о внутренних событиях в обществе тех или иных тюркских племен, в особенности, об их взаимоотношениях с Китаем. Особую ценность представляют известия о родоплеменном составе көк-тюрков, тюркешей, огузов,

карлуков, кыргызов. Учитывая, что созданные самими тюрками письменные памятники относятся в основном к небольшому временному отрезку периода существования Второго Восточно-тюркского каганата и Уйгурского каганата (исключение составляет Бугутская надпись Первого Тюркского каганата), для реконструкции истории древнетюркской эпохи исключительное значение имеют китайские сочинения. Критический подход при оценке и интерпретации китайских сведений позволяет избежать китаецентрических представлений об историческом прошлом и в полной мере использовать их для воссоздания различных аспектов ранней истории Казахстана. Вряд ли можно переоценить значение китайских источников для изучения монгольского периода в истории Казахстана, для реконструкции которого они открывают чрезвычайно широкие перспективы.

Acknowledgments

The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Алғыс

Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Список литературы

- Abramowski W. The Chinese Annals of Ögödei and Güyük. Translation of Chapter 2 of the Yuán Shǐ. *Central Asian Studies*. 1976. No.10, pp.117–167.
- Abramowski W. The Chinese Annals of Möngke. Translation of Chapter 3 of the Yuán Shǐ. *Central Asian Studies*. 1979. No.13, pp.8-71.
- Atwood C. The Indictment of Ong Qa'an: The Earliest Reconstructable Mongolian Source on the Rise of Chinggis Khan. *Historical and Philological Studies of China's Western Regions*. 2017. No.9, pp.267-302.
- Bo shi chang qing ji* (Collection of works by Bo Ju-yi). Beijing. 1955. Ch.4, part 1.
- Bretshneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources: Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to 17th century*. Vol.I. London. 1910. 352 p.
- Brose M. *Subjects and Masters: Uyghurs in the Mongol Empire*. Bellingham: Western Washington University. 2007. 348 p.
- Chavannes E. Documents on the Western Tou-kiue (Turks). Collection of works of the Orkhon Expedition. Vyp. VI. Sankt-Peterburg. 1903. 378 p.
- Deguines J. *A General History of the Huns, the Turks, the Mongols, and the Other Western Tartars*. Vol.1-2. Paris. 1756. 643 p.
- Drompp M. *Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A documentary history*. Leiden-Boston: Brill. 2005. 366 p.
- Gardiner K.H.J. *Standard Histories, Han to Sui*. In: *Essays on the Sources for Chinese History*. Canberra: Australian National University Press. 1973. Pp.42-52.
- Hamilton J. *The Uighurs during the Five Dynasties Period according to Chinese Documents*. Paris. 1955. 201 p.
- Liu Mau-tsai. The Chinese Reports on the History of the Eastern Turks (T'u-kue). Göttingen Asiatische.

- Forschungen. Wiesbaden, 1958. Book I, 484 pp.; Book II. Pp.485-829.
- Mackerras C. *The Uighur Empire According to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744-840*. Canberra: Australian National University Press. 1972. 226 p.
- Pelliot P., Hambis L. *Histoire des campagnes de Gengis Khan*. Cheng-wouts'in-tchenglou. Leiden. 1951. 489 p.
- Pinks E. *The Uighurs of Kanchou in the Early Song Period (960–1028)*. Asiatische Forschungen. Vol. XXIV. Wiesbaden. 1968. 226 p.
- Pulleyblank E.G. Some Remarks on the Toquz-oyuz problem. *Ural-Altaic Yearbooks*. 1956. Vol. XXVIII, no.1-2, pp.35-42.
- Pulleyblank E.G. Chinese Historical criticism: Liu Chih-chi und Ssu-ma Kuang. In: *Historians of China and Japan*. Ed. By W.Q. Beasley and E.Q. Pulleyblank. London-New-York-Toronto: Oxford University Press. 1961. Pp.135-166.
- Rachewiltz I. de. Turks in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries. In: *China Among Equals*. Ed. by Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press. 1983. Pp.281-310.
- Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols: a Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Brill's Inner Asian Library. Vol. I-II. Leiden: E.J. Brill. 2004. 1347 p.
- Tang huiyao (Compendium of the most important events of the Tang Dynasty)*. Comp. by Wang Pu. Beijing: Zhonghua shuju. 1955.
- Visdelou C. de. *Histoire abrégée de la Tartarie*. Bibliotheque Orientale 4. Le Haye. 1799. Vol.I. 201 p.; Vol. II. 228 p.
- Wang Gungwu. Some Comments on the Later Standard Histories. In: *Essays on the Sources for Chinese History*. Canberra: Australian National University Press. 1973. Pp.53-63.
- Wittfogel K., Feng Chia-sheng. *History of Chinese Society Liao (907-1125)*. Philadelphia: Machmillan. 1949. 702 p.
- Ахметжан К. Древнетюркское боевое знамя “урунгу”. *Gumilyov Journal of History*. 2026. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-1>
- Бичурин Н. (Иакинф) *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии*. В 3 частях. Том 1. Санкт-Петербург. 1851. 484 с.
- Вельгус В. *Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе*. Москва: Главная редакция восточной литературы. 1987. 204 с.
- Вэй шу* (История династии Вэй). Сост. Вэй Шоу. Бэйцзин: серия “Бо-на”. 1958.
- Зуев Ю. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII-X вв. Танхуэйяо, т. III, 72, стр. 1305-1308). *Труды Института истории, археологии и этнографии Ан КазССР*. 1960. Т.8, сс.93-140.
- Кадырбаев А. *Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв.* Алма-Ата: Ғылым. 1990. 160 с.
- Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері*. Том 4. Династийно-исторические летописи. Часть 2. Перевод с китайского языка, пояснения и комментарий Б. Еженханулы, Ж. Ошан. Алматы: Дайк-Пресс. 2006. 480 с.
- Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері*. Том 5. Династийно-исторические летописи. Часть 3. Перевод источников с китайского языка, комментарии примечания Б. Еженханулы, Ж. Ошан. Алматы: Дайк-пресс. 2005. 256 с.
- Камалов А. *Древние уйгуры VIII-IX вв.* Алматы: Наш мир. 2001. 217 с.
- Камалов А. *Тюрки и иранцы в Танской империи*. Алматы: Мир. 2017. 384 с.
- Кафаров П.И. Старинное Монгольское сказание о Чингисхане. Перевод с китайского, с примечаниями

- ниями, Архимандрита Палладия. В: *Труды членовъ Российской Духовной Миссии в Пекине*. Томъ IV. С.-Петербургъ. В типографии В. Безобразова и Комп. 1866. С.150-203.
- Кычанов Е.И. Сведения из "Истории династии Юань" ("Юань ши") о Золотой Орде. В: *Источниково-ведение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556*. Казань: Ин-т истории АН РТ. 2001. С.30-42.
- Кюнёр Н. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. Москва: Наука. 1961. 587 с.
- Малявкин А. *Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв.* Новосибирск: Наука. 1974. 210 с.
- Малявкин А. *Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования)*. Новосибирск: Сибирское отделение "Науки". 1981. 337 с.
- Меньшиков Л. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. В: *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Книга вторая. Москва: Наука. 1988. С.103-222.
- Мориясу Т. *Уйгуру до Тибето но хокутай содансэн оеби соно ата но Сэйики дзе сэй ни цуитэ* (Война уйгуров с Тибетом за Бэйтин и последующее положение в Западном крае). *Тойо гакухо*. 1973. Т.55, no.4, pp.60-87.
- Мункуев Н. *Мэн-да бэй-лу* (Полное описание монголо-татар). Москва: Наука. 1975. 286 с.
- Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Сост. Оу Янсю. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй. 1986.
- Сураганова З., Бурбаева С., Толегенулы К. Средневековое городище Бозок: от культового центра к культурному манифесту степной Евразии. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.155, no.2, pp.13-33. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2026-154-1-13-33>
- Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. В: *История и культура Китая*. Москва: Наука. 1974. С.236-248.
- Таскин В.С. *Материалы по истории сюнну* (по китайским источникам). Вып. I. Москва: Наука. 1968. 176 с.
- Таскин В.С. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Москва: Наука. 1984. 486 с.
- Таскин В.С. (пер.) *Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.* В 4 вып.: Вып. 1. Сюнну. Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Москва: Наука. 1989. 288 с.
- Таскин В.С. (пер.) *Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.* В 4 вып.: Вып. 2. Цзе. Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Москва: Наука. 1991. 256 с.
- Таскин В.С. (пер.) *Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.* В 4 вып.: Вып. 3. Мужуны. Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Москва: Наука. 1992. 432 с.
- Таскин В.С. (пер.) *Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.* В 4 вып.: Вып. 4. Ди и цяны. Пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. Москва: Восточная литература. 2012. 496 с.
- Тулибаева Ж. Исторические связи казахов с узбекскими ханствами в XVIII веке по данным сочинений центральноазиатских авторов Нового времени. *Gumilyov Journal of History*, 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194>
- Флуг К.К. *История китайской печатной книги сунской эпохи X-XIII вв.* Москва-Ленинград: Наука. 1959. 399 с.
- Храпачевский Р.П. *Золотая Орда в источниках*. Т.3. Китайские и монгольские источники. Москва: издательство ЦИВОИ. 2009. 336 с.
- Храпачевский Р.П. "Анналы Хубилая", главный источник по истории правления первого императора династии Юань. Москва: издательство ЦИВОИ. 2019. 746 с.
- Ху Хун. Хуэйху гэ чжо ванцзы цзанди чжан ду юань као (Предварительное исследование надписи уйгурского принца Кара чора). *Тан яньцзю*. 2013. No.69, ss.487-497.
- Цзычжи тунцзянь (Всеобщее зеркало, помогающее управлению). Сост. Сыма Гуан. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй. 1956.

- Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Сост. Лю Сюй. Шанхай: серия "Сыбу цункань". 1936.
- Цэнь Чжунмянь. Туцзю цзи ши (Материалы по истории тюрков). Том 1-2. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй. 1958а. 1136 с.
- Цэнь Чжунмянь. Си туцзю цзи ши (Материалы по истории западных тюрков). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй. 1958б. 256 с.
- Цэфу юаньгуй (Сокровищница древней мудрости). Сост. Ван Циньжо. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй. 1936.
- Янь Лугун вэньцзи (Собрание сочинений Янь Чжэньцина). Сост. Янь Чжэньцин. Бэйцзин. 1956. 7а-10а.

References

- Abramowski W. The Chinese Annals of Ögödei and Güyük. Translation of Chapter 2 of the Yuán Shǐ.- *Central Asian Studies*. 1976. No.10, pp.117-167 (in German)
- Abramowski W. The Chinese Annals of Möngke. Translation of Chapter 3 of the Yuán Shǐ.- *Central Asian Studies*. 1979. No.13, pp.8-71 (in German)
- Atwood C. The Indictment of Ong Qa'an: The Earliest Reconstructable Mongolian Source on the Rise of Chinggis Khan. In: *Historical and Philological Studies of China's Western Regions*. 2017. No.9, pp.267-302 (in English)
- Bo shi chang qing ji (Collection of works by Bo Ju-yi). Beijing. 1955. Ch.4, part 1 (in Chinese)
- Bretshneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources: Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to 17th century*. Vol. I. London, 1910. 352 p. (in English)
- Brose M. *Subjects and Masters: Uyghurs in the Mongol Empire*. Bellingham: Western Washington University. 2007. 348 p. (in English)
- Chavannes E. *Documents on the Western Tou-kiue (Turks)*. Collection of works of the Orkhon Expedition. Vyp. VI. Sankt-Peterburg. 1903. 378 p. (in French)
- Deguines J. *A General History of the Huns, the Turks, the Mongols, and the Other Western Tartars*. Vol.1-2. Paris. 1756. 643 p. (in French)
- Drompp M. *Tang China and the Collapse of the Uighur Empire. A documentary history*. Brill: Leiden-Boston. 2005. 366 p. (in English)
- Gardiner K.H.J. Standard Histories, Han to Sui. In: *Essays on the Sources for Chinese History*. Canberra: Australian National University Press. 1973. Pp.42-52 (in English)
- Hamilton J. *The Uighurs during the Five Dynasties Period according to Chinese Documents*. Paris. 1955. 201 p. (in French)
- Liu Mau-tsai. The Chinese Reports on the History of the Eastern Turks (T'u-kue). Göttingen Asiatische Forschungen. Wiesbaden. 1958. Book I, 484 pp.; Book II. Pp.485-829. (in German)
- Mackerras C. *The Uighur Empire According to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744-840*. Canberra: Australian National University Press. 1972. 226 p. (in English)
- Pinks E. *The Uighurs of Kanchou in the Early Song Period (960-1028)*. Asiatische Forschungen. Vol. XXIV. Wiesbaden. 1968. 226 p. (in German)
- Pelliot P., Hambis L. *Histoire des campagnes de Gengis Khan*. Cheng-wouts'in-tchenglou. Leiden. 1951. 489 p. (in French)
- Pulleyblank E.G. Some Remarks on the Toquz-oyuz problem. *Ural-Altaic Yearbooks*. 1956. Vol. XXVIII, no.1-2, pp.35-42 (in English)

- Pulleyblank E.G. Chinese Historical criticism: Liu Chih-chi und Ssu-ma Kuang. In: *Historians of China and Japan*. Ed. By W.Q. Beasley and E.Q. Pulleyblank. London-New-York-Toronto: Oxford University Press. 1961. Pp.135-166 (in English)
- Rachewiltz I. de. Turks in China under the Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries. In: *China Among Equals*. Ed. by Morris Rossabi. Berkeley: University of California Press. 1983. pp. 281-310 (in English)
- Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols: a Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Brill's Inner Asian Library. I-II vols. Leiden: E.J. Brill. 2004. 1347 p. (in English)
- Tang huiyao* (Compendium of the most important events of the Tang Dynasty). Comp. by Wang Pu. Beijing: Zhonghua shuju. 1955. (in Chinese)
- Visdelou C. de. Histoire abrégée de la Tartarie. Bibliotheque Orientale 4. Le Haye. 1799. Vol.I. 201 p.; Vol. II. 228 p. (in French)
- Wang Gungwu. Some Comments on the Later Standard Histories, In: *Essays on the Sources for Chinese History*. Canberra: Australian National University Press. 1973. Pp.53-63 (in English)
- Wittfogel K. *Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907-1125)*. Philadelphia: Machmillan. 1949. 702 p. (in English)
- Akhmetzhan K. Ancient Turkic Battle Banner "Urungu". *Gumilyov Journal of History*. 2026. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-01.02.2026-1> (in Russian)
- Bichurin N. (Iakinth) Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena. V 3 chastiakh. Saint-Petersburg. 1851. 484 p. (in Russian).
- Velgus V. Srednevekoviy Kitay. Issledovaniya i materialy po istprie, vneshnim svyazam, literature. Moscow: glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 1987. 204 p. (in Russian)
- Wei shu* (History of the dynasty Wei). Compl. by Wei Shou. Beijing: "Bo-na" series. 1958. (in Russian)
- Zuyev Yu. Tamgi loshadei iz vassalnykh knyazhestv (Perevod iz kitayskogo sochineniya VIII-X vv. Tanghuiya. Vol. III, 72, pages 1305-1308). In: *Works of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of KazSSR*. 1960. Vol.8, pp.93-140. (in Russian).
- Kadyrbayev A.Sh. *Turki i irantsi v Kitaye i Tsentralnoi Azii XIII-XIV vv.* Alma-Ata: Ghylym. 1990. 160 p. (in Russian)
- Qazaqstan tarihi turaly Qytai derektemeleri*. Tom 4. Dinastiyno-istoricheskkiye letopisi. Chast 2. Perevod s kitaiskogo yazika, poyasneniya i kommentarii B. Ezhenhanuly, Zh. Oshan. Almaty: Daik-Press. 2006. 480 p. (in Kazakh).
- Qazaqstan tarihi turaly Qytai derektemeleri*. Tom 5. Dinastiyno-istoricheskkiye letopisi. Chast 3. Perevod s kitaiskogo yazika, poyasneniya i kommentarii B. Ezhenhanuly, Zh. Oshan. Almaty: Daik-Press. 2005. 256 p. (in Kazakh).
- Kamalov A. *Drevniye uyghuri VIII-IX vv.* Almaty: Nash mir. 2001. 217 p. (in Russian)
- Kamalov A. *Tyurki i irantsy v Tanskoi imperii*. Almaty: Mir. 2017. 384 p. (in Russian)
- Kafarov P.I. Starinnoye Mongolskoye skazaniye o Chingiz-khane. Perevod s kitaiskogo, s primechaniyami, Arkhimandrita Palladiya. In: *Works of members of the Russian Spiritual mission in Beijing*. Tom IV. Saint-Petersburg: tipografiya V. Bezobrazova i Co. 1866. Pp.150-203 (in Russian)
- Kychanov Ye.I. Svedeniya iz 'Istoriyi dynastii Yuan' (Yuan shi) o Zolotoi Orde. In: *Studies on Sources on History of the Juchi Ulus (Golden Horde). From Kalko to Astrahan. 1223-1556*. Kazan: Institut istorii AN RT. 2001. Pp.30-42 (in Russian).
- Kuner N. *Kitaiskiye izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Centralnoi Azii i Dalnego Vostoka*. Moscow: Nauka. 1961. 587 p. (in Russian).
- Maliavkin A. *Materialy po istprie uyghurov v IX-XII vv.* Novosibirsk: Nauka. 1974. 210 p. (in Russian).
- Maliavkin A. *Istoricheskaya geografiya Tsentralnoi Azii* (materialy i issledovaniya). Novosibirsk: Nauka

- “Sibirskoye otdeleniye”. 1981. 337 p. (in Russian).
- Menshikov L. Rukopisnaya kniga v Kitaye i tsysacheletiya n.e. In: *Handwritten book in the culture of peoples of Orient*. Kniga 2. Moscow: Nauka. 1988. Pp.103-222 (in Russian).
- Moriyasu T. *Uiguru do Tibetu no hokutai sodansen oebi sono ata no Seyiki tse sei ni tsukute* (The war of Uyghurs against Tibetans for Beiting and following situation in the Western region). Toyo gakuho. 1973. Vol.55, no.4, pp.60-87 (in Japanese)
- Munkuyev N. *Meng-da bei-lu (Full Description of Mongol-Tatars)*. Moscow: Nauka. 1975. 286 p. (in Russian)
- Xin Tang shu* (New History of Tang Dynasty). Comp. by Ou Yangxiu. Beijing: Zhonghua shuju. 1986. (in Russian)
- Suraganova Z., Burbaeva S., Tolegenuly K. The Medieval Settlement of Bozok: From a Cult Center to a Cultural Manifesto of Steppe Eurasia. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.155, no.2, pp.13-33. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-13-33> (in Russian)
- Suprunenko G.P. Nekotoriye istochniki po drevnei istorii kyrgyzov. In: *History and culture of China*. Moscow: Nauka. 1974. Pp.236-248 (in Russian)
- Taskin V.S. *Materiali po istoriyi syunnu (po kitaiskim istochnikam)*. Vyp. I. Moscow: Nauka. 1968. 176 p. (in Russian)
- Taskin V.S. *Materiali po istorii drevnikh narodov gruppy dunghu*. Moscow: Nauka. 1984. 486 p. (in Russian)
- Taskin V.S. (transl.) *Materiali po istorii kochevykh narodov v Kitae III-V cc. V 4 vyp. Vyp I. Syunnu. Per. s kit., predisl. i comment. V.S. Taskina*. Moscow: Nauka. 1989. 288 p. (in Russian)
- Taskin V.S. (transl.) *Materiali po istorii kochevykh narodov v Kitae III-V cc. V 4 vyp. Vyp. 2. Jie. Per. s kit., predisl. i comment. V.S. Taskina*. Moscow: Nauka. 1991. 256 p. (in Russian)
- Taskin V.S. (transl.) *Materiali po istorii kochevykh narodov v Kitae III-V cc. V 4 vyp. Vyp III. Mujuny. Per. s kit., predisl. i comment. V.S. Taskina*. Moscow: Nauka. 1992. 432 p. (in Russian)
- Taskin V.S. (transl.) *Materiali po istorii kochevykh narodov v Kitae III-V cc. V 4 vyp. Vyp IV. Di i chiany. Per. s kit., predisl. i comment. V.S. Taskina*. Moscow: Vostochnaya literatura. 2012. 496 p. (in Russian)
- Tulibayeva Zh. Historical Connections Between the Kazakhs and the Uzbek Khanates in the 18th Century, According to the Works of Central Asian Authors of the Modern Period. *Gumilyov Journal of History*, 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94, <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194> (in Russian)
- Flug K.K. *Istoriya kitaiskoi pechatnoi knigi sunskoi epohi X-XIII vv*. Moscow-Leningrad: Nauka. 1959. 399 p. (in Russian)
- Khrapachevskiy R.P. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. T.3. Kitaiskiye i mongolskiye istochniki. Moscow: Publ. TSIVOI. 336 p. (in Russian)
- Khrapachevskiy R.P. “*Annali Hubilaya*”, *glavniy istichnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan*. Moscow: Publ. TSIVOI. 2019. 746 p. (in Russian)
- Hu Hung. Huihu ge zho wangzi zangdi zhang du yuan kao (Preliminary study of the inscription of the Uyghur prince Kara Chor). *Tang yanju*. 2013. No.69, pp.487-497 (in Chinese)
- Zizhi tongjian (General mirror helping governance)*. Comp. by Sima Guang. Beijing: Zhonghua shuju. 1956. (in Chinese)
- Jiu Tang shu (Old history of the Tang Dynasty)*. Comp. by Liu Xu. Shanghai: series “Sibu congkan”. 1936. (in Chinese)
- Cen Zhongmian*. Tujue ji shi (Materials on the History of the Turks). T. 1-2. Beijing: Zhonghua shuju. 1958a. 1136 p. (in Chinese)
- Cen Zhongmian*. Xi tujue ji shi (Materials on the History of Western Turks). Beijing: Zhonghua shuju. 1958b. 256 p. (in Chinese)
- Cifu yuangui (Treasury of ancient wisdom)*. Comp. by Wang Qin-juo. Beijing: Zhonghua shuju. 1936. (in Chinese)
- Yan Lugong wenji (Collection of works by Yan Zhenqing)*. Comp. by Yan Zhenqing. Beijing. 1956. 7a-10a. (in Chinese)

Information about the authors

Ablet K. Kamalov – Research-Professor; Director of the Center for Regional Studies, Turan University, 16-A, Satpayev St., 050013, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-3621-0918>, a.kamalov@turan-edu.kz
Svetlana B. Kozhirova – Chief Research Associate, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Research Institute of the Ulus Juchi Studies, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-7545-6676>, s.kozhirova@yandex.ru

Авторлар туралы мәлімет

Аблет Каюмович Камалов – тарих ғылымдарының докторы, профессор-зерттеуші, Өңірлік зерттеулер орталығының директоры, “Тұран” университеті, 16-А, Сәтпаев көшесі, 050013, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0003-3621-0918>, a.kamalov@turan-edu.kz
Светлана Басейовна Кожирова – тарих ғылымдарының кандидаты, саяси ғылымдарының докторы, Ұлыс Жошы тарихын зерттеу ғылыми институтының бас ғылыми қызметкері, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-7545-6676>, s.kozhirova@yandex.ru

Сведения об авторах

Аблет Каюмович Камалов – доктор исторических наук, профессор-исследователь, директор Центра региональных исследований, Университет “Туран”, 16-А, ул. Сатпаева, 050013, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-3621-0918>, a.kamalov@turan-edu.kz
Светлана Басейовна Кожирова – главный научный сотрудник, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-7545-6676>, s.kozhirova@yandex.ru

Authors' Contributions

The authors have made an equal contribution to the collection, analysis and writing of the article.

Авторлардың қосқан үлесі

Авторлар мақаланы жинауға, талдауға және жазуға тең үлес қосты.

Вклад авторов

Авторы внесли равноценный вклад в сбор, анализ и написание статьи.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.05.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 30.07.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

Ғылыми мақала / Research Article

МҒТАР / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-161-178>

Modern domestic historiography of the history of foreign policy of the Kazakh khanate in the XVII-XVIII centuries

O. Mukhatova *Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan* orazgulmukhatova502@gmail.com

Abstract. The article analyzes a number of historiographic sources on the history of the foreign policy of the Kazakh Khanate in the 17th–18th centuries in order to determine the degree of study of the topic. The purpose of this study is to conduct a historiographic review of the foreign policy of the Kazakh Khanate in the 17th and 18th centuries. For a long time, the history of the Kazakh Khanate's foreign policy was not the subject of specialized study. Only in recent years have Kazakh historians begun to pay attention to this issue. Since independence, Russian historical scholarship has been more deeply engaged in studying the Kazakh Khanate's relations with neighboring and distant countries than it was during the Soviet era. Not only has the number of studies increased, but their source base has also expanded. Historical sources published under the state programs "Cultural Heritage" and "Archive 2025" have been introduced into scholarly circulation. Sources stored in foreign archival collections were identified and collections of archival documents and materials were published. Diplomatic letters written in Manchu were translated into Kazakh, and historical source studies were conducted on them. Based on new historical knowledge and methodology, scholarly conceptual conclusions were drawn. There are also aspects in which historians' findings align with the opinions of foreign scholars. Nevertheless, Russian researchers are studying this issue within the context of national interest and from the perspective of modern research methods. The research explores the Kazakh Khanate's relations with the Central Asian states, Russia, the Bashkirs, Kyrgyz, and Dzungars during this period, as well as the foreign policies of the khans and sultans Abulkhair, Abylai, and Vali. During the period of independence, historians studied Kazakh-Russian, Kazakh-Uzbek, and Kazakh-Dzungar relations. Therefore, priority is given to historiographic works devoted to the study of these relations. Kazakh historical scholarship has not analyzed the historiography of the Kazakh Khanate's foreign policy in the 17th and 18th centuries. This may be due to the fact that domestic historiography remained largely stagnant for a long time, with scholars of the Kazakh Khanate and its foreign relations considered nationalists, and historians avoiding complex political issues. The paucity of data on the history of the Kazakh Khanate's foreign policy also hindered research into this issue. Only in recent years have previously unknown historical sources been discovered. Based on these sources, research is being published, in the direction of new historical knowledge. The historiographical review identified the need for an in-depth and comprehensive study of the Kazakh Khanate's foreign policy relations based on new sources. It was confirmed that it is important for scholarship to study Kazakh-Turkish, Kazakh-Persian, Kazakh-Chinese, and Kazakh-Azerbaijani relations using archival documents previously unavailable for scholarly use. It was also determined

that, in order to further rationally pursue the multi-vector foreign policy of the modern Republic of Kazakhstan, it is necessary to study its past experience.

Keywords: Kazakh Khanate; domestic historiography; foreign policy; historiographic review; historiographic sources; research

For citation: Mukhatova O. Modern domestic historiography of the history of foreign policy of the Kazakh khanate in the XVII-XVIII centuries. *Gumilyov Journal of History*. 2026. T.156, no.3, pp.161-178. <https://doi.org/10.32523/3080-129X--2026-156-3-161-178>

Funding: The article was prepared within the framework of the grant project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2025–2027 titled “Unknown pages of the history of Kazakhstan's foreign policy in the late 16th – 18th Centuries (based on materials from foreign archives)” (IRN AR26194453).

Современная отечественная историография истории внешней политики Казахского ханства в XVII-XVIII вв.

О. Мухатова

Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье анализируется ряд историографических источников по истории внешней политики Казахского ханства в XVII-XVIII веках с целью определения степени изученности темы. Цель исследования – проведение историографического обзора истории внешней политики Казахского ханства в XVII-XVIII веках. Долгое время история внешней политики Казахского ханства не являлась предметом специального изучения. Лишь в последние годы казахские историки начали уделять этому вопросу внимание. В годы независимости в отечественной исторической науке сравнительно советским периодом более глубоко изучается история взаимоотношений Казахского ханства с близкими и дальними странами. Увеличилось не только количество работ, но и расширилась их источниковая база. В научный оборот были введены исторические источники, опубликованные в рамках государственных программ “Культурное наследие” и “Архив – 2025”. Были выявлены источники, хранящиеся в зарубежных архивных фондах и опубликованы сборники архивных документов и материалов. Дипломатические письма, написанные на маньчжурском языке, были переведены на казахский язык, и по ним были проведены историко-источниковедческие исследования. На основе нового исторического познания и методологии были сделаны научные концептуальные выводы. Существуют также аспекты, в которых выводы историков совпадают с мнениями зарубежных ученых. Тем не менее отечественные исследователи изучают данную проблему в контексте национального интереса и с точки зрения современных методов исследования. В исследованиях нашли отражение отношения Казахского ханства с государствами Центральной Азии, Россией, башкирами, киргизами и джунгарами в указанный период, а также внешняя политика ханов и султанов Абулхайра, Абылая, Вали. В период независимости историки изучали казахско-русские, казахско-узбекские и казахско-джунгарские отношения. Поэтому приоритет отдается работам по историографии, посвященным изучению этих отношений. В казахстанской исторической науке не проводился анализ историографии истории внешней политики Казахского ханства в XVII-XVIII веках. Причиной этого может служить тот факт, что отечественная историография долгое время почти не развивалась, исследователи Казахского ханства и его внешних связей считались националистами, а историки избегали сложных политических вопросов. Скудность данных по

истории внешней политики Казахского ханства также препятствовала изучению этого вопроса. Лишь в полседние годы были выявлены ранее неизвестные исторические источники. На их основе публикуются исследования, подготовленные в направлении нового исторического познания. В ходе историографического обзора была выявлена необходимость глубокого и всестороннего изучения внешнеполитических отношений Казахского ханства на основе новых источников. Было подтверждено, что для науки важно изучить казахско-турецкие, казахско-персидские, казахско-китайские, казахско-азербайджанские отношения на основе архивных документов, ранее не введенных в научный оборот. Также определено, что для дальнейшего рационального проведения многовекторной внешней политики современной Республики Казахстан необходимо изучить ее прошлый опыт.

Ключевые слова: Казахское ханство; отечественная историография; внешняя политика; историографический обзор; историографические источники; исследование

XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының заманауи отандық тарихнамасы

О. Мұхатова

III. III. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихы бойынша бірқатар тарихнамалық деректерді талдау нәтижесінде тақырыптың зерттелу деңгейі анықталады. Зерттеудің мақсаты – XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының қазіргі кезеңдегі отандық тарихнамасына шолу жасау. Ұзақ уақыт бойы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихы арнайы зерттеу нысанына айнала қоймады. Тек соңғы жылдары қазақстандық тарихшылар бұл мәселеге назар аудара бастады. Тәуелсіздік жылдары отандық тарих ғылымында Қазақ хандығының алыс және жақын елдермен өзара қатынастары кеңестік кезеңмен салыстырғанда біршама тереңірек зерттеліп келеді. Еңбектердің қатары көбейіп қана қоймай, олардың деректік базасы кеңейді. "Мәдени мұра", "Архив – 2025" мемлекеттік бағдарламалары аясында жарияланған тарихи деректер ғылыми айналымға енгізілді. Шетелдік архив қорларында сақтаулы деректер анықталып, архив құжаттары мен материалдарының жинақтары шығарылды. Мәнжу тіліндегі дипломатиялық хаттар қазақ тіліне аударылып, оларға тарихи-деректанулық зерттеулер жүргізілді. Жаңа тарихи таным, методологиялық ұстанымдар бойынша тың ғылыми тұжырымдар жасалды. Тарихшылар тұжырымдарының шетелдік ғалымдардың пікірлерімен үндес болып жататын тұстары да байқалады. Дегенмен отандық зерттеушілер мәселені ұлттық мүддеде, заманауи зерттеу әдістері тұрғысынан зерделеуде. Зерттеулерде көрсетілген кезеңдегі Қазақ елінің Орталық Азия, Ресей мемлекеттерімен, башқұрт, қырғыз, жоңғар қатынастары, Әбілқайыр, Абылай, Уәли хандар мен сұлтандардың сыртқы саясаты көрініс тапты. Тәуелсіздік кезеңінде тарихшылар қазақ-орыс, қазақ-өзбек, қазақ-жоңғар байланыстарын қарастырған. Сол себепті тарихнамадан осы қатынастар зерделенген еңбектерге басымдылық берілген. Қазақстандық тарих ғылымында XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының тарихнамасы талданбаған. Мұның себебін отандық тарихнама ғылымының ұзақ уақыт бойы кенже қалуымен және Қазақ хандығы, оның сыртқы байланыстарын зерттеушілердің ұлтшылдарға жатқызылуымен, тарихшылардың күрделі саяси мәселелерді айналып өтуімен түсіндіруге болады. Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихы бойынша деректердің мардымсыздығы да мәселені зерделеуде қол байлау

болғаны жасырын емес. Тек соңғы уақыттарда ғана бұрын-соңды беймәлім болып келген тарихи деректер анықталуда. Солардың негізінде жаңа тарихи таным бағытында дайындалған зерттеулер жарық көруде. Тарихнамалық шолу Қазақ хандығының сыртқы саяси қатынастарын тың деректер бойынша терең әрі кешенді түрде зерделеу қажеттілігін анықтады. Қазақ-түрік, қазақ-парсы, қазақ-қытай, қазақ-әзербайжан байланыстарын бұрын-соңды ғылыми айналымға енгізілмеген архив құжаттары негізінде зерделеу ғылым үшін маңызды екендігі дәйектелді. Сондай-ақ қазіргі Қазақстан Республикасының көпвекторлы сыртқы саясатын ары қарай ұтымды жүргізу үшін оның өткен уақыттардағы тәжірибесін зерттеудің қажеттілігі анықталды.

Кілт сөздер: Қазақ хандығы; отандық тарихнама; сыртқы саясат; тарихнамалық шолу; тарихнамалық дерек; зерттеу

Сілтеме жасау үшін: Мухатова О. XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының заманауи отандық тарихнамасы. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, no.3, б.161-178. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-161-178>

Қаржыландыру. Мақала 2025-2027 жж. Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің "XVI ғ. соңы – XVIII ғасырлардағы Қазақстанның сыртқы саясаты тарихының беймәлім беттері (шетелдік архив материалдары негізінде)" (ЖТН АР26194453) тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

Кіріспе

XVI-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихы отандық тарих ғылымында арнайы зерттеу нысанына айналмаған десе де болады. Оның өзіндік себептері бар. Атап айтар болсақ, біріншіден, тек тәуелсіздік жылдары Қазақ хандығының құрылуын зерделеуге басымдылық берілген еңбектер жарық көрді. Қазақ хандығының 550 жылдығына орай оның құрылуына және нығаюына арналған біраз зерттеулер жүргізілді. Тарихшылар "көшпелі феодализм" теориясына қарсы шығып, дала демократиясына негізделген мемлекеттің өмір сүргендігін дәлелдеуге ұмтылды. Екіншіден, Қазақ хандығы туралы дербес зерттеулерде көбінесе мемлекеттің ішкі жағдайы, яғни саяси-әлеуметтік құрылымы, шаруашылығы қарастырылды. Сыртқы саясаты, елшіліктер, хат алмасулар және т.б. солардың астарында қалды. Соның салдарынан Қазақ хандығының сыртқы саясаты, халықаралық қатынастары, дипломатиялық байланыстары үстірт зерделенді. Үшіншіден, ұлттық мүдде феодалдық-рулық құрылысты дәріптеушілік, ұлтшылдық ретінде қабылданған Қазақстан К(б)П Орталық комитетінің 1947 жылы 21 қаңтардағы "Қазақ ССР Ғылым академиясы тіл және әдебиет институты жұмысындағы дөрекі саяси қателер туралы" деген қаулысынан кейін сыртқы саясатты зерттеу былай тұрсын, тарихшылар Қазақ хандығын зерделеуге жасқанды. Тарихты партияның талаптарына сәйкес жазу және оның "қалдықтары" қазақ тарихының өзегі болып табылатын мемлекеттілік мәселесін, оның сыртқы саясаты тарихын шынайы зерделеуге салқынын тигізіп келеді. Төртіншіден, төл тарихнама ғылымының кенже дамуы жалпы Қазақстан тарихы, соның ішінде Қазақ хандығының сыртқы саясаты бойынша жинақталған еңбектерді талдауға, баға беруге жағдай жасамады.

Тәуелсіздік жылдары өркениеттілік тұжырымдамасы аясында халықаралық өзара қарым-қатынастардың тарихын мемлекеттердің интеграциясы бағытында зерттеуге

жол ашылды. Осылардың бәрі Қазақстанның сыртқы саясат тарихын зерделеуге ұмтылдырып, оны жаңаша, замануи ғылыми ұстанымдар ауқымында қарастыруға мүмкіндік тудырды. Бүгінгі күні тәуелсіз мемлекеттің негізін қалаған, Еуразия аумағына танымал болған Қазақ хандығының сан ғасырлық тарихы бойынша зерттеулер дүниеге келуде. Дегенмен мемлекеттің бірнеше бағыттағы сыртқы ұстанымдарын ғылым, заман талаптарына сәйкес тың деректер негізінде зерделеу кенжелеп келеді. XVII-XVIII ғасырдағы Қазақ хандығының сыртқы саясатын, халықаралық байланыстарын ең алдымен мәселенің зерттелу деңгейін анықтап, зерттелуге тиіс қырларын айқындау қажет. Терең тарихнамалық талдау ғана тақырыптың жай-күйін, назардан тыс қалған тұстарын анықтай алады. Тарихнамалық талдау неғұрлым терең жасалса, соғұрлым зерттелмеген мәселелері көбейе түседі. Соның негізінде тарихшыларға тың тақырыптар ұсынылады. Осы тұрғыдан келгенде зерттеу тақырыбы өзекті болып табылады.

Материалдар мен әдістер

XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының посткеңестік тарихнамасын зерттеуде негізгі деректер болып отандық ғалымдардың монографиялары, ұжымдық зерттеулері, ғылыми мақалалары, конференцияларда жасаған баяндамалары және т.б. саналады. Тәуелсіздік жылдары жарық көрген осындай тарихнамалық деректер зерттеудің деректік базасын құрайды. Салыстырмалы тарихнамалық талдау жасауға кеңестік және шетелдік ғалымдардың еңбектері тарихнамалық деректер ретінде деректік базаны толықтырады.

XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының посткеңестік тарихнамасын талдауда тарихнама ғылымында XX ғасырдың соңында қалыптасқан деректанулық тарихнама қолданылды. Деректанудың бұл саласы арқылы тарихнамалық деректер жіктеліп қана қоймайды, сонымен қатар олардың әрқайсысының ерекшеліктері айқындалады. Сондай-ақ тарихнамалық деректі талдау әдіснамасы пайдаланылды. Бұл әдіснама тарихнамалық деректің маңызын, тарихшының жасаған тұжырымының "салмағын", ғылымға қосқан үлесін анықтауға мүмкіндік берді. Тарихилық, объективтілік, әлеуметтік тәрізді ғылым қағидаттары тарихнамалық деректі талдауға кеңінен септесті. Тарихилық қағидат талданып отырған мәселе бойынша жинақталған тарихи білімді нақтыландыруға және дәйектей түсуге мүмкіндік берді. Объективтілік қағидаты зерттеушілердің Қазақ хандығының аталған кезеңдегі сыртқы саясатын зерделеудегі пікірлері мен тұжырымдарының шынайылығын анықтауға көмектесті. Әлеуметтік қағидат мәселені зерттеген тарихшының ұстанымдарын, мүддесін айқындауға мұрындық болды. Зерттеуде салыстырмалы-тарихи, нақты талдау, логикалық талдау, жүйелеу, хронологиялық, проблемалық-хронологиялық, қорыту әдістері қолданылды. Осылардың барлығы XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының замануи отандық тарихнамасына дәйекті шолу жасауға мүмкіндік берді. Тарихнамалық шолу тарих ғылымының жағдайын және оны ғылым ретінде тұтастай көрсетуге, сондай-ақ жекелеген мәнді құбылыстарын ғылыми тұрғыда қайта жаңғыртуға жол ашады. Тарихшы жекелеген зерттеушілердің іргелі еңбектеріндегі ой-пікірлерді зерделеп қана қоймай, әртүрлі кезеңдердегі тарихи білімнің, ғылыми ойдың дамуының қозғалыс үдерісін анықтап, талдайды.

Әдеби шолу

Қазіргі отандық тарих ғылымында XVI–XVIII ғасырлардағы, соның ішінде XVII–XVIII ғасырдың алғашқы ширегіндегі Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының тарихнамасы талданған зерттеулер жоқтың қасы. Мемлекеттің сыртқы саясатының зерттелу деңгейі анықталған арнайы іргелі еңбектер кеңестік кезеңде де, тәуелсіздік жылдары да жариялана қоймады. Мұны тарихнама ғылым саласының кенже дамуымен және Қазақ елінің сыртқы байланыстары бойынша еңбектердің жиі жарияланбағандығымен түсіндіруге болады. Тарихнамалық шолулар ғылыми мақалаларда, монографиялардың кіріспе бөлімдерінде жасалған. Мәселен, Ж.Е. Жаппасовтың "XVI–XVIII ғасырлардағы қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихнамасы" атты монографиясында тек қазақ-орыс қатынастарының зерттелуі анықталған. Қазақ-орыс елдері арасындағы саяси, елшілік, сауда-экономикалық қарым-қатынас тарихы жазбаша және ауызша деректер мен зерттеу еңбектерінің негізінде жан-жақты талданған. Зерттеуші қазақ-орыс қатынастарының көрсетілген кезеңдегі тарихи жағдайларға байланысты өзгеріп отыруын және екі ел арасындағы байланыстардың көршілес мемлекеттердің саясатына әсер еткенін атап көрсеткен (Жаппасов 2019). XVI–XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саяси байланыстары тарихының зерттелу деңгейіне шолу М. Әбусейтованың монографиясында жасалды (Әбусейтова 2002). XVI–XVIII ғасырлардағы Қазақстанның сыртқы саяси байланыстарының зерттелу деңгейі кешенді түрде емес, жекелеген елдермен қарым-қатынастар көрініс тапқан еңбектерде айқындалған. Мәселен, Г.Б. Избасарованың қазақ-башқұрт қатынастарындағы саяси және этникалық үдерістер талданған дербес зерттеуінің кіріспе бөлімінде аталған мәселенің тарихнамасы қарастырылды (Избасарова 2008). Осындай үдеріс Қазақ хандығының тарихы құрылған кезінен бастап жойылуына дейін қарастырылған басылымнан орын алды (Қазақ хандығы тарихы 2011). XVIII–XIX ғасырлардағы Ұлы даладағы тарихи оқиғалар, Қазақ хандығының дербес мемлекет ретінде саяси аренадан кетуі қарастырылған ұжымдық еңбекте аталмыш кезеңдегі Қазақстан тарихын зерделеудің революцияға дейінгі, кеңестік және қазіргі уақыттарда зерттелуінің негізгі бағыттары көрсетілді. Сонымен қатар заманауи ресейлік, шетелдік тарихнамасы талданды (Из истории Казахстана 2020). Мұның өзі мәселе тарихнамасының толық талданбағандығынан, оны зерделеудегі жетістіктер мен кемшіліктердің анықталмағандығынан хабар береді. Осы олқылықтың орнын толтыруға ұмтылыс жасалып жатыр. Алайда жекелеген мақалалар көрсетілген кезеңдегі Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының зерттелу деңгейін толық анықтауға дәрменсіз. Ол үшін мәселенің тарихнамасын кешенді түрде талдайтын, яғни XVI–XVIII ғасырлар аралығындағы уақыт кесіндісін қамтитын Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының зерттелуін, бағыттары мен проблемаларын айқындайтын еңбек қажет.

Нәтижелер

Тәуелсіздік жылдары, яғни постсоветтік кезеңде Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихын жаңа тарихи таным, тың методологиялық ұстанымдар бойынша зерделеген еңбектер жарияланды. Зерттеулердің деректік базасы кеңейді. Араб, парсы, қытай, түрік, монғол және т.б. тілдердегі түпнұсқа деректер мен материалдар талданып, салиқалы ғылыми тұжырымдар түйінделді. Солардың арасында XVII–XVIII ғасырдың алғашқы ширегіндегі Қазақ хандығының сыртқы саясаты біршама көрініс тапты. Алғашқылардың

бірі болып Қазақ хандығының сыртқы саясатына назар аударған Ж.М. Төлебаева болды. Ғалым XVIII ғасырдың II жартысы – XIX ғасырдың I жартысындағы қазақтардың бұхарлықтармен өзара сауда байланыстарын зерттеді (Тулибаева 1999, 2026). П.П. Ивановтың, Б.А. Ахмедовтың, О.Ф. Акимускинның зерттеулерін тереңдете отырып, салиқалы тұжырым жасады. "Қазақстан Бұхара хандығы мен Ресей арасындағы сауда қатынастарының дәнекері қызметін де атқарды" деген тұжырымы – осының дәлелі. Ғалым қазақ даласы арқылы Орта Азияға өтетін төрт жолды және Бұхардан Қазақ еліне келетін екі жолды көрсетті (Тулибаева 1999: 203). "Айырбас сауда екі елді жақындатып, экономикалық және рухани байланыстар орнатуға ықпал етті" деген тұжырымын бұдан кейінгі уақыттарда тарихшылар бекітуге ұмтылды (Тулибаева 1999: 205). Мәселен, М.Қ. Әбусейитованың Қазақ мемлекеттілігінің құрылуы, оның негізгі сипаттамалары мен Орталық Азиядағы халықаралық қатынастар ауқымындағы көріністерін анықтауға талпыныс жасалған іргелі зерттеуінде оның XV-XVII ғасырлардағы тарихы, саясаты және дипломатиясы зерттелді (Абусейитова 2002). Есім, Тұрсын-Мұхаммед хандардың сыртқы саясаты көрсетілді. Сыртқы саясаттың қырларын, негізгі дипломатиялық акті – келісімді, мәмле-шарттар мен елшіліктерді зерделеуі Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихын зерттеушілер үшін теориялық-әдіснамалық негіз болып табылады. Ғалымның "Қазақ хандарының сыртқы саясаты дәстүрлі екі әдіспен: бейбіт жолмен және соғыс арқылы жүзеге асырылды, келісімдерге келу және елшіліктерді аттандыру XVI-XVII ғасырларда мемлекетаралық қатынастардың қалыпты нормасына айналды деген тұжырымы" – айтылғанның бір дәлелі ғана (Абусейитова 2002: 140). XV-XVII ғасырлардағы Қазақстанның Орталық Азия елдерімен қатынастардың әртүрлі болғандығын анықтай келе, дипломатиялық келіссөздердің басым рөл атқарғандығын қадап көрсетті (Абусейитова 2002: 165). XVI-XVII ғасырлардағы қазақ-қырғыз, қазақ-орыс, қазақ-ойрат, қазақ-қарақалпақ қатынастары да ғалым назарынан тыс қалмады. Осы тұрғыдан алғанда М. Абусейитованың іргелі зерттеуі Қазақ хандығының көпвекторлы сыртқы саясатын көрсетуге бағытталған алғашқы еңбек ретінде саналады. Осы бағыттағы зерттеуді Н. Атығаев жалғастырды. XV-XVII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихын бірнеше бағыттарда көрсетті. Еңбекте Қазақ елінің шибандармен, аштарханилермен, қалмақтармен, моғолдармен, қырғыздармен, үнділермен, Ноғай ордасымен, Орыс мемлекетімен, Сефевидтік Иранмен, Осман империясымен қарым-қатынастары жеке-жеке қарастырылды (Атығаев 2023). Монографияда өзге зерттеулерде қысқа ғана айтылатын қазақ-моғол қатынастары баяндалды. Н.Атығаев қазақ-қалмақ (жоңғар) қатынастарының тарихи деректермен дәйектелмеген жекелеген тұстарына көз жеткізді. Оның пайымынша, XVI ғасырда қазақтардың қалмақтарға қарсы күресіндегі одақтастарының бірі Батыс Монғолиядағы халха-монғолдар құрған Алтын-хандар (Алтан-хандар) мемлекеті болды. Алтын хан билеген мемлекеттің XVII ғасырда өзіндік орны мен халықаралық қатынастарда салмағы болғандығын дәйектейтін деректер бар. Орыс мемлекеті Алтын хандар және Қазақ ордасын өзінің достары емес деп санаған. Мұның өзі қазақтар мен моғолдар арасындағы саяси байланыстардың орын алғандығынан хабар береді. Осы орайда А.И. Исин 1616 жылы ойраттарға қарсы бірлескен жорықтар ұйымдастыру туралы қазақтар мен моғолдар арасында келіссөздер басталды деп санайды (Исин 2002) Алайда В.А. Моисеев қазақтар мен халха-монғолдар (хотогойттар) арасында жасалған келсім шарттың болғандығын дәйектейтін құжаттардың жоқ екендігі туралы жазған еді (Моисеев 1991). Дегенмен ол XVII ғасырдың басында қалмақ әскерлеріне қарсы жорықтардың бір уақытта болғандығын жай ғана сәйкестік

емес екендігін көрсеткен. Осындай пікірді ойраттардың ішкі және сыртқы саясатын зерттеген ресейлік ғалым В.Т. Тепкеев те білдірген. В.Т. Тепкеев өзінің іргелі зерттеуінде қалмақтардың қазақтармен, ноғайлармен, башқұрттармен, қарақалпақтармен әскери-саяси байланыстарын кеңінен қарастырды (Тепкеев 2018).

Қазақ хандығының қалыптасу, өрлеу және құлдырау себептері этникалық, дипломатиялық байланыстар және т.б. мәселелер біріктіріле қарастырылған зерттеуде мемлекетті құру мен нығайту жолында күрескен ірі тарихи тұлғалардың орны айшықталған (Қазақ хандығы тарихы 2011). Еңбекте XVII ғасырдың 30 жылдарындағы Қазақ хандығы, оның Жоңғар мемлекетімен, Бұхар хандығымен қарым-қатынастары, сонымен қатар Салқам Жәңгір, Әбілқайыр хан, Әбілқайыр хандардың, Жалаңтөс баһадүрдің өмірі мен қызметі баяндалған. Зерттеудің Есім ханның Ташкент жорығы, XVII ғасырдың 30–70 жылдарындағы Қазақ хандығының Жоңғар мемлекетімен, Бұхар хандығымен қарым-қатынастары, XVIII ғасырдың басындағы Қазақ хандығы және Тәуке ханның саясаты туралы айтылатын тұстары аса маңызды. Авторлардың зерттеулері мен ой тұжырымдары XVII-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясатын кешенді түрде зерделеуге көмектеседі.

Тәуелсіздік жылдары XVII-XVIII ғасырлардағы қазақ-өзбек қатынастары біршама кенжелеу зерттелді. Отандық тарихшылар XIX ғасырдағы қазақ-өзбек байланыстарын арнайы зерттеу нысанына айналдырды. Мұндай үдерістің орын алуының себебі көрсетілген кезеңге қатысты деректердің әлі де болса қолжетімсіздігі. Тарихи жазба деректердің көпшілігі шет елдердің, соның ішінде Өзбекстан Республикасы архивтері мен кітапханаларының қолжазбалар және сирек кездесетін кітаптар қорларында сақтаулы. Кеңестік кезеңде бұл мәселені Т.И. Сұлтанов зерделеген еді. Ғалым "XVI ғасырдың соңында қазақтардың қолына Ташкент пен Түркістанның өтуі бір жағынан Аштарханидтердің оларды осы қалалардан ығыстыруға ұмтылуы, екінші жағынан жоңғарлардың жақын орналасуы XVII ғасырда Қазақ хандығын қоршаудағы лагерьге ұқсатқандығы" туралы тұжырым жасаған (Сұлтанов 1982: 67). Аталған қалалар мен олардың айналасы XVII-XVIII ғасырдың басына дейін, яғни бір жарым ғасырға жуық уақыт бойы қазақтардың қолында қалып, хандықтың саяси орталығы болғандығы жөнінде түйіндеген ойы тың деректер бойынша толыққанды зерттелмей келе жатқандығы тарихшыларға ой салуы тиіс (Сұлтанов 1982: 91). Отандық зерттеушілерге қарағанда шетелдік тарихшылар осы мәселе төңірегінде көзқарас білдіріп, пікір танытуда. Мәселен, ағылшын тарихшысы Э. Аллворт Ресейдің Орта Азиядағы саяси мүддесін көрсетуде орыс-өзбек қатынастары ауқымында қазақ билеушілерінің ұстанымдарын қысқаша көрсетеді. "Көшпелі қазақтар, қырғыздар және түркімендер өз хандықтарының маңызды өзегінің мобильді қорғанысының ортасында орналасқан және көшпелілердің белгілі бір жағдайларда сүйенуіне немесе шегінуіне мүмкіндік беретін берік негіз болған сыртқы шеңберін құрады" деген тұжырымынан XVIII ғасырдағы саяси қатынастардың ахуалын байқауға, шетелдік зерттеушінің өзіндік көзқарасы болады (Аллворт 2017: 17).

Сыртқы саясатта дипломатияның атқаратын рөлі ерекше екендігі белгілі. Мемлекет шебер дипломатиялық ұстанымдарға негізделсе, соғұрлым оның халықаралық қатынастарда беделі артып, абыройы асқақтайды. Оған қазіргі уақыттағы Қазақстан мемлекет басшысының саясаты дәлел бола алады. Қазақстандық тарихнамада XVIII-XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы дипломатиясының тарихы зерделенген бірлі-жарым еңбектер бар. Солардың бірі – К.Ш. Хафизованың монографиясы (Хафизова 2019). Далалық демократияны ұстанған дала билеушілері еларалық қатынастарда басты рөл

дипломатияға тиесілі екендігіне ерекше мән берді, өйткені ол мемлекетті сақтап қалудың, дамыту мен нығайтудың, аумақтық тұтастық пен ұлттық бірліктің кепілі болды. К.Ш. Хафизова XVIII-XIX ғасырлардағы Қазақ хандығының дипломатиясы тарихын арнайы әрі кешенді зерделеуде оны екі кезеңге бөлді. Соның алғашқысы XV-XIX ғасырдың бірінші ширегін қамтыды. Ғалымның тұжырымдары XVIII ғасырдағы Қазақ хандығының сыртқы саясатының бағыттарын айқындауға және еларалық қатынастардың қыр-сырын түсінуге мүмкіндік береді. Еңбекте қазақ дипломатиясының кезеңдері, Әбілмәмбет, Абылай, Уәли, Ғұбайдулла, Кенесары хандардың, Төле бидің сыртқы саясаты мен дипломатиясы көрсетілді. Қазақ хандары мен билерінің батырларының дипломатиялық шеберліктері, түрлі тарихи кезеңдерде тығырықтан шығудағы ұстанымдарын бұрын-соңды ғылыми айналымға түспеген деректер негізінде зерделенуі – отандық тарих ғылымына қосылған зор үлес.

Белгілі тарихшы-ғалым Талас Омарбеков өз кезегінде қазақ хандарының өмірі мен қызметін зерделеген. Көпжылдық ізденістері мен зерттеулерінің негізінде Қазақ хандығының құрылуының 550 жылдығына арнайы еңбек жариялады ([Омарбеков 2015](#)). Зерттеуде Керей, Жәнібек, Бұрындық, Қасым, Тәуекел, Тұрсын, Жәңгір, Тәуке, Қайып, Жолбарыс және т.б. хандардың өмірі мен мемлекет басқарудағы қызметі, еліне сіңірген еңбегі қарастырылды. XVI-XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихын зерттеуде еңбектегі Тұрсын Мұхаммед, Салқам Жәңгір, Әз Тәуке, Қайып хандар туралы мәліметтердің маңызы зор. Бұл мәліметтер аталған хандардың жүргізген сыртқы саясатын, көрші елдермен байланыстарын, елшіліктерін, хаттарын, жасаған жорықтары мен соғыстарын, мәмле-шарттарын, олардың мазмұнын, маңызын терең зерттеуге мұрындық болады. Қазақ хандығының құрылуының 550 жылдығына Нұрлан Атығаевтың "Қазақ хандығы тарих толқынында" атты очерктері арналды ([Атығаев 2015](#)). Очерктерде Қазақ хандығының билеушілері: Керей, Бұрындық, Қасым, Хақ-Назар, Тәуекел, Есім, Тұрсын, Жәңгір, Тәуке хандардың жүргізген ішкі және сыртқы саясаты қысқаша сипатталды. Очерктерде Еуразияның халықаралық қатынастар жүйесіндегі Қазақ хандығының орнын айқындалды. Ғалымның: "Негізінен Қазақ хандығы туралы біздің көзқарасымызды түбегейлі өзгертетін тың деректер табылуы екіталай, дегенмен де жаңа ізденістер бұл мемлекет туралы мағұматтарымызды толықтырып отыратыны анық" деген тұжырымы назар аудартады ([Атығаев 2015: 19](#)). 2015 жылдан бері Қазақ хандығының тарихы айтарлықтай зерттеліп, бірқатар еңбектер жарық көрді. толықтырылды. Әсіресе соңғы жылдары бұрын-соңды ғылыми айналымға енгізілмеген деректер бойынша тың зерттеулер дүниеге келді.

Отандық тарих ғылымында Қазақ хандығының құрылуы және нығаюы тарихын кешенді түрде зерделеген тарихшы-ғалым Берекет Кәрібаевтің қазақ хандарын арнайы зерттеген еңбегінде билеушілердің қызметі тарихи-деректанулық тұрғыдан талданды. Зерттеуде автор ортағасырлық жазба деректер мәліметтеріне, қазақ халқының ауыз әдебиетінің материалдарына сүйене отырып, Есім, Жәнібек, Жәңгір, Тәуке хандардың тұлғалық болмысын, қазақ тарихындағы алатын орны мен рөлін, билік құрған жылдарындағы хандықтың ішкі және сыртқы саяси жағдайы мәселелерін қарастырды ([Кәрібаев 2016, 2019](#)). Ғалым XVII ғасырдағы "Ер" лақап атымен танылып, тарихта қалған Жәңгір ханның қазақ-жоңғар қатынастарындағы рөлін, әсіресе оның 1643 жылғы Орбұлақ шайқасындағы әскери-стратегиялық шеберлігін, қызметі мен қазақ хандығының дербестігін сақтау жолындағы күресін ғылыми мақаласында арнайы талдады ([Кәрібаев 2019](#)). "Жәңгір сұлтан 1635 жылы жоңғар тұтқынынан жоңғарлардың өз қолымен босап,

туған еліне аман-сау оралады, жоңғар тайшыларының арасынан өзіне одақтастар тауып қайтады. Бұл одақтастықтың оған 1643 жылғы Батыр хонтайшы әскері мен шайқасында көп көмегі тиеді" деген тұжырымы Жәңгір ханның сыртқы саяси ұстанымдарын терең зерттеу қажеттілігінен хабар береді (Кәрібаев 2019: 137).

Көрсетілген кезеңдегі қазақ-қытай, қазақ-үнді, қазақ-түрік, қазақ-парсы қатынастары отандық тарих ғылымында кеңестік кезеңдегі тәрізді арнайы зерттелмеді. Оның өзіндік себептері бар. Біріншіден, мұндай байланыстардың тарихын зерделеуге қажетті деректер ұзақ уақыт беймәлім болып келді. Дипломатиялық хаттар, өзге де құжаттар мен материалдар шетелдердің архив қорларында сақтаулы. Деректер соңғы уақыттарда ғана әсіресе, "Архив – 2025" мемлекеттік бағдарламасы аясында анықталып, жинақталды. Екіншіден, оларды ең алдымен деректанулық талдаудан өткізіп, ғылыми айналымға дайындау күрделі, шешімі табылуға тиіс мәселе ретінде қалып отыр. Үшіншіден, деректерді қазақ тіліне аударатын, оларды деректанулық тұрғыда талдап, ғылыми айналымға енгізуге дайындап беретін білікті мамандар өте аз. Дегенмен қазақ-қытай қатынастарын зерттеуде ілгерлеу байқалады. Атажұртқа оралған қазақ диаспорасы өкілдері Қытайдың бірінші тарихи архив қорында сақтаулы құжаттарды ғылыми айналымға түсіруге ықпал етуде. Б. Еженханұлы, Д. Әбділәшімұлы, Н. Мұхаметханұлы осы деректерді талдау бойынша іргелі зерттеулер дайындады. Н. Мұхаметханұлы қазақ хандары мен сұлтандарының Цин патшалығымен орнатқан дипломатиялық қатынастарымен сауда-экономикалық байланыстары, қазақтың шығыстағы атамекеніне шаруаларды қайта оралту мәселелерін зерделеді. Цин империясының қазақтарға және Орта Азия халықтарына қатысты саясатының сипатына анықтама беріп, екі ел қатынастарының қалыптасу және даму процесін айқындады (Мұхаметханұлы 1996). Бұдан кейін ол алдыңғы зерттеулерін кеңейтіп, қазақ-қытай қатынастарының даму және өркендеуінің өзекті мәселелеріне тың деректеріне сүйене отырып, терең талдау жасады (Мұхаметханұлы 2010). Б. Еженханұлы XVIII ғасырдың II жартысындағы Қазақ елі мен Цин патшалығы арасындағы саяси, мәдени және экономикалық қатынастардың ерекшеліктерін талдады. Абылай хан дәуіріндегі Қазақ-Цин қарым-қатынастарын бұрын-соңды ғылыми айналымға түсірілмеген мәнжу тіліндегі архив құжаттары бойынша зерттеді (Еженханұлы 2025). Ғалым "Қазақ хандығы мен Цин патшалығының саяси-дипломатиялық қатынастары туралы қытай мұрағат құжаттары" атты деректер жинағының жарық көруіне мұрындық болды (Қазақ хандығы 2011).

Былтырғы жылы қазақ-қытай қатынастары тарихын терең зерделеуге ықпал ететін еңбек дүниеге келді. "Елдік феномен: Қазақ хандығының Цин патшалығына жолдаған бірегей дипломатиялық құжаттары туралы тарихи-деректанулық зерттеу" атты Дүйсенәлі Әбділәшімұлының монографиясы өзге еңбектерден ерекшеленеді, өйткені онда қытай архив қорларында сақталған қазақ хан, сұлтандарының 160 хаттары, 6 патша "жарлықтары" талданды, 31 құжаттың факсимилесі берілді. Дербес зерттеу 2010 жылғы "XVIII–XIX ғасырлардағы қазақша архив құжаттары туралы тарихи-деректанулық зерттеу" атты докторлық диссертациясы мен 2016 жылы жарық көрген "Чжунго бірінші тарихи архивінде сақталған қазақша құжаттар" атты монографиялық еңбегі негізінде жазылды (Әбділәшімұлы 2025). Сондай-ақ автордың 2023 жылы 1 қыркүйектен 2024 жылы 29 ақпанға дейін Токио шетел тілдері университетінің Азия-Африка тілдері мен мәдениетін зерттеу институтында шетелдік ғылым ретінде атқарған ғылыми-зерттеу жұмысының қорытынды нәтижесі болып табылады. Тарихтан белгілі 1757 жылы Қазақ хандығы мен Цин патшалығы арасында алғаш рет ресми дипломатиялық

қарым-қатынас орнап, екі жақ елшіліктермен алмасты. Цин патшалығы жергілікті әкімшіліктердің мініс көліктері мен егін шаруашылығына қажетті малға сұраныстары күрт артты. Осыған орай шекаралық өңірлерде сауда жәрмеңкелері ашылып, "жылқыға жібек саудасы" жанданды. Қазақ хандығы мен Цин патшалығы арасында қалыптасқан мұндай саяси-экономикалық қарым-қатынас одан кейін де үздіксіз нығайып, қазақтар жағынан әр түрлі мақсатта жазылған хат-қағаздар Цин патшалығының жергілікті әкімшілігі немесе қазақ елшілерінің өздері арқылы патша ордасына жеткізіліп отырды. Қазақ елшілерінің Цин патшалығына жергілікті әкімшілігіне, сондай-ақ патша ордасына тікелей табыстаған хаттары мен оларға қатысты мәнжу тілінде жазылған мәлімдемелер қытайдың тарихи архив қорларында сақталып, бүгінге жеткен ([Әбділәшімұлы 2025:4](#)). Д. Әбділәшімұлы Бейжіңдегі Қытай бірінші архивінде кешенді зерттеу жүргізіп, деректердің арасында Қазақ хандығы тарапынан жазылған 160 құжатты тұңғыш рет талдап, қазақ тіліне аударып, ғылыми айналымға енгізуге дайындап берді. Д. Әбділәшімұлының дербес зерттеуі жапон тарихшысы Сагучи Торудың еңбегінен деректік қоры және талдауы жағынан басым түседі. Қазақ хандығының жазба мұраларын, соның ішінде бірегей дипломатиялық құжаттар, Цин патшалығына елшілердің аттандырылуы талданған тарихи-деректанулық зерттеу тарихшы қауым үшін құнды еңбек болып табылады. 1963 жылы жарық көрген монографиясында Сагучи Тору қазақ елшілерінің Цин патшалығының билеушісімен кездесуі, жүздесуде көрсетілген сый-құрметтері, патшаның ұсынған тарту-таралғылары, елшілік сапарындағы жүріп өткен жолдары, т.б. маңызды маңызды мәселелер баяндалған ([Saguchi 1963](#)).

Кеңестік кезеңде де, қазір де Қазақ хандығының сыртқы саясатында қазақ-түрік байланыстары отандық тарихшылар назарынан тыс қалып келеді. Мұндай үдерістің орын алуының басты себебі "қазақтар мен түріктер арасында тек діни байланыстар орнаған" деген сыңаржақ пікірлер әсер еткен. Атеизмнің үстемдік еткен кезеңінде діни байланыстарды зерделеу былай тұрсын айтуға тыйым салынғандығы белгілі. Сондықтан да бұл қатынастар жабулы қазан күйінде қалып қалған. Тәуелсіздік жылдарында қазақ-түрік байланыстары тарихының деректерін анықтау міндеті қойылды. "Мәдени мұра" мемлекеттік бағдарламасы бойынша Қазақстан тарихы туралы түрік деректері жарық көрді. Дегенмен екі ел арасындағы байланыстарды зерделеу үшін тың деректер қажет болды. Алайда ондай тарихи деректер анықтала қоймады. Оларды түрік зерттеушілері анықтап, зерттеулер дайындады. Түрік зерттеушілері М. Даш пен А. Оспанова XVIII ғасырдағы Қазақ хандығы мен Осман империясы арасындағы саяси қатынастардың дамуын жүйелі түрде талдады ([Mustafa Daş 2019](#)). Тарихшылар көрсетілген кезеңде екі мемлекет арасындағы байланыстардың негізінен діни-психологиялық ықпал, саяси беделге сүйену, ақпарат алмасу бағыттарында өрбігенін атап өтті. XVIII ғасырдың екінші жартысында Нұралы хан Ресей және Хиуа арасындағы күрделі саяси жағдайда Осман билеушілерімен байланыс орнатуға ұмтылған. Қазақ хандары тарапынан Ыстанбұлға (Стамбулға) ресми елшілік жіберілгенін дәлелдейтін нақты құжат сақталмаған. Дегенмен Осман архивінде қазақ даласынан барған діни өкілдер, қожа-молдалардың Ыстанбұлда (Стамбулда) болғаны және солар арқылы бейресми хат-хабарлар мен өтініштердің жеткізілгенін дәйектейтін мәліметтер бар. Рухани байланыс діни элита арқылы жүргізілген. Қожа Ахмет Ясауи жолының өкілдері, Түркістан мен Бұхардан шыққан қожалар арқылы Қазақ хандарынан Осман сұлтанына сәлем (амандасу) хаттары, саяси жағдайды баяндаған мәліметтер, рухани қолдау сұраған өтініштер жіберілген. Түрік архивінде Әбілмәмбет, Әбілпейіз, Нұралы хандар тарапынан Осман сұлтандарына

жіберілген бейресми хат-хабарлар, діни мазмұндағы өтініштердің, сәлем хаттардың болғаны туралы деректер сақталған. Бұл хаттар әдетте Түркістан және Бұхара аймағынан шыққан қожа-молдалар, яғни Ясауи дәстүрінің өкілдері арқылы жеткізілген. XVIII ғасырда хат алмасу негізгі байланыс құралы болған. Бұл хаттардағы негізгі мазмұны – қазақ қоғамындағы саяси ахуал, жоңғар шапқыншылығынан кейінгі жағдай және түркі әлемі арасындағы рухани бірлік мәселелері. Осы мәселелерді зерделеу отандық тарих ғылымында тың үрдіс әкелері хақ. Алайда ол болашақтың еншісіне қалдырып келеді. XVII–XVIII ғасырлардағы қазақ-түрік қатынастарын тың деректер негізінде зерттеуде А. Оспанованың "Қайыпмұхаммед ханның Осман империясына жазған хаттарына Османлы архив деректері негізінде талдау (XVIII ғ.)" атты мақаласы жолсілтеуші болары анық (Оспанова 2024).

XIII–XVIII ғасырлардағы Иран және Үндістан қолжазба қорларында парсы тіліндегі деректер археографиялық талдаудан өткізілген Ғ.Ә. Қамбарбекованың монографиясында қолжазбаларды анықтау, каталогтау, жүйелеу, аудару және зерттеу мәселелері қарастырылды (Қамбарбекова 2026). Автор еңбегіне Қазақстан Республикасы Ұлттық кітапханасы және Орталық ғылыми кітапхана қорларында сақталған парсы тіліндегі қолжазбалар мен сирек кездесетін кітаптар туралы зерттеулерді енгізді. Ғалым зерттеген еңбектер XVI ғасырдың соңы – XVIII ғасырдағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихын зерделеуде негізгі дереккөздердің бірі болып саналады.

Тарихнамада өзге мәселелермен салыстырғанда анағұрлым тереңірек қарастырылғаны – ол қазақ-орыс қатынастарының тарихы. Бұл тақырып кеңестік кезеңде де айтарлықтай дәрежеде тарапынан зерделенген болатын. Тәуелсіздік жылдары бұл үдеріс ары қарай жалғасты. Қазақстандық тарихнамада Абылай ханның өмірі мен елдің ішінде және сыртында жүргізген саясаты көрсетілген еңбектер қатары көбейді. Мәселен, Абылай ханның іргелес мемлекеттер және көрші халықтармен қарым-қатынасы арнайы зерттелді (Ошан 2023). З.Е. Қабылдинов монографиясында атақты қазақ билеушісі, дипломат, батыр, қолбасшы Абылай ханның ғұмыры мен қызметін үстірт қарастырылған тұстарын тереңдетті (Кабульдинов 2023). Ғалым қазақ-жоңғар, қазақ-башқұрт, қазақ-орыс қатынастарындағы, Ресеймен сауда байланыстарын дамытудағы, Ертістің оң жағындағы қоныстарды сақтап қалудағы Абылай ханның қызметі және күресі тың деректердің негізінде зерделеді. Еңбектің "Ресеймен сауда байланыстарының дамуы", соның ішінде XVIII ғасырдың 30-40 жылдарындағы қазақ-орыс саудасы, Орта жүз қазақтарының Орыс мемлекетімен сауда қатынастарының дамуы, Петропавл, Омбы, Жамыш (Ямышевск) және Семей (Семипалатинск) бекіністеріндегі сауда тарихы баяндалған тұсының маңызы зор.

Өз кезегінде В.Я. Басин XVIII ғасырдың I-жартысындағы Ресейдің сыртқы саяси жүйесіндегі Қазақстанның орны мен рөлін зерделеуде Орыс мемлекетінің Қазақ хандығын оны Орта Азиямен байланыстыратын мықты экономикалық және сауда көпіріне айналдырғысы келген саясатын ашып көрсеткен еді (Басин 1969: 51). Шындығында да қазақ даласы Ресейдің Орта Азия және одан әрі Парсы елі, Үндістанға апаратын көпір ғана емес, қақпа болғаны мәлім. Алайда кеңестік тарихнамада Орыс патшалығы мен Орта Азияның сауда, дипломатиялық байланыстары зерттелген еңбектерде Қазақ хандығы туралы үстірт айтылды. Осы олқылықтың орнын қазіргі ресейлік тарихшылар толтырып келеді. А.Ю. Быковтың "Үндістанға қақпа" деп бірінші кезекте транзиттік сауда аумағы ретінде Парсы мен Қазақстан саналды" деген пікірі кеңестік кезеңдегі тұжырымды өзгертті (Быков 2023). Екінші транзиттік жол Сібір

болды, оның бастапқы нүктесі Ертіс саналды. Осыны дәйектеу мақсатында қазақстандық тарихшылар Сібір хандығының тарихын зерттеу негізінде қазақ-орыс қатынастарының қалыптасуы мен даму үрдістерін талдады. К.К. Абуев архив құжаттарының негізінде Қазақ және Орыс мемлекетінің қарым-қатынастар орнатуға мүдделі болғандығын дәлелдеді ([Абуев 2016](#)).

Соңғы уақытта тарих ғылымынан қазақ-орыс қатынастарын жаңа қырынан зерттеген еңбектер орын алды. Мәселен, 1760–1780 жылдардағы қазақ-орыс өзара байланыстарындағы, соның ішінде сауда қатынастарының дамуындағы Орта жүз сұлтаны Әбілпейіз сұлтанның қызметі көрсетілген мақала зерттеушілердің қызығушылығын тудырды ([Кенжебаев 2025](#)) Авторлардың "сұлтанның өкілетті өкілдері – ықпалды ақсақалдар мен батырлар осы үдерісте маңызды рөл атқарды. Олар шекаралық бекіністерге жіберіліп, келіссөздерде делдал болды. Нәтижесінде, Семей бекінісі тек әскери және әкімшілік орталық қана емес, сонымен қатар Ертіс өңірінің және бүкіл Шығыс Қазақстанның ірі сауда-экономикалық орталығына айналды" деген тұжырымы Әбілпейіз сұлтанның өмірі мен ішкі, әсіресе сыртқы саясатын тың деректер бойынша зерттеу қажеттілігінен хабар береді.

Әбілқайыр ханның жұбайы Бопай (Батима) ханымның орыс-қазақ дипломатиялық коммуникацияларындағы рөлі қарастырылған мақала атап өтуге тұрарлық ([Картова 2025](#)). Онда 20-дан астам құжаттарға мәтіндік талдау жүргізіліп, Бопай ханымның байланыс орнату түрлері және дипломатиялық стратегиясының ерекшеліктері зерттелді. Еңбек Қазақ хандығының саясаты мен дипломатиясындағы әйелдердің рөлін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Өз кезегінде Г.Б. Избасарова қазақ-башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үдерістерді зерттеген еді. Соңғы кезде қазақ-башқұрт байланыстары тың архив құжаттары негізінде тереңірек қарастырылды. Қазақтардың башқұрттармен 1735–1740 жылдардағы көтеріліс кезіндегі қарым-қатынастары, оған қатысу себептері, 1737 жылы Башқұртстанда Сәмеке хан мен Барақсұлтандардың болуы, көтерілісшілердің қазақ хандарына Жошы әулетінің өкілдерінің бірін билеуші ретінде жіберу туралы өтініштері және т.б. мәселелер Р.Р. Асылгужиннің, И.Ф. Амантаевтың, Ж.М. Сәбитовтың мақаласында айтылды ([Асылгужин 2025](#)).

Талқылау

XVII–XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының заманауи отандық тарихнамасына шолу жасау заманауи қазақстандық тарих ғылымындағы тарихи білімнің даму динамизмін көрсетеді. Егер ғылымда тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында Қазақ хандығының құрылуы және нығаюы мәселелері қарастырылса, одан кейінгі онжылдықтарда мемлекеттің ішкі жағдайымен қатар сыртқы байланыстарына назар аударылды. Дегенмен қазақ-жоңғар, қазақ-орыс қарым-қатынастарын зерделеуге басымдылық берілді. Тарихшылар хандықтың саяси-дипломатиялық қатынастарын арнайы зерттеу нысанына айналдырды. Есім, Жәнібек, Жәңгір, Тәуке, Әбілқайыр, Абылай, Әбілпейіз тәрізді хандардың өмірі мен қызметін арнайы қарастыруда олардың сыртқы саясатына тоқталды. Зерттеулердің деректік базасы кеңейді. Тарихшылар отандық архив қорларынан өзге шетелдік, соның ішінде Ресейдің орталық және федералды архивтерінің құжаттарын ғылыми айналымға енгізді. Осыған орай қазақ-орыс қатынастарында бұрын айтылмаған мәселелер көтерілді. Мәселен, Әбілпейіз сұлтанның Ресеймен сауда

байланыстарын дамытудағы рөлі, Бопай ханымның дипломатиялық байланыстарды орнатудағы әрекеттері және т.б. Көрсетілген кезеңде, әсіресе XVII ғасырда қазақ-бұхар қатынастарының үстірт қарастырылғаны байқалды. Есім ханның сыртқы саясатын деректер бойынша зерттеу ғылым дамуы үшін маңызды болар еді.

Қорытынды

Осылайша XVII–XVIII ғасырлардағы Қазақ хандығының сыртқы саясаты тарихының отандық заманауи тарихнамасына шолу жасалды. Көрсетілген кезеңдегі мемлекеттің сыртқы саясаты, дипломатиялық қарым-қатынастары тарихының тарихнамасы арнайы зерттеу нысанына айналмағандығы анықталды. Поскеңестік кезеңде Қазақстанның көрші, одақтас елдермен байланыстарын, қазақ билеушілерінің дипломатиясын зерттеуде біраз нәтижелерге қол жеткізілді. Дегенмен тарихнамалық шолу мәселенің әлі де болса ашылуыға тиіс қырларының бар екендігін көрсетті. Зерттеулердің мазмұнынан көбінесе екі жақты, мәселен, қазақ-орыс, қазақ-башқұрт қатынастарының қарастырылғандығын байқауға болады. Шетелдік архив қорларын былай қойғанда "Архив-2025", "Мәдени мұра" мемлекеттік бағдарламалары аясында жинақталып, көпшілігі жарық көрген тарихи деректердің ғылыми айналымға түсірілмей отырғандығы анық байқалады. Соның салдарынан қазақ-түрік, қазақ-парсы, қазақ-үнді және т.б. байланыстары зерделенбей келеді. Соңғы жылдары Қазақстан Республикасының Әзербайжанмен ынытымақтастығы күшейді. XVII–XVIII ғасырлардағы қазақ-әзербайжан қатынастарын зерттеуге мол мүмкіндік туды. Осы мәселе ой зердесінен өткізілсе ғылымдағы тың жаңалық болары анық. Аталған проблемалар зерделенсе, Қазақстан Республикасының өткен кезеңдерде де көпвекторлы саясат, Қазақ хандығының шебер дипломатияға негізделген сыртқы байланыстарды жүргізгендігі әлемге паш етілері сөзсіз. Қазіргі уақыттағы әлем мойындап отырған халықаралық ұстанымдарын жетілдіруге пайдалы болар еді.

Acknowledgments

The authors of the article expresses their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Алғыс

Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности

Авторы статьи выражает благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Әдебиеттер тізімі

- Daş M., Ospanova A. Osmanli devleti ile Kazak hanligi arasindaki siyasi iliskiler (XVIII. yy.). *Dokuz Eylul Universitesi Edebiyat Fakultesi Dergisi*. 2019. No.6, pp.380-401. <https://izlik.org/JA62RM82FB>
- Saguchi T. A study of the social history of East Turkestan in the 18th-19th centuries. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan, Publ. 1963. 775 p.
- Әбділәшімұлы Д. *Елдік феномен: Қазақ хандығының Цин патшалығына жолдаған бірегей дипломатиялық құжаттары туралы тарихи-деректанулық зерттеу*. Токио: Фучу, Токио шетел. университеті, Азия және Африка тілдері мен мәдениетін зерттеу институты. 2025. 452 б.
- Абылай ханның іргелес мемлекеттер және көрші халықтармен қарым-қатынасы. Ж. Ошан,

- З. Қабылдинов, А. Әбсадық, О. Қуанбай және т.б. Алматы: ИП "Мадияр". 2023. 344 б.
- Абуев К. *Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений*. Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова. 2016. 184 с.
- Абусейтова М. *Казахстан и Центральная Азия в XV-XVII веках: история, политика, дипломатия*. Алматы: Дайк-Пресс. 2002. 288 с.
- Аллворт Э. *Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии*. Пер. с англ. Л. Игоревский. Москва: ИП Лысенко А.Д. PRESS BOOK. RU. 2017. 382 с.
- Асылгузин Р., Амантаев И., Сабитов Ж. Башкирское восстание 1735-1740 гг. Сквозь призму башкиро-казахских отношений. *Bylye Gody*. 2025. Т.20, no.3, с.1105-1116.
- Атығаев Н. *Қазақ хандығы тарих толқынында. Очерктер / Казахское ханство в потоке истории*. Алматы: Елтаным баспасы. 2015. 384 б.
- Атығаев Н. *Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV-XVII веков*. Алматы: Евразийский научно-исследовательский институт МКТУ им. Х. Ясави, 2023. 225 с.
- Басин В. *Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи)*. Алма-Ата: Изд-во Наука Казахской ССР. 1971. 275 с.
- Быков А. *Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731-1917 гг.)*. Т.1. Москва: ИВ РАН. 2023. 464 с.
- Жаппасов Ж. *XVI-XVIII ғасырлардағы қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихнамасы*. Алматы: Қазақ университеті. 2019. 232 б.
- Еженханұлы Б. *Абылай хан дәуіріндегі Қазақ-Цин қатынастары*. Алматы: TURAN баспасы. 2025. 696 б.
- Избасарова Г. *XVIII ғасырдағы қазақ-башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үдерістер*. Ақтөбе: ПринТА баспаханасы. 2008. 232 б.
- Из истории Казахстана (XVIII – начало XIX веков)*. Абдиров М., Избаиров А., Кабульдинов З. Алматы: Изд-во ИП Базарбаева. 2020. 592 с.
- Исин А. *Казахское ханство и Ногайская орда во второй половине XV-XVI вв.* Семипалатинск. 2002. 139 с.
- Қазақ хандығы тарихы: құрылуы, өрлеуі, құлдырауы*. Б. Аяған, Х. Әбжанов., А. Исин, Алматы: Сөздік-Словарь. 2011. 318 б.
- Кәрібаев Б. *Қазақ хандары туралы зерттеулер (XV ғ. ортасы – XVIII ғ. басы)*. Алматы: Қазақ университеті. 2019. 228 б.
- Кәрібаев Б. Жәңгір хан және XVII ғ. қазақ-жоңғар қатынастары мәселелері. *ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы*. 2016. Т.83, no3, бб.134-139-б.
- Кабульдинов З. *Абылай хан и Россия*. Алматы: ИП Мадияр. 2023. 296 с.
- Қамбарбекова Ғ. *Ортағасырлық Иран: археография және дереккөздер (XIII-XVIII)*. Алматы: Орхон баспа үйі. 2026. 336 б.
- Картова З., Абуов Н., Жуманова А., Ильясова Г. Эпистолярное наследие Бопай ханым в контексте русско-казахских коммуникаций в первой половине XVIII в. *Bylye Gody*. 2025. Т.20, no.4, с.1659-1670.
- Кенжебаев Г., Кабульдинов З., Черниенко Д., Апендиев Т. Развитие казахско-российских торговых отношений в деятельности султана Среднего жуза Абулфеиса (1760-е – начало 1780-х гг.). *Bylye Gody*. 2025. Т.20, no.4, с.1700-1709.
- Моисеев В. *Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.)*. Алма-Ата: Гылым. 1991. 238 с.
- Мұқаметханұлы Н. *XVIII-XIX ғасыр. қазақ-қытай байланыстары*. Алматы: Санат. 1996. 126 б.
- Мұқаметханұлы Н. *Дипломатиялық қатынастар және қытайтану мәселелер*. Алматы: Тарих тағылым баспасы. 2010. 204 б.
- Омарбеков Т. *Ұлы даланың дара тұлғалары: Қазақ хандары*. Алматы: Эсклюзив КА. 2015. 180 б.

- Оспанова А. Қайыпмұхаммед ханның Осман империясына жазған хаттарына Османлы архив деректері негізінде талдау (XVIII ғ.). *Отан тарихы*. 2024. Т.27, no.1, 66.21-33-б.
- Султанов Т. *Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории)*. Москва: Изд-во Наука. 1982. 134 с.
- Тепкеев В.Т. *Аюка-хан и его время*. Элиста: КалмНЦ. 2018. 359 с.
- Тулибаева Ж. Торговые взаимосвязи казахов с Бухарским ханством во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. *Шелковый путь и Казахстан. Материалы науч.-прак. конф.* Алматы: Жибек жолы. 1999. С.201-206.
- Тулибаева Ж. Исторические связи казахов с узбекскими ханствами в XVIII веке по данным сочинений центральноазиатских авторов Нового времени. *Gumilyov Journal of History* 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194>.
- Хафизова К. *Степные властители и их дипломатия в XVIII-XIX веках*. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК. 2019. 480 с.

References

- Daş M., Ospanova A. Osmanli devleti ile Kazak hanligi arasindaki siyasi iliskiler (XVIII. yy.). (Politicheskie otnosheniya mejdu Osmanskim gosudarstvom i Kazahskim hanstvom (XVIII vek). *Journal of the Faculty of Letters, Dokuz Eylul University*. 2019. Vol.6, no2, pp.380-401. <https://izlik.org/JA62RM82FB> (in Turkish)
- Saguchi T. A study of the social history of East Turkestan in the 18th-19th centuries. Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan Publ. 1963. 775 p. (In Japanese)
- Abdilashimuly D. *Eldik fenomen: Kazakh khandygynyn Cin patshalygyna joldagan biregei diplomaticheskiy kujatlary turally taryhy-derektanulyk zertteu*. Tokyo: Fuchu, Tokyo overseas University of Languages, Institute for the study of Asian and African languages and culture. 2025. 452 p. (in Kazakh)
- Abylai hannyn irgeles memleketter jane korshi halyktarmen karym-katynasy. (Otnosheniya Abylai-hana s sosednimi gosudarstvami i narodami). J. Oshan, Z. Kabyldinov, A. Absadyk, O. Kuangbai t.b. Almaty: IP Madiyar. 2023. 296 p. (in Kazakh)
- Abuev K.K. *Sibirskoe hanstvo v kontekste kazahsko-ruskih otnosheni*. Kokshetau: KSU named after Sh. Ualikhanov Publ. 2016. 184 p. (in Russian)
- Abuseitova M.K. *Kazakhstan i Centralnaya Aziya v XV-XVII vekah: istoriya, politika, diplomatiya. Second ed., supplemented*. Almaty: Dyke-Press Publ. 2002. 288 p. (in Russian)
- Allworth E. *Rossiia: proryv na Vostok. Politicheskie interesy v Srednei Azii*. Translated from English by L.A. Igorevsky. Moscow: IP Lysenko. A.D. PRESS BOOK. RU. Publ. 2017. 382 p. (in Russian)
- Asylguzhin R., Amantaev I., Sabitov Zh. Bashkirskoe vosstanie 1735-1740 gg. Skvoz prizmu bashkiro-kazakhskikh otnoshenii. *Bylye Gody*. 2025. Vol.20, no.3, pp.1105-1116. (in Russian)
- Atygaev N. *Kazakh khandygy taryh tolkynynda. Ocherkter*. Almaty: Eltanym Publishing House. 2015. 384 p. (in Kazakh- Russian)
- Atygaev N. *Kazahskoe hanstvo: ocherki vnesnepoliticheskoi istorii XV-XVII vekov*. Almaty: Eurasian Research Institute of the International Classification of Technical Sciences named after H. Yasawi Publ. 2023. 225 p. (in Russian)
- Basin V. *Rossiia i kazakhskie khanstva v XVI-XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossiiskoi imperii)*. Alma Ata: Publishing house Science of the Kazakh SSR. 1971. 275 p. (in Russian)
- Bykov A. *Rosiskaia politika v Stepnyh oblastah i transformasiya kazahskogo obshchestva (1731-1917 gg.)*. T.1. Moscow: IV RAN Publ. 2023. 464 p. (in Russian)
- Jappasov J. *XVI-XVIII gasyrlardagy kazakh-orys karym-katynastarynyn taryhnamasy*. Almaty: Kazakh-

- University. 2019. 232 p. (in Kazakh)
- Ezhenkhanuly B. *Abylai han davuirindegi Kazakh-Cin katynastary*. TURAN Publ. House. 2025. 696 p. (in Kazakh)
- Izbasarova G.B. *XVIII gasyrdagy kazakh-bashkurt ara katynastaryndagy sayasi jane etnikalyk uderister*. Aktobe: PrintA Printing House. 2008. 232 p. (in Kazakh)
- From the history of Kazakhstan (XVIII – early XIX centuries)*. M. Abdirov, A. Izbasarov, Z. Kabuldinov. Almaty: Bazarbaeva Publ. 2020. 592 p. (in Russian)
- Isin A. *Kazahskoe hanstvo i Nogaiskaia orda vo vtoroi polovine XV-XVI v*. Semipalatinsk Publ. 2002. 139 p. (in Russian)
- Kazakh khandygy taryhy: kurylyy, orleuy, kuldyraby*. Ayagan B., Abzhanov Kh., Isin A. Almaty: Dictionary-Dictionary. 2011. 320 p. (in Kazakh)
- Karibayev B. *Kazakh handary turally zertteuler. (XV ğ. ortasy – XVIII ğ. basy)* Almaty: Kazakh University. 2019. 228 p. (in Kazakh).
- Karibayev B. Zhangir han jane XVII g. kazakh-jonghar katynastary maseleri. *KazNU Bulletin. History series*. 2016. Vol.82, no.3, pp.134-139. (in Kazakh)
- Kabuldinov Z.E. *Abylai khan i Rossiia*. Almaty: IP Madiyar Publ. 2023. 296 p. (in Russian)
- Kambarbekova G. *Ortağasrlyq Iran: arxeografiya jäne derekközder. (XIII-XVIII)*. Almaty publishing house Orkhon. 2026. 336 p. (in Kazakh)
- Kartova Z., Abuov N., Zhumanova A., Ilyasova G. Epistoliarnoe nasledie Bopai khanym v kontekste russko-kazakhskikh kommunikatsii v pervoi polovine XVIII v. *Bylye Gody*. 2025. T.20, no.4, pp.1659-1670. (in Russian)
- Kenzhebaev G., Kabuldinov Z., Chernienko D., Apendiev T. Razvitie kazakhsko-rossiiskikh torgovykh otnoshenii v deiatelnosti sultana Srednego zhuza Abulfeisa (1760-e – nachalo 1780-kh gg.). *Bylye Gody*. 2025. T.20, no. 4, pp.1700-1709. (in Russian)
- Moiseev V. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII-XVIII vv.)*. Almaty: Gylym Publ. 1991. 238 p. (in Russian)
- Mukametkhan N. *XVIII–XIX gasyr. kazakh-kytai baylanystary*. Almaty: Sanat. 1996. 126 b. (in Kazakh)
- Mukametkhan N. *Diplomatiialyk qatynastar jane qytaitanu maseler*. Almaty: Tarih Tağylym Publishing House. 204 b. (in Kazakh)
- Omarbekov T. *Uly dalanyń dara tulgalary: Kazakh handary*. Almaty. Exclusive Publ. 2015. 180 p. (in Kazakh)
- Ospanova A. Kaiypmuhammed hannyn Osman imperiyasyna jazgan hattaryna Osmanly arhiv derekteleri negizinde taldau (HVIII ğ.). *History of the Fatherland*. 2024. Vol.27, no.1, pp.21-33. (in Kazakh)
- Sultanov T. *Kochevyie plemena Priarälä v XV-XVII vv*. Moscow: Nauka Publ. 1982. 134 p. (in Russian)
- Tepkeev V. *Aiuka-han i ego vremä*. Elista: KalmNC. 2018. 359 p. (in Russian)
- Tulibayeva Zh. *Torgovyie vzaimosvāzi kazahov s Buharskim hanstvom vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX vv*. In: *The Silk Road and Kazakhstan. Proceedings of the scientific and practical conference*. Almaty: Zhibek zholy, 1999. 324 p. Pp. 201-206. (in Russian)
- Tulibayeva Zh. Istoricheskie sviazi kazakhov s uzbekskimi khanstvami v XVIII veke po dannym sochinenii tsentralnoaziatskikh avtorov Novogo vremeni. *Gumilyov Journal of history*. 2026. Vol.154, no.1, pp.178-94. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-154-1-178-194>. (in Russian)
- Khafizova K.Sh. *Stepnye vlastiteli i ih diplomatiia v XVIII-XIX vekah*. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK Publ. 2019. 480 p. (in Russian)

Information about the author

Orazgul Kh. Mukhatova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, 28, Shevchenko str., 050010, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-8613-7248>, Orazgul7@rambler.ru

Авторлар туралы мәлімет

Оразгүл Хасенқызы Мұхатова – тарих ғылымдарының докторы, профессор, бас ғылыми қызметкер, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, институты 28 үй, Шевченко көш., 050010, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-8613-7248>, Orazgul7@rambler.ru

Сведения об авторах

Оразгуль Хасеновна Мухатова – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Института Истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, д. 28, ул. Шевченко, 050010, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-8613-7248>, Orazgul7@rambler.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. **Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. **Заявление о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 10.05.2026.

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 08.08.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026.

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.09.55 (03.20.00)

<https://doi.org/10.32523/3080-129X--2026-156-3-179-201>

Construction of the Image of a Muslim Woman on the Pages of the Newspaper "Terjiman" (1883-1890)

S. Sabyr^a

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

saniya.nurzhanovna@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of the lack of a holistic analysis of the image of a Muslim woman in the journalism of Ismail Gasprinsky, who published the newspaper "Terjiman" in Bakhchisarai since 1883. Despite the large number of works devoted to his educational, publishing and reform activities, the "women's issue" did not become the topic of a separate study, and no systematic study of articles from 1883-1890 was conducted. The relevance of the topic is due to the fact that a significant body of I. Gasprinsky's journalistic legacy from 1887-1890 was introduced into scientific circulation in Russian only in 2019, which gives his analysis special importance for understanding the gender policy of Jadidism and opens new opportunities for studying the women's issue within the framework of Jadid discourse. The key concept of the analysis is the construction of the image, that is, how a new model of female subjectivity was built using articles, notes, and feuilletons in the newspaper "Terjiman", which differed from both traditional stereotypes and Western models of women's liberation. The purpose of this article is to recreate the holistic image of a Muslim woman that I. Gasprinsky deliberately created on the pages of the newspaper "Terjiman" in 1883-1890. The methodological basis of the research is a set of methods: discourse analysis, content analysis and the gender approach of Nira Yuval-Davis, as well as a comparative method that allows comparing I. Gasprinsky's journalism with the materials of the Kazakh newspaper "Dala Ualayaty". Discourse analysis allows us to identify key semantic contrasts, such as the juxtaposition of "tradition and seclusion" and "independent education," as well as the ways in which I. Gasprinsky used Sharia to justify women's rights. Content analysis allows us to divide the articles into three main categories: religious and legal, socio-demographic, and based on real-life examples. In the framework of Nira Yuval-Davis's gender theory, the image of a woman is understood as a symbol of collective identity. The main result of the study is a reinterpretation of how I. Gasprinsky constructed the image of a Muslim woman. It is important to recognize that he did not copy Western models of women's liberation but rather created his own image based on Islamic tradition, the practical benefits of women for society, and real-life stories. This approach allows us to break away from the stereotype of the "passive Eastern woman" and present her as an active participant in public life. The article fills a gap in the study of gender aspects in Jadid periodicals and shows how periodicals became a tool for reshaping social roles in traditional societies.

Keywords: Muslim woman; Jadidism; Ismail Gasprinsky; "Terjiman"; image of a woman; gender history; Sharia; female agency

For citation: Sabyr S. Construction of the Image of a Muslim Woman on the Pages of the Newspaper "Terjiman" (1883-1890). *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.179-201. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-179-201>

“Терджиман” газетінің беттерінде мұсылман әйелі бейнесінің құрылымы (1883-1890 жж.)

С. Сабыр

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада Исмаил Гаспринскийдің публицистикасында мұсылман әйелі бейнесінің тұтас талдауының болмауы мәселесі қарастырылады. И.Гаспринский 1883 жылы Бахчисарайда “Терджиман” газетін шығара бастаған. Оның ағартушылық, баспа және реформаторлық қызметіне арналған көптеген еңбектерге қарамастан, “әйелдер мәселесі” жеке зерттеу тақырыбына айналмады, ал 1883-1890 жылдардағы мақалаларды жүйелі түрде зерттеу жүргізілмеді. Тақырыптың өзектілігі И. Гаспринскийдің 1887-1890 жылдардағы публицистикалық мұрасының басым бөлігі орыс тілінде ғылыми айналымға тек 2019 жылы енгізілгендігімен анықталады. Бұл оның талдауына жәдидшіліктің гендерлік саясатын түсіну үшін ерекше мән береді және жәдидтік дискурс шеңберінде әйелдер мәселесін зерттеудің жаңа мүмкіндіктерін ашады. Талдаудың негізгі ұғымы ретінде бейнені құрастыру-яғни “Терджиман” газетінің мақалалары, жазбалары мен фельетондары арқылы дәстүрлі стереотиптерден де, батыстық үлгілерден де өзгеше әйел субъектілігінің жаңа моделінің қалай қалыптасқаны алынады. Мақаланың мақсаты И. Гаспринскийдің 1883-1890 жылдары “Терджиман” газеті беттерінде саналы түрде қалыптастырған мұсылман әйелінің тұтас бейнесін қайта жаңғырту. Зерттеудің методологиялық негізін дискурс-талдау, мазмұн-талдау, Нира Юваль-Дэвистің гендерлік тәсілі, сондай-ақ И. Гаспринскийдің публицистикасын қазақтың “Дала уалаяты” газетінің материалдарымен салыстыруға мүмкіндік беретін салыстырмалы әдіс құрайды. Дискурс-талдау негізгі мағыналық қарама-қайшылықтарды, мысалы “дәстүр мен жабықтықты”-“білім мен дербестікке” қарсы қояды, сондай-ақ И. Гаспринскийдің шариятқа жүгіну арқылы әйел құқықтарын негіздеу тәсілдерін анықтауға мүмкіндік береді. Мазмұн-талдау мақалаларды үш негізгі категорияға: діни-құқықтық, әлеуметтік-демографиялық және нақты мысалдарға негізделген бағыт бойынша бөлуге мүмкіндік береді. Нира Юваль-Дэвистің гендерлік теориясы аясында әйел бейнесі ұжымдық бірегейліктің символы ретінде түсініледі. Зерттеудің негізгі нәтижесі И. Гаспринскийдің мұсылман әйелі бейнесін құрастыруда нені негізге алғанын қайта қарастыру. Ол әйелдерді босатудың батыстық үлгілерін көшірмеген, өзіндік бейнені ислам дәстүріне, әйелдің қоғам үшін практикалық пайдасына және нақты өмірлік оқиғаларға сүйене отырып жасағанын түсіну маңызды. Мұндай тәсіл “пассивті шығыс әйелі” стереотипінен бас тартуға және оны қоғамдық өмірдің белсенді қайраткері ретінде танытуға мүмкіндік береді. Мақала жәдид мерзімді баспасөзіндегі гендерлік аспектілерді зерделеудегі олқылықты толтырады және мерзімді баспасөздің дәстүрлі қоғамда әлеуметтік рөлдерді қайта қарау құралына айналғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: мұсылман әйелі; жәдидшілдік; Исмаил Гаспринский; “Терджиман”; әйел бейнесі; гендерлік тарих; шарият; әйел агенттігі

Конструирование образа мусульманской женщины на страницах газеты "Терджиман" 1883-1890гг.

С. Сабыр

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия целостного анализа образа мусульманской женщины в публицистике Исмаила Гаспринского, издававшего в Бахчисарае газету "Терджиман" с 1883 года. Несмотря на большое количество работ, посвященных его просветительской, издательской и реформаторской деятельности, "женский вопрос" не становился темой отдельного исследования, а систематическое изучение статей 1883-1890 годов не проводилось. Актуальность темы обусловлена тем, что значительный корпус публицистического наследия И. Гаспринского за 1887-1890 годы была введена в научный оборот на русском языке только в 2019 году, что придает его анализу особую значимость для понимания гендерной политики джадидизма и открывает новые возможности для изучения женского вопроса в рамках джадидского дискурса. Ключевым понятием анализа выступает конструирование образа, а именно: как через статьи, заметки и фельетоны газеты "Терджиман" выстраивалась новая модель женской субъектности, которая отличалась, как от традиционных стереотипов, так и от западных образцов освобождения женщин. Целью статьи является воссоздание целостного образа мусульманской женщины, который И. Гаспринский сознательно выстраивал на страницах газеты "Терджиман" в 1883-1890 годах. Методологическую основу исследования составляет комплекс методов: дискурс-анализ, контент-анализ и гендерный подход Ниры Юваль-Дэвис, а также сравнительный метод, позволяющий сопоставить публицистику И. Гаспринского с материалами казахской газеты "Дала уалаяты". Дискурс-анализ позволяет обнаружить ключевые смысловые противопоставления, например, как "традицию и затворничество" – "образованию самостоятельности", а также способы, благодаря которым И. Гаспринский через обращение к шариату обосновывал права женщины. Контент-анализ позволяет распределить статьи по трем основным категориям: религиозно-правовой, социально-демографической и основанной на реальных примерах. В рамках гендерной теории Ниры Юваль-Дэвис женский образ понимается как символ коллективной идентичности. Основным результатом исследования является переосмысление того, на чем И. Гаспринский основывал конструирование образа мусульманской женщины. Важно осознать, что он не копировал западные модели освобождения женщин, а создавал собственный образ, опираясь на исламскую традицию, практическую пользу женщины для общества и на реальные жизненные истории. Такой подход позволяет отказаться от стереотипа о "пассивной восточной женщине" и репрезентировать ее как активного деятеля общественной жизни. Статья заполняет пробел в изучении гендерных аспектов в джадидской периодике и показывает, как периодическая печать становилась инструментом пересмотра социальных ролей в традиционном обществе.

Ключевые слова: мусульманская женщина; джадидизм; Исмаил Гаспринский; "Терджиман"; образ женщины; гендерная история; шариат; женская агентность

Для цитирования: Сабыр С. Конструирование образа мусульманской женщины на страницах газеты "Терджиман" 1883-1890гг. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, с.179-201. <https://doi.org/10.32523/3080-129X--2026-156-3-179-201>

Введение

Образ мусульманской женщины долгое время конструировался через оппозиции: “активный Запад” – “пассивный Восток”, “просвещенный мужчина – угнетенная женщина”. Эта рамка превращала ее в главный признак отсталости. Пересмотр этого устоявшегося взгляда начался с появлением джадидизма – реформаторского движения среди мусульман Российской империи, которое на рубеже XIX-XX веков вступило за обновление образования, культуры и общественного быта. В джадидской публицистике образ мусульманской женщины нередко становился точкой приложения реформаторских идей, однако его внутренняя структура и риторические приемы, с помощью которых он создавался, до сих пор не стали предметом специального анализа. Основной фигурой джадидизма в “женском вопросе” является Исмаил Гаспринский (1851-1914 гг.) – основатель и издатель газеты “Терджиман” (“Переводчик”), выходившей в Бахчисарае с 1883 года. Именно данное издание стало главной трибуной для обсуждения женского образования, прав и социальной роли мусульманки в Российской империи. Согласно наблюдениям В.Ю. Ганкевича ([Ганкевич 2001](#)), труды И. Гаспринского содержат бесценные сведения о социальной структуре тюрко-мусульманского мира. Исследователь выделяет среди прочих тем так называемый “женский вопрос”, который, по его мнению, занимал в публицистике И. Гаспринского одно из центральных мест. Актуальность обращения к этой теме обусловлена тем, что сам И. Гаспринский считал просвещение женщины условием возрождения нации, то есть “женский вопрос” был для него не второстепенным, а центральным. Его основная идея, проходящая через все годы издания, заключается в том, что мусульманская женщина – не объект опеки, а субъект семейного права, естественный учитель нации и потенциальный общественный деятель, способный через воспитание детей сделать нацию более образованной и сильной. Турецкий исследователь Я. Акпынар ([Akpinar 2004](#)), посвятивший И. Гаспринскому свой фундаментальный труд, подчеркивал, что по степени влияния и служения народу “Терджиман” не знает себе равных в тюркском мире в конце XIX – начале XX веков ([Сейтмеметова 2017:24](#)). На страницах своего издания И. Гаспринский последовательно конструировал новый образ мусульманской женщины – образованной, нравственной, экономически активной и юридически дееспособной. Вопреки устойчивым стереотипам о “восточной пассивности” и “затворничестве”, эта позиция просветителя была далека от традиционных представлений.

“Женский вопрос” в понимании джадидов не сводился лишь к несправедливости или угнетению. Он включал три взаимосвязанные проблемы: право женщины на образование, которое джадиды считали обязательным по шариату, ее экономическую и юридическую самостоятельность в рамках семьи и общества, а также пересмотр традиционных ролей – от затворницы к грамотной матери и работнице. И. Гаспринский не просто призывал к переменам, а выстраивал развернутую аргументацию, опираясь на шариат, практическую пользу для семьи и общества и живые примеры мусульманок, уже проявивших себя в публичной сфере.

Однако в историографии джадидизма гендерная публицистика И. Гаспринского долгое время оставалась неизученной, исследователи сосредотачивались на реформе образования, языке и издательской работе просветителя, а его утверждение в пользу прав и образования мусульманской женщины либо упоминались вскользь, либо рассматривались как частный случай. Даже работы, специально посвященные

джадидской женской повестке, анализируют более поздний период – начало XX века или опираются на единичные статьи, не охватывая системно публицистику 1883-1890 годов.

Большая часть статей И. Гаспринского (2019), особенно за 1887-1890 годы, была введена в научный оборот на русском языке лишь в 2019 году, что делает их систематический анализ особенно актуальным. Именно процесс конструирования образа мусульманской женщины – какими риторическими средствами, доводами и примерами И. Гаспринский убеждал читателя – до сих пор не становился предметом отдельного исследования.

Данное исследование фокусируется не на содержании идей в статьях И. Гаспринского, а на способах их аргументации. Применение дискурс-анализа к статьям 1883-1890 годов позволяет реконструировать, из каких смысловых частей собирался образ “новой мусульманской женщины” и как эти части влияли на традиционное общество.

Целью исследования является осуществление критического анализа статей И. Гаспринского за 1883-1890 годы, реконструирующего образ мусульманской женщины, путем группировки статей по трем ключевым направлениям: религиозно-правовому, социально-демографическому и основанному на реальных примерах, тем самым создавая целостный образ мусульманской женщины, ломающий стереотип о ее пассивности.

Методология, методы и материалы

Теоретической основой исследования служит гендерный подход, разработанный Нирой Юваль-Дэвис (Yuval-Davis 2004), согласно которому женщина выступает символическим показателем коллективной идентичности. Применительно к публицистике И. Гаспринского это позволяет показать, что образ мусульманской женщины в газете “Терджиман” конструировался как символ новой, “просвещенной” общности – одновременно мусульманской, тюркской и лояльной российскому государству.

Общей методологической рамкой исследования является герменевтический подход. Он ориентирует на интерпретацию публицистических текстов И. Гаспринского не как нейтральных источников информации, а как смысловых конструкторов, отражающих мировоззрение автора, его адресата и ценностные ориентиры эпохи. Герменевтика позволяет учитывать историко-культурный контекст, в котором создавались статьи, и выявлять не только явное содержание высказываний, но и их глубинные, подразумеваемые смыслы. Такой подход особенно важен для понимания того, как И. Гаспринский переопределял ключевые исламские понятия, такие как брак, калым, шариат, и адаптировал их к задачам женского просвещения.

Методологически герменевтическая рамка реализуется через два взаимодополняющих метода, как контент-анализ и дискурс-анализ. Контент-анализ, реализованный в форме тематической группировки, позволил систематизировать все отобранные тексты по трем ключевым направлениям аргументации: религиозно правовому – обоснование прав женщин через шариат, социально-демографическому – связь грамотности матери с процессом нации и направлению, основанному на реальных примерах, про женщин врачей, благотворительниц и ханшу Карабагскую. Таким образом, контент-анализ позволил выделить три основные группы обоснований, на которых И. Гаспринский конструировал образ мусульманской женщины.

В основе исследования лежит понимание, что газета “Терджиман” была не просто информационным изданием, а проектом формирования джадидской идеологии, где

образ мусульманской женщины сознательно конструировался, а не нейтрально отражал реальность. Поэтому центральным методом исследования является дискурс-анализ, позволивший выявить ключевые оппозиции, связываемые с образом мусульманской женщины, с одной стороны, традиция и затворничество, с другой – образование и способность действовать самостоятельно. Дискурс-анализ применяется для изучения того, как на страницах газеты формулируются высказывания о женщине, какие языковые приемы и метафоры использует И. Гаспринский для обоснования ее прав. Например, И. Гаспринский переопределяет значение ключевых понятий, таких как “калым” – не выкуп, а материальное вознаграждение, причитающееся женщине, а также он переопределяет границы допустимого через обращение к шариату.

Для выявления особенностей публицистической стратегии И. Гаспринского и ее места в общем тюрко-мусульманском дискурсе применяется сравнительный метод. Он позволяет сопоставить аргументацию И. Гаспринского с подходами к женскому вопросу в казахской дореволюционной периодике, в частности с публикациями в газете “Дала уалаяты”. Сравнительный анализ строится на двух уровнях: во-первых, сопоставляются сами способы убеждения-эмоциональный, практический, юридический, во-вторых, сравнивается то, какой образ женщины создают авторы. Это позволяет выявить общие черты джадидского движения, региональные особенности, и главное, новаторство И. Гаспринского, заключавшееся в юридическом обосновании прав женщин через шариат.

Материалами исследования послужили статьи, заметки и фельетоны И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты “Терджиман” в 1883-1890 годы. Всего изучено 1327 статей, заметок и фельетонов, из которых 26 были отобраны для детального анализа. Отбор осуществлялся по следующим критериям: во-первых, в тексте должна была прямо упоминаться мусульманская женщина – ее права, образование, труд, социальное положение. Во-вторых, публикация должна была содержать не просто упоминание, а развернутое обоснование позиции автора. В-третьих, отбирались только те тексты, которые принадлежат самому И. Гаспринскому. Также в выборку вошли как большие программные статьи, так и короткие заметки и фельетоны, чтобы охватить все жанровое разнообразие газеты. Такой подход позволил собрать все значимые публикации И. Гаспринского по “женскому вопросу” и обеспечить полноту и достоверность реконструкции образа мусульманской женщины.

Таким образом, сочетание герменевтической рамки, гендерной теории Н. Юваль-Дэвис, контент-анализа, дискурс-анализа и сравнительного анализа обеспечило возможность не просто описать, но содержательно интерпретировать механизмы конструирования целостного образа мусульманской женщины, который И. Гаспринский сознательно создавал на страницах “Терджимана” в 1883-1890 годах.

Литературный обзор

Исмаил Гаспринский и его газета “Терджиман” неоднократно становились предметом исследований. Публицистика просветителя и ее “женский вопрос” привлекают внимание исследователей, начиная с конца XIX века. К настоящему времени достаточно полно изучены издательская деятельность И. Гаспринского, его роль в джадидизме, языковая политика и жанровое разнообразие газеты “Терджиман”.

Основной вклад в эти направления внесли В.Ю. Ганкевич ([Ганкевич 2001](#)), подробно реконструировавший издательскую стратегию и биографию И. Гаспринского, И.А. Керимов

(Керимов 1999), систематизировавший публикации “Терджимана”, С. Сеитмеметова, Э. Абибуллаева (Сеитмеметова 2015), составившие каталог периодических изданий из его личной библиотеки, Ю.Б. Османов (Османов 2014), исследовавший программные труды просветителя. Среди зарубежных исследователей выделяются Я. Акпынар (Akpinar 2004), подготовивший фундаментальное трехтомное издание сочинений И. Гаспринского (Гаспринский 2017), А. Халид (Khalid 1998) изучавший джадидизм в контексте империи.

Однако “женский вопрос” в публицистике И. Гаспринского долгое время оставался вто-ростепенным. Отдельные упоминания о положении мусульманки встречаются в работе А. Куркчи (Куркчи 1991), но они носят фрагментарный характер и не опираются на систематический анализ корпуса текстов. Лишь в последние годы появились специальные исследования Л. Давлетшиной (Давлетшина 2009), изучившей благотворительную деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере, Л. Диниковой (Диникова 2013), рассмотревшей эмансипацию в просветительской деятельности, Э. Абибуллаевой (Абибуллаева 2015), переводившей и анализировавшей очерки о женщинах, Н. Тихоновой (Тихонова 2016) посвятившей работы анализу религиозного дискурса в женском вопросе, С. Абдурамановой (Абдураманова 2018) обратившейся к очеркам “Кадынлар” и “Проблески культурного движения татар”, Л. Чубукчиевой (Чубукчиева 2014), изучавшей женский мир семьи Гаспринских, Г. Кушеновой (Kushenova 2025), проанализировавшим роль И. Гаспринского в женском движении. Однако и эти работы не дают целостного образа мусульманской женщины на материале публицистики 1883-1890 годов.

Источниковую базу данного исследования составляют статьи, заметки и фельетоны И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты “Терджиман” в 1883-1890 годах. Ранние публикации 1883-1886 годов включают статьи о брачном договоре, фельетоны о мусульманке-читательнице, заметки о спасении “падших” женщин. Публикации 1887-1890 годов охватывают педагогические статьи, материалы о женщинах врачах, положительных образах образованных мусульманок. Большая часть текстов 1887-1890 годов впервые введена в научный оборот.

Таким образом, настоящая статья впервые предлагает целостный анализ образа мусульманской женщины в газете “Терджиман” за 1883-1890 годы, восполняя пробел в изучении гендерных аспектов джадидской публицистики.

Результаты

В основе публицистической стратегии И. Гаспринского лежит последовательное переопределение статуса мусульманской женщины через обращение к шариату. Он не противопоставляет ислам “прогрессу” и не призывает к заимствованию европейских моделей освобождения женщины. Напротив, он утверждает, что именно в рамках исламского права мусульманская женщина уже обладает значимыми юридическими и имущественными правами и их нужно лишь признать и защищать. Анализ строится на выделении двух аспектов публицистики И. Гаспринского: риторических приемов, которыми он пользовался для убеждения читателя, и его содержательных взглядов на положение женщины в обществе.

Ключевая для этого аргумента статья “Известно, что у мусульман брак представляет главным образом гражданский договор ...” (1883, №20) начинается с принципиального

определения. И. Гаспринский прямо заявляет: “брак-это гражданский договор, в коем одна сторона (женщина) обязуется за известное материальное вознаграждение (калым, мегр,кебин) сожительствовать с другой (мужской)” (Гаспринский 2017b:137). Выбор слов здесь не случаен. Во-первых, И. Гаспринский сознательно заменяет теологическое понимание брака как “таинства” или “божественного установления” на светскую категорию договора. Это позволяет ему говорить о правах и обязанностях сторон в юридическом, а не в морально-религиозном ключе. Во-вторых, он называет женщину “стороной” договора, а не его объектом. В традиционной патриархальной логике брак часто осмысливается как передача невесты от отца к мужу. И. Гаспринский же раскрывает эту логику так, что женщина сама “обязуется за вознаграждение”, тем самым он показывает ее субъектность и дееспособность. В-третьих, он подчеркивает, что калым – это не “выкуп” или “покупка” женщины, как часто трактовали европейские наблюдатели, а материальное вознаграждение, причитающееся лично женщине. Это имущественное право, а не знак ее “товарного статуса”. Здесь И. Гаспринский не просто говорит о калыме, а использует прием, где переворачивает привычное понимание, чтобы убедить читателя в том, что шариат содержит механизмы защиты женщины. Его основная мысль в том, что ислам дает женщине права, которые нужно лишь признать и защищать.

Однако сразу вслед за этим определением И. Гаспринский фиксирует проблему. Российское законодательство, признавая за мусульманами право заключать брак по шариату, изъяло “спору и иски, вытекающие из брачного договора мусульман, из ведения духовных властей” и передало их “компетенции общих судебных учреждений” (Гаспринский 2017b:138). На первый взгляд, это кажется справедливым: суд должен защищать права женщины. Но на практике, И. Гаспринский доказывает, что эта мера ведет к прямо противоположному результату. Почему? Он приводит три неразрешимых противоречия. Первый: брачный договор по шариату заключается устно, через доверенных лиц, без формальных письменных документов. В российском гражданском суде такой договор невозможно доказать. Женщина, чьи права нарушены, когда муж не выплатил оговоренное вознаграждение, не может предъявить никакого документального подтверждения. Второе: шариат разрешает брак для женщин с 13 лет, российское гражданское совершеннолетие наступает в 21 год. Суд отказывается признавать договор, заключенный “несовершеннолетней” по российским меркам, даже если по шариату она уже взрослая.

Восклицание автора: “судебные места не признают договор, совершенный несовершеннолетними в нарушение основных законов!” (Гаспринский 2017b:138) – фиксирует абсурд ситуации, женщина одновременно дееспособна по законам своей религии и недееспособна по законам государства. Третье противоречие – взаимоисключение решений разных судов. И. Гаспринский приводит нелепый случай: женщина может потерять право на вознаграждение по шариату, но, сумев его сохранить “неправильно с точки зрения религиозных постановлений”. Или, наоборот, по шариату ей положено, а гражданский суд отказывает. Одна и та же жизненная ситуация оценивается прямо противоположным образом в зависимости от того, какая судебная инстанция ее рассматривает.

Таким образом, И. Гаспринский не просто жалуется на несправедливость, а системно показывает, что формальное равенство перед законом является фактическим бесправием из-за несовместимости правовых систем. Из этого анализа И. Гаспринский делает важный вывод, что проблема не в шариате и не в том, что женщина якобы “бесправна” по исламу.

Проблема – в юридическом разрыве между двумя правовыми системами, который делает женщину уязвимой. Он не критикует российское законодательство в целом, а показывает конкретные, практические нестыковки, которые ведут к несправедливости.

В статье “Об уравнивании наследственных прав женщин и мужчин” (1888, №31) И. Гаспринский развивает этот аргумент на материале наследственного права. Он сравнивает долю женщины в наследстве по российским законам и по шариату. По российским законам дочери выделяется лишь 1/14 недвижимого имущества и 1/8 движимого, жене 1/7 и 1/4 соответственно, а в боковых линиях женщина “вовсе не признается по закону наследницей” (Гаспринский 2019f:36). По шариату же-сестра получает ровно половину того, что получает брат. Жена в известных случаях наследует половину состояния мужа. Она наследует так же и в боковых линиях (там же). И. Гаспринский подчеркивает, что “увеличение наследственной доли женщин было бы актом величайшей справедливости, не говоря уже об экономическом значении вопроса”. Но он не призывает к реформе российских законов. Вместо этого он демонстрирует, что шариат уже предоставляет женщине значительно более выгодное положение, чем европейские правовые системы того времени, которые только начинают обсуждать “уравнивание прав”. Этим сравнением И. Гаспринский показывает превосходство исламской нормы над российским законодательством, переворачивая колониальный стереотип о “варварском” Востоке. Его основная цель – доказать, что мусульмане не нуждаются в западных реформах, им достаточно вернуться к собственным религиозным нормам.

Третий элемент правового аргумента – защита женщины от насилия. В заметке “Вследствие старинных обычаев и условий быта похищения жен и невест” (1887, №7) И. Гаспринский проводит четкую границу между “похищение” при согласии девушки, и настоящим преступлением. “Когда уводится или похищается незамужняя женщина или девушка и при том без сопротивления с ее стороны – дело не имеет еще характера тяжелого преступления” (Гаспринский 2019с: 9). Но если женщина похищена “против ее воли или каким-либо обманным образом”, особенно если она замужняя, или похищение совершено “ради совершения над нею гнусного насилия”, то И. Гаспринский требует максимальной строгости: “шеригат мусульманский и закон государственный одинаково строго преследуют подобные насилия и преступления” (Гаспринский 2019с: 9). Примечательно, что он обращается и к шариату, и к российскому уголовному праву, показывая их совпадение в этом вопросе. Здесь И. Гаспринский не просто цитирует, а проводит четкую линию между обычаем и преступлением, используя шариат для оправдания защиты женщины. Он подчеркивает, что ислам не одобряет насилие, и тем самым отводит обвинения в “жестокости” мусульманских обычаев, одновременно призывая общество не терпеть преступников. Он также обращается к самому мусульманскому обществу: “Подобные преступники помрачают доброе имя всего мусульманского общества. Они не должны быть терпимы. Увезти девушку против ее воли не есть доблесть, а позор и подлость” (Гаспринский 2019с: 10). Это обращение к стыду и репутации общины представляет собой дополнительный риторический прием автора, направленный на формирование общественного неприятия подобных проявлений насилия.

Таким образом, в рамках религиозно-правового аргумента, И. Гаспринский реализует сложную риторическую стратегию. Он не нападает на традицию и не требует революционных изменений. Вместо этого он показывает, что шариат уже признает женщину субъектом права – стороной брачного договора, наследницей, личностью, защищенной от насилия. Проблема – в практической реализации этих прав в условиях

российской судебной системы. И. Гаспринский фиксирует правовую уязвимость женщины, возникающую на стыке двух правовых порядков, и предлагает конкретные, осторожные решения, например, признание решений духовного суда и исполнение их через полицию. Тем, самым И. Гаспринский в своих статьях в газете “Терджиман” через шариат легитимирует имущественные и личные права мусульманской женщины, но фиксирует их уязвимость в гражданском суде. Его критика направлена не против ислама и не против российского законодательства в целом, а против юридической нестыковки двух систем, которая превращает женщину в беззащитную сторону там, где по исламу она обладает четкими правами. Анализ показывает, что И. Гаспринский не просто ссылается на шариат, а применяет его нормы к реальным случаям, показывая их практическую значимость для защиты женщины. Он делает религиозные предписания понятными и убедительными через конкретные примеры.

В публицистике И. Гаспринского вопросы образования и женского труда неразрывно связаны, выстраивая последовательность, в которой женское образование служит залогом эффективного труда, а последний – необходимым условием прогресса нации. При этом просветитель не пускается в общие рассуждения о “правах женщин” и “эмансипации” в европейском духе. Вместо этого он исходит из реальной пользы для семьи и общества, что делает его позицию практически неуязвимой для критики со стороны патриархального общества.

Фельетон “Кое о чем” (1184, №19) задает тон всему этому направлению. Внешне небрежный, полный иронии и бытовых зарисовок, он содержит основную идею, который И. Гаспринский будет развивать на протяжении многих лет. Поводом служит незначительный, на первый взгляд случай, в городе Оса Пермской губернии некая мусульманка выписывает “Переводчик”. Местные “правоверные” удивлены – женщина и газета. И. Гаспринский использует это недоумение, чтобы сделать принципиальное заявление: “Что же тут удивительного, господа? Разве вы забыли, “что наука одинаково обязательна для мусульманина и мусульманки” (священ[ное] изреч[ение]? Чтение есть преддверие науки” (Гаспринский 2017с: 215). В этих словах автора, можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, И. Гаспринский ссылается на высший авторитет – сакральный текст, на изречение, которому нельзя возразить, не согрешив. Во-вторых, он связывает чтение, а именно “женское чтение!” не с чем-то опасным и запретным, а с наукой – категорией, освященной тем же исламом. Читающая женщина не нарушительница, а ее добросовестный исполнитель. Но самая основная мысль этого фельетона, и всей просветительской программы И. Гаспринского – звучит следом: “одна читающая грамотная девочка в десять раз полезнее такого мальчика, ибо девочка-будущая мать и естественный первый учитель своих детей” (Гаспринский 2017с: 215). Здесь И. Гаспринский меняет привычную логику, ведь в патриархальном обществе девочка второстепенна, ее образование – лишняя роскошь, а то и вред. И. Гаспринский же доказывает обратное, что девочка ценнее мальчика именно потому, что она станет матерью. Ее грамотность пойдет на пользу следующему поколению. Мальчик выучится, и вероятно, его знания останутся при нем. Девочка выучится и обучит своих детей. Таким образом, женское образование оказывается самым эффективным способом просвещения нации в целом. Это не благотворительность и не борьба за права женщин в западном смысле, а точный практический расчет, что грамотная мать воспитает грамотных детей, а значит, прогресс нации начинается с девочки. Автор завершает фельетон твердым утверждением: “Женщины должны читать, должны учиться” (Гаспринский 2017с: 215).

Эта фраза, не просто призыв, а итог всей его аргументации. И. Гаспринский превращает женское образование из желательного в обязательное. Он не говорит “хорошо бы” или “возможно”, он говорит “должны”. И это “должны” опирается не на общие рассуждения о справедливости, а на практическую необходимость, без грамотных женщин невозможен прогресс нации. Повторяя слово “должны” дважды, он подчеркивает, что чтение и учение неразделимы. Так, И. Гаспринский превращает частный случай в общее правило, которое не требует обсуждения.

Статья “По учебному делу” (1889, №31) развивает данную мысль автора, перенося его на конкретные территории. И. Гаспринский проводит резкую границу: в Крыму и Поволжье женское образование существует через мектебы при женах мулл, пусть и несовершенно. В Закавказье же, совсем иная и крайне неблагополучная картина. Здесь “вовсе не в обычае обучать девочек не только писать, но даже читать. Редко какая мусульманка разбирает молитвы и Коран, а для молений заучивает кое-что устно” (Гаспринский 2019g: 277). И. Гаспринский видит причину в том, что это не ислам, а наследие “древнего, домусульманского Ирана с его чрезвычайно унижительным взглядом на положение и права женщины” (Гаспринский 2019g: 277). Он отделяет чистый ислам от культурных наслоений, которые исказили его. Здесь автор специально отделяет чистый ислам от культурных наслоений, смешавшихся с верой.

Далее И. Гаспринский вновь ссылается на авторитет “великих улемов”, которые “давно призывали, что одна грамотная девочка принесет обществу более пользы, чем несколько мальчиков” (Гаспринский 2019g: 277-278). И снова объясняет это на первый взгляд противоречивое утверждение, что “грамотный мальчик, возмужав, редко кому передает свое умение, а девочка, сделавшись матерью и оставаясь большей частью среди детей, обыкновенно обучает их сама, особенно где нет мулл и мектебов. Наука и знание матери всегда для детей” (Гаспринский 2019g: 278). Здесь автор вводит понятие “естественного учителя”. Мать – первый учитель не по профессиональному выбору, а по факту рождения и воспитания. “Кто учит детей первым правилам жизни, кто учит их говорить? Мать и только мать” (Гаспринский 2019g: 278). Если мать безграмотна, она передает невежество. Если грамотна – передаст знание. Таким образом женское образование становится не “благом” для женщины, а тем, что определяет будущее нации. И. Гаспринский предвидит и опровергает главный традиционный довод: “невежественная толпа, по недомыслию своему, думает, что если обучать девочек, то это поведет к безнравственности; будут, мол, переписываться с любовниками!” (Гаспринский 2019g: 278). Автор называет это “смешным и жалким заблуждение” и предлагает это как “сведение к абсурду”: “даже допустим, что из тысячи женщин одна воспользуется пером для любовной записки... Разве из-за одной женщины надо ограничивать право тысячи других? Это все равно что из-за одной блохи сжечь всю постель!” (Гаспринский 2019g: 278). Данное рассуждение автора отличается прямоотой, однако оказывается весьма убедительным для широкой аудитории. Боязнь того, что грамотность приведет к разврату, И. Гаспринский называет невежественным страхом.

Далее в статье “Труд мусульманки” (1887, №24), И. Гаспринский обращается к экономической стороне проблемы. Он высмеивает европейские стереотипы о “ленивой” и “бездеятельной” восточной женщине, указывая на то, что европейские наблюдатели смотрят “через одинаковые очки” и “измеряют Восток своим аршином” (Гаспринский 2019h: 158). Автор напоминает, что огромное число европейских женщин также никогда не выходят из дома, но их домашний труд никто не называет “бездельем”. Основная

мысль И. Гаспринского состоит в признании домашнего хозяйства полноценным экономическим трудом. “Мусульманка, как производительная единица, несет все труды по дому и хозяйству; она же окончательно приготавливает к потреблению или сбыту большую часть продуктов труда мужчины, уделяя достаточно времени на охранение и начальное воспитание всех будущих работников и работниц” (Гаспринский 2019h: 158-159). Он выделяет три функции: домашний труд, финальная обработка продуктов (по сути, переработка и подготовка к сбыту) и воспитание детей. Это не три разных занятия, а три составляющие одного комплекса. И. Гаспринский вводит понятие “разделения труда между мужчиной и женщиной”, которое в мусульманском мире “более определено, чем где-либо” (Гаспринский 2019h: 158-159). Здесь нужно отметить, что И. Гаспринский не вступал в прямое противоречие с привычными нормами, а переосмысливал их, доказывая, что женский труд в домашнем хозяйстве приносит реальную экономическую пользу.

Таким образом, рассуждения И. Гаспринского о пользе женского образования опираются на три главных соображения. Первое – это то, что по шариату обучение обязательно и для женщин, и для мужчин. Второе – простой смысл в том, что если мать грамотна, она воспитывает просвещенных детей, а это ведет к прогрессу всей нации. Третье – признание домашнего труда и воспитания детей полноценной экономической деятельностью, а не пустым занятием. И. Гаспринский связывает женское просвещение не с освобождением ради самого освобождения, а с реальной пользой для семьи и общества. Именно поэтому его доводы убеждают даже консерваторов, он не разрушает традиционные роли женщины как матери, жены и хранительницы очага, а просто наполняет их новым содержанием. Быть хорошей матерью – значит быть грамотной, а быть грамотной – значит служить прогрессу своего народа.

В газете “Терджиман” И. Гаспринский также касается вопросов социальной защиты и новых профессий для женщин. Он не ограничивается общими рассуждениями, а приводит живые примеры про реальные ситуации, где мусульманки уже действуют как социально-активные субъекты в роли женщин-врачей, благотворительниц и ханши, а также предлагает практические способы для решения острых социальных проблем, таких как развитие проституции внутри женского мусульманского общества, защита сирот и борьба с бедностью.

Уже 7 февраля 1889 года (№5) И. Гаспринский публикует заметку “Допущение на будущее время женщин”. В заметке автор сообщает: “допущение на будущее время женщин к изучению медицины решено в принципе в утвердительном смысле, и в настоящее время вырабатываются главные основания для устройства специального института, где женщины могли бы изучать медицину” (Гаспринский 2019d: 48). При этом он отмечает, что практика будет разрешена “исключительно по женским и детским болезням” (Гаспринский 2019d: 48). И. Гаспринский не критикует это ограничение, он фиксирует сам факт как большой шаг вперед. Но ключевой является последняя фраза автора: “Было бы желательно, чтобы нашлись мусульманки, желающие изучить медицину” (Гаспринский 2019d: 48). За внешне осторожным пожеланием скрывается прямой призыв к действию, он не просто информирует читателей о решении властей, а обращается к мусульманскому обществу с призывом, что государство открыло возможность, теперь дело за самими женщинами и их семьями. Это короткая заметка служит важным сигналом для мусульманского общества, являясь призывом к действию. Позже так же в заметках 1889 года И. Гаспринский не просто приветствует появление женщин-врачей, а уже пытается влиять на конкретные решения. В заметках “Бахчисарай”

от 23 февраля 1889 года (№7) он описывает, как Городская Дума “из-за несчастных 500 руб.” решила прекратить выдачу содержания женщине-врачу (Гаспринский 2019а: 50). И. Гаспринский не просто негодует, он приводит весомое возражение, что мусульманки “очень неохотно обращаются к медику-мужчине”. Речь идет не о равноправии на бумаге, а о практической доступности медицинской помощи для половины населения города. Он также указывает на нелогичность Думы, которая нашла 20 тысяч рублей на постройку новой управы, но экономит 500 рублей на женском здоровье. Через неделю, 3 марта (№8), И. Гаспринский с удовлетворением сообщает, что жители подали прошение с просьбой не прекращать выплаты, и выражает надежду, что гласные “сойдутся с желанием общества” (Гаспринский 2019а: 51). Еще через неделю, 10 марта (№9), он фиксирует, что “значительная часть гласных подали заявление о назначении экстренного заседания” и хвалит их готовность “исправить ошибку предыдущего заседания” (Гаспринский 2019а:52). Это короткая серия заметок – прекрасный пример публицистики действия, И.Гаспринский не просто фиксирует факт, но отслеживает реакцию, поддерживает общественную инициативу, публично хвалит тех, кто исправляет ошибки.

Спустя больше года, 1 июня 1890 года (№ 19), И. Гаспринский снова возвращается к теме женщин-врачей. Он пишет заметку о девице Разие Ханум Кутляровой – первой мусульманке в России, которая решила изучать медицину. Он сообщает, что она временно находится в Бахчисарае и приглашает местных мусульманок навестить ее в доме Измаил мурзы, где помещается контора “Переводчика”. И. Гаспринский не просто информирует читателей, он сознательно создает пример для подражания: “Дай Бог, чтобы этот первый пример вызвал подражания” (Гаспринский 2019b: 102). Здесь женщина-врач предстает не как вымышленный образ, а как живая, доступная для общения “ученая сестра”. Автор подчеркивает, что мусульманки могут сами прийти и убедиться, что женщина-врач – это реально, это рядом, это не страшно. Таким образом, он не только защищает уже работающих женщин-врачей от увольнения, но и показывает пример, которому могут следовать другие. Здесь И. Гаспринский обращается к образу реальной женщины, а не вымышленному. Так он доказывает, что профессия врача доступна и приносит пользу. Женщина-врач здесь не просто символ женской свободы, а необходимая профессия в обществе.

Примером живой, действующей женщины в газете “Терджиман” становится и Хуршид Бану Ханым – героиня очерка “Ханша Карабагская” (1888, №40). Это портрет реальной женщины из аристократической среды. Хуршид Бану Ханым – дочь последнего карабагского хана, “женщина лет под пятьдесят, пользующаяся громадным влиянием среди татар и армян” (Гаспринский 2019i:382-383). И. Гаспринский подчеркивает ее образованность – “бойко владеет персидской речью и пером”, ее богатства – громадные имения в пяти уездах и что важнее всего, ее общественную деятельность: “Она устроила водопровод в г. Шуше, на что издержала около ста тысяч руб.” (Гаспринский 2019i: 383). Здесь И. Гаспринский не случайно выбирает именно этот образ. Во-первых, это не благотворительность в традиционном смысле раздачи милостыни, а важное дело для всех горожан – строительство водопровода. Во-вторых, И. Гаспринский также отмечает, что ханша успешно взаимодействует с императорской семьей, что доказывает ее политическую грамотность и дипломатические способности. В-третьих, И. Гаспринский акцентирует ее образование и светскость, тем что она владеет персидской речью и пером, что делает ее образ современным и просвещенным. Образ ханши – прямое опровержение стереотипа о “затворнице” и “необразованной” мусульманке. Более того, И. Гаспринский показывает женщину, которая ведет общественные дела, влияет на

общество и взаимодействует с властью.

Наряду с такими яркими образами, как ханша Карабагская, И. Гаспринский не обходит молчанием и сложные социальные пороки общества. Две его статьи - "Доброе дело" (1886, №41) и "Мусульманская проституция" (1889, №38) показывают другую сторону его подхода, он не только восхищается удачными примерами, но и готов разбирать острые проблемы общества, а также предлагать способы их решения. В "Добром деле" он описывает системные меры против проституции. Собрали 200 женщин, ахун обратился к ним с речью, а затем "присутствующим было предложено выбрать себе жен из кающихся грешниц". Один из богатых местных купцов господин Ахмед Галлиев пожертвовал каждой паре по 30 рублей. В результате "в течение десяти дней изъято из омута порока и разгула до 200 мусульманок, устроившихся довольно хорошо" (Гаспринский 2017а: 322-323). И. Гаспринский не идеализирует этот метод, брак как "спасение", но подчеркивает главное: "Совет без длительной помощи всегда мало помогает" (Гаспринский 2017а: 322-323). Здесь важен не столько способ в виде женитьбы, сколько сам принцип, что община не отвернулась от тех, кто попал в беду, а взяла на себя ответственность, обеспечила материально и дала шанс на новую жизнь. Автор восклицает: "Браво, оренбургские мусульмане, доброе дело вы сделали!" (Гаспринский 2017а: 322-323), – и призывает общества Ташкента, Казани и Баку последовать их примеру.

Следующая статья "Мусульманская проституция" (1889, №38) более аналитическая. И. Гаспринский начинает с констатации факта, что 15-20 лет назад профессиональной проституции среди мусульман не было, теперь она появилась в Казани, Оренбурге, Ташкенте, Баку. Он подчеркивает, что это "нисколько не умаляет целомудрия и нравственности мусульман вообще" (Гаспринский 2019е: 289), и предлагает искать причины не во всеобщей безнравственности, а в особых условиях таких как, сиротство, бедность, беспомощность. Он описывает механизмы вовлечения, сироты-татарки, сартянки, киргизки, а также специфику "работы проституток-мусульманок, что они неохотно принимают мусульман, вне притонов соблюдают правила затворничества" (Гаспринский 2019е: 289). Но главное, что он предлагает решение, как "Попечение общества о сиротах и бедных женщинах; увещания нашей молодежи не поощрять развитие национального зла... значительно предотвратило бы дальнейший рост мусульманской проституции, ибо она питается главным образом кровью и деньгами наших же детей" (Гаспринский 2019е: 289). И. Гаспринский не призывает к карательным мерам, а обращается к общественной помощи через создание приютов и благотворительных обществ к воспитанию мужской молодежи. Он снова и снова возвращается к мысли, что проблема имеет социально-экономическую природу, и решать ее нужно не наказанием, а помощью.

Таким образом, на страницах газеты "Терджиман", в статьях И. Гаспринского образ мусульманской женщины строится не на европейских представлениях об освобождении, а на основах исламской традиции, где женщина – это не бесправный человек, а личность, которая по законам шариата имеет свои права, обязана получать образование, своим трудом приносить пользу семье и обществу и способна овладеть любой нужной профессией – от врача до учительницы или общественной деятельницы.

Женский вопрос на страницах "Дала уалаяты" и "Терджимана": сравнительный анализ

С целью определения особенностей и новаторства публицистической тактики И. Гаспринского и ее места в общем тюрско-мусульманском дискурсе о положении женщины

обратимся к сравнению с материалами казахской дореволюционной периодики, к частности с публикациями в газете "Дала уалаяты" ("Киргизская степная газета", 1888-1902 гг.). Это издание, официально являвшееся приложением к "Акмолинским областным ведомостям", на своих страницах предоставляло место и для публикаций казахских просветителей.

Для сравнительного анализа с публицистикой И. Гаспринского были выбраны две статьи из газеты "Дала уалаяты", где женский вопрос поднимается по-разному. В серии статей "Печальное положение современной киргизской женщины" О. Альжанов критикует существующие обычаи, а М. Копеев в статье "Баян-аул" предлагает конкретные пути к просвещению. Эти источники позволяют увидеть, как проблема женского бесправия осознавалась в казахской интеллектуальной среде, и сравнить эти подходы с позицией И. Гаспринского.

В серии статей "Печальное положение современной киргизской женщины" (1894, №33-35) Отыншы Альжанов строит публицистическое высказывание, основанное на эмоциональном обличении и обращении к народному голосу. Главным образом статьи становится женщина-жертва, лишенная голоса и прав. О. Альжанов пишет: "Киргизы усвоили себе воззрение на своих женщин не как на существа разумные...а как на существа низшие, сотворенные Аллахом для удовлетворения известных потребностей" (Альжанов 1989: 597). Женщина описывается как "безгласное и бесправное существо", а брак – как "акт произвола" и "человеческий торг", где калым превращается в плату за "живой товар" (Альжанов 1989: 597-598). О. Альжанов намеренно использует слова из области купли-продажи, как "продают", "торг", "калым", чтобы показать, что в традиционном сознании женщина лишена человеческого достоинства и приравнена к вещи. Его главный прием в том, что он использует народные песни в тексте статьи. Он не просто описывает страдания, он дает голос самим женщинам. В приводимых песнях звучат мотивы безысходности и отчаяния: "Нас, женщин, презирают, нас, женщин, продают" (Альжанов 1989:598). "О, Аллах! Зачем ты дал нам жизнь? Лучше нам лежать в могиле" (Альжанов 1989: 599). Эти песни выполняют документальную роль, выступая как живые свидетельства, эмоциональную роль – создают чувство непосредственного сопереживания и роль описания повседневной жизни, раскрывая детали традиций и обычаев. О. Альжанов намеренно сгущает краски, чтобы потрясти читателя и побудить в нем сострадание. Его способ убеждения строится на противопоставлении двух миров: мира "грубой физической силы" и мира "сильного ума", который дает просвещение. Он пишет: "Непросвещенный человек...имеет возможность достигнуть превосходства над кем-либо только путем грубой физической силы...С течением времени, когда умственная сила народа под влиянием просвещения начинает развиваться, тогда уважение к сильному кулаку сменяется уважением к сильному уму (Альжанов 1989: 604). Это логическая цепочка подводит к главному выводу: жестокость по отношению к женщине есть следствие невежества, а освобождение женщины возможно только через просвещение.

Сравнение с публицистическим подходом И. Гаспринского позволяет выявить главное различие. Оба автора видят проблему положения женщины как острую социальную драму. Однако способы доказательства существенно различаются. И. Гаспринский строит свою аргументацию на обращении к шариату и юридическим нормам. Он доказывает, что исламское право уже признает женщину самостоятельной стороной брачного договора, наследницей и личностью, защищенной от насилия. Его подход –

реформаторско-юридический, где он ищет законные пути изменения положения внутри самой исламской традиции, не вступая в открытый спор с традиционным обществом. О. Альжанов, напротив, выбирает обличительно-эмоциональный путь. Он не ссылается на религиозные нормы и не предлагает юридических решений. Его задача – потрясти и пробудить сочувствие, показать страдания женщины как результат “дикости” “невежества”. Он связывает освобождение женщины исключительно с просвещением и отказом от “варварских” обычаев, но не показывает, как именно это просвещение может быть оправдано в рамках существующей традиционной системы.

Если смотреть на тексты с точки зрения языка и построения доводов, О. Альжанов создает образ женщины как пассивной жертвы, лишенной способности действовать самостоятельно. Женщина в его тексте – это объект страдания, а не субъект действия. И. Гаспринский, напротив, создает образ женщины как субъекта права, способного к действию и обладающего юридической дееспособностью. Различие подходов авторов, скорее объясняется разными читателями: О. Альжанов обращается к русскоязычной администрации и просвещенной публике, стремясь вызвать сочувствие и вмешательство “сверху”, И. Гаспринский обращается к мусульманскому обществу, стремясь убедить его в том, что перемены не противоречат исламу, а вытекают из него. Именно данное законное обоснование через шариат и стало новым словом И. Гаспринского, отличающим его от других публицистов.

Иной подход представляет статья М. Копеева “Баян-аул” (1890, №6-7). М. Копеев – просветитель-практик, который не просто критикует, но и предлагает конкретные пути изменения. В отличие от О. Альжанова, сосредоточенного на обличении страданий, М. Копеев выступает как сторонник практических реформ. В своей статье он прямо заявляет, что “Образование необходимо как для мужчины, так и для женщины. По моему мнению, оно более необходимо для женщин вообще и наших в частности” (Копеев 1994: 120-121). Этот тезис он подкрепляет развернутым аргументом: “Если судить по разуму, то для женщины учение более необходимо, ибо на ней лежит обязанность семейная и в ее руках воспитание молодого поколения” (Копеев 1994: 121). Здесь почти дословно воспроизводится ключевая идея И. Гаспринского о женщине как “естественном учителе” нации. Оба автора сходятся в том, что образование женщины – это не благотворительность, а необходимое условие прогресса, поскольку именно мать передает детям нравственные основы и первоначальные знания.

М. Копеев использует народные пословицы как инструмент убеждения, но иначе, чем О. Альжанов включает песни, чтобы показать страдания, то М. Копеев обращается к пословицам как к носителям народной мудрости, подтверждающей его доводы. Он приводит пословицу: “Хорошие дети обязаны хорошей матери” (Копеев 1994: 121) и комментирует: “Значение матери громадное”. Другая пословица “Что видел в гнезде, то и берет” (Копеев 1994: 121) – подчеркивает роль семейной среды в воспитании. М.Ж. Копеев также пишет: “Жену приучай сначала – дитя с молодости” (Копеев 1994: 121), призывая следовать этим старым изречениям, которые, по его мнению, не утратили своей силы. Таким образом, М.Ж. Копеев не отвергает народную традицию, а выбирает из нее элементы, которые можно использовать для обоснования реформ.

Особое место в статье М. Копеева занимает критика калыма и произвольных браков. Он пишет: “Действующий у нас калымный обычай кажется неудовлетворительным, нецелесообразным, ибо очень часто не бывает взаимного согласия сочетающейся пары. Такое несогласие нередко бывает причиной зла” (Копеев 1994: 121). Он предлагает

реформировать брачные отношения через взаимное согласие: "Необходимо лучше поставить брачное дело, не сочетать молодых людей произвольно...Очень желательно не обручать их в очень молодых годах; пусть они достигают юношеского возраста. Тогда они сами могут сойтись по желанию, влечению сердец" (Копеев 1994: 121). М.Ж. Копеев, как и И. Гаспринский, не призывает к разрушению традиции, а предлагает ее осмысленное реформирование изнутри. Однако он обосновывает свои предложения не через шариат, а через здравый смысл и практическую пользу, обращаясь к разуму и народной мудрости.

Сравнение данных публикаций позволяет выявить как общие черты, так и различия. Все три автора видят проблему положения женщины как общую социальную трагедию. Однако способы аргументации существенно различаются. М. Копеев создает образ женщины как воспитательницы и нравственной опоры семьи. В отличие от О. Альжанова, который показывает женщину как пассивную жертву, М. Копеев видит в ней потенциальную силу, способную изменить будущее нации через воспитание детей. Однако, в отличие от И. Гаспринского, он не наделяет женщину юридической субъектностью, не говорит о ее правах как самостоятельной стороны брачного договора или наследницы. М. Копеев остается в рамках просветительского дискурса, где женщина ценна как мать, а не как личность с собственными правами. И. Гаспринский же доказывает, что женщина имеет права не только как мать, но и как человек перед законом. Здесь важно отметить, что оба подхода были действенны, но адресованы разной аудитории: И. Гаспринский – консервативным мусульманам, для которых религиозный аргумент был важным, а М. Копеев обращался к более светской, практичной аудитории, для которой убедительными были доводы, основанные на здравом смысле и жизненном опыте. Таким образом, все три автора предлагали разные, но при этом дополняющие друг друга способы решения женского вопроса в рамках общей джадидской традиции. О. Альжанов делал проблему зримой через описание страданий, М. Копеев придавал ей практическую значимость, а И. Гаспринский придавал ей юридическую и религиозную легитимность. Новаторство И. Гаспринского заключалось в том, что он создал язык убеждения, который был понятен и приемлем для традиционного общества.

Таким образом все три подхода важны и взаимодополняют друг друга, сочетание этих трех подходов и составляло силу джадидского движения в целом, но именно юридическое обоснование через шариат стало уникальным вкладом И. Гаспринского в общее дело.

Обсуждение

В историографии, посвященной Исмаилу Гаспринскому и его газете "Терджиман", долгое время доминировал взгляд, акцентирующий его роль как реформатора образования, публициста и идеолога джадидизма. В работах Я. Акпынара, И. Керимова, В. Ганкевича и С. Сеитмететовой детально проанализированы издательская стратегия И. Гаспринского, его борьба за обновление мектебов и медресе, а также язык и жанровое разнообразие его публицистики. Однако "женский вопрос" в этих исследованиях оставался в тени, как маленькая часть его просветительской деятельности, не имеющая самостоятельной ценности.

Ярким примером является тот факт, что даже в работах, специально посвященных реформам И. Гаспринского в области образования, упоминаются вскользь его призывы обучать девочек, а его статьи о брачном договоре, наследственных правах, проституции

и женщинах врачах практически не становились предметом самостоятельного анализа. Как отмечает С. Сеитметметова, ранняя публицистика И. Гаспринского 1879-1886 годов долгое время была “обделена вниманием исследователей”, а ее текстологическая обработка началась только в последние годы. Что касается поздних работ 1887-1890, то большая часть вошедших в него материалов была переведена на русский язык и введена в научный оборот только в 2019 году. Поэтому систематический анализ образа мусульманской женщины в публицистике И. Гаспринского фактически отсутствует.

Хотя систематических данных о читательской реакции на статьи И. Гаспринского о женщинах не сохранилось, отдельные косвенные свидетельства позволяют предположить, что его публицистика находила отклик у разных групп читателей. Прежде всего, об этом говорит сам факт многолетнего издания газеты, если бы “женский вопрос” вызывал неприятие читателей, И. Гаспринский вряд ли бы возвращался к ней на протяжении восьми лет на страницах газеты “Терджиман”. Кроме того, в его заметках встречаются упоминания о письмах читателей: например, в фельетоне “Кое о чем” (1884 г.) он использует случай с мусульманкой, выписывающей газету, как доказательство того, что интерес к просвещению существует и среди женщин. В заметке о Бахчисарайской думе (1889 г.) И. Гаспринский с удовлетворением сообщает, что жители подали прошение с просьбой не прекращать выплаты женщине-врачу, – это свидетельствует о поддержке его идей местным обществом. Факт публикаций статей о женщинах-врачах, женщинах заинтересованных в просвещении и ханше Карабагской, а также активное включение И. Гаспринского в общественные дискуссии подтверждают, что его публицистика была не монологом, а частью живого общественного диалога.

В последние годы в гуманитарных науках усиливается критическое внимание к тому, как гендерные образы конструируются в рамках национально-просветительских проектов. Согласно подходу Ниры Юваль-Дэвис, женщины часто выступают не просто участницами, но и символическими показателями коллективной идентичности, границ национального сообщества, что делает ее центральным элементом национальной символики. Особенно важно, что исследователи все чаще отказываются от бинарности “традиция-модернизация”, “западная эмансипация-восточная пассивность”, и вместо этого анализируют, как местные интеллектуалы используют ресурсы собственной культурной традиции для обоснования новых ролей женщины.

Таким образом эти наблюдения могут быть методологически полезны для анализа статей И. Гаспринского, где шариат выступает не как препятствие, а как главный аргумент в пользу женских прав и является важным постулатом для данной статьи.

Заключение

Исмаил Гаспринский на страницах “Терджимана” создал не просто набор разрозненных заметок о женщинах, а целостный публицистический образ. Мусульманка в его изображении – не затворница и не “тень мужа”, а образованная, юридически дееспособная, нравственная и социально активная личность. В основе этого образа лежат три главных составляющих: шариатское обоснование прав, практическая польза образования через материнство и конкретные примеры женщин-врачей и благотворительниц. Этот образ опережал свое время, но именно он лег в основу последующего женского движения среди тюрко-мусульманских народов России. При этом необходимо отметить ограничение: И. Гаспринский не поднимает вопрос о политических правах женщин,

вопрос избирательного права или участие в управлении; его освобождение женщин остается культурной и образовательной, что было характерно для джадидского дискурса в целом. Перспективой дальнейшего исследования может стать сравнение публицистики И. Гаспринского 1880-1890-х годов с материалами его дочери Шефики в журнале "Алеми Нисван" (1905 и позже), где, как отмечает Г. Кушенова, женский вопрос получил уже более радикальное звучание.

Acknowledgments

I express my sincere gratitude to the anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions, and to the editorial team for the professional support provided in the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Мақала авторының жұмысын дайындауда көрсеткен кәсіби қолдауы үшін редакцияға, сондай-ақ құнды ескертулері мен ұсыныстары үшін аноним рецензенттерге шын жүректен алғысымды білдіремін.

Благодарность

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания и предложения, редакции за профессиональное сопровождение авторской статьи.

Список литературы

- Khalid A. *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press. 1998. 335 p.
- Kushenova G., Drozd R., Abdraimov Y. The issue of women's equality in the intellectual legacy of Turkism: a historical cultural analysis (late 19th – early 20th century). *Bulletin of the Karaganda university History Philosophy series*. 2025. Vol.117, no.1, pp.7-22. <https://doi.org/10.31489/2025hph1/7-22>.
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. London: SAGE. 2004. 157 p.
- Akpınar Ya. *İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri. Fikri Eserleri*. İstanbul: Ötüken. 2004. 422 p.
- Абибуллаева Э. Роль женщины в видении Исмаила Гаспринского (перевод на русский язык очерка И. Гаспринского "Женщины"). *Крымское историческое обозрение*. 2015. No.1, с.216-231.
- Абдураманова С. "Женский вопрос" в очерках "Кадынлар" и "Проблески культурного движения татар" И. Гаспринского. *Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры*. 2018. No.5, с.207-211.
- Альжанов О. Печальное положение современной киргизской женщины. *Киргизская степная газета: литературные образцы: 1888-1894*. Сост. У. Субханбердина. Алма-Ата: Гылым. 1989. С.596-604.
- Ганкевич В.Ю. *На службе правде и просвещению: Краткий библиографический очерк Исмаила Гаспринского (1851-1914)*. Симферополь: Доля. 2001. 328 с.
- Гаспринский И. Полное собрание сочинений в 3 т. Т.2. *Ранняя публицистика: 1879-1886 гг.* Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017. 384 с.
- Гаспринский И. *Доброе дело*. Полное собрание сочинений в 3 т. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017а. Т.2. С.322-323.
- Гаспринский И. *Известно, что у мусульман брак представляет главным образом гражданский договор*. Полное собрание сочинений в 3 т. Казань; Симферополь: Институт истории

- им. Ш. Марджани АН РТ. 2017b. Т.2. С.137-140.
- Гаспринский И. *Кое о чем. Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017с. Т.2. С.213-215.
- Гаспринский И. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.3. Публицистика: 1887-1890 гг.* Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмететова. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019. 560 с.
- Гаспринский И. Бахчисарай. *Полное собрание сочинений в 3 т. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019а. Т.3. С.50–52.*
- Гаспринский И. В настоящее время в Бахчисарае временно пребывает девица Разие ханум. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.3.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019b.
- Гаспринский И. Вследствие старинных обычаев и условий быта похищения жен и невест. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019с. Т.3. С.9–10.
- Гаспринский И. Допущение на будущее время женщин. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.3.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019d.
- Гаспринский И. Мусульманская проституция. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019е. Т.3. С.288-289.
- Гаспринский И. Об уравнении наследственных прав женщин и мужчин. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019f. Т.3. С.36-37.
- Гаспринский И. По учебному делу. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019g. Т.3. С.277-278.
- Гаспринский И. Труд мусульманки. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019h. Т.3. С.158-159.
- Гаспринский И. Ханша Карабагская. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019i. Т.3. С.382-383.
- Давлетшина Л. Ш. Благотворительная деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере. *Ученые записки Казанского государственного университета.* 2009. No.2(2), с.106-110.
- Диникова Л. Ш. Проблема женской эмансипации в просветительской деятельности И. Гаспринского. *Культура и цивилизация.* 2013. No.5-6, с.9-18.
- Керимов И.А. *Гаспринскийнинъ “джанлы” тарихи 1883-1914 (къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги).* Акъмесджит: Тарпан. 1999. 408 с.
- Киргизская степная газета: Человек, общество, природа: 1888-1902.* Сост. У. Субханбердина. Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. Алматы: Гылым. 1994. 814 с.
- Копеев М. Баян-аул. *Киргизская степная газета: Человек, общество, природа: 1888-1902.* Сост. У. Субханбердина. Ин-т литературы и искусства им. М. Ауэзова. Алматы: Гылым. 1994. С.18-122.
- Куркчи А. Исмаил бей Гаспринский. *Дружба народов.* 1991. No.12.
- Османов Ю.Б. *Просветитель Востока Исмаил Гаспринский.* Симферополь: Бизнес-Информ. 2014. 312 с.
- Периодические издания личной библиотеки Исмаила Гаспринского в собрании Бахчисарайского музея-заповедника.* Сост. С.А. Сеитмететова, Э.Э. Абибуллаева. Симферополь: ДОЛЯ. 2015. 176 с.
- Сеитмететова С.А. *Раннее творчество Исмаила Гаспринского: первые шаги в публицистике (1879-1886 гг.).* Вступ. ст. Гаспринский И. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.2. Ранняя публицистика: 1879-1886 гг.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН

РТ. 2017. С.7-28.

Тихонова Н.Е. *Исмаил Гаспринский и его противоевразийские идеи: дисс. магистра гум. наук.* Санкт-Петербург. 2016. 111 с.

Чубукчиева Л.З. Женский вопрос в идеологии джадидизма. *Эхо веков.* 2014. No.1(2), с.44-51.

References

- Khalid A. *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia.* University of California Press. 1998. 335 p. (In English)
- Kushenova G., Drozd R., Abdraimov Y. The issue of women's equality in the intellectual legacy of Turkism: a historical cultural analysis (late 19th – early 20th century. *Bulletin of the Karaganda university History Philosophy series.* 2025. Vol.117, no.1, pp.7-22. <https://doi.org/10.31489/2025hph1/7-22> (In English)
- Yuval-Davis N. *Gender and Nation.* London: SAGE. 2004. 157 p. (In English)
- Akpınar Ya. *Ismail Gaspirali, Selected Works. Intellectual Works.* Istanbul: Ötüken. 2004. 422 p. (In Turkish)
- Abibullaeva E. Rol' zhenshchiny v videnii Ismaila Gasprynskogo (perevod na russkiy yazyk ocherka I. Gasprynskogo "Zhenshchiny"). *Crimean Historical Review.* 2015. No.1, pp.216–231. (In Russian)
- Abduramanova S.N. "Zhenskiy vopros" v ocherkakh "Kadynlar" i "Probleki kul'turnogo dvizheniya tatar" I. Gasprynskogo. *Issues of Crimean Tatar Philology, History, and Culture.* 2018. No.5, pp.207-211. (In Russian)
- Alzhanov O. "Pechal'noe polozhenie sovremennoy kirgizskoy zhenshchiny". *Kirgizskaya stepnaya gazeta: literaturnye obraztsy, 1888-1894.* Ed. U. Subkhanberdina. Alma-Ata: Gylym. 1989. Pp.596-604. (In Russian)
- Chubukchiyeva L.Z. Zhenskiy vopros v ideologii dzhadidizma. *The echo of centuries.* 2014. No.1(2), pp.44-51. (In Russian)
- Davletshina L.Sh. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' musul'manskikh zhenshchin v obrazovatel'noy sfere. *Scientific notes of Kazan State University.* 2009. No.2(2), pp.106-110. (In Russian)
- Dinnikova L.Sh. Problema zhenskoy emansipatsii v prosvetitel'skoy deyatel'nosti I. Gasprynskogo *Culture and civilization.* 2013. No.5-6, pp.9-18. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 2. Rannyya publitsistika: 1879–1886 gg. Ed. R.S. Khakimov; comp. S.A. Seitmemetova. Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2017. 384 p. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Dobroye delo. Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2017a. Vol.2. Pp.322-323. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Izvestno, chto u musul'man brak predstavlyayet glavnym obrazom grazhdanskiy dogovor. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2017b. Vol.2. Pp.137-140. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Koye o chem. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2017c. Vol.2. Pp.213-215. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 3. Publitsistika: 1887–1890 gg. Ed. R.S. Khakimov; comp. S.A. Seitmemetova. Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2019. 560 p. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Bakhchisaray. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2019a. Vol.3. Pp.50-52. (In Russian)
- Gasprynskiy I. V nastoyashcheye vremya v Bakhchisaraye vremennno prebyvayet devitsa Raziye khanum. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani*

- of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019b. Vol.3. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Vsledstviye starinnykh obychayev i usloviy byta pokhishcheniya zhen i nevest. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019c. Vol.3. Pp.9-10. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Dopushcheniye na budushcheye vremya zhenshchin. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019d. Vol.3. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Musul'manskaya prostitutsiya. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019e. Vol.3. Pp.288-289. (In Russia)
- Gasprynskiy I. Ob uravnenii nasledstvennykh prav zhenshchin i muzhchin. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019f. Vol.3. Pp.36-37. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Po uchebnomu delu. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019g. Vol.3. Pp.277-278. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Trud musul'manki. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019h. Vol.3. Pp.158-159. (In Russian)
- Gasprynskiy I. Khansha Karabagskaya. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019i. Vol.3. Pp.382-383. (In Russian)
- Hankevich V.Yu. *Na sluzhbe pravde i prosveshcheniyu: Kratkiy bibliograficheskiy ocherk Ismaila Gasprynskogo (1851-1914).* Simferopol: Dolya. 2001. 328 p. (In Russian)
- Kerimov I.A. *Gasprinsky's "Janly" (Living) History: A Collection of Materials on the Crimean Tatar Language, Literature, and Culture (1883-1914).* Simferopol: Tarpan. 1999. 408 p. (In Tatar)
- Kirgizskaya stepnaya gazeta: Chelovek, obshchestvo, priroda: 1888-1902.* Ed.U. Subkhanberdina. M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Almaty: Gylym. 1994. 814 p. (In Russian)
- Kopeev, M.Zh. "Bayan-aul". *Kirgizskaya stepnaya gazeta: Chelovek, obshchestvo, priroda: 1888-1902.* Ed. U. Subkhanberdina. M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Almaty: Gylym. 1994. Pp.118-122. (In Russian)
- Kurkchi A. Ismail bey Gasprinsky. *Druzhba narodov.* 1991. No.12. (In Russia)
- Osmanov Yu.B. *Prosvetitel' Vostoka Ismail Gasprynskiy.* Simferopol: Business- Inform. 2014. 312 p. (In Russian)
- Periodicheskiye izdaniya lichnoy biblioteki Ismaila Gasprynskogo v sobranii Bakhchisarayskogo muzeya-zapovednika.* Eds. Seitmemetova S.A., Abibullaeva E.E. Simferopol: DOLY. 2015. 176 p. (In Russian)
- Seitmemetova S.A. *Rannee tvorchestvo Ismaila Gasprinskogo: pervye shagi v publitsistike (1879-1886 gg.).* Intr. I. Gasprinsky *Polnoe sobranie sochinenii v 3 t.* T. 2. Rannyya publitsistika: 1879-1886 gg. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2017. Pp.3-28. (In Russian)
- Tikhonova N.E. *Ismail Gasprynskiy i yego protivoyevraziyskiye idei:* Dissertation for Master of Arts. Saint Petersburg. 2016. 111 p. (In Russian)

Information about the author

Saniya N. Sabyr – doctoral candidate, Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi Ave, 71, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0003-7311-4391>, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Сания Нуржанкызы Сабыр – докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Әл-Фараби даңғ., 71, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0003-7311-4391>, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Сведения об авторе

Сания Нуржанкызы Сабыр – докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0003-7311-4391>, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. **Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. **Заявление о конфликте интересов:** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 15.05.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 10.08.2026

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-202-222>

The Tatar magazine “Gasr al-Jadid” and the Muslims of the Steppe region at the beginning of 20th century

P. Shablei^a , Zh. Nurbayev^b ^aKostanai branch of Cheliabinsk State University, Kostanai, Kazakhstan^bMaqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan zhasulannurbayev@gmail.com

Abstract. The study is driven by the need for a comprehensive analysis of regional forms of Muslim periodical publishing in the early twentieth century as an instrument of social modernization in the Steppe region. Despite the intensification of national movements during the Revolution of 1905-1907, the role of Tatar publications issued in Uralsk in shaping the cultural and political landscape of the region remains insufficiently examined. Particular attention is devoted to the first Tatar political and literary journal, *Gasr al-Jadid*, considered as a platform for interaction between the local intelligentsia and a broader Muslim readership. The purpose of this article is to identify the specific features of the journal's emergence, operation, and closure within the framework of imperial censorship policy and the socio-political transformations of the early twentieth century. The research seeks to reconstruct the intellectual profile of its editor, K.M. Tukhvatullin, to analyze the thematic scope of the publication, to assess the contribution of regional authors, and to evaluate the journal's impact on the Muslim population of the Steppe region. The methodological framework combines the principle of historicism, comparative historical analysis, and content analysis of the journal and related periodicals. Archival materials from central and regional repositories made it possible to trace the procedures of negotiation with censorship authorities and to identify forms of administrative pressure. A critical examination of editorial texts and censorship reviews revealed strategies of adapting content to political constraints. The findings demonstrate that the journal functioned as a significant channel for disseminating reformist ideas, including the modernization of education, the expansion of women's rights, the development of charitable initiatives, and the involvement of Muslims in public and political life. The publication fostered an interregional intellectual network linking authors from Uralsk, Kopal, Ak-Mechet, and other cities. The editorial stance on religious policy and colonial processes was notably active. The closure of the journal resulted from a combination of factors, including intensified censorship, judicial prosecution of the editor, and financial and organizational challenges. The study concludes that the journal played a formative role in the development of a Muslim public sphere in the Steppe region. Its history reflects the interplay between modernization aspirations and enforced compromises with imperial authorities. These results position the regional Tatar press as a key component in the transformation of Muslim society in the early twentieth century and highlight prospects for further research on local centers of book culture.

Keywords: periodical press; *Gasr al-Jadid*; Steppe region; Islam; intelligentsia; imperial censorship; book culture

For citation: Shablei P., Nurbayev Zh. The Tatar magazine "Gasr al-Jadid" and the Muslims of the Steppe region at the beginning of 20th century. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.202-222. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-202-222>

Financing. The article was carried out as part of the implementation of the scientific project IRN AR26104681 under a grant from the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan on the topic "Distribution of Muslim handwritten and printed books in the Steppe region in the 19 – early 20 centuries"

“Гаср әл-Джадид” татар журналы және XX ғасырдың басындағы Дала өлкесінің мұсылмандары

П. Шаблей^а, Ж. Нұрбаев^б

^а*Челябі мемлекеттік университетінің Қостанай филиалы, Қостанай, Қазақстан*

^б*Maqsut Narikbayev University, Астана, Қазақстан*

Аңдатпа. Зерттеу XX ғасырдың басындағы мұсылмандық аймақтық мерзімді баспасөздің Дала өлкесіндегі қоғамдық өмірді жаңғыртудың құралы ретіндегі қызметін кешенді талдау қажеттілігінен туындайды. 1905-1907 жылдардағы революциялық үдерістер кезеңінде ұлттық қозғалыстардың жандануына қарамастан, Орал қаласында жарық көрген татар басылымдарының өңірдің мәдени және саяси кеңістігін трансформациялаудағы рөлі жеткілікті деңгейде зерттелмеген. Осы тұрғыда тұңғыш татар саяси-әдеби журналы “Гаср ал-Джадидті” жергілікті зиялы қауым мен кең ауқымды мұсылман оқырмандары арасындағы өзара ықпалдастық алаңы ретінде қарастыру айрықша мәнге ие. Зерттеудің мақсаты – журналдың пайда болу, қызмет ету және жабылу ерекшеліктерін империялық цензура саясаты мен XX ғасыр басындағы қоғамдық-саяси өзгерістер контекстінде айқындау. Зерттеу шеңберінде бас редактор К.М. Тухватуллиннің интеллектуалдық келбеті реконструкцияланып, жарияланымдардың тақырыптық ауқымы талданады, өңірлік авторлардың үлесі анықталады және басылымның Дала өлкесіндегі мұсылман қауымына ықпалы бағаланады. Әдіснамалық негіз ретінде тарихилық қағидасы, салыстырмалы-тарихи талдау және журнал материалдары мен ілеспе мерзімді басылымдарға контент-талдау қолданылды. Орталық және өңірлік архив қорлары журналды цензура органдарымен келісу тетіктерін және әкімшілік қысым түрлерін анықтауға мүмкіндік берді. Редакциялық мәтіндер мен цензорлық пікірлерді сыни талдау мазмұнды саяси шектеулерге бейімдеу стратегияларын айқындады. Зерттеу нәтижесінде журналдың білім беруді жаңғырту, әйелдер құқықтарын кеңейту, қайырымдылық қызметін дамыту, мұсылмандарды қоғамдық-саяси өмірге тарту секілді реформаторлық идеяларды таратуда маңызды арна болғаны анықталды. Басылым Орал, Қопал, Ақмешіт және басқа да қалалар авторларын біріктірген өңіраралық интеллектуалдық желінің қалыптасуына ықпал етті. Редакцияның діни саясат пен отарлау үдерістеріне қатысты белсенді ұстанымы айқындалды. Журналдың жабылуы цензуралық бақылаудың күшеюі, редакторға қарсы сот қудалауы, қаржылық және ұйымдастырушылық қиындықтар секілді факторлардың жиынтығымен түсіндірілді. Қорытындылай келе, журнал Дала өлкесіндегі мұсылман қоғамдық кеңістігінің қалыптасуында жүйе құраушы рөл атқарды. Оның қызметі модернизациялық ұмтылыстар мен империялық әкімшілікпен жасалған мәжбүрлі ымыралардың тоғысын көрсетеді. Зерттеу нәтижелері аймақтық татар баспасөзін XX ғасыр басындағы мұсылман қоғамының

трансформациясындағы маңызды фактор ретінде қарастыруға мүмкіндік береді және жергілікті кітап мәдениеті орталықтарын одан әрі зерделеудің болашағын айқындайды.

Түйін сөздер: мерзімді баспасөз; Гаср ал-Джадид; Дала өлкесі; ислам; зиялылар; империялық цензура; кітап мәдениеті

Татарский журнал “Гаср ал-Джадид” и мусульмане Степного края в начале XX века

П. Шаблей^а, Ж. Нурбаев^б

^а*Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан*

^б*Maqsut Narikbayev University, Астана, Казахстан*

Аннотация. Исследование обусловлено необходимостью комплексного анализа региональных форм мусульманской периодики начала XX века как инструмента модернизации общественной жизни в Степном крае. Несмотря на активизацию национальных движений в годы революции 1905-1907 гг., роль уральских татарских изданий в трансформации культурного и политического пространства региона остается недостаточно изученной. Особое значение приобретает рассмотрение первого татарского политико-литературного журнала “Гаср ал-Джадид” как площадки взаимодействия местной интеллигенции и широкой мусульманской аудитории. Цель работы заключается в выявлении специфики возникновения, функционирования и закрытия журнала в контексте имперской цензурной политики и общественных процессов начала XX века. Исследование направлено на реконструкцию интеллектуального профиля редактора К.М. Тухватуллина, анализ тематического спектра публикаций, определение вклада региональных авторов и оценку влияния издания на мусульманское население Степного края. Методологическая основа включает принцип историзма, сравнительно-исторический анализ и контент-анализ публикаций журнала и сопутствующей периодики. Использование архивных материалов центральных и региональных архивов позволило проследить механизмы согласования издания с цензурными органами и выявить формы давления со стороны административных структур. Критический анализ текстов редакции и цензурных отзывов обеспечил выявление стратегий адаптации содержания к политическим ограничениям. В результате установлено, что журнал стал значимым каналом распространения реформаторских идей: модернизации образования, расширения прав женщин, развития благотворительности, вовлечения мусульман в общественно-политическую жизнь. Показано, что издание формировало межрегиональную интеллектуальную сеть, объединяя авторов из Уралья, Копала, Ак-Мечети и других городов. Выявлена активная позиция редакции по вопросам религиозной политики и колониальных процессов. Доказано, что закрытие журнала было обусловлено совокупностью факторов: усилением цензурного контроля, судебным преследованием редактора, финансовыми и организационными трудностями. Сделан вывод о том, что журнал сыграл системообразующую роль в формировании публичного пространства мусульман Степного края. Его деятельность демонстрирует сочетание модернизационных стремлений и вынужденных компромиссов с имперской администрацией. Полученные результаты позволяют рассматривать региональную татарскую прессу как важный элемент трансформации мусульманского общества в начале XX века и открывают перспективы дальнейшего изучения локальных центров книжной культуры.

Ключевые слова: периодическая печать; Гаср ал-Джадид; Степной край; мусульманство; интеллигенция; имперская цензура; книжная культура

Для цитирования: Шаблей П., Нурбаев Ж. Татарский журнал "Гаср ал-Джадид" и мусульмане Степного края в начале XX века. *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, с.202-222. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-202-222>

Финансирование. Статья выполнена в рамках реализации научного проекта ИРН AP26104681 по гранту Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему "Распространение мусульманской рукописной и печатной книги в Степном крае в XIX – начале XX вв".

Введение

В годы первой русской революции (1905-1907) происходит активизация общественной и политической жизни среди мусульман Российской империи: петиционные кампании, борьба за национальные интересы тюркских народов, участие в деятельности Государственной думы, реформы системы образования и др. Благодаря либерализации законодательства в сфере печати, свободы слова активно развивается книгоиздательское дело, появляются разнообразные газеты и журналы, издававшиеся на тюркских языках: казахском, татарском, чагатайском. При этом только на татарском языке в период с 1905 по 1907 гг. выходило 120 газет и журналов (Usmanova 1996: 239-278). Часть из этих изданий носила реформаторскую направленность и призывала местные мусульманские общества к глубоким изменениям жизненного уклада: обновление школьной программы за счет введения фонетического метода, ряда светских предметов, классно-урочной системы; равноправие женщин, развитие национального театра и библиотечного дела, изучение русского языка и др.

Степной край не был культурной периферией Российской империи и Центральной Азии. Представители местной казахской и татарской интеллигенции стремились не отставать от своих единоверцев из Волго-Уральского региона, Кавказа и Крыма. В начале XX века казахские интеллектуалы пытались учредить несколько газет и журналов на родном языке.¹ Однако периодическая печать на казахском языке в годы первой русской революции не получила большого распространения. В основном из-за разных правительственных ограничений. В то же время ситуация с возможностью циркуляции местных татарских газет и журналов была более благоприятной. В городе Уральске издавалось сразу несколько татарских газет и журналов: "Фикер" ("Мысль"), "Янга тормыш" ("Новая жизнь"), "Гаср ал-Джадид" ("Новый век"), "Уклар" ("Стрелы") (Яхин 1992: 17-52). К тому же этот регион был одним из крупнейших центров духовной и интеллектуальной жизни Степного края и Российской империи. В Уральске было несколько мечетей, медресе (Абузьяров, Туаева 2002: 16-22), действовала татарская театральная труппа (Татар театры 2003: 123). В 1916 году местные мусульмане пытались учредить свою собственную библиотеку.²

Несмотря на большую популярность среди населения Уральска татарских газет и журналов, их деятельность не была продолжительной. Власти с помощью цензуры тщательно следили за материалами, появлявшимися на страницах этих изданий. Особое беспокойство при этом вызывала печать прогрессивного характера, так как она оказывала глубокое влияние на общественное сознание: пропаганда реформ, критика сложившихся общественных устоев, традиций, бюрократической системы и др. Одним

из выразителей таких тенденций был первый татарский журнал в Российской империи “Гаср ал-Джадид”. Изучение особенностей его появления на свет, деятельности по распространению передовых идей своего времени и печальная участь помогают понять, как общие особенности состояния печатного дела в Российской империи и Степном крае, так и своеобразие культурного и общественного развития города Уральска в начале XX века.

Цель исследования состоит в изучении специфики появления на свет и деятельности журнала “Гаср ал-Джадид” в контексте культурных и общественно-политических изменений начала XX века. Для ее реализации необходимо решение нескольких задач: реконструировать биографию главного редактора этого журнала, дать представление об основной тематике издания, установить, какую роль в его деятельности сыграли представители тюркской интеллигенции Степного края, выяснить, каким образом редакция журнала противостояла разным цензурным ограничениям и какие причины привели к закрытию журнала.

Материалы и методы

Исследование основывается на использовании разнообразных источников. Прежде всего это архивные материалы. В РГИА (Российский государственный исторический архив, фонд 776 – Главное управление по делам печати) и ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан, ф. 420 – Временный комитет по делам печати) выявлены сведения об особенностях появления журнала “Гаср ал-Джадид”, деятельности его главного редактора К.М. Тухватуллина в рамках взаимоотношений с властями и цензурными учреждениями Российской империи. В фонде 1370 (Фатих Карими) ГАРТ обнаружены интересные данные о попытках деятелей казахской национальной интеллигенции создать собственный филиал известной татарской газеты “Вақыт” (Оренбург, 1906-1918 гг.).

Значительное место в работе занимают материалы татарских периодических изданий, издававшихся на арабской графике. В статье анализируется содержание ряда номеров журнала “Гаср ал-Джадид”: их тематика, соответствие требованиям времени и культурным запросам общества, взаимодействие редакции с авторским коллективом и реакция издания на общественные и политические изменения в Российской империи. Так как журнал выходил в городе Уральске, прослеживается специфика того, каким образом журнал подходил к освещению региональных проблем, с кем из местных авторов стремился сотрудничать.

Методологическая часть исследования включает использование совокупности специальных исторических методов и междисциплинарных подходов. Принцип историзма позволяет говорить о том, что на возникновение тюркской печати оказала влияние совокупность благоприятных исторических условий, а также это было результатом многолетнего активного социального, культурного, экономического развития ряда регионов Российской империи, среди которых Уральск занимал очень важное место.

Критический анализ текстов, написанных мусульманами, а также имперскими цензорами и чиновниками, дает возможность понять, в какой степени точка зрения авторов журнала “Гаср ал-Джадид” была подвержена эмоциям, обусловлена особенностями текущей конъюнктуры, продиктована необходимостью защитить интересы определенной группы, класса, института.

Рисунок 1. Титульный лист и редакционный совет журнала "Гаср ал-Джадид" Издание от 20.05.1907 г. Национальная библиотека Республики Татарстан

Figure 1. The title page and the editorial board of the Gasr al-Jadid magazine. Edition dated 05.20.1907. National Library of the Republic of Tatarstan

Контент-анализ предполагает изучение большого количества данных (прежде всего, статей в газетах и журналах) с целью выявления закономерностей в освещении определенных тем и проблем. Вместе с тем, анализ содержательных тенденций публикаций позволяет понять специфику творческой эволюции авторов "Гаср ал-Джадид", прояснить особенности адаптации того или иного текста к изменяющимся потребностям общества, культурным вкусам и предпочтениям.

Сравнительно-исторический метод играет важную роль в том, чтобы определить общие и специфические черты распространения татарских и в более широком плане тюркских периодических изданий. В этом плане мы понимаем, что случай Уральска, в котором издавалось несколько татарских газет и журналов, не был уникальным. Социально-экономические и культурные процессы в этом регионе имели схожий характер с тем, что происходило в Оренбурге, Казани, Троицке.

Опора на вышеуказанные методы и подходы позволила прояснить особенности деятельности редакции и авторского коллектива первого татарского журнала "Гаср ал-Джадид", сделать выводы о том, что Уральск был частью обширного культурного пространства Российской империи, которое ориентировалось на необходимость больших изменений во многих сферах общественной, политической, экономической и культурной жизни. В то же время анализ влияния государственной цензуры на деятельность журнала дополняет и расширяет наши представления о тактиках и стратегиях взаимодействия мусульман с имперскими чиновниками.

Обсуждение

Периодическая печать начала XX века выступала одним из наиболее чувствительных индикаторов социальных трансформаций, отражая как повседневные проблемы, так и ключевые направления реформ. В условиях фронтального пространства печать становилась площадкой взаимодействия различных культур и интересов, способствуя формированию новых общественных практик и моделей поведения ([Ксенжик 2025](#)).

В отечественной историографии проблема функционирования татарской печати, издававшейся на территории Степного края, не была объектом специального изучения. Существует небольшой корпус исследований, которые рассматривают деятельность татарских газет и журналов, выходивших в Оренбурге, Казани и Уфе. Одна из таких работ, подготовленная И. Мустакимовой, представляет собой сборник материалов по истории казахского народа, извлеченных из татарского журнала “Шура” (Оренбург, 1908-1917 гг.) ([Материалы 2024](#)).

В зарубежной историографии накоплен определенный опыт по изучению деятельности татарских газет и журналов города Уральска. Прежде всего, следует отметить монографию казанского ученого Ф. Яхина “Татарская литература в периодической печати Уральска (1905-1907 гг.)”. Эта книга подробно разбирает особенности появления на свет не только журнала “Гаср ал-Джадид”, но и других изданий, редактором которых был К.М. Тухватуллин: газета “Фикер”, журнал “Уклар”. Отличительная черта работы Ф. Яхина заключается в том, что деятельность вышеуказанных газет и журналов рассматривается в контексте истории татарской национальной печати Российской империи и революционных событий 1905-1907 гг. Именно поэтому автор не уделяет какого-либо значимого внимания региональной проблематике, освещавшейся на страницах татарских периодических изданий города Уральска ([Яхин 1992](#)).

В монографии российского историка Р.У. Амирханова “Татарская демократическая печать (1905-1907 гг.)” можно найти важную информацию о цензурных ограничениях, с которыми сталкивались татарские газеты и журналы города Уральска. Отмечая, что “Гаср ал-Джадид” был первым прогрессивным и демократическим татарским журналом Российской империи, автор книги не анализирует его содержание, не рассматривает его влияние на культурную и общественно-политическую жизнь мусульманского населения Степного края ([Амирханов 1988](#)).

Турецкий исследователь Хасан Демироглу в своей статье “Киргизы и казахи в татарских газетах Поволжья и Урала (1905-1912)” рассматривает особенности сотрудничества представителей национальной интеллигенции Степного края и Семиречья с некоторыми татарскими газетами, издававшимися в Казани, Уфе, Оренбурге и Астрахани. Он утверждает, что казахи и киргизы использовали эти периодические издания для того, чтобы более выразительно проинформировать общество и властные институты о своих проблемах ([Демироглу 2013: 120-134](#)).

Немецкий ученый Михаэль Фридерих в монографии “Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы” уделяет определенное внимание изучению биографии редактора журнала “Гаср ал-Джадид” К.М. Тухватуллина, анализирует деятельность известного татарского поэта Г. Тукая в качестве автора и сотрудника нескольких уральских татарских периодических изданий ([Фридерих 2011: 32-33](#)).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в настоящее время отсутствуют специальные исследования, посвященные деятельности татарского журнала “Гаср

ал-Джадид". Некоторые сведения об истории этого издания мы находим на страницах комплексных работ, изучающих развитие татарской национальной печати. Учитывая, что журнал "Гаср ал-Джадид" выходил на территории Степного края, требуется уделить существенное внимание прежде всего тому, как это периодическое издание реагировало на совокупность местных проблем.

Результаты

Мусульманская печать и Степной край. В конце XIX – начале XX вв. на территории Степного края активно распространяются татарские периодические издания, выходившие не только в приграничных регионах, но и в таких городах, как Казань, Уфа, Санкт-Петербург, Бахчисарай. Особую популярность при этом имели прогрессивная газета "Вақыт" и журнал "Шура". Многие представители казахской национальной интеллигенции стремились опубликовать свои статьи на страницах этих изданий: М. Дулатов (Дулатов 1910: 4)³, Г. Караш (Караш 1911: 260-261)⁴, А. Жанталин (Жанталин 1915: 4)⁵ и др. Существовали даже идеи образовать при газете "Вақыт" специальное казахское отделение. С таким предложением в 1907 году, в частности, выступил житель поселка Кочары Тургайской области А. Балготанов¹.

В отличие от татарских изданий казахские были не столь многочисленны. С 1888 по 1905 гг. в Омске выходила единственная газета на казахском языке (с переводом на русский язык) "Дала уәлаятының газеті". Известная скорее под названием "Киргизская степная газета". Эта газета в большей степени отражала установки и мнения российской колониальной администрации, чем взгляды на существующие проблемы представителей местного населения, которые тем не менее публиковались в этом издании ([Субханбердина 1999: 134-241](#)). Гораздо большим влиянием и известностью пользовались такие прогрессивные печатные органы, как журнал "Айкап" (Троицк, 1911-1915 гг.) и газета "Казах" (Оренбург, 1913-1918 гг.).⁶ Они затрагивали широкий круг актуальных проблем: земельный вопрос, реформа системы образования, положение женщин, образование казахского духовного управления мусульман, выборы в Государственную думу и др. ([Легкий, Ибраев, Табулденов 2023: 34-43](#)).

Интересным фактом является то обстоятельство, что вплоть до 1917 года на территории Степного края выходила сравнительно небольшая часть мусульманских журналов и газет. При этом практически все из них издавались в одном городе. В Уральске. Отчасти это было связано с тем, что этот регион во второй половине XIX – начале XX вв. стал крупным экономическим и культурным центром, который поддерживал тесные связи с мусульманами Оренбурга, Казани, Уфы. С Уральском и его окрестностями связаны имена выдающихся деятелей татарской творческой элиты: Габдулла Тукай, Ярулла Моради, Н. ал-Худжаши и др. Одним из ее наиболее ярких представителей был, конечно, Камиль Мутыгуллович Тухватуллин. Именно он благодаря недюжинному упорству и поддержке со стороны местных состоятельных купцов смог организовать выпуск нескольких прогрессивных газет и журналов ([Хафизов 2003: 44-45](#)).

К.М. Тухватуллин: интеллектуальная биография в имперском контексте. К.М. Тухватуллин родился в 1883 году в городе Уральске. Его отец Мутыгулла был имамом первой (Красной) мечети Уральска. Кроме этого, он был основателем и руководителем местного медресе "Мутыгия". Этот человек имел прогрессивные взгляды. Был любителем музыки, в том числе русской и европейской, поддерживал разные творческие инициативы

своих шакирдов (студентов) (Татары Казахстана 2016: 382). При этом Мутыгулла не стал вводить в образовательную программу своего медресе новый метод обучения Исмоила Гаспринского. Скорее это говорит нам не об "отсталости" и пресловутом консерватизме учредителя медресе, а о сложном и противоречивом времени, в условиях которого он жил. Политические риски играли здесь значимую роль. Как показывает Д. Росс, студенты реформированных мусульманских учебных заведений часто устраивали различные забастовки и вступали в конфликты со своим руководством. В период революции 1905-1907 гг. некоторые новометодные медресе стали местом политического радикализма (Ross 2020: 194-195). Так или иначе, но Мутыгулла Тухватуллин оказал большое влияние на становление Камиля как творческой личности. Особо здесь следует отметить, что в последующем он стал известным профессиональным татарским эстрадным исполнителем, театральным деятелем.

Развитие личности К.М. Тухватуллина происходило под воздействием целого ряда факторов. Существенное значение на формирование его взглядов и духовной культуры имело путешествие по Ближнему и Среднему Востоку в 1901-1902 гг. Камиль посетил Стамбул, Дамаск, Александрию, Мекку, Медину. Некоторое время обучался в известном каирском университете "ал-Азхар". В ходе этой поездки Тухватуллин расширил свой кругозор в области религии, исламской философии, истории, естествознания. Он познакомился с трудами известных мусульманских реформаторов: Мухаммада 'Абдо, Джемаль ад-Дина Афгани. Усовершенствовал языковые навыки. Известно, что К.М. Тухватуллин владел арабским, турецким, казахским, узбекским и русским языками (Тәржемәи хәл мөхәррире гәзитәи "Фикер" 2016: 330-333). Вернувшись на родину в Уральск, этот человек как интеллект и творческая личность произвел большое впечатление на современников. Исследователи даже считают, что в 1904-1905 гг. Тухватуллин был образцом для подражания для самого Тукая. Вот что пишет по этому поводу известный татарский поэт: "Камиль же – по-европейски воспитан, Коран-хафиз (знает наизусть Коран. – П.Ш., Ж.Н.), одевается по последней моде, певец, хорошо говорит по-русски и арабским владеет в совершенстве" (Фридрих 2011: 33). Такая характеристика, конечно, не лишена идеализации. Но в то же время она отражает характерные тенденции того времени – стремление передовых представителей татарской, казахской, башкирской интеллигенции приобщиться к достижениям мировой культуры, науки и поставить эти знания на службу собственному народу. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что сразу же после возвращения в родной город Камиль Тухватуллин стал заниматься разнообразной творческой и профессиональной деятельностью: работал учителем в медресе своего отца, организовал литературный кружок, принимал участие в развитии театрального движения (Тәржемәи хәл мөхәррире гәзитәи "Фикер" 2016: 330-333).

Широкую известность и репутацию защитника национальных интересов тюркских народов К.М. Тухватуллин приобрел не только в Уральске и сопредельных регионах. Он был редактором прогрессивных татарских газет и журналов, которые активно распространялись среди мусульман разных регионов Российской империи и за ее пределами. В 1905 году К.М. Тухватуллин добился разрешения издавать первый татарский политический и литературный журнал "Гаср ал-Джадид".⁷ В 1906 году под его руководством начинается издание уральской газеты "Фикер". Ключевые темы этого периодического издания: борьба за свободу мусульманских народов Российской империи, пропаганда идей И. Гаспринского, равноправие женщин. В 1906 году К.М. Тухватуллин

в тесном сотрудничестве с Г. Тукаем выпускали сатирический иллюстративный журнал "Уклар". Значительную часть в журнале занимали сатирические статьи, направленные против старых порядков в системе образования, невежества общества, косности некоторых представителей религиозных кругов. В 1907-1908 гг. совместно с купцом М. Мусиным К.М. Тухватуллин осуществлял издание газеты "Янга тормыш". Эта газета помимо вышеуказанных тем освещала деятельность мусульманских благотворительных обществ, публиковала произведения художественной литературы, литературно-критические статьи и др. (Амирханов 1988: 70-71). Мы не будем рассматривать все направления издательской деятельности К.М. Тухватуллина, а уделим внимание только особенностям функционирования первого татарского журнала "Гаср ал-Джадид" Перипетии появления этого издания, специфика распространения, проблемы, которые поднимались на страницах журнала и, в конце концов, его печальная участь достаточно показательны для того, чтобы понять, каким образом развивалось мусульманское издательское дело в Российской империи в целом и в Степном крае в частности.

Первый татарский журнал и цензура в Российской империи. Деятельность К.М. Тухватуллина как редактора фактически началась с выпуска первого татарского политического и литературного журнала в Российской империи. Хотя ранние попытки организовать собственное издательское дело восходят еще к 1903 году. Вместе с шакирдами медресе "Мутыгия" К.М. Тухватуллин смог выпустить несколько номеров рукописной газеты "ал-Магариф" ("Просвещение"). Так или иначе, но эта газета просуществовала недолго, так как создавалась нелегально: не имела официального разрешения от имперских властей и цензурных ведомств (Яхин 1992: 10-11).

На основе анализа доступных оригинальных копий журнала "Гаср ал-Джадид" (1906-1907 гг. и отдельных фрагментов за другие годы) была составлена статистическая характеристика, отражающая динамику географии авторства и тематическую структуру публикаций. Журнал функционировал как издание с выраженным "ядром" авторского и редакционного круга, при этом демонстрируя рост корреспондентской сети. В географии авторов доминирует уральский сегмент. В среднем около 50-60% в расчёте на один выпуск всех подписей, атрибутируемых материалов связаны со Степным краем. Следующую группу составляют публикации и корреспондентские печати, относимые к Оренбургу (около 10-15%) и Казани (примерно 8-12%). Участие столичных центров, включая Санкт-Петербург и близкие к нему интеллектуальные площадки, фиксируется эпизодически и занимает меньшую долю (примерно 3-6%). Значимая часть текстов остаётся без точной географической маркировки либо относится к более широкому кругу "прочих" мест (в сумме около 15-25%). В динамике от выпуска по выпуску к выпуску заметно, что при сохранении доминирования "ядра Степного края" возрастает доля внешних корреспонденций – прежде всего за счёт хроникальных сообщений, писем и публицистических заметок, что можно интерпретировать как расширение публичной коммуникации вокруг журнала и укрепление его роли как регионального интеллектуального узла.

Тематическое распределение публикаций демонстрирует устойчивую ориентацию на общественно значимые сюжеты. Наибольший удельный вес занимает общественно-политическая публицистика и комментарии (порядка 30-35%), формирующие рамку обсуждения актуальных вопросов и задающие тон дискурсивной повестке. Вторым по объёму блоком выступают религиозно-нравственные тексты и полемика (примерно 20-25%), что отражает важность морально-нормативного измерения и роль

религиозного языка в артикуляции общественных проблем. Значимую долю занимают материалы, связанные с просвещением, образованием и социальными реформами (около 15-20%). Они указывают на направленность журнала на модернизационный дискурс и институциональные изменения. Литературный сегмент (стихотворения, художественные тексты, элементы критики) составляет 10-15%, выполняя функцию культурной легитимации и формирования символического капитала. Наконец, хроника, письма, редакционные объявления и реклама в совокупности дают порядка 10-15%, что свидетельствует о "коммуникационной инфраструктуре" издания и его стремлении закреплять аудиторию через регулярные информационные и сервисные рубрики. В целом количественный профиль показывает, что "Гаср ал-Джадид" сочетал функции публицистической площадки, религиозно-нравственного дискурса и просветительского проекта, постепенно расширяя географию включённых голосов.

В начале XX века цензура всех периодических изданий на тюркских языках (казахском, татарском, чувашском и др.) была возложена на Особый комитет по делам печати, который находился в Казани. В то же время разрешение на открытие нового печатного органа выдавалось не в Казани, а в Санкт-Петербурге. В Главном управлении по делам печати при Министерстве внутренних дел ([Каримуллин](#) 1983:110-115). Именно в это учреждение К.М. Тухватуллин в январе 1905 года подал прошение о дозволении ему выпускать в Уральске журнал "Гаср ал-Джадид"⁷ (к этому времени, подвергая себя очевидному риску, он уже выпустил нелегально 15 номеров рукописной версии журнала) ([Яхин](#) 1992: 16). Подобное разрешение не было обычной бюрократической формальностью. Несмотря на либерализацию законодательства в сфере печати, расширение гражданских прав и свобод в 1904-1905 гг. чиновники с достаточной долей настороженности и опасением встречали разные инициативы мусульман – не только выпуск новых газет и журналов, но и попытки, например, учредить собственное казахское духовное управление мусульман ([Crews](#) 2006: 237-238). Как и в случае мусульманских книг, газеты с прогрессивной направленностью вызывали потенциальное беспокойство властей из-за мнимых угроз о распространении идей пантюркизма и панисламизма.⁸ Особую роль при этом играли такие регионы, как Степной край. Даже в реалиях начала XX века, когда в официальных отчетах фиксировалось увеличение числа казахских паломников, направлявшихся в Мекку и Медину, а также рост числа мечетей, мектебов и медресе⁹, многие чиновники и миссионеры оставались в плену прежних иллюзий, утверждая, что кочевники не проявляют глубокого интереса к исламской религии. Поэтому делались выводы о том, что обнадеживающие результаты российской политики русификации и христианизации могут быть достигнуты благодаря ограничению деятельности "фанатичных" татарских и среднеазиатских мулл¹⁰.

Так или иначе, но обозначенные выше политические тенденции не помешали К.М. Тухватуллину развить активное издательское дело. Представленная для согласования в верхах программа журнала "Гаср ал-Джадид" сыграла, очевидно, важную роль в деле принятия положительного решения. По замыслу редактора основные рубрики издания включали не только события из литературной и общественной жизни мусульманского населения Российской империи. Чтобы придать журналу в некотором смысле официальную направленность, предполагалось размещение информации о правительственных распоряжениях, наличие судебного отдела без обсуждения судебных решений и другие актуальные с имперской точки зрения вопросы. На этом фоне такие разделы периодического органа, как смесь, критика и библиография, обзор

внутренний жизни должны были выглядеть, по крайней мере в глазах чиновников, как менее значимые проблемы¹¹. Нет сомнений в том, что представленное властям на рассмотрение содержание программы, а также свидетельство из полиции о политической благонадежности редактора К.М. Тухватуллина послужили весомым аргументом в пользу принятия положительного решения. Чиновники Главного управления по делам печати признали, что журнал "Гаср ал-Джадид" может быть полезен тем, что он в более доступной и простой форме проинформирует инородцев (здесь имелись в виду прежде всего казахи) о состоянии дел в империи. Как следует из материалов цензурных ведомств Санкт-Петербурга и Казани, такое мнение было результатом компромисса, который сложился в ходе переписки между чиновниками этих учреждений¹¹.

Одобрение замыслов К.М. Тухватуллина тем не менее не разрешило всех бюрократических сомнений. Открытым оставался вопрос об организации качественной и оперативной цензуры. Российская империя практически не имела опыта систематического цензурирования мусульманских периодических изданий. Кроме газеты "Терджиман" и "Киргизской степной газеты" (обе издавались на русском и тюркском языках), мусульмане вплоть до начала XX века не имели других легальных печатных органов. В новых реалиях серьезно встал вопрос о том, кому из экспертов поручить цензуру тюркских газет и журналов. Выбор был невелик. На всем протяжении имперского периода наблюдался серьезный дефицит профессиональных кадров в сфере цензуры. Особенно мусульманской. В штате Санкт-Петербургского и Казанского цензурных ведомств на рубеже XIX – XX вв. работало все лишь несколько человек, которым предстояло прорабатывать тысячи мусульманских книг и более сотни периодических изданий (Джераси 2013: 402-407). В нашем случае выбор пал на тогда еще малоизвестного в широких кругах востоковеда Н.И. Ашмарина – специалиста в области чувашского языка и культуры (Егоров 1971: 17-19). Ему предписывалось цензурировать всю тюркскую печать, включая и журнал "Гаср ал-Джадид". При этом со стороны вышестоящих чиновников выражалось серьезное опасение по поводу того, следует ли полностью полагаться на решение Н.И. Ашмарина, то есть предоставить цензору большую свободу и самостоятельность в деле принятия окончательных решений относительно судьбы как отдельных публикаций, так и самих периодических изданий, или все же каким-то образом ограничить его полномочия. Учитывая недостаточность опыта Н.И. Ашмарина в подобных делах и вытекающие из этого обстоятельства сомнения в степени его благонадежности и политической лояльности имперского режиму, было решено в случае обнаружения подозрительных мест и вопросов в журнале "Гаср ал-Джадид" (а, следовательно, и во всей другой мусульманской периодике) организовывать коллегиальные обсуждения цензурируемых материалов¹¹. Приняв такое решение, чиновники в июне 1905 года информировали К.М. Тухватуллина о том, что ему дозволено издавать свой собственный журнал "при условии цензурирования этого журнала в городе Казани"⁷.

Деятельность журнала. В 1905 году в "Полном объявлении о выходе журнала" его редактор К.М. Тухватуллин подчеркивал, что главная цель издания заключается в том, чтобы "развить в них (мусульманах. – П.Ш., Ж.Н.) сознание в необходимости культуры и вообще цивилизации и, что в силу этого сознания, развившись, они войдут полноправными членами в культурную и цивилизованную среду"¹². Несмотря на то, что журнал должен был выходить на татарском языке, его целевая аудитория не ограничивалась по замыслу издателей одними лишь татарами. "Гаср ал-Джадид"

распространялся как среди полиэтнического мусульманского населения Уральской области, так в ряде других регионов: Петропавловск, Кустанай, Семипалатинск, Копал (Семиреченская область), Верный. Читателями журнала также были жители Казани, Уфы, Харькова, Ростова-на-Дону, Ялты и др. городов (по подсчетам Р.У. Амирханова журнал распространялся в 76 пунктах Российской империи ([Амирханов 1988: 82](#)).

Популярность татарского журнала, который выходил в таком отдаленном регионе Российской империи, как город Уральск, обуславливалась совокупностью факторов. Прежде всего, это был первый тюркский политический и литературный журнал, освещавший актуальные для того времени общественно-политические, экономические, культурные и религиозные вопросы. В особенности такие, как реформирование системы образования, свобода вероисповедания, равноправие женщин, участие мусульман в политической жизни Российской империи, благотворительная деятельность, критика некоторых представителей мусульманского духовенства и др. Примечательно и то обстоятельство, что среди авторов журнала были известные широкому кругу общества личности: выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай, казий (судья и заседатель) Оренбургского магометанского духовного собрания, писатель, ученый и редактор журнала “Шура” Ризаэтдин Фахреддинов, видный казахский юрист и депутат Государственной думы Бахытжан Каратаев, выдающиеся татарские писатели Ф. Амирханов, А. Биктимиров и др. ([Яхин 1992: 30-46](#)) Немаловажную роль в распространении журнала, очевидно, играла относительно небольшая стоимость годовой подписки. Всего 5 рублей. И это при том, что объем каждого номера издания, по замыслу его редактора, должен был составлять не менее 100 страниц ([Яхин 1992: 35](#)). Реальная картина выглядела несколько иначе. Редакция вынуждена была ограничиться более скромным объемом – 40-60 страниц (см. например: Эл-гаср эл-жәдид, 1906, No.5).

Так как “Гаср ал-Джадид” выходил на территории Степного края, нас в первую очередь интересует то, каким образом журнал освещал региональные проблемы. С кем из местных авторов он сотрудничал? В специальной рубрике издания “Хроника и сведения из внутренней жизни Приуральского края” размещалась, например, информация о культурной, общественно-политической и экономической жизни Уральска и сопредельных регионов: литературные вечера, театральное движение, выборы в Государственную думу, петиционные кампании, организация благотворительных сборов, открытие новых учебных заведений и пр. Журнал подвергал активной критике политику правительства по целому ряду вопросов. Так, например, в одном из номеров выражалось недовольство по поводу того, что основные положения закона 1905 года о свободе вероисповедания не соблюдаются в Степном крае – ограничивается число мечетей и количество мулл, казахи исключены из ведомства ОМДС и не имеют возможности учредить свое собственное духовное управление мусульман.¹³ Существенное внимание журнал уделял описанию бедственного положения казахского народа, испытывавшего притеснения со стороны имперских чиновников и в то же время лишавшегося земельных угодий из-за крестьянской колонизации ([Яхин 1992: 42](#)).

Важным достоинством издания было умение гибко реагировать на вызовы времени, способность освещать актуальные проблемы с разных точек зрения достигалась, в том числе, благодаря возможности получить информацию из первых рук. Например, от авторов, проживавших непосредственно на территории Степного края. Среди таковых заметно выделялся Фатих Садыков – учитель мусульманской школы из города Копала. В журнале “Гаср ал-Джадид” он опубликовал две статьи, посвященные вопросам

образования и науки.^{14,15} В одном из номеров издания появилась на свет публикация жителя Ак-Мечети (форт Перовский, Сырдарьинская область) Гусмана Загитова, рассматривающая деятельность татарской учительской школы в этом городе.¹⁶ В работах вышеуказанных авторов подробно описывалась образовательная программа учебных заведений, преподаваемые предметы, трудности с которыми сталкиваются обучающие и обучаемые. Садыков и Загитов в целом положительно оценивали преобразования в сфере мусульманского и светского образования – введение новых дисциплин (история, география, математика, астрономия), изучение русского языка, увеличение дотаций со стороны благотворителей и др.

Проблемы просвещения волновали и других авторов журнала "Гасрал-Джадид" Ярулла Моради, татарский писатель и поэт из города Гурьева (Уральская область), освещал этот вопрос в в другом, отличном от Загитова и Садыкова ракурсе – через призму сатиры и литературной критики. В своих фельетонах и литературно-критических статьях он подвергал критике некоторых представителей духовенства, ратовал за равноправие женщин, говорил о необходимости приобщения тюркской культуры к культуре европейских народов (Яхин 1992: 91-99, 102).

Другого автора журнала – Н. ал-Худжаши, муллу из деревни Кызыл Яр (Уральская область), беспокоили проблемы другого порядка. В основном он публиковал статьи, призывавшие к совершенствованию современного татарского литературного языка, настаивал на приобщении молодежи к национальным и мировым достижениям книжной культуры, затрагивал вопросы этики и эстетики в словесности (Яхин 1992: 118).

Конечно, журнал не ограничивался региональной и общеимперской тематикой. Он следил и за тем, что происходит в мире. В особенности за событиями, которые имели прямое отношение к интересам и нуждам мусульман. Одно из таких событий – это строительство Хиджазской железной дороги. Предполагалось, что эта дорога соединит Дамаск с древними торговыми и религиозными центрами Аравии (Мекка и Медина) и, тем самым, облегчит не только возможность эффективной транспортировки грузов, но и создаст более комфортные условия для путешествия мусульманских паломников. Так или иначе, проект, задуманный еще в 1860-е гг., реализовывался очень медленно (Сибгатуллина 2010: 110-120). В 1906 году журнал "Гаср ал-Джадид" опубликовал большую статью Худжата Махмудова, посвященную этой проблеме. Автор этой работы был известным мусульманским ученым, реформатором. После завершения образовательного курса в медресе шестой мечети города Петропавловска Худжат Махмудов вплоть до 1902 года был имамом деревни Аубаткан в Тобольской губернии. В 1903-1907 гг. проживал в Османской империи (в 1910-1912 гг. он был имамом второй соборной мечети города Акмолинска) (Шаблей 2021: 106-108). Именно поэтому проблема Хиджазской железной дороги была знакома ему не понаслышке. Квинтэссенцией статьи Худжата Махмудова была попытка в очередной раз (как это делали прежде авторы из Турции, Индии, Египта и других мусульманских стран) призвать мусульман к организации благотворительных фондов в пользу строительства железной дороги. Отмечая успехи в этом деле, достигнутые благотворителями Ирана, Китая, Явы, Суматры, автор статьи сетовал о том, что мусульмане Российской империи за некоторыми исключениями не проявляют высокой активности в этом важном деле.¹⁷ Нам неизвестно какое влияние на общество произвела публикация Махмудова. Однако важно отметить, что открытие Хиджазской железной дороги состоялось 1 сентября 1908 года.

Рисунок 2. Вали Кощегулов и Худжат (Хаким)
Махмудов (Махмутов 2017: 51)

Figure 2. Vali Koshchegulov and Khujat (Hakim)
Makhmudov (Makhmutov 2017: 51)

Несмотря на то, что было издано всего 17 печатных номеров, журнал “Гаср ал-Джадид” (Татары Казахстана 2016: 98) сыграл большую роль в культурной и общественно-политической жизни мусульманского населения Степного края и Российской империи в целом. Это был первый прогрессивный журнал на татарском языке, который в своих выпусках затрагивал самую разнообразную тематику и ориентировался благодаря этому на всесторонний читательский спрос. Авторами этого периодического издания были, с одной стороны, широко известные среди мусульман Российской империи ученые, писатели, поэты, общественные и политические деятели, а с другой стороны, редакция “Гаср ал-Джадид” активно сотрудничала с местными интеллектуалами. Это взаимодействие позволяло журналу формировать насыщенные и актуальные информационные колонки, популяризировать творчество деятелей культуры, которые делали свои первые шаги.

Судьба журнала. История журнала “Гаср ал-Джадид” была сравнительно короткой. В мае 1907 года издание прекратило свое существование. Какие причины этому способствовали? Во-первых, редакция этого уральского периодического органа, как, впрочем, и многих других мусульманских газет и журналов, сталкивалась с постоянным противодействием со стороны государственных цензоров. Многие передовые материалы и статьи подвергались тщательной фильтрации и в итоге так и не были опубликованы или появлялись в очень сокращенном варианте (Каримуллин 1983: 110-116).

Во-вторых, К.М. Тухватуллин и его единомышленники по издательскому делу были

объектом периодических нападок и клеветы со стороны чиновников, некоторых представителей мусульманского духовенства, русских националистов (черносотенцев). Эти люди, выражая свое недовольство по поводу отдельных публикаций, подвергавших острой критике разные общественные пороки, предпринимали попытки лишить редактора журнала "Гаср ал-Джадид" издательских прав, а его типографию закрыть. Одна из таких попыток, инициированная казанским купцом Ахметзяном Сайдашевым, привела к тому, что К.М. Тухватуллин получил повестку от Казанского окружного суда и в ходе разбирательства был приговорен к десятимесячному тюремному заключению. Только вмешательство сочувствовавших ему авторитетных людей позволило избежать ареста. Тем не менее издательские и редакторские права у К.М. Тухватуллина были отобраны (Амирханов 1988: 98-99). Предполагалось, что его дело продолжит уральский купец Муртаза Губайдуллин (почетный попечитель уральского медресе "Мутыгия"), которому уральский военный губернатор Н.В. Родзянко выдал разрешение на издание не только журнала "Гаср ал-Джадид", но и ряда других местных печатных органов – газеты "Фикер" и журнала "Уклар".⁷ Однако этот замысел не оправдал себя. Не исключено, что купец М. Губайдуллин столкнулся с какими-то непредвиденными трудностями и вследствие этого решил прекратить выпуск всех из вышеупомянутых периодических изданий (в то же время мы не можем говорить о том, что купец был новичком в издательском деле. В 1907 году он стал одним из соредакторов журнала "Гаср ал-Джадид").

Заключение

В ходе проведенного исследования были достигнуты следующие результаты:

Во-первых, установлено, что многие татарские газеты и журналы, издававшиеся в Российской империи, большое внимание уделяли общественно-политической, культурной и экономической жизни мусульманского населения Степного края. В этом плане появление журнала "Гаср ал-Джадид" следует рассматривать не только через призму вызовов времени (например, активизация татарского национального движения на фоне революционных событий 1905-1907 гг.), но и необходимости дать возможность жителям отдаленных регионов империи высказываться о проблемах, которые их беспокоят.

Во-вторых, была проанализирована биография главного редактора журнала "Гаср ал-Джадид" К.М. Тухватуллина. Его насыщенная творческая деятельность, высокая активность по распространению идеалов просвещения и культуры среди единомышленников, стремление издавать сразу несколько прогрессивных периодических изданий (журналы "Гаср ал-Джадид", "Уклар", газеты "Фикер", "Янга тормыш") свидетельствуют о том, что он хотел посвятить свою жизнь служению обществу, приобщению его к передовым идеям того времени.

В-третьих, мы выяснили, что тематика журнала "Гаср ал-Джадид" была весьма разнообразной. На страницах издания освещались события из общественно-политической, культурной, экономической жизни не только города Уральска и сопредельных регионов. В журнале активно публиковались мусульманские интеллектуалы из Ак-Мечети, Копала, Акмолинска, Гурьева. Среди авторов этого периодического издания были широко известные общественные, научные и творческие деятели: Г. Тукай, Р. Фахреддинов, М. Бигиев, Х. Махмудов, Я. Моради и др.

В-четвертых, мы пришли к выводу, что закрытие журнала "Гаср ал-Джадид" не следует рассматривать исключительно через призму каких-то субъективных обстоятельств –

разногласия К.М. Тухватуллина с влиятельными купцами и духовенством или прихоть мецената М. Губайдуллина. Этот уральский журнал фактически должен был разделить судьбу многих других тюркских периодических изданий Российской империи начала XX века, которые в ходе своего относительно небольшого периода существования сталкивались с жесткими цензурными ограничениями, преследованиями со стороны чиновников и полиции; испытывали материальные трудности, не всегда могли найти нужное число подписчиков и пр. При этом важно отметить, что издательское дело из-за закрытия одного или нескольких изданий не прекращалось. Имея опыт и поддержку со стороны единомышленников, такие личности, как К.М. Тухватуллин, инициировали новые издательские проекты. Газета “Янга тормыш”, появившаяся в 1907 году, была одной из них.

Acknowledgments

The authors of the article express their gratitude to the editorial team and the reviewers.

Алғыс

Мақала авторлары редакция ұжымына және рецензенттерге алғысын білдіреді.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность редакционной коллегии и рецензентам.

Примечания

1. Переписка Фатиха Карими. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ), ф.1370, оп.2, д.23, л.1-3.
2. Уральскидә мәселман кыйраәтханәсы. Вакыт. 1916. No.1990. Б.3.
3. Дулатов М. Киргиз-казак хәлләре. Вакыт. 1910. No.628. Б.4.
4. Караши Г. Мәзлүмәләр хакында. Шура. 1911. No.9. Б.260-261.
5. Жанталин А. Кызылжар мәселманлары дикъкатинә. Вакыт. 1915. No.1801. Б.4.
6. Об издании в городе Троицке журнала на киргизском языке Айкап. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.776, оп.21, ч.2, 1910 г., д.218, л.1-8.
7. По ходатайству крестьянина Тухфатуллина о разрешении ему издавать в г.Уральске журнал на татарском языке под названием “Аль-Гасруль Джадид” (“Новый век”). РГИА, ф.776, оп.15, д.26. л.1-17, 21, 28.
8. О литературно-общественном и национальном движении среди казахского населения. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф.369, оп.1, д.780, л.8-10.
9. О наблюдении за состоянием умов магометанского населения в отношении движения к переселению в Турцию. ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.2027, л.1-5, 17.
10. О разработке новых законоположений о вероисповедных делах. РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.29-34.
11. О разрешении крестьянину Мухамеду Камилу Тухфатуллину издавать в Уральске журнал на татарском языке “Аль-Гасруль Джадид”. ГАРТ, ф.420, оп.1, д.32, л.1-8.
12. Төхфәтуллин К.М. 1906 сәнә башында чыкма башланчак “Әл-гасрел-жәдид” журналының мөфәссал игъланы. Оренбург, 1905. 19 б.
13. Уральски хәбәрләре. Әл-гаср әл-жәдид. 1906. No.5. Б. 298-299.

14. Садыков Ф. Гыйлем вә мәгариф (I). Әл-гаср әл-жәдид. 1907. No.1. Б.14-16.
15. Садыков Ф. Гыйлем вә мәгариф (II). Әл-гаср әл-жәдид. 1907. No.2. Б.60.
16. Загитов Г. Ак мәчет татарски учительски школасы. Әл-гаср әл-жәдид. 1906. No.5. Б.281-282.
17. Мәхмүдов Х. Себериялы. Хәмидия Хижаз тимер юлы гәлиясе. Әл-гаср әл-жәдид. 1906. No 5. Б.276-280.

Список литературы

- Crews R. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press. 2006. 463 p.
- Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press. 2020. 278 p.
- Usmanova D. *Tatarische Presse 1905-1918: Quellen, Entwicklungsetappen und Quantitative Analyses. Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th centuries*. Vol.1. Edited by Michael Kemper, Anke von Kügelgen, Dmitriy Yermakov. Berlin. 1996. Pp.239-278.
- Абузяров Р., Туаева З. *Уральск в судьбе Габдуллы Тукая*. Уральск: Редакционно-издательский отдел ЗКГУ. 2002. 128 с.
- Амирханов Р. *Татарская демократическая печать (1905-1907 гг.)*. Москва: Наука. 1988. 188 с.
- Демироглу Х. Киргизы и казахи в татарских газетах Поволжья и Урала (1905-1912). *Karadeniz Uslulararasi Bilimsel*. 2012. Is.13, с.120-134.
- Джераси Р. *Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России*. Пер. с англ. В. Гончарова. Москва: Новое литературное обозрение. 2013. 546 с.
- Егоров Н. Н.И. Ашмарин – выдающийся исследователь языка, фольклора и истории чувашского народа. В: *Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания*. Сборник статей. Чебоксары. 1971. 272 с.
- Каримуллин А.Г. *Татарская книга пореформенной России*. Казань: Татарское книжное издательство. 1983. 278 с.
- Ксенжик Г. Периодическая печать Туркестанского края как источник по изучению истории Казахстана начала XX в. *Gumilyov Journal of History*. 2025. T.150, no.1, с.109-127. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-150-1-109-127>.
- Легкий Д., Ибраев Е., Табулденов А. Ахмет Байтурсынов и газета "Қазақ" накануне Февральской революции 1917 г. в России. *Вестник КАЗНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки*. 2023. Т.1, no.76, с.34-43.
- Материалы по истории казахского народа на страницах журнала "Шура"*. Сост. и пер. с татарского И. Мустакимова. Под общ. ред. Е. Сыдыкова. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. 2024. 362 с.
- Махмутов З. *История татар Астаны (XIX - начало XX в.)*. Казань: Татарское книжное издательство. 2017. 223 с.
- Редактор газеты "Фикер" К.М. Тухватуллин/ *Тәрҗемәи хәл мөхәррире гәзитәи "Фикер"* К.М. Төхфәтуллин.: Тукай Г. Сочинения. Т.3. Казань: Татарское книжное издательство. 2016. 356 с.
- Сибгатуллина А. *Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв.* Москва: Институт востоковедения РАН. 2010. 264 с.
- Субханбердина У. *Қазақ халқының атамұралары: Мазмұндалған библиографиялық көрсеткіш*. Алматы: Ғылым. 1999. Б.134-241.

- Татар театры (1906-1926)*. Тулыландырылган 2-нче басма. Казан: Мәгариф. 2003. 308 б.
- Татары Казахстана: иллюстрированный энциклопедический словарь*. Под ред. Р. Шайдуллина. Казань: ОП "Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ". 2016. 480 с.
- Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татарское книжное издательство. 2011. 343 с.
- Хафизов Г. *Культуртриггерская деятельность татарской интеллигенции в XIX – первой четверти XX вв.* Казань: Изд-во Казанского университета. 2003. 283 с.
- Шаблей П. Мусульмане города Тары и Казахская степь: социокультурные взаимодействия в XIX – начале XX века. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2021. Т.1, no.11, с.104-114.
- Яхин Ф. *Татарская литература в периодической печати Уралья (1905-1907 гг.)*. Казань: Татарское книжное издательство. 1992. 125 с.

Reference

- Crews R. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press. 2006. 463 p. (in English)
- Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press. 2020. 278 p. (in English)
- Usmanova D. *Tatar Press 1905-1918: sources, stages of development and Quantitative Analyzes*. In: *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th centuries*. Vol.1. Edited by Michael Kemper, Anke von Kügelgen, Dmitriy Yermakov. Berlin. 1996. Pp.239-278. (In Germany)
- Abuzjarov R., Tuaeua Z. *Uralsk v sudbe Gabdully Tukaia. ral: Editorial and Publishing Department of WKGU*. 2002. 128 p. (in Russian)
- Amirhanov R. *Tatarskaia demokraticheskaia pechat (1905-1907 gg)*. Moscow: Nauka. 1988. 188 p. (in Russian)
- Demiroglu H. Kirgizy i kazakhi v tatarskikh gazetakh Povolzhiai Urala (1905-1912). *Black Sea International Scientific*. 2012. Is.13, pp.120-134. (in Russian)
- Geraci R. A Okno na Vostok: Imperiia, orientalizm, natsiia i religiia v Rossii. Translated from English by V. Goncharov. Moscow: *New Literary Review*. 2013. 546 p. (in Russian)
- Egorov N. N.I. Ashmarin – vydaiushchiisia issledovatel iazyka, folklora i istorii chuvashskogo naroda. In: N.I. Ashmarin – *Founder of Chuvash Linguistics. Collection of Articles*. Cheboksary. 1971. 272 p. (in Russian)
- Karimullin A. *Tatarskaia kniga poreformennoi Rossii*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 1983. 278 p. (in Russian)
- Ksenzhik G. Periodicheskaja pechat Turkestanskogo kraia kak istochnik po izucheniiu istorii Kazakhstana nachala KhKh v. *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol.150, no.1, pp.109-127. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2025-150-1-109-127>. (in Russian)
- Legky D., Ibraev E., Tabuldenov A. Akhmet Baitursynov i gazeta "Qazax" nakanune Fevral'skoi revoliutsii 1917 g. v Rossii. *Bulletin of Abai KazNPU. Series: Historical and Socio-Political Sciences*. 2023. Vol.1, no.76, pp.34-43. (in Russian)
- Materialy po istorii kazakhskogo naroda na stranitsakh zhurnala "Shura". ompiled and translated from Tatar by I. Mustakimova; general ed. by E. Sydykov. Astana: L.N. *Gumilyov Eurasian National University*. 2024. 362 p. (in Russian)
- Makhmutov Z. *Istoriia tatar Astany (XIX – nachalo XX v.)*. Kazan: Tatar Book Publishing House. 2017. 223 p. (in Russian)
- Redaktor gazety "Fiker" K.M. Tukhvatullin. In: Tukay G. Works. Vol. 3. Kazan: Tatar Book

- Publishing House. 2016. 356 p. (in Tatar)
- Sibgatullina A. *Kontakty tiurok-musulman Rossiiskoi i Osmanskoi imperii na rubezhe XIX-XX vv.* Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 2010. 264 p. (in Russian)
- Subkhanberdina Y. *Qazaq halqynyń atamuralary: Mazmūndalğan bibliografiyalyq kōrsetkiş.* Almaty: Gylym. 1999. Pp.134-241. (in Kazakh)
- Tatarskiy teatr (1906-1926). Vtoroye izdaniye.* Kazan: Enlightenment. 2003. 308 p. (in Russian)
- Tatary Kazakhstan: illiustrirovanniy entsiklopedicheskii slovar.* Pod red. R.V. Shaidullina. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2016. 480 p. (in Russian)
- Friderikh M. *Gabdulla Tukai kak obiekt ideologicheskoi borby.* Kazan: Tatar Book Publishing House. 2011. 343 p. (in Russian)
- Khafizov G. *Kulturtrigerskaia deiatelnost tatarskoi intelligentsii v XIX – pervoi chetverti KhKh vv.* Kazan: Kazan University Press. 2003. 283 p. (in Russian)
- Shabley P. *Musulmane goroda Tary i Kazakhskaya step: sotsiokulturnye vzaimodeystviya v XIX – nachale XX veka.* From the History and Culture of the Peoples of the Middle Volga Region. 2021. Vol.1, no.11, pp.104-114. (in Russian)
- Yakhin F. *Tatarskaya literatura v periodicheskoi pechati Uralskaya (1905-1907 gg.).* Kazan: Tatar Book Publishing House. 1992. 125 p. (in Russian).

Information about the authors

Pavel Sergeevich Shabley – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kostanai branch of Cheliabinsk State University, 168A Borodina St., 110000, Kostanai, Kazakhstan, <http://orcid.org/0000-0001-6182-751X>, pavel-shablei@list.ru

Zhaslan Yesseyevich Nurbayev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Maqsut Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8, 010000, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-4862-6152>, zhasulannurbayev@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Павел Сергеевич Шаблей – тарих ғылымдарының кандидаты, доценті, Челябині мемлекеттік университетінің Қостанай филиалы, Бородин көшесі, 168а, 110000, Қостанай, Қазақстан, <http://orcid.org/0000-0001-6182-751X>, pavel-shablei@list.ru

Жасұлан Есейұлы Нұрбаев – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8, 010000, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0003-4862-6152>, zhasulannurbayev@gmail.com

Сведения об авторах

Павел Сергеевич Шаблей – кандидат исторических наук, доцент, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, ул. Бородина, 168А, 110000, Костанай, Казахстан, <http://orcid.org/0000-0001-6182-751X>, pavel-shablei@list.ru

Жаслан Есеевич Нурбаев – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Maqsut Narikbayev University, Коргалжинское шоссе, 8, 010000, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-4862-6152>, zhasulannurbayev@gmail.com

Authors' Contributions

Shablei P. – writing a text and critically reviewing its content;

Nurbayev Zh. – significant contribution to the concept and design of the work; collection, analysis and interpretation of the results of the work.

Авторлардың қосқан үлесі

Шаблей П. – мәтін жазу және оның мазмұнын сыни тұрғыдан қайта қарау;

Нұрбаев Ж. – жұмыстың тұжырымдамасы мен ресімделуіне елеулі үлес; жұмыс нәтижелерін жинау, талдау және түсіндіру.

Вклад авторов

Шаблей П.С. – написание текста и критический пересмотр его содержания;

Нурбаев Ж.Е. – значительный вклад в концепцию и оформление работы; сбор, анализ и интерпретация результатов работы.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ **Раскрытие информации о конфликте интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.06.2026.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 10.08.2026.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.09.2026.

Review / Сын-пікір

IRSTI 03.09.03

<https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-223-229>

**Nomads and the Rise of Eurasian Empires and Civilizations
(a review of the monograph by Kenneth W. Harl. Empires of the Steppes:
The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation. London: Bloomsbury
Publishing, 2023)**

G. Zhumatay^a✉, A. Yskak^a

^aNarxoz University, Almaty, Kazakhstan

^a✉gabit.zhumatay@narxoz.kz

**Көшпелілер және Еуразия империялары мен өркениеттерінің
қалыптасуы (Кеннет В. Харлдың “Дала империялары: өркениетті
қалыптастырған көшпелі тайпалар” (Лондон: Bloomsbury Publishing,
2023) монографиясына сын-пікір)**

Ғ. Жұматай^a, А. Ысқақ^a

^aНархоз Университеті, Алматы, Қазақстан

**Кочевники и возникновение евразийских империй и цивилизаций
(рецензия на монографию Кеннета В. Харла “Империи степей: кочевые
племена, сформировавшие цивилизацию”. Лондон: Bloomsbury
Publishing, 2023)**

Г. Жуматай^a, А. Ыскак^a

^aУниверситет Нархоз, Алматы, Казахстан

For citation: Zhumatay, G., Yskak, A. Nomads and the Rise of Eurasian Empires and Civilizations (a review of the monograph by Kenneth W. Harl. Empires of the Steppes: The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation. London: Bloomsbury Publishing, 2023). *Gumilyov Journal of History*. 2026. Vol.156, no.3, pp.223-229. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-223-229>

Сілтеме жасау үшін: Жұматай, Ғ., Ысқақ, А. Көшпелілер және Еуразия империялары мен өркениеттерінің қалыптасуы (Кеннет В. Харлдың “Дала империялары: өркениетті қалыптастырған көшпелі тайпалар” (Лондон: Bloomsbury Publishing, 2023) монографиясына сын-пікір). *Gumilyov Journal of History*. 2026. Т.156, no.3, б.223-229. <https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-223-229>

Kenneth W. Harl's “*Empires of the Steppes: The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation*” sheds light on the history of nomads, nomadic political entities and their contribution to the rise and development of societies and civilization across Eurasia. This book is a sweeping narrative and reexamination of 4,500 years of Eurasian nomads from the earliest nomadic societies to the

Empire of Tamerlane. Despite being a prominent classical historian of ancient Greek and Roman history as well as early medieval political entities such as Byzantine, Harl has ventured far beyond the limits of his scholarly training by providing an extensive and thorough narrative of Eurasian nomads and their empires. The book covers the history and social development of not only familiar and prominent nomadic empires erected by Attila, Genghis Khan and Tamerlane, but also those less-known nomadic peoples and entities such as Xiongnu, Kushans, Rouran, Northern Wei, Hephthalites, Karakhitans and others (Harl 2023: 12). The book consists of 24 chapters in which the author provides a comprehensive and vigorous narrative, analysis and evaluation of Eurasian nomads from the advent of first nomadic groups and societies in ancient times to the era of Tamerlane. The reason for Harl's choice of the Empire of Tamerlane as the last great nomadic entity is that with the demise of Tamerlane in 1405 in less than a couple of generations due to the invention of firearms and technological progress settled European nations ultimately terminated the historical and geopolitical domination of nomads, who "steadily lost their decisive role in history over the next two centuries" (Harl 2023: 12). In this case, even if nomadism and nomadic peoples continued to play a substantial role in historical development and social interactions between societies and civilizations, they came under a growing assault by technologically and economically advanced and sophisticated sedentary agrarian and urban nations of Europe and elsewhere.

The first chapter, *"The Peopling of the Eurasian Steppes,"* introduces the readers to the geography, spaces, timeline, climate, environment, ecology, and large-scale population movements driven by a number of factors, including environmental, social, economic and warfare. Harl argues that climate and environmental fluctuations and sudden changes were, in fact behind deep social and historical transformations of nomads and their ways of life. The chapter claims that the domestication of certain wild animals, specifically the domestication of horses, had a revolutionary impact on the everyday life of nomadic peoples across Eurasia, revolutionizing their mobility and perfecting their art of warfare. Besides the art of warfare of nomads, the chapter stresses the strategic significance of mobility as a powerful dimension in nomadic cultures. The spatial and geographical boundaries of nomadic steppe civilization stretched from Central Europe to Manchuria, which became vital spaces for human migration, cultural interaction, warfare and conquests. Kinship-based tribal systems determined the structural foundations of nomads and their societies. In terms of early nomadic pastoral cultures, Harl indicates the Yamnaya and Andronovo peoples, who played a decisive role in Eurasian history and civilization. Throughout the book, the author makes bold claims, challenging the existing prevalent knowledge and theories in science, history, archeology and cultural studies. Specifically, Harl questions the historical validity of the conventional assertion that the earliest nomads migrated from east to west, arguing that it was in fact quite the contrary, the mass movement of nomads occurred from west to east (Harl 2023: 32). In his view, Indo-European speaking nomadic pastoralists not only brought certain great accomplishments of human civilization such as the domesticated horse, the wheel, wheeled carts, and the nomadic lifestyle to the central and eastern Europe, their rapid expanding across the steppes of Eurasia came to shape the modern cultures, societies, languages and ethnic groups (Harl 2023: 32-33). The book asserts that nomads transformed the linguistic and cultural map of Europe and Eurasia in general, having enriched and defined the classic civilizations of ancient Greece, India and the Mideast (Harl 2023: 43). At the same time, Harl calls attention to the fact that with time passing, nomadic peoples shifted from nomadism to sedentarism. Ancient nomadic peoples like Anatolians, Tocharians, Indo-Aryans, Persians and many others changed their way of life,

abandoning nomadic lifestyle and embracing a settled one, engaging in farming and dwelling in urban centers.

Due to the space limitation, we provide a brief overview of the remaining chapters. The second chapter *"Surviving on the Eurasian Steppes"* explores pastoral nomadism, seasonal migration patterns, herd management, clan loyalties, warfare, the art of war, warrior culture and weapons of nomads (Harl 2023: 44). As nomadic peoples inhabited vast steppes of Eurasia with harsh inclement climate and inhospitable environment, their survival demanded a strict discipline, effective rule and management, communal organization, highly adaptive social systems that would foster social interaction and rapid military mobilization. The third and fourth chapters, *"Scythians and the Great King of Persia"* and *"Alexander the Great: Walling off Gog and Magog,"* look into the Scythian and other ancient nomads and their interaction and hostility towards Persians and Greeks. The third chapter narrates the Persian invasion of Scythian lands and the avoidance tactics used by the Scythians, which warranted the strategic failure of Persia owing to the strategic depth of the steppe, asymmetric warfare and the ineffectiveness of standing professional armies against mobile nomads. The fourth chapter argues that the organized, settled political entities struggled to subdue mounted nomads despite their military superiority. The fifth, sixth and seventh chapters, *"Modu Chanyu and the Great Wall of China,"* *"The Xiongnu and Chinese Emperors at War,"* and *"The Sons of Heaven and the Silk Road"* focus on the political unification of the steppe and the rise of the Xiongnu and other nomadic entities and their interaction and confrontation with China. The powerful Xiongnu under Modu Chanyu prioritized the deterrence strategy aimed at containing the Han Chinese empire in Central Asia. Besides engaging in warfare, both Han China and the Xiongnu leveraged a variety of methods in their interaction and confrontation, including the use of diplomacy, alliances, diplomatic marriages, tribute systems and appeasement. Although Han China came to perceive the Xiongnu as 'barbarians', to appease them, the Chinese had to pay tribute to them (Harl 2023: 101).

The eighth chapter, *"The Parthians, Nomadic Foes of Imperial Rome,"* draws attention to the Parthian empire, which is defined by Harl as a synthesis of nomadic and imperial traditions. Besides shedding light on the Roman-Parthian rivalry and frontier warfare, the eighth chapter discusses the Silk Road diplomacy. The ninth chapter *"Heirs of the Xiongnu: The Northern Wei"* extensively considers the process of adoption of Chinese culture, political bureaucracy and way of life by nomads, which led to their cultural assimilation and Sinicization of nomadic rulers through intermarrying, receiving a proper Chinese education, converting to Buddhism, learning to dress "proper Chinese dress, assume Chinese names, and speak Chinese" (Harl 2023: 153). The tenth chapter, *"The Hephthalites: Huns in Iran,"* focuses on the Hephthalites, their wars and hostility to neighboring political entities such as Sasanian Iran, India and Byzantium. Chapters eleventh, twelfth and thirteenth, *"Huns, Allies and Foes of Rome,"* *"Attila, the Scourge of God,"* and *"The Heirs of Attila and the New Rome"* trace the rise of one of the powerful nomadic peoples in the early medieval era – the Huns, who are described as the force of transformation of Europe and the Roman empire. Harl claims that despite the widespread negative portrayal of the Huns as "harbingers of the Apocalypse and European fears of the Asiatic peril", and including their ruler, especially their ruler Attila, as a barbarian, he eventually shaped medieval Europe by ensuring that "the Germanic kingdoms of the West would succeed Rome as the new order of Medieval Europe" (Harl 2023: 194-195).

The fourteenth chapter, *"Turkish Kaghans and Tang Emperors"* explores the Göktürk khaganate, its creation and historical development, relations with Tang China, trade and economic exchanges along the Silk Road, Turkic diplomacy and statecraft. Discussing Turkic

culture, identity and writing system in Orkhon inscriptions, the chapter draws attention to how Bilge Kaghan of the Eastern Turks warned his people against cultural assimilation and adopting Chinese way of life, giving guidance that Turks ought to shun buildings and urban areas and should not build cities, instead they were advised to keep their nomadic way of life, remain free and cherish freedom and “ride free over the steppes and sleep in the felt tents of the yurt” (Harl 2023: 216). The fifteenth chapter, *“Turks and the Caliphate”* delves into historical, political and cultural relations between Turkic peoples and the Islamic world of the Middle East. In the interaction between Turks and the Abbasid Caliphate the most significant worldwide event perhaps was conversion of Turks to Islam, which induced their religious transformation, cultural merge and synthesis, the perfection of military professionalism. Religious conversion forever transformed the spiritual and cultural lives of Turks, who not only became an integral part of the ummah, but also the main defenders and rulers of the Islamic world and civilization. From now on, the Seljuk Turks were not regarded as the ‘Scourge of God’, but rather as “Muslim warriors waging the steppe way of war in the name of the Sunni Caliph of Baghdad. The horsemen of the Seljuk Turks did not herald the Apocalypse. Instead, they revived Muslim power, dominated the battlefield for the next millennium, and changed the world from Britain to India” (Harl 2023: 247).

The next sixteenth chapter, *“The Seljuk Turks and Their Sultanate”* further expands the previous chapter, narrating the Battle of Manzikert (Malazgirt) in 1071 between the Byzantine emperor Romanus IV Diogenes and the Seljuk sultan Alp Arslan, in which, according to Harl, the Turks fought as warriors of Islam against the unbeliever (Harl 2023: 248). The triumph of Alp Arslan heralded the demise of Byzantine power in Anatolia and the rise of the Seljuk power and mass settlement of Turks across Asia Minor (Harl 2023: 249). The seventeenth chapter, *“The Legend of Prester John and the Gurkhans of Cathay”* narrates the events unfolding in the 11th and 12th centuries in Eurasia against the backdrop of Crusader-Muslim clashes and relations before the rise of Genghis Khan. The main focus of this chapter is Crusaders’ search for a mythical figure Prester John, who was supposedly believed to rule over a utopian empire in the East. The essence of the invention of this legendary belief of the existence of a powerful Christian ruler in the East was rooted in the hope to squeeze, overwhelm and crush the Muslim world on two fronts from the west and the east. This myth persisted over time, shaping Christendom’s worldview of the East and the Muslim world. When Yelü Dashi, Gurkhan of the Khitans, vanquished the army of the Seljuk empire under Sultan Ahmad Sanjar in 1141 near Samarkand, Crusaders came to increasingly see this event as the event delivered by Prester John (Harl 2023: 267).

The remaining chapters focus on the rise of Genghis Khan and the emergence of his vast empire across the steppes of Eurasia and the conquests of Genghis Khan and his successors. These chapters also explore the successor states of Genghis Khan and their relations with other political entities across Eurasia. The eighteenth chapter, *“From Temujin to Genghis Khan”* and the nineteenth chapter, *“Genghis Khan, the World Conqueror,”* examine how Temjuin, known as Genghis Khan, transformed the Mongol tribes into a great nation and a global empire (Harl 2023: 180-181). Having emphasized Genghis Khan’s genius for organization and statecraft, Harl considers him a historical figure who was able to build the most formidable nomadic empire in history. Although Genghis Khan had destroyed and obliterated urban centers of the Khwarazmian Empire and other political rivals, Harl claims that the Mongols exhibited their innovative approach to statecraft and organization. Western Christendom rejoiced at Genghis Khan’s military victories over Muslim states, likening the Mongols to the warriors of Prester John. Yet Western Christians were shocked when the same Mongols invaded Europe under Batu, a grandson of Genghis Khan, twenty years later (Harl 2023: 312). The twentieth chapter,

"Batu and the Devil's Horsemen", the twenty-first chapter *"The Mongol Sack of Baghdad,"* and the twenty-second chapter *"Kublai Khan and the Unification of China"* explore Mongol conquests of Eastern Europe, Kievan Rus, Russian lands, the Abbasid Caliphate and Song China. Russian and Soviet historiography defined the Mongol conquest of Russian lands as "the beginning of Russia's three centuries under the Tartar yoke" (Harl 2023: 315).

When the Mongols invaded Europe, Pope Gregory IX declared a crusade against them (Harl 2023: 329). The next Pope, Innocent IV, preferred diplomacy to war and hoped to convert the Mongol rulers to Christianity with the intent to transform them into a mighty crusader army that would defeat Muslims and retrieve Jerusalem for Western Christendom (Harl 2023: 329). The Mongol siege and sack of Baghdad in 1258 under Hulagu, a grandson of Genghis Khan, profoundly shocked the Islamic world, yet this tragic event was celebrated in Western Christendom (Harl 2023: 331). Although Hulagu was an enemy of Islam whose army deliberately destroyed Muslim urban centers, mosques, libraries and schools, Berke, a grandson of Genghis Khan and the Khan of Golden Horde, embraced Islam and sought an alliance with other Muslim states against Hulagu (Harl 2023: 331). However, the destruction of Baghdad and the Abbasid Caliphate by Hulagu is assessed by the author as a transition to a new regional and continental order. Another grandson of Genghis, Kublai Khan, directed his attention to Song China, having succeeded in conquering and ruling the country. Kublai Khan and his successors feared and avoided cultural assimilation and Sinicization, trying to keep their distinct nomadic Mongol identity (Harl 2023: 362-363). The twenty-third *"Papal Envoys, Missionaries, and Marco Polo"* describes political and cultural interactions and relations between Western Christendom and the Mongol empire.

The last twenty-fourth chapter, *"Tamerlane, Prince of Destruction,"* extensively narrates and evaluates the last great nomadic empire of Eurasia ruled by Tamerlane. Harl draws attention to the fact that the Soviet regime inherited tsarist Russia's Eurocentric colonial and Orientalist worldviews vis-à-vis the easterners and nomads (Harl 2023: 387). One of the key reasons for exhuming Tamerlane's body by the Russian Soviet scholar Gerasimov in 1941 was to substantiate the validity of scientific assertion and racial theory of the savagery of Tamerlane and that he was "a Mongoloid barbarian conqueror" (Harl 2023: 387). Despite having been known in Western Christendom as the *"Prince of Destruction"* and in Russia as a ruthless barbarian Mongol conqueror and fanatical Muslim invader, Tamerlane is portrayed by the author as a "product of the high civilization of Eastern Islam" (Harl 2023: 388). Moreover, although Tamerlane was himself of a nomadic origin, he invested in building a flourishing settled society and urban areas. Furthermore, Harl claims that although Tamerlane may be regarded as the equal to Genghis Khan on the battlefield, his empire did not survive his death and soon declined and fractured, having represented the culmination and termination of the *"Eurasian nomads' military dominance of over two millennia"* (Harl 2023: 407). It should also be noted that the long domination of nomads came to an end due to the rise of Europe and the invention of artillery and firearms.

In the last section of the book *"Epilogue: Nomadic Conquerors: Achievements and Legacies,"* Harl puts forth his views and assessment of Eurasian nomads and their empires for over 4,500 years. First and foremost, he challenges deep-entrenched Eurocentric stereotypes and biases against nomadism and nomads. Since ancient times, in the worldviews of Europeans and other settled societies, nomads have historically and traditionally been viewed as "backward", "primitive", "uncivilized", "barbarian" savages, troublemakers and destroyers of cultures and civilizations. In this regard, Harl notes that nomads "were forever condemned in the writings of historians of the urban literate civilizations as rapacious barbarians, ignorant of agriculture and prone to violence. The stereotype has persisted to this day" (Harl 2023: 49). In his view, nomads,

especially Genghis Khan and his successors, were not mere brutes and primitive savages; they were transmitters of knowledge, cultures, religions, ideas and technologies (Harl 2023: 410). The author also depicts them as the founders of the modern global political and economic order. In particular, he claims that the modern age came into being thanks to the Mongol legacy.

It is evident that this is an informative, fascinating and useful book, yet its certain limitations ought to be emphasized as well. Although Harl attempts to distance himself from Eurocentrism, challenging deficient Western-centric worldviews of nomads and highlighting the positive contributions of nomads to civilization and the modern world, he seems to have failed to free himself from Western sedentary prejudices against nomads, extensively applying old Western tropes such as “barbarians” and “savages” in the book. Moreover, the author’s assertion that the movement of populations across Eurasia was not from the east to the west and Indo-European speaking pastoralists brought to Inner Eurasia the achievements of human civilization seem to be questionable. Despite these and other possible limitations, this book by Harl deserves a wide readership and readers will benefit from his lucid and detailed narrative of Eurasian nomads and their empires. The significance of the book is also evident against the backdrop of growing interest in the nomadic past and the efforts to depict Kazakhstan as an heir to the Golden Horde.

References

Harl K.W. *Empires of the Steppes: The Nomadic Tribes Who Shaped Civilisation*. London: Bloomsbury Publishing. 2023. 572 p.

Information about the authors

Gabit B. Zhumatay – Candidate of Historical Sciences, Professor, School of Law and Public Policy, Narxoz University, Zhandosov St. 55, 050035, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-0468-8538>, gzhumatay@gmail.com

Akmaral S. Yskak – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, School of Arts and Social Sciences, Narxoz University, Zhandosov St. 55, 050035, Almaty, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0003-3998-584X>, sakmaral7@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Ғабит Бекенұлы Жұматай – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті, Құқық және мемлекеттік басқару мектебі, Жандосов көшесі, 55, 050035, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0003-0468-8538>, gzhumatay@gmail.com

Ақмарал Сыдығалықызы Ысқақ – тарих ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті, Гуманитарлық мектебі, Жандосов көшесі, 55, 050035, Алматы, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0003-3998-584X>, sakmaral7@gmail.com

Сведения об авторах

Габит Бекенулы Жуматай – кандидат исторических наук, профессор, Университет Нархоз, Школа права и государственного управления, ул. Жандосова, 55, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-0468-8538>, gzhumatay@gmail.com

Акмарал Сыдыгалыкызы Ыскак – доктор исторических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Гуманитарная школа, ул. Жандосова, 55, Алматы, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-3998-584X>, sakmaral7@gmail.com

Authors' Contributions

The authors have made an equal contribution to the collection, analysis and writing of the article.

Авторлардың қосқан үлесі

Авторлар мақаланы жинауға, талдауға және жазуға тең үлес қосты.

Вклад авторов

Авторы внесли равноценный вклад в сбор, анализ и написание статьи.

Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 23.06.2026

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: <https://jhistory.enu.kz>

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: <https://jhistory.enu.kz>

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: <https://jhistory.enu.kz>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования
в журнале и на сайте журнала.

Gumilyov Journal of History

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
Қ. Байтанасова – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М. Амалбекова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – K. Baitanasova
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – M. Amalbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редакция текстов – К. Байтанасова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редакция текстов на русском языке – М. Амалбекова

Түпнұсқа макет Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті КеАҚ дайындалды
Жариялану күні 10.09.2026 жылы. Пішім 84×108 1/16
Шартты б.т. 14,4. Cambria гарнитурасы

Original layout prepared at the Non-profit joint-stock company L.N. Gumilyov Eurasian National
University
Publication date 10.09.2026. Format 84×108 1/16
Printed sheet 14,4. Cambria headset

Оригинал-макет подготовлен в НАО Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева
Дата выхода в свет 10.09.2026 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п.л. 14,4. Гарнитура Cambria

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008, Қазақстан, Астана Сатпаева, к-сі, 2
Editorial office, publishing house-address of the founder: 010008, Kazakhstan, Astana, K. Satpayev str., 2
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Сатпаева, 2